

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2023 Том 23 № 2

В номере: **Контурсы незападного миротворчества**

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Д.А. Дегтерев, доктор политических наук,
кандидат экономических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора

К.П. Курылев,
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kyulev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.С. Чикризова, кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Д.П. Елагин (экономика), РУДН, г. Москва, РФ; кандидат исторических наук *М.М. Агазаде* (история), РУДН, г. Москва, РФ;
кандидат исторических наук *М.А. Никулин* (политика), РУДН, г. Москва, РФ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амитаб, профессор международных отношений Школы международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США
Беллами Алекс Дж., директор Азиатско-Тихоокеанского центра ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов, Университет Квинсленда, Австралия; старший советник-нерезидент, Международный институт мира, г. Нью-Йорк, США
Бехера Наврита Чадха, профессор кафедры политических наук, Университет Дели, г. Нью-Дели, Индия
Бонд Патрик, профессор, Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР
Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, профессор кафедры востоковедения, МГИМО МИД России; директор, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, г. Москва, Российская Федерация
Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация
Иррера Даниела, доцент кафедры политических и социальных наук, Университет Катании; генеральный секретарь Итальянской Ассоциации политических наук, г. Катания, Италия
Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов, РАНХиГС; профессор департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация
Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений кафедры политических наук, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия
Миттельман Джеймс, профессор Школы международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США
Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация
Мотоки Такахаси, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества, Университет Кобе; президент Японского общества по международному развитию, г. Кобе, Япония
Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация
Саква Ричард, доктор политических наук, профессор, Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания
Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация
Тикнер Арлин Б., профессор факультета политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия
Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора, Институт Африки РАН; заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, г. Москва, Российская Федерация
Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор, Государственный университет Сан-Франциско, США
Чугров Сергей Владимирович, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация
Шабазга Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2023—2024 г. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи краткого резюме статьи	Срок подачи полного текста статьи
№ 4 2023	100-летие Турецкой Республики	До 1 марта 2023 г.	До 15 июня 2023 г.
№ 1 2024	Международные и региональные исследования: от теории к практике	До 1 июля 2023 г.	До 15 ноября 2023 г.
№ 2 2024	Поворот России на Восток	До 1 ноября 2023 г.	До 15 января 2024 г.
№ 3 2024	Глобальная стратегия КНР	До 1 января 2024 г.	До 15 апреля 2024 г.
№ 4 2024	Сохранение идентичности в глобальном мире	До 1 марта 2024 г.	До 15 июня 2024 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова

Редакторы англоязычных текстов **А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова**

Компьютерная верстка **Н.А. Ясько**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 09.06.2023. Выход в свет 19.06.2023.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 669. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2023 VOLUME 23 No. 2

In this issue: **Contours of Non-Western Peacekeeping**

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Denis A. Degterev
RUDN University, Moscow, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

Denis P. Elagin (Economics), RUDN University, Moscow, Russia; PhD in History **Mirmehdi M. Aghazada** (History), RUDN University, Moscow, Russia; PhD in History **Maxim A. Nikulin** (Politics), RUDN University, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland, Australia, Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Leonid L. Fituni, Doctor of Economics, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head, Centre for Global and International Studies, Moscow, Russian Federation

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by RUDN University, Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Russian Index of Science Citation, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN. International Relations* for 2023—2024 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the abstracts	Deadline for the full texts
No. 4 2023	100th Anniversary of the Republic of Türkiye	By March 1, 2023	By June 15, 2023
No. 1 2024	International and Regional Studies: From Theory to Policy Science	By July 1, 2023	By November 15, 2023
No. 2 2024	Russia's Turn to the East	By November 1, 2023	By January 15, 2024
No. 3 2024	China's Global Strategy	By January 1, 2024	By April 15, 2024
No. 4 2024	Preserving Identity in a Global World	By March 1, 2024	By June 15, 2024

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor I.L. Pankratova

English text editors *A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova*
Computer design *N.A. Yasko*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya St, 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Контуры незападного миротворчества

Кавешников Н.Ю. Справедливость при урегулировании региональных конфликтов: анализ стратегии России в 1992—2021 гг.	215
Шевчук Н.В. Роль российского миротворчества в процессе приднестровского урегулирования	228
Сысоева Р.В. Январские события 2022 г. и миротворческая операция ОДКБ в Казахстане	241
Хонрада Г.Дж.П., Бокерия С.А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма	253
Вершинина В.В., Колдунова Е.В., Кушлин Н.С. Юго-Восточная Азия: подходы к миротворчеству и разрешению конфликтов	265
Ранджбар Д., Чикризова О.С. «Позитивный мир» в исламском восприятии международных отношений: пример внешней политики Ирана	278
Борзова А.Ю., Медина Гонзалес В.К. Роль посредничества в урегулировании конфликтов между Эквадором и Перу	296

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Бокерия С.А., Киамба А. Партнерство ООН и Африканского союза в реализации повестки дня «Женщины, мир и безопасность»: политика, форматы и стратегии	307
Исаев Л.М., Шишкина А.Р., Лиюкумович Я.Б. Российская политика секьюритизации в Африке: анализ африканских СМИ	322
Худайкулова А.В. Регионализация миротворчества в Африке: опыт Африканского союза	339
Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И. Роль военной дипломатии во внешней политике КНР в Южно-Китайском море	358

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мазов С.В. Миротворческая роль Организации африканского единства во время гражданской войны в Нигерии в 1967—1970 гг.	372
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Амухаева С.А. Book Review: Charbonneau, B., & Ricard, M. (Eds.). (2022). Routledge Handbook of African Peacebuilding. Routledge, 308 p. (Амухайя К.А. Рецензия на книгу: Routledge Handbook of African Peacebuilding / ed. by B. Charbonneau, M. Ricard. Routledge, 2022. 308 p.)	393
Мелконян Л.А. Рецензия на книгу: Fujishige H.N., Uesugi Y., Honda T. Japan's Peacekeeping at a Crossroads: Taking a Robust Stance or Remaining Hesitant? Palgrave Macmillan, 2022. 264 p.	397
Honrada G.J.P. Book Review: Salleh, A., & Idris, A. (2021). Malaysia's United Nations Peacekeeping Operations (1960—2010). Springer, 231 p. (Хонрада Г.Дж.П. Рецензия на книгу: Salleh A., Idris A. Malaysia's United Nations Peacekeeping Operations (1960—2010). Springer, 2021. 231 p.).....	401
Bayeh E. Book Review: Markakis, J., Schlee, G., & Young, J. (2021). The Nation State: A Wrong Model for the Horn of Africa. Berlin: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 184 p. (Байе Э. Рецензия на книгу: Markakis J., Schlee G., Young J. The Nation State: A Wrong Model for the Horn of Africa. Berlin: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 2021. 184 p.)	404

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: Contours of Non-Western Peacekeeping

Kaveshnikov N.Yu. Justice in the Process of Regional Conflict Settlement: Analysis of Russia's Strategy, 1992—2021.....	215
Shevchuk N.V. Role of Russian Peacekeeping in the Pridnestrovian Settlement Process	228
Sysoyeva R.V. 2022 January Events and CSTO Peacekeeping Mission in Kazakhstan	241
Honrada G.J.P., Bokeriya S.A. The Shanghai Spirit and the ASEAN Way as the Foundations of a New Regionalism	253
Vershinina V.V., Koldunova E.V., Kuklin N.S. Southeast Asian States' Approaches to Peacekeeping and Conflict Resolution	265
Ranjbar D., Chikrizova O.S. Positive Peace in the Islamic Perspective of International Relations: The Case of Iran's Foreign Policy	278
Borzova A.Yu., Medina Gonzalez V.X. The Role of Mediation in Resolving Conflicts Between Ecuador and Peru	296

INTERNATIONAL SECURITY

Bokeriya S.A., Kiamba A. The UN — African Union Partnership on the Women, Peace and Security Agenda: Frameworks, Policies and Strategies	307
Issaev L.M., Shishkina A.R., Liokumovich Y.B. Russian Policy of Securitization in Africa: Features of Perception	322
Khudaykulova A.V. Regionalization of Peacekeeping in Africa: The Case of the African Union	339
Mosyakov D.V., Shpakovskaya M.A., Ponka T.I. Role of Military Diplomacy in the PRC's Foreign Policy in the South China Sea	358

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Mazov S.V. The Peacekeeping Role of the Organization of African Unity During the Nigerian Civil War, 1967—1970	372
---	-----

BOOK REVIEWS

Amuhaya C.A. Book review: Charbonneau, B., & Ricard, M. (Eds.). (2022). <i>Routledge Handbook of African Peacebuilding</i> . Routledge, 308 p.	393
Melkonyan L.A. Book review: Fujishige, H.N., Uesugi, Y., & Honda, T. (2022). <i>Japan's Peacekeeping at a Crossroads: Taking a Robust Stance or Remaining Hesitant?</i> Palgrave Macmillan, 264 p.	397
Honrada G.J.P. Book review: Salleh, A., & Idris, A. (2021). <i>Malaysia's United Nations Peacekeeping Operations (1960—2010)</i> . Springer, 231 p.	401
Bayeh E. Book review: Markakis, J., Schlee, G., & Young, J. (2021). <i>The Nation State: A Wrong Model for the Horn of Africa</i> . Berlin: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 184 p.	404

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Контуры незападного миротворчества

THEMATIC DOSSIER: Contours of Non-Western Peacekeeping

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-215-227

EDN: JFXLBY

Научная статья / Research article

Справедливость при урегулировании региональных конфликтов: анализ стратегии России в 1992—2021 гг.

Н.Ю. Кавешников

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Институт Европы РАН, Москва, Российская Федерация

 n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru

Аннотация. Исследования в области урегулирования региональных конфликтов редко затрагивают проблематику справедливости. В данной работе предпринята попытка выявить, какое понимание международной справедливости лежало в основе действий России как посредника в урегулировании региональных конфликтов. Проведено исследование доминирующих в России взглядов на суть справедливости в международных отношениях. В контексте трех концепций глобальной справедливости и учета фактора национальных интересов исследована активность России в области миротворчества и урегулирования конфликтов с акцентом на постсоветское пространство в целом и приднестровский конфликт в частности. Показано, что в России доминирует понимание международной справедливости, соответствующее концепции субъективной справедливости Аллена Бьюкенена. С точки зрения Москвы, международная справедливость — это набор правил, выработанных в процессе переговоров на основе консенсуса между великими державами. В рамках этой логики справедливое урегулирование регионального конфликта возможно на основе консенсуса сторон конфликта и в соответствии с интересами заинтересованных глобальных и региональных держав. Для Москвы основное значение имеет справедливость взаимодействия великих держав по поводу урегулирования регионального конфликта и влияние, которое урегулирование конфликта окажет на формирование справедливого международного порядка. В исследованный период активность России в сфере конфликтного урегулирования на постсоветском пространстве в целом соответствовала модели справедливости как взаимного признания, но при абсолютном приоритете национальных интересов. Стратегия урегулирования региональных конфликтов на постсоветском пространстве была вписана в широкий контекст взаимоотношений со странами Запада и эволюционировала вслед за изменением этих отношений.

Ключевые слова: справедливость, региональные конфликты, урегулирование региональных конфликтов, миротворчество, внешняя политика России

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кавешников Н.Ю., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Кавешников Н. Ю. Справедливость при урегулировании региональных конфликтов: анализ стратегии России в 1992—2021 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 215—227. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-215-227>

Justice in the Process of Regional Conflict Settlement: Analysis of Russia's Strategy, 1992—2021

Nikolay Yu. Kaveshnikov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
[✉n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru](mailto:n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru)

Abstract. Research in the field of regional conflict resolution rarely touches on the issue of justice. This paper aims to identify what understanding of international justice underlies Russia's actions as a mediator/peacekeeper in the process of regional conflict resolution in the 1990s—2010s. The study also contributes to the understanding of Russia's foreign policy by clarifying Moscow's views on the essence and parameters of a just global order. The paper provides a study of the dominant Russian views on the essence of justice in international relations. It offers an insight into Russia's peace-making and conflict resolution activities in the context of the three concepts of global justice and taking into account the factor of national interests. The study concludes that the dominant understanding of international justice in Russia is that which corresponds to Allen Buchanan's concept of subjective justice. In Moscow's view, international justice is a set of rules developed in the process of consensus driven negotiations between the great powers. According to this logic, a just settlement of the regional conflict is possible only on the basis of the consensus of the parties to the conflict and in accordance with the interests of the global and regional powers concerned. The fair interaction of the great powers in the settlement of the regional conflict and the impact that the conflict resolution could have on the development of the international order were of crucial importance for Moscow within the period under consideration. Moscow's activity in the conflict resolution in the post-Soviet space generally corresponded to the model of justice as mutual recognition, but with absolute priority of Russian national interests. The strategy for resolving regional conflicts in the post-Soviet space could only be understood in the broad context of relations with Western countries and has changed in line with the development of these relations.

Key words: justice, regional conflicts, conflict resolution, peacekeeping, Russian foreign policy

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Kaveshnikov, N. Yu. (2023). Justice in the process of regional conflict settlement: Analysis of Russia's strategy, 1992—2021. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 215—227. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-215-227>

Введение

Справедливость не часто является объектом исследований в области международных отношений в целом и в рамках изучения процессов урегулирования региональных конфликтов в частности. В контексте урегулирования региональных конфликтов исследователи уделяют основное внимание типологии конфликтов, анализу интересов и ресурсов их участников, формам международного вмешательства, стратегиям внешних акторов в процессе урегулирования конфликтов, эффективности урегулирования (см., например: (Никитин, 2017)).

Все же проблематика «справедливости», скорее в неявной, чем в явной форме, неизбежно присутствует в исследованиях. Как отмечал Ричард Рубинштейн, «стремление к справедливости воодушевляет тех, кто работает в этой области [урегулирования конфликтов. — Прим. авт.], хотя некоторые факторы мешают открыто обсуждать эти вопросы», так как исследователи не хотят казаться «путаниками» (*woolly minded*), а практики — утопистами (Rubenstein, 1999, p. 1). Однако в подавляющем большинстве случаев оценка «справедливости» дается с точки зрения участников конфликта. Как правило,

за рамками исследований остается вопрос о том, что именно считают справедливым посредники, содействующие конфликтному урегулированию. Среди концептуальных исследований на эту тему можно упомянуть лишь работы Оливера Ричмонда (Richmond, 2018) и Яна Шапира (Shapiro, 2010). В числе редких эмпирических исследований следует отметить работу Андерса Перссона (Persson, 2015).

Для нашего эмпирического исследования мы использовали аналитическую схему, разработанную в рамках проекта ГЛОБУС (Eriksen, 2016; Sjørnsen, 2017; Tomić & Tonra, 2018). Цель проекта — критическое осмысление вклада ЕС в укрепление глобальной справедливости¹. В этой схеме сформулировано три концепции глобальной справедливости: недоминирование, беспристрастность и взаимное признание (базовые элементы операционализации приведены в таблице).

Справедливость как недоминирование основана на принципах Вестфальской системы международных отношений, прежде всего на принципах государственного суверенитета, нерушимости границ и невмешательства.

Справедливость как беспристрастность акцентирует внимание на универсальности прав и свобод личности в их западном понимании и опирается на институты глобального управления как инструмент их обеспечения. В этом контексте основное внимание уделяется не взаимодействию с государствами, а упрочению международных (иногда, по сути, наднациональных) структур и процедур защиты индивидов и представления их обоснованных требований справедливости и защиты.

Справедливость как взаимное признание подчеркивает неизбежность различий и неравенства в современном мире. Она предполагает опору на консенсусные делиберативные структуры глобального управления, нацеленные обеспечить более равный доступ к глобальным благам и глобальному управлению.

Выбор этой аналитической схемы для нашего исследования обусловлен тем, что она

устанавливает четкую связь между общим пониманием справедливости и действиями государства в качестве посредника / миротворца в региональных конфликтах. Также достоинством такой схемы является четкая операционализация трех вышеназванных концепций: сформулирован ряд параметров, описывающих поведение актора (государства-посредника), придерживающегося того или иного понимания справедливости. Это позволяет легко использовать данную схему для эмпирических исследований.

Три концепции глобальной справедливости

Критерий	Недоминирование	Беспристрастность	Взаимное признание
Причина действий посредника / миротворца	Благотворительность	Моральный долг	Защита уязвимых элементов глобальной / региональной / общественной системы отношений
Акторы, чьи требования о справедливости и безопасности считаются законными и обоснованными	Государства	Индивиды	Группы, индивиды, государства
Принцип действия	Невмешательство во внутренние дела государств	Приоритет автономии и интересов личности	Добросовестный разбор ситуации («слушание дела»)
Ключевой принцип организации системы международных отношений	Суверенитет государств (внешний аспект суверенитета)	Защита прав человека	Взаимность, взаимодействие
Институциональная организация системы международных отношений	Многосторонняя	Наднациональная	Совместная

Источник: составлено автором на основе: (Eriksen, 2016; Sjørnsen, 2017; Tomić & Tonra, 2018).

¹ Reconsidering European Contributions to Global Justice (GLOBUS). URL: <https://www.globus.uio.no> (accessed: 09.08.2022).

Легко сформулировать, каким образом три концепции глобальной справедливости определяют целеполагание посредника в ходе конфликтного урегулирования. С точки зрения недоминирования справедливым является безусловный приоритет нерушимости границ, что подразумевает неприемлемость любых проявлений сепаратизма. Справедливость как беспристрастность не исключает, что границы могут быть изменены, если защита жизни людей, их благосостояния и прав невозможна в рамках существующих границ. Справедливость как взаимное признание предполагает внимание к причинам конфликта, в частности к дисбалансам власти, благосостояния и т. п. Задача конфликтного урегулирования — разрешить накопившийся комплекс взаимных претензий за счет основанного на консенсусе диалога, при этом изменение границ не исключено, но является лишь одним из вариантов разрешения глубинных противоречий.

Цель работы — выяснить, какое понимание справедливости лежало в основе реализуемой Россией стратегии посредничества / миротворчества в процессе урегулирования региональных кризисов в 1990—2010-е гг.² Также исследование вносит вклад в понимание внешней политики России за счет уточнения взглядов Москвы на суть и параметры справедливого мирового порядка.

Перед началом исследования по существу следует сделать три принципиальные оговорки. Во-первых, три вышеперечисленные концепции справедливости представляют собой идеальные типы, в реальности их невозможно наблюдать в чистой форме.

² Мы рассматривали лишь те кейсы, где Россия играла роль посредника в строгом смысле, а российское военное присутствие в регионе конфликта имело статус миротворческой операции. Это естественным образом выводит из сферы исследования начавшийся в 2014 г. конфликт на юго-востоке Украины. Временные рамки исследования (до 2021 г.) связаны с тем, что эскалация российско-украинского конфликта привела к кардинальному переосмыслению внешнеполитической стратегии России. Для ответа на вопрос о том, в какой степени это привело к трансформации деятельности России в качестве посредника в региональных конфликтах, необходимы дополнительные исследования на дополнительном эмпирическом материале.

Во-вторых, стратегия актора основывается не только на его понимании справедливости, но и на прагматических соображениях, в частности на понимании пределов возможного. В-третьих, в реальной политике нормативный аспект неизбежно должен быть сбалансирован с интересами. У разных акторов международных отношений этот баланс выстроен по-разному в зависимости, прежде всего, от внутривнутриполитических факторов, особенностей политической культуры, объема доступных ресурсов и места в международной системе. Последнее соображение имеет особое значение при анализе внешней политики России.

Российский взгляд на справедливость в международных отношениях

Для понимания российского дискурса о справедливости в международных отношениях принципиально важно одно из классических противопоставлений: взаимная справедливость (*reciprocity justice*) и субъективная справедливость (*subject-centered justice*). Аллен Бьюкенен формулирует это различие следующим образом: «субъективная справедливость» — это нормативные принципы индивидуального актора (группы), которые этот актор считает наиболее правильными в сравнении с тем, как справедливость трактуют другие акторы (Buchanan, 1990). Такое понимание основано на подразумеваемом или явно проговариваемом превосходстве данного актора над другими: цивилизованный белый человек и «дикий туземец», демократическая страна и страна, еще не построившая демократию, и т. п.

Этому противопоставляется понятие «взаимная справедливость», трактуемая не как некий нормативный абстрактный идеологический принцип, который априори не может быть разделяем всеми, но как основанные на соглашениях субъектов правила взаимодействия.

Россия является (как минимум претендует на статус) глобальной державой и поэтому уделяет большое внимание базовым характеристикам международного порядка. В русле доминирующей в российской политической мысли концепции реализма важнейшим

признаком (не)справедливости международного порядка является степень защиты главного национального интереса — безопасности.

Абсолютное большинство оценок (не)справедливости международного порядка опираются на концепцию взаимной справедливости. Это редко проговаривается вслух именно потому, что имплицитно подразумевается как одна из основ внешнеполитической идеологии. Такое понимание справедливости прослеживается во всех официальных документах последних десятилетий. К примеру, Концепция внешней политики 2008 г. в числе основных целей внешней политики называла «установление справедливого и демократического миропорядка, основанного на *коллективных* началах... а также на *равноправных* и партнерских отношениях между государствами (курсив наш. — Н.К.)»³.

А.Д. Богатуров, рассматривая три поколения внешнеполитических доктрин России, в центр своего анализа поместил два понятия: солидарность и ресурсы. В первой половине 1990-х гг. внешняя политика Москвы строилась из предпосылки «демократической солидарности», то есть когда все демократические страны, включая Россию, «станут вести себя солидарно, считаясь друг с другом, как и полагается государствам, имеющим общие интересы» (Богатуров, 2007). В этом контексте солидарность одновременно означала и «коллективно», и «справедливо». Интерпретируя политику Запада в 1990-е гг. как несправедливость, иногда даже как обман, современные российские политики и большинство экспертов считают это одним из важнейших факторов трансформации внешней и внутренней политики России в 2000-е гг.

В российском дискурсе взаимная справедливость и субъективная справедливость выступают не только как различающиеся, но и как антагонистические трактовки справедливости. На этом основана общепринятая оценка современного однополярного международного порядка: он не только не соответствует

интересам России, но и фундаментально несправедлив. Характерно высказывание президента В.В. Путина о том, что страны Запада, поддавшись эйфории, «объективность и справедливость принесли в жертву политической целесообразности, юридические нормы подменили произвольным толкованием и пристрастными оценками»⁴.

Поэтому несправедливость современного международного порядка связывается со структурным (доминирование одной группы акторов) и ценностным (доминирующая группа присвоила себе монополию на истину в последней инстанции) параметрами⁵. Не входя в доминирующее международное общество (то есть не являясь частью коллективного Запада), Россия (как минимум находящаяся у власти элита) не готова принять транслируемые международным сообществом ценности. Для обоснования такого поведения, как правило, указываются три причины:

- 1) эти ценности не разделяются широкими слоями российского общества и элитой;
- 2) Запад регулярно использовал дискуссию о ценностях для достижения своих интересов;
- 3) Запад не готов учитывать обоснованные интересы России.

Основные характеристики справедливого, с точки зрения России, мирового порядка четко декларированы в Концепции внешней политики 2016 г. В числе приоритетов внешней политики Концепция упоминает формирование «справедливого и устойчивого мироустройства». Это «система международных отношений на основе общепризнанных норм международного права и принципов *равноправия*, взаимного уважения, *невмешательства* во внутренние дела государств в целях обеспечения *надежной и равной безопасности* каждого члена мирового сообщества

⁴ Путин В. В. Мировой порядок: новые правила или игра без правил? Выступление на XI заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 24.10.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 09.08.2022).

⁵ Бордачев Т. Сила, мораль, справедливость // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12, № 2. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/sila-moral-spravedlivost/> (дата обращения: 09.08.2022).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. 15.07.2008. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 09.08.2022).

(курсив наш. — Н.К.)). При этом основой такого устойчивого и справедливого мирового порядка Россия видела новый концерт великих держав: «Коллективное лидерство ведущих государств, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношении»⁶.

В этой связи очень характерна инициатива Владимира Путина: во время визита в Израиль 23 января 2020 г. он предложил провести встречу пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, «которые несут особую ответственность за сохранение цивилизации», для того чтобы обсудить «коллективные ответы на современные вызовы и угрозы»⁷.

Справедливый международный порядок в понимании Москвы подразумевает суверенитет государств, невмешательство во внутренние дела, равенство государств и взаимный учет законных интересов. Разумеется, имеется в виду, что в полной мере это касается лишь великих держав, поскольку только они обладают полноценным реальным суверенитетом и несут особую ответственность за стабильность и справедливость международного порядка. Только на этой основе, по мнению Москвы, возможны полноценные переговоры и выработка правил глобального мироустройства, которые в равной мере (не) устраивают всех, то есть все великие державы. Для Москвы справедливость международного порядка невозможна без права России как одной из великих держав влиять на принятие решений по важнейшим вопросам международной жизни, в первую очередь — вопросам мира и войны.

Внешнеполитическая идеология Москвы — оборонительная и консервативная. Оборонительная, поскольку Москва стремится *de facto* подтвердить те позиции, которые она *de jure* имеет как член Совбеза ООН, и

сохранить влияние в регионе ближнего зарубежья от экспансии других акторов. Консервативная, поскольку главный интерес — безопасность от внешних угроз, прежде всего угроз «жесткой безопасности», и сохранение суверенитета внутри страны. Это имеет абсолютный приоритет над интересами общественного, экономического и даже технологического развития.

Практика участия России в урегулировании региональных конфликтов

В последние годы российские воинские контингенты не участвуют в миротворческих миссиях ООН. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, Россия с начала 1990-х гг. проводила несколько собственных миротворческих операций в ближнем зарубежье, что требовало значительных ресурсов. Во-вторых, подавляющее большинство миссий ООН проводится в регионах, где Москва не имеет существенных интересов. В то же время за три десятилетия имели место несколько случаев активного участия Москвы в урегулировании кризисов за пределами СНГ, включая участие в военных миротворческих операциях.

Наиболее известный из них — косовский кризис. Не пытаясь оправдать действия С. Милошевича в отношении албанского населения, но желая предотвратить жесткие международные меры против Белграда, Москва в 1998—1999 гг. убеждала сербское руководство принять срочные меры для стабилизации обстановки, в частности прекратить вооруженные действия, обеспечить условия для возвращения беженцев, принять меры для преодоления гуманитарного кризиса и предоставить Косово широкую автономию (Примаков, 2015, с. 271—273, 301—319). В то же время Москва не готова была давать США карт-бланш на нанесение военных ударов по Сербии и настаивала, что применение силы как крайней меры возможно только на основе специальной резолюции Совета Безопасности ООН. Именно готовность США действовать вопреки возражениям Москвы и в обход Совета Безопасности «объясняет остроту реакции Москвы на авиаудары по

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России. 30.11.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 09.08.2022).

⁷ Форум «Сохраняем память о Холокосте, боремся с антисемитизмом» // Президент России. 23.01.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62646> (дата обращения: 09.08.2022).

Югославии, создававшие опасный прецедент игнорирования статуса России как обладающего правом вето постоянного члена Совета Безопасности ООН» (Загорский, 2017, с. 64)

Реакция Москвы и последующие события общеизвестны. В контексте нашей темы следует указать лишь основные мотивы участия Москвы в урегулировании конфликта: стремление сохранить влияние в регионе, а также статус великой державы и возможность на равных условиях участвовать в диалоге с другими великими державами, обеспечивать политическое решение на основе учета интересов всех участников конфликта. С точки зрения урегулирования конкретного конфликта подход Москвы выглядит как основанный на принципе недоминирования (абсолютный приоритет территориальной целостности). Однако в более широком геополитическом контексте требование диалога и равенства с другими великими державами отражает понимание справедливости как взаимного признания.

Представляет интерес дискуссия о возможности взаимодействия России и ЕС в области кризисного регулирования, имевшая место в первой половине 2000-х гг. На саммите ЕС в Севилье в 2002 г. был одобрен документ (Севильская формула) о параметрах возможного участия России в операциях ЕС по управлению кризисами⁸. Этот подход был неприемлем для России, поскольку предусматривал лишь возможность участия России в операциях, проводимых Евросоюзом. Москва настаивала на признании равного статуса сторон. Не исключая возможности участвовать в операциях ЕС, Москва хотела зафиксировать возможность участия ЕС в российских операциях, а также проведения совместных операций, что подразумевало совместное принятие политических решений и оперативное планирование (Загорский, 2017, с. 116; Данилов, 2012, с. 530). Такого рода требования очевидным образом свидетельствуют о приверженности Москвы

⁸ Presidency Report on European Security and Defence Policy // Council of European Union. June 22, 2002. P. 21—27. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/misc/71189.pdf (accessed: 09.08.2022).

пониманию справедливости как взаимного признания.

В принципе обе стороны выражали готовность к сотрудничеству. Дорожная карта по общему пространству внешней безопасности, принятая на саммите Россия — ЕС 10 мая 2005 г., предусматривала взаимодействие с целью предотвращения и урегулирования конфликтов «посредством взаимного сотрудничества, ориентированного на результат, в том числе через разработку возможных совместных инициатив», включая «регионы, прилегающие к границам России и Европейского союза»⁹. Однако обе стороны рассчитывали играть лидирующую роль в таком сотрудничестве и использовать механизмы кризисного регулирования для увеличения собственного влияния в регионе общего соседства. В преддверии подписания дорожных карт Еврокомиссия, отмечая в пресс-релизе желание расширять сотрудничество с Россией в области кризисного регулирования в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, откровенно заявляла о стремлении «к участию России в конкретных мероприятиях, а также в политическом диалоге в целях содействия усилиям, которые ЕС уже предпринимает в этих регионах»¹⁰. Фактически ЕС полностью игнорировал все действия в сфере урегулирования конфликтов, осуществляемые Россией с начала 1990-х гг., и вместо этого предлагал России подключиться к пока еще гипотетическим действиям ЕС. Стремление ЕС играть лидирующую роль в урегулировании кризисов в регионе особых интересов России было абсолютно неприемлемо для Москвы. Это стало причиной для противодействия любым попыткам подключить ЕС к идущим операциям и форматам конфликтного регулирования, в частности к переговорному процессу об урегулировании в Приднестровье (Данилов, 2012, с. 531).

⁹ «Дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности // Президент России. 10.05.2005. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3589> (дата обращения: 09.08.2022).

¹⁰ EU/Russia: The Four “Common Spaces” // European Commission. March 18, 2005. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_05_103 (accessed: 09.08.2022).

В этом контексте становится понятен единственный случай российского участия в миротворческой операции ЕС. В 2008 г. Россия направила вертолетную группу численностью около 200 военнослужащих со штатным вооружением, боеприпасами и военной техникой для участия в миссии Евросоюза *EUFOR Chad/CAR*¹¹. Решение об участии в миссии ЕС Москва приняла непосредственно после войны на Кавказе в августе 2008 г. Это был четкий сигнал, что европейский вектор внешней политики остается для России приоритетным. Участие российских военных в миссии в Чаде позволило наработать важный опыт оперативного взаимодействия. Оно также продемонстрировало, что Москва в принципе готова участвовать в операциях в рамках Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) ЕС в качестве третьей стороны. Однако на пространстве общего соседства Москва рассчитывала исключительно на равноправное сотрудничество. Это требовало создания иных механизмов совместного миротворчества, к чему ЕС оказался не готов.

Еще один пример прагматичного подхода Москвы к урегулированию кризисов — это сотрудничество с НАТО в Афганистане. В данном случае интересы России и НАТО совпадали почти полностью: обеспечить формирование в Афганистане действенной и легитимной власти, способной дать отпор «Талибану»¹², движению радикальных исламистов (Загорский, 2017, с. 112).

Также у России имелись особые интересы, связанные с пресечением наркотрафика. С 2005 г. под эгидой Совета Россия — НАТО проводилось обучение персонала антинаркотических служб Афганистана и стран Центральной Азии¹³. В 2008 г. Россия предоставила НАТО возможность транзита

военных и гражданских грузов через свою территорию¹⁴. С 2011 г. Москва по просьбе НАТО поставляла армии Афганистана военные вертолеты Ми-35 и организовала обучение афганских летчиков¹⁵. Поскольку Москва не считала Афганистан сферой особых интересов, она продемонстрировала готовность рационально взаимодействовать с НАТО и выполнять отдельные вспомогательные задачи. Подход России, основанный на понимании справедливости как взаимного признания, в данном случае оказался совместим с действиями Запада, который в афганском кейсе продемонстрировал готовность учитывать практические интересы российской стороны и вести равный диалог.

Россия последовательно играла активную роль в урегулировании конфликтов на пространстве СНГ. Три крупнейшие миротворческие операции России реализовывались в Южной Осетии, Абхазии и Приднестровье. Во всех трех случаях одна из сторон конфликта стремилась получить большую автономию или независимость, вступив в противоборство с центральной властью в лице правительств Грузии и Молдовы соответственно.

Особняком стоит конфликт в Нагорном Карабахе, который быстро трансформировался в межгосударственный конфликт между Арменией и Азербайджаном. С начала 1990-х гг. Москва аккуратно балансировала между интересами Армении и Азербайджана, демонстрируя свою беспристрастность. Это стало возможным, поскольку конфликт не рассматривался как одна из локальных точек комплексного противостояния между Россией и Западом. Наоборот, Нагорный Карабах долгое время оставался уникальным пунктом в Евразии, где российские, американские и французские дипломаты работали совместно для реализации общей цели¹⁶.

¹¹ Группа российских военнослужащих ВВС направляется в Республику Чад // РИА Новости. 14.11.2008. URL: <https://ria.ru/20081114/155009778.html> (дата обращения: 09.08.2022).

¹² Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

¹³ НАТО и Россия начинают программу обучения методам антинаркотической борьбы в Афганистане // НАТО. 04.11.2008. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_21364.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 09.08.2022).

¹⁴ Россия разрешила транзит вооружений в Афганистан // Известия. 20.11.2008. URL: <https://archive.is/20120802211817/www.izvestia.ru/news/news192704#selection-767.0-767.48> (дата обращения: 09.08.2022).

¹⁵ ФС ВТС: не путайте контракт по Ми-17В5 и создание Трастфонда с НАТО // РИА Новости. 01.06.2011. URL: <https://ria.ru/20110601/382870021.html> (дата обращения: 09.08.2022).

¹⁶ Маркедонов С. М. Нагорно-карабахское урегулирование: оправдано ли ускорение? // Российский совет

Можно выделить несколько общих черт в политике Москвы в отношении урегулирования конфликтов в Южной Осетии, Абхазии и Приднестровье.

На постсоветском пространстве Россия преследовала две стратегические цели. Во-первых, предотвратить экспорт нестабильности из соседних стран. Во-вторых, поддержать новый статус-кво в Европе с целью сохранить в зоне своих привилегированных интересов соседние с ней страны, часть из которых рассчитывала на перспективу вступления в НАТО и ЕС (Загорский, 2017, с. 64).

В начале 1990-х гг. Россия прилагала активные усилия, чтобы заморозить горячую фазу всех трех конфликтов, и даже проводила миротворческие операции, опираясь на дислоцированные в регионах конфликта вооруженные силы бывшего СССР. В целом эти действия оказались успешными, привели к установлению перемирий и стабилизации гуманитарной ситуации. Очевидным приоритетом России во всех трех случаях было предотвращение дальнейших человеческих жертв и гуманитарные мотивы.

Присутствие российских миротворцев в зонах конфликтов основывалось на договоренностях со всеми участниками конфликта и их вовлечении в мероприятия по обеспечению безопасности. Смешанные силы по поддержанию мира в Южной Осетии были созданы в 1992 г. в составе трех батальонов (российского, грузинского и южноосетинского)¹⁷. Для мониторинга ситуации была создана Смешанная контрольная комиссия. Президенты России и Молдовы подписали Соглашение о принципах мирного урегулирования в Приднестровье 21 июля 1992 г.¹⁸

по международным делам. 03.03.2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/nagorno-karabakhskoe-uregulirovanie-opravdano-li-uskorenie/?sphrase_id=41449618 (дата обращения: 09.08.2022).

¹⁷ Соглашение о принципах урегулирования грузинско-осетинского конфликта // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». 24.06.1992. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902246> (дата обращения: 09.08.2022).

¹⁸ Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой

Для поддержания мира в регионе было согласовано создание трех миротворческих контингентов России, Молдовы и Приднестровья. Также была создана Совместная контрольная комиссия в составе трех делегаций, которая должна была принимать решения консенсусом.

Размещение российского миротворческого контингента в Абхазии было основано на решении Совета глав государств СНГ от 22 августа 1994 г.¹⁹ Формально любое государство СНГ имело право принять участие по проводимой под командованием России операции, однако на практике военный контингент направила только Москва. Грузия как член СНГ регулярно поддерживала решения Совета глав государств СНГ о продлении мандата миротворческой операции.

В 1990-е гг. Россия приветствовала участие международных организаций в урегулировании кризисов. Переговоры о ситуации в Абхазии проходили под эгидой ООН при посредничестве России и с участием Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Группы друзей Генерального секретаря ООН. Меморандум 1996 г. о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между грузинской и осетинской сторонами был разработан при посредничестве России и ОБСЕ²⁰. Характерно, что российский министр по делам СНГ Б.Н. Пастухов, комментируя в 1997 г. роль ОБСЕ, отмечал: «Мы не монополизировали право на участие в урегулировании конфликта, ни к кому не испытываем ревности. Места в этом благородном деле

информации Консорциума «Кодекс». 21.07.1992. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901857454> (дата обращения: 09.08.2022).

¹⁹ Решение Совета глав государств участников Содружества Независимых Государств об использовании Коллективных сил по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта // Ассоциация ООН Грузии. 22.08.1994. URL: <https://civil.ge/ru/archives/172171> (дата обращения: 09.08.2022).

²⁰ Меморандум 1996 г. о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». 16.05.1996. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902534> (дата обращения: 09.08.2022).

хватит всем»²¹. Россия тесно сотрудничала с миссией ОБСЕ в Грузии и наблюдательной миссией ООН в Грузии до 2008 г.

Помимо этого, Россия использовала международные организации как средство легитимировать свои миротворческие операции. Например, как упоминалось ранее, размещение российского миротворческого контингента в Абхазии было проведено на основе решения Совета глав государств СНГ.

В середине 1990-х гг. Россия стремилась способствовать политическому урегулированию региональных конфликтов на основе принципа территориальной целостности Грузии и Молдовы. Эта политика, в частности, была связана с желанием не давать дополнительных аргументов сепаратистским движениям внутри России, прежде всего на Северном Кавказе. К тому же в то время Москва не рассматривала эти конфликты как элемент конкуренции между Россией и Западом. Все это объясняет действия Москвы в духе справедливости как беспристрастности (приоритет безопасности людей, готовность принять активное участие в урегулировании конфликтов, тесное взаимодействие с международными организациями).

Стратегия России начала меняться на рубеже 1990—2000-х гг. Усиление напряженности в отношениях с НАТО после военной операции в Югославии и растущее влияние ЕС на постсоветском пространстве стали основанием переосмыслить стратегию в сфере конфликтного урегулирования. Стремление Грузии вступить в НАТО и усиление прозападных (и в определенной степени антироссийских) политических сил в Молдове было воспринято в Москве как элементы антироссийского заговора, инспирированного странами Запада. С этого времени Москва использует неурегулированные региональные конфликты как инструмент поддержания зависимости указанных стран от России (Арбатова, 2019, с. 93). С концептуальной точки зрения это свидетельствует о трансформации российского понимания справедливости от беспристрастности к взаимному признанию, а также об инструментализации

конфликтов на постсоветском пространстве с целью добиться от Запада признания равенства, то есть статуса великой державы и приоритетной роли на постсоветском пространстве.

Нападение Грузии на Южную Осетию в августе 2008 г. привело к российско-грузинскому военному конфликту. В итоге Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии. Соответственно, статус российских военных контингентов в этих регионах изменился. Россия блокировала продление миссий ОБСЕ и ООН в Грузии. С того времени Приднестровье оставалось единственным кейсом российской миротворческой операции на постсоветском пространстве в строгом смысле понимания термина «миротворчество».

Эволюция российского подхода к урегулированию в Приднестровье

В контексте данного исследования особый интерес представляет эволюция подхода Москвы к приднестровскому урегулированию, которую легко видеть при сравнении «плана Примакова» и «меморандума Козака».

После того как Стамбульский саммит ОБСЕ 8—19 ноября 1999 г. увязал ратификацию адаптированного Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) с выводом российских войск из ряда регионов СНГ, в частности из Молдовы²², приднестровский вопрос был поднят в Москве на самый высокий уровень. Комиссия под руководством экс-министра иностранных дел Е.М. Примакова разработала концепцию «общего государства», или так называемый «план Примакова», который следует оценить как прагматический. Россия предложила довольно сбалансированный проект, учитывавший интересы обеих сторон конфликта. Кроме того, документ закладывал возможность частичной интернационализации миротворческой миссии при сохранении российского лидерства. После провала «плана Примакова» Россия, Украина и ОБСЕ представили новый план урегулирования, так называемый Киевский документ. Это был первый и одновременно последний

²¹ Пастухов Б. Идет движение навстречу друг другу // Независимая газета. 1997. № 88. 16 мая.

²² Стамбульский документ // ОБСЕ. 19.11.1999. URL: <https://www.osce.org/ru/mc/39573> (дата обращения: 09.08.2022).

проект, который выражал консолидированную позицию посредников. Даже после его провала Москва сохраняла приверженность идее интернационализации процесса политического урегулирования, что позволило в 2002 г. создать новый формат переговоров «5+2».

С учетом геополитических соображений (создание устойчивого режима контроля над обычными вооружениями в Европе) и в контексте позитивной динамики отношений с Западом Россия прилагала последовательные усилия для политического урегулирования конфликта в Приднестровье в 2000—2002 гг. РФ выступала в роли честного посредника и даже оказывала ограниченное давление на своего клиента в лице Приднестровской Молдавской Республики (Девятков, 2012). В действиях России видны элементы понимания справедливости как беспристрастности, такие как поддержка усилий по интернационализации конфликта и увязка процесса урегулирования с обеспечением безопасности в регионе. Также заметны элементы понимания справедливости как взаимного признания: попытки вести открытый и равный диалог со всеми сторонами конфликта и создание эффективных форматов переговоров.

Отказ стран Запада ратифицировать адаптированный ДОВСЕ подтолкнул Москву оценить ситуацию в сфере безопасности в Европе уже сквозь призму конкуренции. В этом контексте политика Москвы в отношении Молдовы и приднестровского урегулирования стала строиться на противодействии риску расширения НАТО, угрозе румынизации и медленно, но поступательно идущему процессу евроинтеграции Молдовы (Маркедонов, Гуцин, 2016).

В отличие от более ранних посреднических усилий подготовка «меморандума Козака» проводилась в атмосфере повышенной секретности (Девятков, 2010). 18 ноября 2003 г. парафированный проект Меморандума был передан сторонам конфликта и ОБСЕ²³. Через несколько дней появилась вторая версия документа, регулирующая

гарантии урегулирования²⁴. ЕС, ОБСЕ и Украина предоставляют Молдове лишь политические и экономические гарантии, в то время как Россия обеспечивает военные гарантии на основе Соглашения между Россией и Молдовой о размещении миротворческого контингента. Российские посредники осознанно уклонились от согласования положений о гарантиях с представителями других стран-посредников и международных организаций.

24 ноября 2003 г. президент Молдовы В.Н. Воронин встретился с послом США Памелой Гайд-Смит, провел телефонные разговоры с Генеральным секретарем ОБСЕ Яап де Хооп Схеффером и Верховным Представителем ЕС по ОВПБ Хавьером Соланой, которые настоятельно убеждали молдавское руководство отказаться от российского плана. В итоге президент Молдовы отказался подписать Меморандум, отметив, что выбранный Молдовой курс на европейскую интеграцию обуславливает неременное одобрение предложенного плана урегулирования европейскими организациями, и в первую очередь ОБСЕ (Девятков, 2010).

Не вызывает сомнений, что действия России при подготовке «меморандума Козака» носили односторонний характер, строились на принципе «игры с нулевой суммой» и стремлении извлечь максимум дивидендов из собственного лидерства. Задачей было достичь окончательного политического урегулирования под эгидой России, что в итоге должно было сделать неизбежным присутствие в Молдове российского контингента в качестве основы военно-гарантийной операции. Однако следует отметить, что страны Запада выступили против Меморандума по причинам аналогичного характера и также действовали, исходя из логики игры с нулевой суммой и конкуренции за влияние в Молдове.

Подход Москвы к урегулированию конфликта становится все в большей степени соответствующим пониманию справедливости как взаимного признания. Однако действия

²³ Меморандум о принципах устройства объединенного государства // РИА Новости. 16.11.2003. URL: <https://ria.ru/20031116/1719495.html> (дата обращения: 09.08.2022).

²⁴ «Меморандум Козака»: Российский план объединения Молдовы и Приднестровья // ИА Regnum. 23.05.2005. URL: <https://regnum.ru/news/polit/458547.html> (дата обращения: 09.08.2022).

Запада не соответствовали ожиданиям Москвы касательно великодержавного равенства и добросовестного разбора ситуации (учета приоритетных интересов Москвы). Нарастающая геополитическая конкуренция России и Запада породила борьбу за лидерство в урегулировании приднестровского конфликта и определение будущего Молдовы. Внешние акторы (Москва, Брюссель и Вашингтон) имели достаточно ресурсов, чтобы блокировать усилия друг друга, но оказались не способны вести эффективное посредничество в одностороннем порядке.

После украинского кризиса 2014 г. процесс урегулирования стагнировал и постепенно трансформировался в состояние кризисного диалога.

Заключение

Доминирующее в России понимание международной справедливости соответствует сформулированной А. Бьюкененом концепции субъективной справедливости. С точки зрения Москвы, международная справедливость — это набор правил, выработанных в процессе переговоров на основе консенсуса между великими державами. Таким образом, справедливый международный порядок — это результат консенсуса великих держав, а всем прочим, в соответствии с Мелосским диалогом Фукидида, остается «принимать то, с чем вынуждены смириться»²⁵. В свою очередь, справедливый региональный порядок, по мнению Москвы, это результат консенсуса региональных держав и заинтересованных глобальных держав. С этой точки зрения, справедливое урегулирование конфликта в конкретных регионах возможно на основе консенсуса сторон конфликта в соответствии с интересами заинтересованных глобальных и региональных держав.

Для России деятельность по урегулированию любого регионального конфликта очевидно была вписана во внешнеполитическую стратегию страны. В связи с этим основное

значение имело справедливое взаимодействие великих держав по поводу урегулирования регионального конфликта и влияние, которое оно может оказать на формирование справедливого международного порядка. Вопрос о том, насколько результат урегулирования будет прочным и справедливым для участников конфликта, безусловно, имел значение, но был вторичен. Как отмечала Н.К. Арбатова (2019), Москва была заинтересована в поддержании равенства с другими игроками больше, чем в эффективном урегулировании конфликта.

Стратегия России в урегулировании конфликтов вдали от собственных границ в основном была связана с проявлением своего великодержавного статуса. На постсоветском пространстве она была вписана в широкий контекст взаимоотношений со странами Запада и эволюционировала в связи с изменением этих отношений.

После некоторых флуктуаций 1990-х гг. активность России в сфере конфликтного урегулирования на постсоветском пространстве в 2000—2010-е гг. в целом соответствовала модели справедливости как взаимного признания. В частности, можно отметить ожидание взаимодействия с другими великими державами по вопросам урегулирования региональных кризисов, а также готовность игнорировать принцип территориальной целостности, если добросовестный разбор ситуации ведет к такой необходимости. Однако абсолютная приоритизация национальных интересов привела к постепенной трансформации сути диалога: на первое место вышла тема признания права Москвы на доминирование в процессе кризисного урегулирования на постсоветском пространстве, оставив позади вопросы самого урегулирования конфликтов. Такое понимание справедливости соответствовало основным интересам России в регионе: поддержанию стабильности, обеспечению собственного лидерства, а также использованию своего влияния как аргумента во взаимоотношениях с другими великими державами.

Вопрос о соотношении нормативных соображений и национальных интересов во внешней политике представляется чрезвычайно сложным. Очевидно, что доминирующее в

²⁵ Мелосский диалог. Отрывок из «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида // НИУ ВШЭ. 2017. URL: https://we.hse.ru/data/2017/12/29/1160703552/Melosskiy_dialog.pdf (дата обращения: 09.08.2022).

российской элите понимание международной справедливости сформировалось на основе консолидировавшегося в рассматриваемый период понимания национальных интересов. Однако ответ на вопрос, являлись ли эти нормативные представления глубоким внутренним убеждением или всего лишь рационализацией стратегии максимизации

собственных достижений, возможен лишь на основе комплексных исследований операционального кода политиков. С учетом указанного ограничения проведенное исследование показало релевантность использованной методологии и аналитической схемы, разработанной в рамках проекта ГЛОБУС, для исследования внешней политики России.

Поступила в редакцию / Received: 18.12.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 23.10.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список

- Арбатова Н. К.* Три измерения постсоветских «замороженных» конфликтов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 5. С. 88—110. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-88-100>
- Богатуров А. Д.* Три поколения внешнеполитических доктрин России // *Международные процессы*. 2007. Т. 5, № 1. С. 54—69.
- Данилов Д. А.* Россия — ЕС: особенности политического диалога // *Европейский Союз в XXI веке: время испытаний* / отв. ред. О. Ю. Потемкина. Москва : Весь мир, 2012. С. 519—548.
- Девятков А. В.* «Меморандум Козака» в истории приднестровского урегулирования // *Известия Алтайского государственного университета*. 2010. № 4—2 (68). С. 52—57.
- Девятков А. В.* Перед вызовом европеизации: политика России в приднестровском урегулировании (1992—2012 гг.). Тюмень : Издательство ТГУ, 2012.
- Загорский А.* Россия в системе европейской безопасности. Москва : ИМЭМО РАН, 2017.
- Маркедонов С. М., Гуцин А. В.* Приднестровье: дилеммы мирного урегулирования // *Аналитическая записка РСМД*. 2016. № 1. С. 1—12. URL: https://russiancouncil.ru/upload/Transnistria_policybrief1.pdf (дата обращения: 09.08.2021).
- Никитин А. И.* Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование. Москва : Аспект Пресс, 2017.
- Примаков Е. М.* Встречи на перекрестках. Москва : Центрполиграф, 2015.
- Vuchanjan A.* Justice as Reciprocity versus Subject-Centered Justice // *Philosophy & Public Affairs*. 1990. Vol. 19, no. 3. P. 227—252.
- Eriksen E. O.* Three Conceptions of Global Political Justice // *GLOBUS Research Paper*. 2016. No. 1. P. 1—31. URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/55580/2016-01-GLOBUS-research-paper-Eriksen.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 09.08.2021).
- Persson A.* The EU and the Israeli-Palestinian Conflict 1971—2013: In Pursuit of a Just Peace. London : Lexington Books, 2015.
- Richmond O. P.* A Genealogy of Mediation in International Relations: From ‘Analogue’ to ‘Digital’ Forms of Global Justice or Managed War? // *Cooperation and Conflict*. 2018. Vol. 53, iss. 3. P. 301—319. <https://doi.org/10.1177/0010836717750198>
- Rubenstein R. E.* Introduction: Conflict Resolution and Social Justice // *Peace and Conflict Studies*. 1999. Vol. 6, no. 1. P. 1—7. <https://doi.org/10.46743/1082-7307/1999.1195>
- Shapiro I.* On Non-domination // *University of Toronto Law Journal*. 2012. Vol. 62, iss. 3. P. 293—336. <https://doi.org/10.3138/utlj.62.3.293>
- Sjursen H.* Global Justice and Foreign Policy: The Case of the European Union // *GLOBUS Research Paper*. 2017. No. 2. P. 1—27. URL: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/10852/55729/WP-2-17%2bSjursen33234.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 09.08.2021).
- Tomić N., Tonra B.* The Pursuit of Justice through EU Security Strategies // *GLOBUS Research Paper*. 2018. No. 2. P. 1—30. URL: <https://www.globus.uio.no/publications/globus-research-papers/2018/2018-02-globus-research-paper-tomic-tonra.html> (accessed: 09.08.2021).

Сведения об авторе: *Кавешников Николай Юрьевич* — кандидат политических наук, заведующий кафедрой интеграционных процессов, МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник, Институт Европы РАН; ORCID: 0000-0003-0223-1083; e-mail: n.kaveshnikov@inno.mgimo.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-228-240

EDN: JIQDRW

Научная статья / Research article

Роль российского миротворчества в процессе приднестровского урегулирования

Н.В. Шевчук Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация
[✉shevchuk-nv@ranepa.ru](mailto:shevchuk-nv@ranepa.ru)

Аннотация. Анализируется текущее положение миротворческой операции в Приднестровье, выполняемой в условиях усиления столкновения интересов России и Запада, милитаризации Молдовы, ее стремления к вступлению в ЕС и НАТО, а также близости контролируемой миротворцами зоны безопасности к региону выполнения Россией Специальной военной операции (СВО) на Украине. На основе объемного исторического материала и анализа нормативно-правовой базы автор обобщает опыт миротворческой деятельности России в регионе молдавско-приднестровского конфликта, выделяет ключевые особенности действующей операции и показывает ее значение для переговорного процесса по приднестровскому урегулированию на политико-дипломатическом уровне. Дан обзор имевшим место международным миротворческим инициативам, проведена оценка состояния переговорного процесса и связи с ним военного компонента урегулирования, выявлены специфические особенности миротворческого формата и его контрольных механизмов, проанализирован правовой статус российских войск. Автор приходит к выводу, что действующая в Приднестровье миротворческая операция по-прежнему востребована и полностью функциональна. Как представляется, в случае выхода из операции Молдовы дислоцированные в Приднестровье российские воинские формирования могут быть вынужденно наделены мандатом специальной гарантийной военной операции для охраны оставшихся с советских времен в регионе конфликта запасов российского вооружения, предупреждения возобновления вооруженного конфликта и обеспечения гарантий мира и безопасности для РФ.

Ключевые слова: миротворческая операция, вооруженные силы РФ, вооруженный конфликт, приднестровское урегулирование, переговорный процесс, формат 5+2, Приднестровье, Молдова

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шевчук Н. В. Роль российского миротворчества в процессе приднестровского урегулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 228—240. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-228-240>

© Шевчук Н.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Role of Russian Peacekeeping in the Pridnestrovian Settlement Process

Nina V. Shevchuk

North-West Institute of Management of RANEPА, Saint-Petersburg, Russian Federation
shevchuk-nv@ranepa.ru

Abstract. The study analyses the current situation of the peacekeeping operation in Pridnestrovie (Transnistria), carried out in conditions of a growing clash of interests between Russia and the West, the militarization of Moldova and its aspirations to join the EU and NATO, as well as the proximity of the security zone controlled by peacekeepers to the region of Russia's special military operation in Ukraine. The author summarizes the experience of Russia's peacekeeping activities in the region of the Moldovan-Pridnestrovian conflict, highlights the key features of the Dniester peacekeeping operation and shows its importance for the negotiation process on the Pridnestrovian settlement at the political and diplomatic level. The article provides an overview of the international peacekeeping initiatives in the conflict region, assesses the status of the negotiation process and the related military component of the settlement, identifies the specific features of the peacekeeping format and its control mechanisms, and analyzes the legal status of Russian troops. The author concludes that the peacekeeping operation in Pridnestrovie is still in demand, fully functional and ready for combat. According to the author, in case of withdrawal from the operation of the Republic of Moldova, the Russian military formations stationed in Pridnestrovie may be forced to receive the mandate of a special guarantee military operation to protect the stocks of Russian weapons remaining from Soviet times in the conflict region, to prevent the resumption of armed conflict and to ensure guarantees of peace and security for the population of Pridnestrovie, at least one third of which are citizens of the Russian Federation.

Key words: peacekeeping operation, armed forces of the Russian Federation, armed conflict, Pridnestrovian settlement, negotiation process, 5+2, Pridnestrovie, Moldova

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Shevchuk, N. V. (2023). Role of Russian peacekeeping in the Pridnestrovian settlement process. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 228—240. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-228-240>

Введение

Миротворческая практика России в последнее десятилетие серьезно обогатилась операциями в Сирии, Нагорном Карабахе и миротворческой миссией Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в Казахстане. Отдельного внимания заслуживают миротворческие действия *ad hoc* в рамках сотрудничества РФ с Турцией в Сирии и Нагорном Карабахе (Шамаров, 2022, с. 27). Нарращивание такого опыта способствует повышению роли России в миротворческой деятельности, служит достижению целей внешней политики страны и отвечает положениям Стратегии национальной безопасности РФ.

В Приднестровье, где под эгидой РФ миротворческая операция реализуется уже на протяжении 30 лет, сегодня геополитическая потребность в укреплении российского присутствия обрела особое измерение. Столкновение интересов России и Запада в

этом регионе, близость контролируемой миротворцами зоны безопасности к территории проведения Россией Специальной военной операции (СВО) на Украине, намерение официального Кишинева вступить в НАТО, систематические попытки Молдовы и ее западных партнеров демонтировать миротворческий механизм — все это актуализирует обобщение опыта миротворческой деятельности России в регионе молдавско-приднестровского конфликта.

Проблематика российского миротворчества в Приднестровье чаще всего рассматривается исследователями сквозь призму функциональности уникального и единственного на сегодняшний день трехстороннего миротворческого формата с вовлечением в операцию военных контингентов сторон конфликта¹. Ряд работ посвящен анализу

¹ Шевчук Н. В. Миротворчество на Днестре: невыученные уроки // Российский совет по международным

международно-правовых аспектов миротворческой операции и статусу российских вооруженных формирований в регионе конфликта (Язькова, 2014; Задохин, 2018; Вежан, 2017). В некоторых трудах миротворчество РФ на берегах Днестра предстает как геополитический ресурс (Дергачев, 2018; Ковальски, Мовилян, 2020; Великая, Татаров, 2021; Шамаров, 2022; Potter, 2022). Однако от современного исследователя ускользает такая важная невоенная функция миротворческих миссий, как обеспечение мирного процесса путем создания надлежащих условий для проведения переговоров на политико-дипломатическом уровне.

Цель данной статьи состоит в выявлении специфических особенностей миротворческой деятельности России в Приднестровье и оценке ее значения для процесса мирного политического урегулирования конфликта, включая переговорный процесс.

«Замороженное» урегулирование

Конфликт в Приднестровье возник в конце 1980-х гг. на фоне националистских настроений, набравших обороты в тогда еще советской Молдавии. Политика дискриминации по национальному и языковому признакам и стремление молдавских элит к объединению с Румынией стали источниками угроз, сплотивших полиэтничное население наиболее промышленно развитого региона Молдавии — Приднестровья — для защиты своих прав и сохранения самобытной и в то же время многонациональной идентичности.

Распад СССР, неурегулированный с точки зрения внутреннего советского права и противоречивый с точки зрения ключевых принципов международного права, породил дилемму самоопределения для народов бывших советских республик и создал почву для кровопролитных конфликтов в разных частях постсоветского пространства. Не стало исключением и Приднестровье, столкнувшееся

с вооруженной агрессией со стороны молодого национального государства — Республики Молдова, обосновавшего вторжение необходимостью восстановления конституционного порядка. Самый кровопролитный этап молдавско-приднестровского конфликта пришелся на июнь-июль 1992 г. Тогда остановить военные действия удалось благодаря вмешательству Российской Федерации, задействовавшей для разведения сторон дислоцировавшиеся в Приднестровье части 14-й гвардейской общевойсковой армии ВС СССР и ВС РФ (далее — 14-я армия).

За прекращением огня последовало заключение мирного соглашения, подписанты которого стали президенты России и Молдовы. Анализируя положения этого документа, особенно сегодня, спустя многие годы, можно утверждать, что именно Соглашение «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» 1992 г.² (далее — Соглашение 1992 г.) создавало фундамент для всего процесса урегулирования. Прежде всего, документом устанавливался режим прекращения огня, учреждались миротворческая операция и ее руководящий орган — объединенная Контрольная комиссия (ОКК), а также «зона безопасности» по линии разъединения, которую миротворцы контролируют по сей день.

Как правило, когда в современных исследованиях о приднестровском конфликте встречается Соглашение 1992 г., контекст упоминания связан именно с этими элементами миротворчества. Однако все эти, безусловно, важные механизмы были призваны гарантировать отказ сторон не только от вооруженных действий, но и от применения санкций и блокад. Кроме того, документ фиксировал обязательства участников конфликта устранить помехи для движения товаров и

делам. 15.01.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirotvorchestvo-v-pridnestrove-nevuyuchennye-uroki/> (дата обращения: 02.02.2023). См. также: (Романчук, 2014; Игнатьев, 2015).

² Соглашение «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова // UN Peacemaker. 21.07.1992. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/MD%20RU_920000_AgreementPrinciplesPeacefulSettlementDniestrConflict%28ru%29.pdf (дата обращения: 13.01.2023).

людей и незамедлительно приступить к переговорам. Так были заложены ключевые параметры процесса мирного политического урегулирования конфликта в Приднестровье.

Несмотря на то, что к субстантивным переговорам стороны смогли приступить еще в 1995 г., а формат переговоров с тех пор расширился до формата «5+2»³, Кишиневу и Тирасполю до сих пор так и не удалось нащупать взаимоприемлемую формулу сосуществования. Многократно отвергались различные планы урегулирования, подразумевавшие построение федерации или конфедерации. Стороны категорически не принимают идеи друг друга: проект реинтеграции от молдавской стороны и «развод» с последующим построением добрососедских равноправных отношений — от приднестровской.

Отсутствие выраженной эскалации и вооруженных инцидентов в этом регионе перевели конфликт в разряд «замороженных», что нередко давало возможность экспертам говорить о нем как о наиболее легкоразрешимом по сравнению с другими затяжными кризисами в Европе. Однако к 2006 г. «замороженным» оказался не только конфликт, но и переговорный процесс по его урегулированию. Вплоть до начала 2012 г. стороны не поддерживали официальные контакты ни на высшем уровне, ни на уровне дипломатов и политических представителей Тирасполя и Кишинева. В этом контексте справедливым представляется мнение российского исследователя С.В. Растольцева, который считает подобную стагнацию переговорного процесса следствием того, что конфликт продолжает восприниматься стереотипно как «замороженный», в котором ничего не происходит, и появляется иллюзия, что он может решиться сам собой (Растольцев, 2018, с. 85). На самом деле в условиях отсутствия переговоров к противоречиям, лежавшим в основе конфликта, добавляется множество новых проблем,

³ Сегодня участниками «Постоянного совещания...» (5+2) выступают: стороны — Республика Молдова и Приднестровье, посредники — Российская Федерация, Украина и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также наблюдатели — Европейский союз и США.

усугубляющих и без того конфликтные отношения сторон.

Проведя «работу над ошибками», Тирасполь и Кишинев при активном содействии посредников, прежде всего России, сумели вернуться за стол переговоров после шестилетнего перерыва. Стороны договорились о тактике «малых шагов», которая предполагала совместное решение наименее конфликтных и неполитизированных вопросов, чтобы улучшить благосостояние жителей региона и сформировать необходимую для нормализации отношений атмосферу доверия (Шевчук, 2022, с. 39).

На протяжении семи лет, несмотря на периодически возникавшие паузы, эта тактика позволяла поддерживать комплексное взаимодействие в рамках урегулирования на нескольких уровнях. На двустороннем уровне проводились встречи и лидеров, и политических представителей Кишинева и Тирасполя. На многостороннем уровне сотрудничество велось в рамках миротворческой операции и ее руководящих органов, включая ОКК и Объединенное военное командование. Также действовал формат «5+2» и его вспомогательная платформа — экспертные рабочие группы, а также имела место «челночная дипломатия» посредников и наблюдателей путем поочередного проведения встреч с руководством сторон в Приднестровье и Молдове. Однако в 2019 г. молдавские власти приняли решение вернуться к наиболее чувствительному и конфликтному вопросу о статусе Приднестровья в составе Республики Молдова. Это привело к срыву очередного раунда «5+2», проходившего в Братиславе, после чего стороны больше не смогли вернуться за стол переговоров.

В настоящее время обнулено взаимодействие на высшем двустороннем уровне, серьезно деградировала работа на политико-дипломатическом треке. В сложившихся геополитических реалиях ни Кишинев и Тирасполь, ни сопосредники — Россия, Украина и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) — не рассматривают возможность возобновления работы формата «5+2». Президент Молдовы Майя Санду с

момента своего избрания в 2020 г. ни разу не встречалась с руководством Приднестровья. Политические представители сторон — вице-премьер по вопросам реинтеграции Республики Молдова Олег Серебрян и министр иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) Виталий Игнатъев в 2022 г. встречались всего несколько раз в режиме *ad hoc* для решения оперативных вопросов, преимущественно связанных с работой энергетического сектора. Интенсивность работы на вспомогательном для переговорного процесса уровне — встреч экспертных рабочих групп — снизилась за 2022 г. в два раза. При этом те немногие встречи, которые удастся провести, проходят в режиме онлайн, в то время как эпидемиологическая обстановка в связи с пандемией COVID-19 уже нормализовалась. Для сложившейся здесь ситуации «ни войны, ни мира» вполне уместно вводить новую категорию, и по аналогии с «замороженным конфликтом» считать мирный процесс в Приднестровье «замороженным урегулированием».

Как это ни парадоксально, с учетом устремлений молдавских властей и их западных партнеров демонтировать миротворческий механизм на берегах Днестра наиболее результативной в регионе молдавско-приднестровского конфликта остается сегодня работа в рамках миротворческой операции. Особую роль в процессе урегулирования этот уровень взаимодействия играет еще и потому, что вопросы безопасности по согласованию участников формата «5+2» не обсуждаются в рамках переговорного процесса и остаются в исключительной компетенции миротворцев — ОКК, которая занимается предупреждением эскалации и политическим улаживанием возможных обострений ситуации, а также Совместных миротворческих сил из вооруженных контингентов трех сторон (России, Приднестровья и Молдовы) и военных наблюдателей от Украины.

Что касается участия украинской стороны в миротворческой операции, то, вопреки распространенному заблуждению, после кризиса 2014 г. Киев не выходил из миротворческой операции, к которой присоединился

путем направления группы своих военных наблюдателей еще в 1998 г. Несмотря на то, что Украина вышла из ряда соглашений и вместе с Молдовой отказалась соблюдать обязательства по обеспечению условий для ротации российского контингента, материального обеспечения миротворческих сил и пропуска соответствующих грузов, вплоть до 2019 г. украинская сторона осуществляла ротацию своих военнослужащих (Шевчук, 2020, с. 154).

В марте 2022 г. посол Украины в Молдове Марк Шевченко направил в ОКК официальное уведомление о решении президента Украины временно приостановить выполнение задач группы военных наблюдателей в составе Совместных миротворческих сил⁴. В документе подчеркивалось, что приостановка деятельности военных наблюдателей не может трактоваться как прекращение участия Украины в Совместных миротворческих силах в зоне безопасности и других механизмах приднестровского урегулирования.

В настоящее время в штатном режиме выполняются задачи миротворцев и руководящих органов миротворческой операции по обеспечению безопасности, не прерывается взаимодействие подразделений миротворческих сил, остается системной работа военных наблюдателей (временно без участия украинской стороны), групп быстрого реагирования, солдаты несут службу на всех миротворческих постах⁵. Все это в совокупности гарантирует обеспечение мира. Обстановка в зоне безопасности остается управляемой и контролируемой, а проведение миротворческой операции по-прежнему составляет важную часть процесса урегулирования конфликта мирными политическими средствами, как это и было зафиксировано в Соглашении 1992 г.

⁴ Украина отозвала своих военных наблюдателей из состава Совместных миротворческих сил // Новости Приднестровья. 17.03.2022. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/22-03-17/ukraina-otozvala-svoih-voennyh-nablyudateley-iz-sostava-sovmestnyh> (дата обращения: 13.01.2023).

⁵ Олег Беляков: Военных приготовлений со стороны Приднестровья и Молдовы нет // Новости Приднестровья. 28.02.2023. URL: <https://novostipmr.com/ru/content/oleg-belyakov-voennyh-prigotovleniy-so-storonypridnestrovyia-i-moldovy> (дата обращения: 13.03.2023).

Миротворческие инициативы

Сегодня редко упоминается о том, что до учреждения действующей на берегах Днестра миротворческой операции имели место и другие попытки организации международного миротворческого присутствия — сначала для предупреждения военной эскалации, а затем для сохранения режима прекращения огня. Так, на фоне первых масштабных вооруженных акций в отношении приднестровских населенных пунктов весной 1992 г. Верховный Совет непризнанной ПМР обращался к России и Украине с просьбой выступить гарантами мирного урегулирования и оказать содействие в отражении военной агрессии (Мяло, 2002, с. 46). Однако в то время и Россия, и Украина уже участвовали в переговорном формате по разрешению «приднестровской проблемы», учрежденном по инициативе Румынии и Молдовы в апреле 1992 г. Несколько раундов консультаций прошли в Кишиневе в четырехстороннем формате на уровне министров иностранных дел Молдовы, России, Румынии и Украины⁶.

По итогам переговоров, прошедших без участия приднестровских представителей, сторонами была подписана декларация о прекращении огня и создана четырехсторонняя совместная комиссия по контролю над ситуацией в зоне конфликта (Троицкий, 2016, с. 29). Члены этой миссии впоследствии несколько месяцев вплоть до начала масштабного наступления молдавских вооруженных сил на ПМР 19 июня 1992 г. дислоцировались в приднестровском городе Бендеры. Часть наблюдателей покинула Бендеры за день до начала вооруженного наступления на город, некоторые участники группы были эвакуированы в течение нескольких дней. Миссия не справилась с возложенными на нее обязанностями наблюдения и контроля с целью невозобновления спорадических актов насилия.

⁶ Оазу Н. Истоки и перспективы разрешения Приднестровского конфликта // *Art of War*. 22.11.2011. URL: http://artofwar.ru/i/iwan_d/text_0350.shtml (дата обращения: 12.01.2023).

Вторая попытка организовать международное миротворческое участие в урегулировании была совершена молдавскими властями сразу после прекращения огня. Накануне намеченных на 7 июля 1992 г. консультаций с российской стороной о параметрах мирного соглашения по Приднестровью 6 июля молдавский президент Мирча Снегур на встрече лидеров государств — участников СНГ поставил вопрос о направлении в зону конфликта миротворческих сил СНГ, в которые входили бы молдавские, украинские, белорусские и российские контингенты⁷.

По мнению авторитетного российского ученого А.И. Никитина, инициатива М. Снегура объяснялась опасениями одностороннего военного вмешательства России (Никитин, 2009). Схожее мнение можно встретить и в зарубежных работах, в которых проведение миротворческой операции под эгидой России нередко описывается как вынужденное, учитывая российский арсенал вооружений, контроль над которыми в ином случае был бы у приднестровской стороны (Lutterjohann, 2023, p. 66).

Кроме того, по настоянию молдавской стороны российский контингент не должен был включать дислоцировавшиеся в Приднестровье части 14-й армии, при непосредственном участии которой удалось прекратить вооруженные действия в регионе конфликта.

Необходимо отметить, что молдавские власти изначально рассчитывали на то, что 14-я армия, подчиненная весной 1992 г. главнокомандующему объединенными вооруженными силами СНГ, не будет вмешиваться в конфликт и препятствовать молдавскому вооруженному наступлению на мятежное Приднестровье. Основанием для такого расчета служил апрельский указ президента России Б.Н. Ельцина, запрещавший использовать эти войска в межнациональных конфликтах

⁷ Возникновение и развитие вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова // Министерство обороны Российской Федерации. URL: https://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations/more.htm?id=10336232@cmsArticle (дата обращения: 13.01.2023).

(Губарь, 2022, с. 204). Инициатива о запуске механизма коллективного миротворчества СНГ не была поддержана лидерами стран-участниц, и в итоге миссия была организована без мандата СНГ, а в состав миротворческих сил в соответствии с заключенным 21 июля 1992 г. Соглашением вошли молдавский, российский и приднестровский контингенты.

Сразу после этого была предпринята еще одна попытка интернационализировать миротворческий формат. Высший совет безопасности Молдовы рекомендовал М. Снегуру добиваться в ходе московской встречи включения в состав миротворческих сил Румынии и Украины как стран, заинтересованных в гарантиях мира вблизи своих границ. Впоследствии подписание в Москве Соглашения с фиксацией главенствующей роли России и без подключения не вовлеченных в конфликт третьих стран было названо оппонентами М. Снегура военной и моральной капитуляцией (Ковальски, Анточь, Скобиоалэ, 2019, с. 43).

Уже после вступления в силу Соглашения 1992 г. Кишинев пытался подключить румынскую сторону к работе ОКК в качестве группы военных наблюдателей, но и это было сочтено нецелесообразным (Никитин, 2009). При этом в 1994 г. представители Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) получили возможность наблюдения за ходом заседаний ОКК, а военные наблюдатели от Украины присоединились к миротворческой операции, как уже было сказано выше, в 1998 г.

Нельзя не упомянуть, что и сама Россия во времена так называемой «kozyревской дипломатии» первой половины 1990-х гг. пыталась частично заменить российский контингент на силы ООН и СБСЕ, но ее обращения не были удовлетворены. Не нашла поддержки на Западе и инициатива министра иностранных дел РФ А.В. Козырева о приравнивании российской миротворческой операции к действиям этих организаций⁸. Российский

дипломат Михаил Майоров, руководивший в начале 2000-х гг. российской частью Смешанной контрольной комиссии по урегулированию грузино-осетинского конфликта, в своей книге о российских миротворцах вспоминает, как в 1993 г. на встрече Совета министров иностранных дел СБСЕ России отказали в предоставлении ее воинским формированиям в «горячих точках» постсоветского пространства статуса миротворческих сил СБСЕ (Майоров, 2007, с. 46). В свою очередь ООН в конце 1992 г. силами своей специальной миссии проинспектировала деятельность российских миротворцев и ОКК в Приднестровье и признала ее достаточно эффективной, отклонив российскую просьбу о подключении ООН к миротворческому формату (Шевчук, 2020, с. 155).

Существенно позже, уже в начале 2000-х гг., к миротворческому процессу пытались подключить ЕС. С соответствующими инициативами выступали сначала Нидерланды во время своего председательства в ОБСЕ в 2003 г., затем в 2005 г. — Украина в рамках предложенного на саммите Организации ГУАМ (Грузия — Украина — Азербайджан — Молдова) «Плана Ющенко», и многократно — Молдова.

В первом случае речь шла о замене трехстороннего формата Совместных миротворческих сил контингентом ОБСЕ, находящимся под управлением ЕС. При этом допускалось участие других «заинтересованных сторон» (Троицкий, 2016, с. 33). Во втором — предлагалось создать международный механизм европейских военных и гражданских наблюдателей под эгидой ОБСЕ⁹. Эти идеи рождались на фоне стремления ЕС увеличить свое влияние на постсоветском пространстве и расширения Евросоюза на Восток. Последнее, по мнению польского ученого М. Косенковски, способствовало еще большему укреплению Россией своего патроната в отношении Приднестровья (Kosienkowski, 2019, p. 186).

⁸ Козырев А. Россия фактически в одиночку несет бремя реального миротворчества в конфликтах по периметру своих границ // Независимая газета. 1993. 22 сентября.

⁹ Шевчук Н. В. Ошибки на старте: чего не знает новый молдавский президент о статусе российских войск в Приднестровье? // Россия в глобальной политике. 08.12.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/oshibkina-starte/> (дата обращения: 02.02.2023).

Наконец, Кишинев не оставляет идеи демонтажа действующей миротворческой операции с последующей ее заменой на мирогарантийную миссию гражданского наблюдения. По мнению молдавского президента Майи Санду, такая деятельность может быть развернута под эгидой ОБСЕ¹⁰.

Упомянутые инициативы, хотя и находили широкую поддержку среди молдавских элит и в экспертном сообществе¹¹, не были поддержаны ни в Тирасполе, ни в Москве. В свою очередь, для возможного решения на уровне ОБСЕ необходимо было получить согласие всех 57 стран — членов ОБСЕ, что сложно было представить в 2003—2005 гг., и тем более маловероятно в текущей геополитической ситуации. К слову, в 2009 г. Кишинев и Тирасполь обсуждали передачу миротворческого мандата ОБСЕ на московской встрече высшего уровня, по итогам которой президентами конфликтующих сторон было подписано совместное заявление¹². В документе отмечена стабилизирующая роль миротворческой операции и согласована целесообразность ее трансформации в мирогарантийную под эгидой ОБСЕ, но только по итогам приднестровского урегулирования. Однако приблизиться к таким итогам за прошедшие с тех пор годы сторонам так и не удалось.

Уникальный формат

Сложность процесса организации миротворческой операции в Приднестровье изначально была предопределена тем, что ее

¹⁰ Санду предложила новый формат миротворческой миссии в Приднестровье // Евразия. Эксперт. 30.11.2020. URL: <https://eurasia.expert/sandu-predlozhi-lanovyy-format-mirotvorcheskoy-missii-v-pridnestrove/> (дата обращения: 12.01.2023).

¹¹ Popescu N., Litra L. Transnistria: A bottom-up solution // European Council on Foreign Relations. September 25, 2012. URL: https://ecfr.eu/wp-content/uploads/ECFR63_TRANSNISTRIA_BRIEF_AW.pdf (accessed: 12.01.2023).

¹² Президенты России, Молдовы и Приднестровья по итогам встречи в Москве подписали совместное заявление // Министерство иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики. 18.03.2009. URL: <https://web.archive.org/web/20220513144500/https://mid.gospmr.org/ru/Rbz> (дата обращения: 12.01.2023).

инициатор — российская сторона — к моменту учреждения миссии уже была вовлечена в конфликт для прекращения огня и применила элементы принуждения к миру путем предупредительного развертывания и демонстрации силы (Никитин, 2009). Это стимулировало к переговорам и организации миротворчества Кишинев, рассчитывавший при этом на широкую интернационализацию формата будущей миссии и недопущение главенствующей роли России в мирном процессе. Для иной конфигурации сил внутри миротворческого формата у Молдовы не было ни требуемой международной поддержки, ни ресурсов. По этому поводу авторитетный западный эксперт Д. Линч писал, что именно ресурсные ограничения побудили Министерство обороны Молдовы переложить «миротворческую ответственность» на бывшую 14-ю армию (Lynch, 2000, p. 68).

В то время для ЕС и США приднестровское урегулирование, как и мирные процессы в других «горячих точках» бывшего СССР, не входили в число приоритетных направлений внешней политики. По мнению Е.Ф. Троицкого, у США и ведущих европейских стран тогда не было сформированной стратегии политики на постсоветском пространстве, а конфликт на периферийном осколке Советского Союза не затрагивал интересы этих акторов (Троицкий, 2016, с. 30). Учитывая такие факторы, нет оснований сомневаться в том, что Россия обладала всеми возможностями для самостоятельного развертывания операции и определения ее ключевых параметров. Тем не менее Москва проявила гибкость.

Несмотря на то, что в текст Соглашения 1992 г. не вошли положения о неучастии военнослужащих 14-й армии в миротворческой операции, на деле просьба М. Снегура была учтена и, по данным Министерства обороны РФ, российский миротворческий контингент не вошел в состав 14-й армии¹³.

¹³ Возникновение и развитие вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова // Министерство обороны Российской Федерации. URL: https://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations/more.htm?id=10336232@cmsArticle (дата обращения: 13.01.2023).

Во Временном положении о воинских контингентах¹⁴, принятом через неделю после подписания Соглашения 1992 г., было указано, что контингенты формируются из числа военнослужащих, «не участвовавших в операциях в период вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдовы»¹⁵. Для этого Россия обеспечила комплектацию своего миротворческого контингента из числа военнослужащих батальонов 45-й гвардейской мотострелковой дивизии из Ленинградского военного округа, соединений 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и 27-й гвардейской мотострелковой дивизии (Никитин, 2009).

Исключение из состава миротворцев военнослужащих 14-й армии, участвовавших в событиях 1992 г., и ротация военных из отдаленных регионов России, по мнению А.И. Никитина, характеризовали стремление к стандартам операции как миротворческой и препятствовали нежелательной идентификации России как поддерживающей лишь одну из сторон конфликта (Никитин, 2009).

В апреле 1995 г. расположенные в Приднестровье части 14-й армии в соответствии с директивой министра обороны РФ № 314/2/0296 были переименованы в Объединенную группировку российских войск (ОГРВ), которая до сих пор дислоцируется в Приднестровье на основании российско-молдавского Соглашения 1994 г. «О правовом статусе, порядке и сроках вывода воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории

Республики Молдовы»¹⁶. В соответствии с указанным документом вывод российских воинских формирований из региона должен быть синхронизирован с «политическим урегулированием приднестровского конфликта и определением особого статуса Приднестровского региона Республики Молдовы»¹⁷.

Сегодня миротворческий батальон РФ входит в состав ОГРВ, главными задачами которой являются охрана складов вооружений бывшей 14-й армии, хранящихся в приднестровском селе Колбасна, и выполнение миротворческой операции. Выступая на заседании Постоянного совета ОБСЕ в апреле 2020 г., постоянный представитель России при ОБСЕ Александр Лукашевич подчеркивал, что ОГРВ участвует в ротации российских миротворцев, являясь частью функционирования единого механизма миротворческой операции, что необходимо для продолжения мирного процесса¹⁸.

Главная уникальность миротворческого формата состоит в том, что операция реализуется Совместными миротворческими силами, включающими, кроме российского, военные контингенты сторон конфликта — Молдовы и Приднестровья. Так, операцией в Приднестровье был создан особый прецедент, по утверждению специалистов, абсолютно не типичный для миротворческих миссий. А.И. Никитин в этом контексте справедливо вспоминает имевшее место включение отдельных военизированных, в основном полицейских, формирований от участников конфликта в выполнение некоторых функций, связанных с миротворческой операцией

¹⁴ Временное положение об основных принципах создания и деятельности групп военных наблюдателей и воинских контингентов, предназначенных для прекращения вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова от 29 июля 1992 года // Делегация представителей в Объединенной контрольной комиссии от ПМР. URL: <https://web.archive.org/web/20190411110520/http://www.okk-pridnestrovie.org/download/Vremennoe-polozhenie.rar> (дата обращения: 13.01.2023).

¹⁵ Шевчук Н. В. Ошибки на старте: чего не знает новый молдавский президент о статусе российских войск в Приднестровье? // Россия в глобальной политике. 08.12.2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/oshibki-na-starte/> (дата обращения: 02.02.2023).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовом статусе, порядке и сроках вывода воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Молдова // UN Peacemaker. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/MD-RU_911021_AgreementOnWithdrawalOfRussianForces%28ru%29.pdf (дата обращения: 13.01.2023).

¹⁸ Выступление Постоянного представителя Российской Федерации А.К. Лукашевича на онлайн-заседании Постоянного совета ОБСЕ 30 апреля 2020 года // ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/3/451651.pdf> (дата обращения: 13.01.2023).

и согласованных с основными миротворческими силами (Никитин, 2009). Речь идет, прежде всего, об операциях ООН в Восточной Славонии и на постдейтонском этапе в Боснии и Герцеговине (Никитин, 2009). Сегодня в этот же ряд можно поставить деятельность Совместного российско-турецкого мониторингового центра (СРТМЦ) по контролю за прекращением огня и всех военных действий в зоне Нагорно-Карабахского конфликта, организованного на территории Азербайджана. Современному исследователю еще предстоит изучить опыт налаживания этим центром прямых линий связи с органами военного управления сторон конфликта — Армении и Азербайджана — и штабом российского миротворческого контингента.

Однако в указанных кейсах имело место не прямое подключение к миротворческой операции, как в Приднестровье. Кроме того, в условиях приднестровского конфликта силовые правоохранительные структуры также привлекаются для осуществления целого ряда миротворческих функций и вовлечены в работу руководящего органа операции — ОКК. Представители руководства министерств внутренних дел, структур государственной безопасности, а также внешнеполитических ведомств Молдовы и Приднестровья включены в состав постоянных делегаций в ОКК. Однако такая деятельность не равнозначна тому, как организовано в Приднестровье совместное несение службы на миротворческих постах и по периметру зоны безопасности. Схожий опыт позже был применен в ходе миротворческой операции в Грузии и Южной Осетии. По мнению экспертов, эти казусы отнесены к особой разновидности международного миротворчества (Никитин, 2009).

На протяжении 30 лет не менялись и базовые принципы взаимодействия участников миротворческого формата в Приднестровье. Так, все соблюдают принцип консенсуса при принятии любых решений как в рамках ОКК, так и на уровне составных элементов операции, включая Объединенный штаб и группы военных наблюдателей Совместных миротворческих сил. Важен и принцип прямого взаимодействия сторон, выражающийся не

только в совместном несении боевой службы, но и в еженедельном мониторинге зоны безопасности военными наблюдателями, регулярных встречах с местным населением, руководителями местных органов власти и в оценке обстановки в контролируемом регионе.

Усилиями миротворцев контролируется также соблюдение принципа территориальности в осуществлении правоохранительной деятельности. Это особенно важно с учетом того, что по итогам прекращения огня в 1992 г. было принято решение зафиксировать так называемый «статус-кво присутствия», когда в отдельных районах города Бендеры, как и в некоторых селах вокруг него, осталась одновременно и молдавская, и приднестровская администрация. Также в этих населенных пунктах находятся и молдавские, и приднестровские силовики (полицейские, транспортная и железнодорожная полиция, работники прокуратуры, служб безопасности, пенитенциарных учреждений и др.). Во избежание инцидентов, в которые могут быть вовлечены вооруженные силовики сторон конфликта, усилиями ОКК в зоне безопасности был согласован принцип территориальности. Так, правоохранительный орган той или иной стороны отвечает только за территорию, находящуюся в его административном подчинении.

Следует отметить, что на политико-дипломатическом уровне наладить взаимодействие в области правоохранительной деятельности Кишиневу и Тирасполю не удалось. В 1999 г. стороны согласовали «Комплексную программу совместных мер борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и оружия», которая среди прочих содержала обязательства обмениваться информацией о розыске лиц, скрывающихся от следствия или суда¹⁹.

¹⁹ Комплексная программа совместных мер борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и оружия // International Center on Conflict and Negotiation. 13.07.1999. С. 3—6. URL: http://iccn.ge/files/protocol__moldova_and__pridnestrovi_e_on_economy_trade_and_science_technology__13_july_1999.pdf (дата обращения: 13.01.2023).

Однако спустя 10 лет Молдова вышла из этого и ряда других документов, регламентировавших борьбу с преступностью и взаимодействие пенитенциарных систем.

Инциденты в зоне ответственности миротворцев случаются нередко, что только усиливает востребованность совместных действий в миротворческом формате. Только в последние годы предметом реагирования и обсуждения в рамках ОКК были изъятие боеприпасов у населения, похищение силовиками граждан и другие случаи с участием правоохранительных органов²⁰.

Особенно сложными являются периоды проведения выборов в Республике Молдова, когда для недопущения к участкам проживающих на территории Приднестровья граждан Молдовы молдавские националистические формирования осуществляют множество провокаций на пунктах перехода, включая стычки с пограничниками, драки с местными жителями и другие недружественные действия. Среди пострадавших в ходе таких акций был и российский комендант²¹. Не допустить обострения обстановки в зоне безопасности и купировать подобные акты позволяют согласованные действия миротворцев, которым нередко приходится вставать разграничительной стеной перед участниками беспорядков²².

Заключение

Приднестровье являет собой единственный в Восточной Европе пример, когда после ввода миротворческого контингента военные действия были прекращены и не возобновлялись сторонами конфликта. Уникальный формат проводимой на Днестре операции,

²⁰ Олег Беляков: Похищение граждан Приднестровья приведет к обострению в Зоне безопасности // Новости Приднестровья. 15.04.2021. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/21-04-15/oleg-belyakov-pohishchenie-grazhdan-pridnestrovyu-privedet-k> (дата обращения: 13.01.2023).

²¹ Миротворческая миссия создает условия для мирного урегулирования // Новости Приднестровья. 29.07.2021. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/21-07-29/mirotvorcheskaya-missiya-sozdaet-usloviya-dlya-mirnogo> (дата обращения: 13.01.2023).

²² Там же.

действенность ее механизмов и принципов обогащают международный миротворческий опыт и вносят ценный вклад в развитие и совершенствование российского миротворчества.

Несмотря на препятствия нормальному функционированию миротворческой операции, связанные, в первую очередь, с проблемами материально-технического обеспечения и ротации российского миротворческого контингента из-за действий Украины и Молдовы, миротворческие силы остаются в полной боевой готовности. Кроме того, сохраняется и диалоговый потенциал ОКК, поскольку в работе ее заседаний в качестве гражданских наблюдателей по-прежнему принимают участие сотрудники дипломатических ведомств сторон²³.

Российское миротворчество в этом регионе является одновременно и инструментом обеспечения региональной безопасности, и военно-политическим механизмом защиты собственных национальных интересов за рубежом (Шамаров, 2022, с. 19), и механизмом, обеспечивающим мирное урегулирование и устойчивость политико-дипломатического взаимодействия сторон конфликта в формате переговорного процесса.

Демонтаж миротворчества в Приднестровье чреват сломом не только выстроенной российско-молдавским мирным соглашением 1992 г. системы взаимодействия в области безопасности, но «размораживанием» конфликта, возвращением Кишинева и Тирасполя к состоянию вооруженного противостояния. В случае такого сценария, в условиях отсутствия каких бы то ни было других гарантий безопасности, Россия окажется обязанной защищать безопасность своих граждан, которых в настоящее время в Приднестровье уже более 200 тыс. человек²⁴.

²³ Также в начале 2023 г. Молдова назначила главой своей делегации в ОКК Александра Фленка, который многие годы был вовлечен в переговорный процесс «5+2» (сначала как сотрудник кишиневской миссии ОБСЕ, а позже и как главный переговорщик — политический представитель Кишинева).

²⁴ Вадим Красносельский: российские миротворцы — единственная гарантия мира // РИА Новости. 24.12.2021. URL: <https://ria.ru/20211224/kranoselskiy-1765195410.html> (дата обращения: 13.01.2023).

К слову, в западных исследованиях этой обязанности защищать придается немалое значение (Bejan, 2017; Kosienkowski, 2019; Rotaru, 2022).

Необдуманные резкие шаги Кишинева могут привести к вынужденному наделению дислоцированных в Приднестровье российских воинских формирований мандатом специальной гарантийной военной операции. Эти же механизмы могут быть задействованы и для охраны остатков не утилизованных вооружений 14-й армии в приднестровском селе Колбасна. В таких условиях реализация

миротворческих функций на территории Приднестровья может осуществляться на основании двустороннего договора с Москвой, позволяющего, кроме всего прочего, увеличить за счет проживающих в Приднестровье граждан России численность российских военных формирований. Так или иначе, урегулировать все разногласия сторонам снова придется за столом переговоров, а сегодня для этого есть и потенциал, и условия, которые обеспечиваются действующей миротворческой миссией.

Поступила в редакцию / Received: 05.02.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 01.04.2023
Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список

- Великая Н. М., Татаров Р. А.* Геополитические кейсы в процессе урегулирования приднестровского конфликта // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2021. № 3. С. 116—129. <https://doi.org/10.28995/2686-7648-2021-3-116-129>
- Губарь А. Н.* Роль России в урегулировании острой фазы приднестровского конфликта (1990—1992) // Современная научная мысль. 2022. № 5. С. 202—207. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2022-5-202-207>
- Дергачев А. Ю.* Российская Федерация и урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве (эволюция концептуальных основ и миротворческой практики) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 1. С. 23—28.
- Задохин А. Г.* Приднестровье и Молдавия на краю Евразии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 3. С. 33—42.
- Игнатъев В. В.* Угроза миру на Днестре: новые вызовы — старые исполнители // Постсоветский материк. 2015. № 1. С. 65—72.
- Ковальски С. В., Антоць А. М., Скобиоалэ Н. Н.* Как закончилась война: «Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в приднестровском регионе Республики Молдова» // Science Time. 2019. № 12. С. 42—51.
- Ковальски С. В., Мовилян В. В.* Полемика вокруг итогов приднестровского конфликта // Science Time. 2020. № 1. С. 28—38.
- Майоров М. В.* Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве. Москва : Международные отношения, 2007.
- Мяло К. Г.* Россия и последние войны XX века. Москва : Вече, 2002.
- Никитин А. И.* Конфликты, терроризм, миротворчество. Москва : Навона, 2009.
- Растольцев С. В.* Три мифа о «замороженных» конфликтах на постсоветском пространстве в Европе: критический анализ // Международные отношения. 2018. № 4. С. 82—94. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2018.4.28227>
- Романчук С. И.* Миротворчество России на постсоветском пространстве: итоги и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 1. С. 72—79.
- Троцкий Е. Ф.* Политика Европейского Союза в отношении приднестровского конфликта (1992—2015 гг.) // Сибирские исторические исследования. 2016. № 3. С. 28—40. <https://doi.org/10.17223/2312461X/13/2>
- Шамаров П. В.* Концептуализация миротворчества России как объективное требование сложной международной обстановки // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 2. С. 14—34.
- Шевчук Н. В.* Миротворчество на Днестре: «казнить нельзя помиловать» // Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы : сборник научных статей. Вып. 4 / отв. ред. О. Ю. Михалев, В. И. Сальников. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. С. 149—159.

- Шевчук Н. В. Тактика малых шагов в урегулировании конфликтов: казус Приднестровья // Международные процессы. 2022. Т. 20, № 1. С. 38—54. <https://doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.1>
- Язькова А. Республика Молдова — Приднестровье — Российская Федерация // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2014. № 33. С. 8—11.
- Bejan A. M. The Status of the Peacekeeping Operations in the Transnistrian Conflict // Contemporary Readings in Law and Social Justice. 2017. Vol. 9, no. 2. P. 236—244.
- Kosienkowski M. The Patron-Client Relationship between Russia and Transnistria // De Facto States in Eurasia / ed. by T. Hoch, V. Kopeček. London : Routledge, 2019. P. 183—207.
- Lutterjohann N. The Depth of the Deadlock? Underlying Themes in the Georgian-Abkhaz and Moldovan-Transnistrian Post-Soviet Conflicts // National Identities. 2023. Vol. 25, no. 1. P. 53—74. <https://doi.org/10.1080/14608944.2022.2050197>
- Lynch D. Russian Peacekeeping Strategies in the CIS: The Cases of Moldova, Georgia and Tajikistan. London : Palgrave Macmillan, 2000. <https://doi.org/10.1057/9780333984215>
- Potter B. Unrecognized Republic, Recognizable Consequences: Russian Troops in “Frozen” Transnistria // Journal of Advanced Military Studies. 2022. Vol. 13, Special Issue. P. 168—188. <https://doi.org/10.21140/mcu.2022SIstratcul010>
- Rotaru V. Change or Continuity in Russia’s Strategy towards Secessionist Regions in the ‘Near Abroad’? // The International Spectator. 2022. Vol. 57, no. 4. P. 86—103. <https://doi.org/10.1080/03932729.2022.2066821>

Сведения об авторе: Шевчук Нина Викторовна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции, доцент кафедры международных отношений, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления; ORCID: 0000-0001-6164-5767; e-mail: shevchuk-nv@ranepa.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-241-252

EDN: JISOMY

Научная статья / Research article

Январские события 2022 г. и миротворческая операция ОДКБ в Казахстане

Р.В. Сысоева

Международный университет «Астана», Астана, Казахстан

 dra.syssoyeva@outlook.com

Аннотация. В январе 2022 г. в Казахстане была предпринята попытка насильственной смены власти на фоне вспыхнувших по всей стране массовых протестов, для организации которых были использованы основные технологии цветных революций. В условиях, когда собственными силами правопорядка справиться с радикально настроенными гражданами, мародерами и террористами было уже невозможно, главой государства К.К. Токаевым было принято решение запросить поддержку у союзников по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которые незамедлительно направили объединенные коллективные войска в республику. Успешная миротворческая операция ОДКБ, координируемая Российской Федерацией (РФ), позволила восстановить конституционный порядок в стране и не допустить насильственного государственного переворота. Автор поставил цель провести анализ январских событий, действий ОДКБ и их влияния на Казахстан, регион и саму организацию, опираясь на интервью с экспертами из стран — членов ОДКБ, реализованные ранее исследования, а также заявления официальных властей. Обобщенные результаты анализа заключены в тематические блоки и дополнены выводами автора. Затронуты такие аспекты, как транзит власти, последствия январской трагедии для внутренней и внешней политики Казахстана, эффективность организации и расширение сфер применения потенциала ОДКБ. Даны предложения по углублению оборонной интеграции и необходимости развития общей региональной идентичности. Уникальность статьи заключается также в том, что работа вбирает в себя заключения экспертов из всех шести стран — членов ОДКБ, исследователей из России и Казахстана и дальнего зарубежья, которые пишут по данной проблематике, и теоретическую терминологию западной политической мысли. Автор также представляет зону ответственности ОДКБ как Евразийское сообщество безопасности, основанное не только на коллективной безопасности, но и на экономической взаимозависимости и чувстве общности народов ее государств-членов.

Ключевые слова: Организация Договора о коллективной безопасности, ОДКБ, Казахстан, миротворчество, январские события, государственный переворот, безопасность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (№ AP13268711 «Евразийский Экономический Союз: достижения и препятствия на пути к созданию регионального сообщества безопасности»).

© Сысоева Р.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Сысоева Р. В. Январские события 2022 г. и миротворческая операция ОДКБ в Казахстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 241—252. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-241-252>

2022 January Events and CSTO Peacekeeping Mission in Kazakhstan

Rigina V. Syssoyeva

Astana International University, Astana, Kazakhstan

 dra.syssoyeva@outlook.com

Abstract. In January 2022, Kazakhstan was faced with an attempt of a violent change of power in the form of mass protests that spread throughout the country and were organized with the basic techniques of color revolutions. The country's own law enforcement forces were not able to cope with radical citizens, looters-rioters, and terrorists, and in these circumstances the head of state, K.K. Tokayev, decided to request the support of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) allies, who immediately sent the united peacekeeping troops to the republic. The CSTO peacekeeping mission, coordinated by Russia, successfully restored constitutional order in the country and prevented a violent coup d'état. The purpose of this research is to analyze the course of the January events and actions of the CSTO, as well as their impact on Kazakhstan, the region and the organization itself. The paper is based on interviews with experts from the CSTO member states, studies carried out in this area of research, and statements by official authorities. The synthesis of the research results is divided into thematic blocks and supplemented by the author's conclusions. The paper mentions aspects such as the transition of power, changes in Kazakhstan's domestic and foreign policies, the effectiveness of the CSTO organization and the expansion of its potential use. Proposals are also provided regarding the strengthening of defense integration and the need to develop a common regional identity. The research is unique in that it brings expert opinions from six CSTO member states, the results of studies carried out by researchers from Russia, Kazakhstan, and abroad, and the theoretical terminology of Western political ideology. The author presents the area of responsibility of the CSTO as a Eurasian security community based not only on collective security, but also on economic interdependence and a sense of community among the nations of its member states.

Key words: the Collective Security Treaty Organization, CSTO, Kazakhstan, peacekeeping, January events, coup d'état, security

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

Acknowledgements. This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP13268711 "Eurasian Economic Union: Achievements and Obstacles toward a Regional Security Community").

For citation: Syssoyeva, R. V. (2023). 2022 January events and CSTO peacekeeping mission in Kazakhstan. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 241—252. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-241-252>

Введение

Миротворческая операция Организации Договора о коллективной безопасности 6—19 января 2022 г. в Республике Казахстан (РК)¹ способствовала сохранению конституционного строя в этой центральноазиатской

республике, подвергшейся попытке государственного переворота на фоне массовых протестов, парализовавших страну. Цель статьи — исследовать ход январских событий, включая ввод миротворческого контингента ОДКБ, и оценить их масштаб воздействия на внутреннюю и внешнюю политику Казахстана. Также в статье проанализировано, как миротворческая операция повлияла на саму организацию, расширила сферы ее применения и углубила сотрудничество стран-участниц в рамках регионального сообщества безопасности ОДКБ.

¹ Шашкина А. Миротворческая миссия ОДКБ в Казахстане: первая и успешная // Sputnik Казахстан. 19.01.2022. URL: <https://ru.sputnik.kz/20220119/mirotvorcheskaya-missiya-odkb-kazakhstan-19176096.html> (дата обращения: 18.03.2023).

Материалы и методы

Основой исследования являются экспертные интервью ученых из шести стран — участниц ОДКБ. Эксперты, включенные в выборку, занимаются данной проблематикой в рамках своей академической деятельности и/или уже комментировали январские события в Казахстане в средствах массовой информации. В статье представлены обобщенные результаты данных экспертных интервью, дополненные выводами автора на основе включенного наблюдения за событиями и анализа фактов и официальных документов; результаты интервью ранее нигде не публиковались.

В общей сложности автор опросила 11 экспертов. С целью сохранения этики исследования все результаты экспертного опроса были обезличены. От Республики Казахстан в опросе приняли участие Т.В. Мармонта, к.и.н., профессор Международного университета «Астана» (Астана, онлайн, апрель 2022), А.Т. Тажибаев, директор Центра аналитических исследований «Евразийский мониторинг» (Астана, лично, январь 2023) и О.А. Шегирбаев, директор департамента аналитики международных рынков АО QazTrade (Астана, лично, январь 2023). От Российской Федерации: Ю.А. Никитина, к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО (Москва, онлайн, январь 2023), А.А. Перминова, шеф-редактор портала Информационно-аналитического Центра МГУ (Москва, онлайн, апрель 2022), А.А. Казанцев, д.полит.н., главный научный сотрудник МГИМО (Москва, онлайн, апрель 2022), и С.А. Притчин, к.и.н., старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН, эксперт РСМД (Москва, онлайн, апрель 2022). От Киргизской Республики: П.С. Воробьев, научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза ИСАП (Бишкек, онлайн, январь 2023). От Республики Армения: Г. Микаелян, старший научный сотрудник Института Кавказа (Ереван, онлайн, январь 2023). От Республики Беларусь: И.М. Авласенко, к.и.н., доцент кафедры международных отношений

Белорусского государственного университета (Минск, онлайн, январь 2023). От Республики Таджикистан: Р.Ш. Шукруллозода, к.полит.н., независимый исследователь (Душанбе, онлайн, апрель 2023).

Помимо результатов экспертных интервью автор проанализировала официальные заявления руководства стран — членов ОДКБ, а также уже имеющиеся публикации российских (Боброва, 2022; Джанталеева, 2022; Каширина, Епифанова, 2022; Корниленко, 2020; Малышев, 2022; Морозов, 2022; Чаевич, 2022; Шамаров, 2022а; 2022б) и казахстанских авторов (Қоңырбаева, 2022; Kudaibergenova & Laruelle, 2022; Мұрат, 2022; Sairambay, 2022), а также исследователей из стран дальнего зарубежья (Hudson, 2022; Santos, 2022) в рецензируемых журналах. С целью концептуализации произошедших событий автор опиралась на предложенную К. Дойчем (Deutsch, 1957) терминологию, относящуюся к сообществу безопасности, и концепции Э. Солинген (Solingen, 2007) и Р. Патнэма (Putnam, 1988) о взаимоотношениях государства и общества.

На основе анализа вышеуказанных источников результаты исследования были систематизированы и объединены в тематические блоки, представленные ниже.

Ход январских событий

Январская трагедия 2022 г. представляла собой «попытку государственного переворота» и «террористическую атаку» на Казахстан². По результатам ее расследования было возбуждено более четырех тысяч уголовных дел по статьям, относящимся к убийствам, грабежам, мародерству, похищению оружия и повреждению имущества, погибло более 200 человек и пострадало около 5 тысяч³.

² Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ // Президент Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-kemelevicha-na-vneocherednoy-sessii-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-1002245> (дата обращения: 10.01.2023).

³ Мәжілісте Қаңтар оқиғасының мән-жайы айтылды // Қазақстан Республикасы Парламенті Мәжілісінің,

«Методология организации» январской трагедии была заблаговременно разработана и представляла собой слаженный комплексный подход с широкой информационной поддержкой. Если говорить о хронологии событий, то на начальном этапе имели место митинги в наиболее протестном западном регионе республики, далее распространились по всей стране и переросли в разбой в густонаселенных южных регионах страны. На третьей фазе, которая представляла собой уже «боевые действия», основным фронтом стал юг страны, и в частности финансовый, транспортный и деловой центр РК — Алматы. Слаженность и профессионализм действий, нацеленных на захват стратегических объектов, таких как здание мэрии (акимата) и Комитета национальной безопасности (КНБ), и оружейных магазинов показывает, что деятельность была скоординирована из единого центра принятия решений. Помимо Алматы, еще 9 областных центров были захвачены мародерами⁴. В погромах активно участвовали объединенные преступные и исламистские группировки. Вооружались радикалы, грабя оружейные магазины и ведомства с боеприпасами и разоружая представителей правопорядка⁵.

На мирном этапе контингент протестных групп включал местных активистов, журналистов, представителей профсоюзов и лиц, которые были проинформированы о митингах через социальные сети (Sairambay, 2022, р. 585). На радикальном этапе в события были вовлечены организованные преступные группировки (ОПГ), спонтанные и заранее

организованные агрессивно-настроенные жители и мародеры, деструктивные элементы и террористические группы.

Формальным поводом для недовольств послужило подорожание сжиженного газа, цена на который сразу же после выражения требований митингующими, была снижена с 0,28 до 0,20 долл. США за литр⁶.

На фоне радикализации протестов в стране было введено чрезвычайное положение и комендантский час, возникли перебои с электроснабжением и был отключен Интернет. Состоятельные граждане покинули страну (Шамаров, 2022а, с. 27). Примечательно, что у лиц и групп, которые непосредственно участвовали в январских событиях, не было лидера и каких-либо четких требований. Эксперты сходятся во мнении, что конечной целью беспорядков был государственный переворот и захват власти. Также большинство опрошенных экспертов и исследователей, пишущих по данной проблематике, считают, что январская трагедия представляла собой неудавшуюся попытку «цветной революции» в Казахстане (Джанталеева, 2022, с. 210; Чаевич, 2022; Сергеев, Волков, 2023, с. 25).

Миротворческая операция ОДКБ

Столкнувшись с вооруженной попыткой государственного переворота, глава государства обратился к союзникам по ОДКБ «с просьбой ввести объединенный миротворческий контингент для оказания содействия в наведении конституционного порядка»⁷.

05.01.2023. (На казахском языке). URL: <https://www.parlam.kz/kk/mazhilis/news-details/id49908/1/15> (дата обращения: 08.01.2023). См. также: (Шамаров, 2022а, с. 22).

⁴ Президент Қасым-Жомарт Тоқаевтың Қазақстан халқына үндеуі // Қазақстан Республикасы Президентінің. 07.01.2022. (На казахском языке). URL: <https://www.akorda.kz/kz/prezident-kasym-zhomart-tokaevtyyn-kazakstan-halkyna-undeui-70434> (дата обращения: 10.01.2023).

⁵ Казахстан: кто и зачем поджигает Центральную Азию? // Институт стратегического анализа и прогноза. 28.01.2022. URL: <https://isap.center/analytics/79> (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ Формальность данного повода заключается в низком спросе на газ в республике среди населения (так, потребление и природного газа, и сжиженного природного газа (СПГ) на душу населения в Казахстане в четыре раза ниже, чем в России), и его низкой цене, даже несмотря на подорожание. Расчеты сделаны автором на основании баз данных. См.: Gas consumption, 2021 // Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/gas-consumption-by-country> (accessed: 10.01.2023); Liquefied Petroleum Gases Consumption by Country // Index Mundi. URL: <https://www.indexmundi.com/energy/?product=lpg&graph=consumption&display=rank> (accessed: 10.01.2023). См. также: (Kudaibergenova & Laruelle, 2022, pp. 449—451).

⁷ Президент Қасым-Жомарт Тоқаевтың Қазақстан халқына үндеуі // Қазақстан Республикасы

ОДКБ незамедлительно ответила на обращение, направив коллективные войска в республику.

Миротворческая операция ОДКБ проводилась с 6 по 19 января 2022 г., активные действия — с 7 по 13 января (Шамаров, 2022а, с. 23). В контингент миротворческой операции от Армении вошли 70 военных, от Беларуси — 5-я отдельная бригада специального назначения и 103-я воздушно-десантная Витебская бригада, от Киргизии — 25-я бригада специального назначения «Скорпион», от России — подразделения 31-й отдельной десантно-штурмовой миротворческой бригады, 98-й воздушно-десантной дивизии, 38-й гвардейской бригады управления и 45-й отдельной бригады специального назначения Воздушно-десантных войск, от Таджикистана — 200 военнослужащих (Малышев, 2022, с. 126). В общей сложности в операции было задействовано 2,5 тыс. военнослужащих, 250 единиц военной техники и 75 самолетов, координация и переброска войск в рамках операции осуществлялась Российской Федерацией (Шамаров, 2022а, с. 23—24, 30). Коллективные миротворческие силы были дислоцированы в Алматинской области и городах Астана и Алматы с командным пунктом в Военном институте Сухопутных войск (Боброва, 2022, с. 24).

Операция проходила без мандата ООН, так как, согласно нормативно-правовой базе ОДКБ, он требуется только в случае ввода миротворческих войск на территории стран, не являющихся ее членами (Шамаров, 2022а, с. 23; Каширина, Епифанова, 2022, с. 385).

Благодаря вводу миротворческого контингента, который встал на защиту институтов власти, государственных ведомств, электростанций, аэропортов, складов вооружений, объектов критической инфраструктуры и продовольственной безопасности, правительству Казахстана удалось высвободить военные и полицейские силы и направить их на противодействие террористам и участникам

массовых беспорядков на юге страны (Сергеев, Волков, 2023, с. 25). Операция была проведена без потерь среди личного состава, высокоэффективно и в максимально сжатые сроки, и уже на третьи сутки с момента ее начала ситуация в республике стабилизировалась (Шамаров, 2022а, с. 24).

Де-факто миротворческая операция была направлена на поддержку правящей власти в республике и президента К.К. Токаева (Шамаров, 2022а, с. 25), что продемонстрировало национальным элитам и мировому сообществу легитимность действующего руководства и института президентства в глазах ближайших союзников.

Ввод войск ОДКБ также стал сигналом для силовых структур Казахстана, чью сторону принимать. В подготовку событий были вовлечены чиновники из высших кругов власти, особая роль за сложившиеся трагические события возлагается на представителей Комитета национальной безопасности, которые либо были вовлечены в подготовку атак, либо бездействовали в то время, когда от них требовалось защищать страну. Так, КНБ насчитывает около 30 тыс. сотрудников, МВД — 140 тыс. и вооруженные силы — 135 тыс., однако до начала миротворческой операции они самоустранились от подавления беспорядков (Морозов, 2022, с. 9). Силовой перевес действующей власти после ввода войск ОДКБ консолидировал все правозащитные силы на стороне президента. Им был дан приказ в рамках антитеррористической операции внутренними силами уничтожать лиц, которые отказались сложить оружие (Шамаров, 2022а, с. 22). Январские события стали переломным моментом в истории постсоветского Казахстана и оказали влияние на его политическую модернизацию, масштаб которой уже можно оценить.

Влияние январской трагедии и миротворческой операции на Казахстан

Январские события обнажили ряд проблем в республике, десятилетиями зревших в «отношениях государства — общества»,

Президентінің 07.01.2022. (На казахском языке). URL: <https://www.akorda.kz/kz/prezident-kasym-zhomart-tokaevtyн-kazakstan-halkyna-undeui-70434> (дата обращения: 10.01.2023).

и поставили под удар «политическое выживание» конституционного строя в стране и сложившейся вертикали власти (Solingen, 2007, p. 760). Среди назревших внутренних проблем можно выделить раскол политических и бизнес-элит, активную работу неправительственных организаций (НПО), которых в республике зарегистрировано около 22 тысяч, низкий уровень патриотизма у молодежи, недоверие к избирательной системе, обеднение населения вследствие пандемии коронавируса, социальное неравенство, а также серьезную демографическую трансформацию из-за массовой миграции из сел в города (Джанталеева, 2022, с. 213; Чаевич, 2022, с. 114; Қоңырбаева, 2022, с. 156; Мұрат, 2022, с. 43; Iermano & Gutorova, 2022, p. 34).

Последствия январских событий на настоящий момент наиболее очевидны во внутренней политике и в переходе власти к действующему главе республики. В деятельности страны на мировой арене изменений не наблюдается. Мнения экспертов по данным вопросам приведены ниже.

Завершение транзита власти

Нурсултан Абишевич Назарбаев возглавил Казахстан еще до распада СССР (в 1989 г.) и оставался на посту главы государства до добровольной передачи власти в марте 2019 г. После ухода Н.А. Назарбаева руководство было передано Касым-Жомарт Кемелевичу Токаеву. Несмотря на то, что первый президент отошел от дел, его влияние оставалось очень важным в силу исторической значимости и неоспоримого политического веса Елбасы. Январские события завершили это двоевластие и подтолкнули к консолидации общества и правящих кругов вокруг действующего главы государства.

Данный прием усиления власти через признание странами-союзниками и в целом на мировой арене применялся в Казахстане и при правлении Н.А. Назарбаева. Подобная «двухуровневая игра» (Putnam, 1988, p. 434) позволяла показать правильность действий правительства в глазах избирателей, повысить самосознание народа и служила

показателем достижений страны. В политическом плане для ее реализации использовались инициированное Казахстаном Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), председательство в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Астанинский процесс по Сирии, получение статуса непостоянного члена в Совете Безопасности ООН и т. д., в экономическом — вхождение РК в рейтинг 50 конкурентоспособных стран мира, в имиджевом — проведение ЕХРО-2017 и Азиады. Отличие в том, что при правительстве первого президента этот прием был более мягким и основывался на достижениях и признании Казахстана на мировой арене, и основной уклон был сделан на «мягкую силу». В случае январских событий подход был более глубинный и основывался уже на «жесткой силе».

Внутренние реформы

После завершения миротворческой операции и возвращения страны в привычное русло руководство страны на высшем уровне признало такие глубинные экономические и социальные проблемы, как сырьевая направленность экономики, нехватка технологий, инноваций и профессиональных кадров, низкая производительность труда и то, что зачастую финансово-олигархические группы и олигополии были главными бенефициарами экономического роста республики⁸.

После январских событий был взят курс на построение «справедливого Казахстана» и политическое реформирование через модернизацию отношений «гражданин — бизнес — государство» (Джанталеева, 2022, с. 214). Началось кадровое обновление, в рамках которого организаторы беспорядков, включая представителей власти и военных кругов, в первую очередь КНБ, были осуждены за

⁸ Мемлекет басшысы Қ.К. Тоқаевтың Қазақстан Республикасы Парламенті Мәжілісінің отырысында сөйлеген сөзі // Қазақстан Республикасы Президентінің. URL: <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kk-tokaevtyyn-kazakstan-respublikasynyn-parlamentimazhilisinin-otyrysynda-soylegen-sozi-1105319> (дата обращения: 08.01.2023).

государственную измену⁹. Были увеличены социальные выплаты, в том числе через созданный Фонд «Народу Казахстана», средства которого направлены на поддержку уязвимых слоев населения, повышение уровня общественных благ, макроэкономическую устойчивость, индустриализацию производства и развитие малого и среднего бизнеса. Также в рамках политической модернизации в июне 2022 г. был проведен общенациональный референдум по избранию президента на один срок на семь лет, а в марте 2023 г. прошли внеочередные парламентские выборы, на которых количество представленных в парламенте партий было расширено с четырех до шести¹⁰.

Внешняя политика

Эксперты сходятся во мнении, что очевидных изменений во внешней политике Казахстана не наблюдается. Страна продолжила проводить многовекторную политику, которая предполагает ее участие в интеграционных процессах в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и развитие стратегических отношений с ЕС, Китаем и США. Несмотря на то, что лидирующую роль в миротворческой операции ОДКБ сыграла Россия, явно пророссийского поворота во внешней политике Казахстана не произошло, о чем свидетельствует тот факт, что и после печальных январских событий, которые поставили под удар государственность и суверенитет республики, в стране не были закрыты американские биологические лаборатории и было продолжено взаимодействие со спецслужбами США (Шамаров, 2022а, с. 25—26).

Главным лейтмотивом внешнеполитической деятельности является убеждение инве-

сторов в стабильности инвестиционного климата в республике, который заметно пострадал, лавирование между интересами двух великих держав-соседей, РФ и КНР, и внерегиональных держав, таких как США, ЕС и Турция, а также избежание вторичных санкций в условиях беспрецедентного санкционного давления на Россию как главного торгового партнера Казахстана. При нынешнем «геополитическом шторме» поддерживать такую многовекторную политику крайне сложно¹¹. Однако ожидать ее изменения в условиях неопределенности очертаний нового передела мирового порядка, зависимости страны от международных финансовых институтов и спроса на казахстанские экспортные товары на внешнем рынке сырьевых ресурсов и относительно невысокого «индекса геополитической самостоятельности» от Казахстана не приходится (Джанталеева, 2022, с. 212).

Влияние миротворческой операции в Казахстане на сообщество безопасности ОДКБ

Успешная миротворческая операция повлияла не только на Казахстан, но и на весь регион. Последствия имеют долгосрочный эффект и положительно повлияли как на внутреннюю структуру ОДКБ, так и на значимость организации на глобальном уровне.

Подтверждение действенности ОДКБ

Данную организацию коллективной безопасности называли «бумажным тигром», так как на практике она не была задействована и не вела ни самостоятельных миротворческих операций, ни операций под эгидой ООН (Корниленко, 2020, с. 716). Миротворческая операция в Казахстане изменила подобное отношение, и эффективность ОДКБ была зафиксирована как на мировой арене, так и в Кремле. Это подтверждается упоминанием Организации в новой Концепции внешней

⁹ Экс-глава Комитета нацбезопасности Казахстана Масимов приговорен к 18 годам заключения // Интерфакс. 24.04.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/897479> (дата обращения: 16.05.2023).

¹⁰ Kazajistán: El partido gobernante gana las elecciones legislativas en Kazajistán con más del 53% de los votos, según los sondeos // RTVE.es. 19.03.2023. URL: <https://www.rtve.es/noticias/20230319/partido-gobernante-gana-elecciones-legislativas-kazajistan/2432198.shtml> (accessed: 10.04.2023).

¹¹ Жаңа Қазақстан: Жаңару Мен Жаңғыру Жолы // Қазақстан Республикасы Президентінің. 22.03.2022. (На казахском языке). URL: <https://www.akorda.kz/kz/memleket-basshysy-kasym-zhomart-tokaevty-n-kazakstan-halkyna-zholdauy-1622340> (дата обращения: 08.01.2023).

политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г., где говорится о необходимости «укрепления миротворческого и антикризисного потенциала» организации¹².

ОДКБ — это уникальная организация, так как в военно-политическом плане она объединяет страны из разных географических регионов на Кавказе (Армения), в Европе (Россия и Беларусь) и Центральной Азии (Казахстан, Киргизия и Таджикистан). Создание и трансформация ОДКБ были продиктованы историческими реалиями и вызовами мирового порядка. Так, распад СССР, связанное с ним прекращение действия единой союзной доктрины по безопасности и дезинтеграция единого управления родами войск и материально-технической базы негативно отразились на боеспособности армий новых независимых государств и взаимодействии между ними. В связи с этим для сохранения преемственности безопасности в 1992 г. был заключен Договор о коллективной безопасности, на основе которого в 2002 г. вместе с подписанием Устава была создана ОДКБ¹³. Организация имеет статус наблюдателя при ООН; перед ОДКБ стоит ряд важных задач, включающих в себя совместные мероприятия по борьбе с терроризмом и наркотрафиком, обновление оснащения вооруженных сил, поддержание в рабочем состоянии армий стран-участниц и формирование коллективного ответа на новые угрозы региональной безопасности (Iermano & Gutorova, 2022, pp. 38—39).

Одной из таких угроз была попытка государственного переворота и террористическая

атака на Казахстан, с которой ОДКБ справилась в кратчайшие сроки. Успешность операции также доказала, что организация способна дать молниеносный ответ в условиях острого кризиса эффективнее, чем миротворческие усилия под эгидой НАТО, ОБСЕ и ООН, которые зачастую сопровождаются потерями среди личного состава и отличаются затяжным характером (Шамаров, 2022а, с. 23—24). Помимо этого, операция укрепила «геополитическое влияние» ОДКБ и РФ в регионе и на мировой арене наряду с российской миротворческой деятельностью в Сирии и Нагорном Карабахе (Santos, 2022, p. 101; Шамаров, 2022а, с. 31; Шамаров, 2022b, с. 19).

Расширение сфер применения ОДКБ

Эксперты полагают, что январская трагедия по технологии организации представляет собой гибридный методологический подход попытки государственного переворота и не имеет аналога ранее реализованной незаконной смены конституционного строя. Ситуация схожа с «арабской весной», событиями 1 марта 2008 г. в Армении, протестами в Иране в 2019 г. и украинским Евромайданом, однако отличительной чертой январских событий в Казахстане является их «явный насильственный характер». Можно также привести пример революций в Киргизии, однако и причины этих революций, и в целом социальный фон событий в Киргизской Республике значительно отличался от казахстанского. Присутствует сходство с белорусскими событиями 2020 г., но в Беларуси протесты развивались на фоне оглашения результатов выборов, в Казахстане же на момент трагедии выборов не проходило. Какими бы ни были технологические приемы попытки государственного переворота в республике, ОДКБ оперативно их нейтрализовала и проявила себя на практике в новом статусе защитницы конституционного строя и правопорядка в странах-участницах, показав свою миротворческую дееспособность в региональном и глобальном контексте.

Однако это не единственная новая сфера применения потенциала организации.

¹² Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. 31.03.2023. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/70811> (дата обращения: 11.04.2023).

¹³ См.: Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года // Организация Договора о коллективной безопасности. 26.04.2012. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 18.05.2023); Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 18.05.2023).

В рамках ОДКБ может также продвигаться и оборонная интеграция. Восстановление оборонных предприятий и заводов, которые на территории Казахстана после распада СССР либо закрылись, либо пришли в упадок, значительно сократив производство, и их встраивание в обеспечение материально-технических нужд организации могло бы стать одним из направлений подобной оборонной интеграции. Эти инициативы могли бы положительно сказаться на развитии северных и центральных регионов республики и создать тысячи рабочих мест, которые сгенерируют как сами оборонные предприятия, так и обслуживающий бизнес, который образуется вокруг них.

Помимо наведения правопорядка и углубления оборонной интеграции ОДКБ должна развиваться и в институциональном аспекте, что является одной из задач нового Генерального секретаря ОДКБ Имангали Нургалиевича Тасмагамбетова, который занимал посты премьер-министра и министра обороны Казахстана, акима Астаны и Алматы и зарекомендовал себя как эффективный хозяйственник.

Углубление интеграции в рамках евразийского сообщества безопасности

Некоторые из экспертов считают ОДКБ сформировавшимся региональным сообществом безопасности. Однако большинство полагают, что организации предстоит решить еще немало проблем в данном направлении¹⁴.

Сообщество безопасности в теоретическом понимании основоположника соответствующей теории К. Дойча и его последователей представляет собой территорию, субъектами которой достигнуты реальные гарантии того, что они не будут применять друг к другу силу и все социальные проблемы между ними будут решаться мирными средствами (Deutsch, 1957, p. 5). Региональные

¹⁴ Двое из опрошенных 11 экспертов считают пространство ОДКБ сложившимся сообществом безопасности, остальные полагают, что оно еще не сформировано.

сообщества безопасности — это «зоны стабильного мира», созданные «регионализмом безопасности» и базирующиеся на коллективной безопасности, экономической взаимозависимости, общих демократических органах и транснациональных коалициях внутриполитических групп (Solingen, 1998, p. 3; Mansfield & Solingen, 2010, p. 153).

В рамках зоны ответственности ОДКБ организация отвечает за безопасность, в то время как остальные составляющие сообщества безопасности реализуются в рамках ЕАЭС, который представляет собой общий рынок товаров, капитала, труда и услуг и в который входят все страны — участницы ОДКБ, кроме Таджикистана. Таким образом, согласно К. Дойчу и его последователям, проводится параллель между безопасностью и интеграцией (Hyde-Price, 2015, p. 29), и в рамках ОДКБ институционально уже проделана колоссальная работа по построению регионального сообщества безопасности на территории действия организации. Конечно, в данном направлении еще много нерешенных задач, это относится и к неурегулированной (на момент написания статьи) ситуации вокруг Нагорного Карабаха, а также конфликту между Киргизией и Таджикистаном.

Еще одной сферой, которая требует доработки с целью успешного построения регионального сообщества безопасности, является наличие «чувства общности» среди его граждан (Deutsch, 1957, p. 5). То есть организации необходимо чувство единой идентичности и общая идеология, которые объединили бы граждан стран-участниц, углубили бы сотрудничество между ними и улучшили бы восприятие ОДКБ как единого блока в глазах мирового сообщества (Nikitina, 2012, p. 51). Наиболее логично в данном направлении развивать евразийскую идентичность, которая не противоречит национальным идентичностям народов сообщества, а дополняет их (Syssoyeva, 2015, p. 298).

Таким образом, региональное евразийское сообщество безопасности членов ОДКБ уже оформлено институционально, и в рамках ЕАЭС развивается его экономическая составляющая «четырёх свобод», но перед

сообществом стоят вызовы безопасности ее стран-участниц и необходимость развития единой идентичности. Решение проблем безопасности требует консолидации стран — членов ОДКБ между собой и вокруг Российской Федерации как гаранта безопасности в регионе, и то, что подобная консолидация возможна и эффективна, показала успешная миротворческая операция ОДКБ в Казахстане.

Заключение

В начале января 2022 г. Казахстан подвергся террористической атаке и попытке государственного переворота на фоне массовых протестов по всей стране, и «методология организации» этого неудавшегося переворота отличается от уже реализованных сценариев «цветных революций» на постсоветском пространстве и в ряде других регионов, но вбирает их основные технологии. На первоначально мирном этапе протестные группы включали местных активистов и политически активных граждан. Радикальный же этап реализовали преступные криминальные группировки, террористы и мародеры. На этом этапе у радикалов не было лидера и определенных требований, и их целями являлись сеяние страха среди населения и дестабилизация ситуации в стране и в перспективе — во всем регионе. В сложившихся условиях, когда казахстанские правоохранительные органы не могли собственными силами стабилизировать обстановку, действующим президентом К.К. Токаевым было принято решение привлечь миротворческий контингент ОДКБ. Объединенные войска организации, координируемые и переброшенные в республику Российской Федерацией в считанные часы, встали на защиту институтов власти и стратегических государственных объектов, что позволило высвободить казахстанские военные и полицейские силы и успешно реализовать контртеррористическую операцию.

Ввод войск ОДКБ, позитивно оцененный экспертным сообществом, показал легитимность действующей власти для стран-союзниц,

обеспечил силовой перевес, консолидировав республиканские правозащитные силы на стороне действующего президента, и позволил сохранить конституционный строй в республике.

На уровне взаимоотношений государства и общества события проявили ряд слабых сторон казахстанской государственности, среди которых расслоение и обнищание населения, социальные и экономические проблемы, низкий уровень патриотизма, демографический дисбаланс в распределении богатств и противоборство внутренних элит, что в совокупности привело к январской трагедии. После неудавшейся попытки государственного переворота завершился транзит власти к действующему президенту К.К. Токаеву, проведен референдум и внеочередные парламентские выборы и был взят курс на строительство «справедливого Казахстана». Во внешней политике страны изменений не произошло, и многовекторность осталась основой казахстанской дипломатии, несмотря на то, что основополагающую роль в стабилизации ситуации и решении острого кризиса в Казахстане сыграла Российская Федерация.

После успешной миротворческой операции в Казахстане ОДКБ перестала быть «бумажным тигром», доказав свою миротворческую эффективность, а Российская Федерация в очередной раз выступила в качестве гаранта безопасности в регионе. Реализовав операцию в РК, ОДКБ предотвратила катастрофу регионального масштаба и расширила свои сферы применения как защитница конституционного строя и законной власти в странах-участницах.

Потенциал организации многогранен, и новыми направлениями ее развития могут стать интеграция в сфере оборонной промышленности и продвижение общей идентичности. В настоящее время организация движется к построению регионального евразийского сообщества безопасности, на пути к которому уже много пройдено с целью консолидации стран — членов ОДКБ.

Поступила в редакцию / Received: 30.01.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 08.04.2023

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список

- Боброва О. Г.* Роль миротворческих сил ОДКБ в обеспечении безопасности государственных границ // Вестник военного права. 2022. Вып. 1. С. 22—27.
- Джанталеева М. Ш.* Политический кризис в Казахстане 2022 года и роль России в урегулировании конфликта // Современная наука и инновации. 2022. Вып. 2 (38). С. 209—217. <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2022.2.21>
- Каширина Т. В., Енифанова Т. В.* Проблема «координирующего государства» в миротворческой деятельности ОДКБ // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9, № 3. С. 384—388. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.3>
- Корниленко А. В.* Миротворческий потенциал Организации Договора о коллективной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 4. С. 707—720. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-707-720>
- Қоңырбаева С.* Қазақстандық патриотизм — жастардың құндылық бағдарының өзегі (қантар оқиғасынан кейін жастар тәрбиесіне талдау мен тұжырым) // ҚазҰУ хабаршысы. Педагогикалық серия. 2022. № 2 (71). С. 156—173. (На казахском языке). <https://doi.org/10.26577/JES.2022.v71.i2.014>
- Мальшиев Д. В.* Миротворчество на постсоветском пространстве: Нагорный Карабах и Казахстан // Россия и новые государства Евразии. 2022. Т. 56, № 3. С. 120—132. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-3-120-132>
- Морозов Ю. В.* Внутренние и внешние факторы событий в Казахстане в начале 2022 года и возможные стратегии Запада и России в республике // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 1. С. 6—16. <https://doi.org/10.24412/2686-7702-2022-1-6-16>
- Мұрат А.* «Халық үніне құлақ асатын мемлекет» тұжырымдамасын іске асыру мәнмәтініндегі қазақстандық қоғамдық диалог // Қоғам және дәуір. Ғылыми-сараптамалық журнал. 2022. № 3 (75). С. 32—45. (На казахском языке). <https://doi.org/10.52536/2788-5860.2022-3.03>
- Сергеев Н. М., Волков Г. Ю.* Союзное государство в современных геополитических реалиях // Постсоветский материк. 2023. № 1 (37). С. 24—44. https://doi.org/10.48137/23116412_2023_1_24
- Чаевич А. В.* «Цветная революция» в Казахстане как очередная угроза национальной безопасности России // Власть. 2022. Т. 30, № 1. С. 110—115. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8792>
- Шамаров П. В.* Концептуализация миротворчества России как объективное требование сложной международной обстановки // Проблемы национальной стратегии. 2022b. № 2 (71). С. 14—34.
- Шамаров П. В.* Миротворческая операция ОДКБ в Казахстане: первые итоги, уроки и выводы // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2022a. № 5—6. С. 22—35. https://doi.org/10.54449/20739532_2022_5-6_22
- Deutsch K. W.* *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience.* Princeton : Princeton University Press, 1957.
- Hudson V.* The Impact of Russian Soft Power in Kazakhstan: Creating an Enabling Environment for Cooperation between Nur-Sultan and Moscow // *Journal of Political Power.* 2022. Vol. 15, no. 3. P. 469—494. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2022.2127280>
- Hyde-Price A.* *Security Communities // Democracy, Peace, and Security / ed. by H. Gärtner, J. W. Honig, H. Akbulut.* New York : Lexington Books, 2015. P. 25—40.
- Iermano A., Gutorova A.* Protests against Gas Prices in Kazakhstan: The First-Ever Intervention by the CSTO in One of Its Member States // *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022. Vol. 12, no. 2. P. 32—41. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-32-41>
- Kudaibergenova D., Laruelle M.* Making Sense of the January 2022 Protests in Kazakhstan: Failing Legitimacy, Culture of Protests, and Elite Readjustments // *Post-Soviet Affairs.* 2022. Vol. 36, no. 6. P. 441—459. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2022.2077060>
- Mansfield E. D., Solingen E.* Regionalism // *Annual Review of Political Science.* 2010. Vol. 13, no. 1. P. 145—163. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.13.050807.161356>
- Nikitina Y.* The Collective Security Treaty Organization through the Looking Glass // *Problems of Post-Communism.* 2012. Vol. 59, no. 3. P. 41—52. <https://doi.org/10.2753/PPC1075-8216590304>
- Putnam R.* Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // *International Organization.* 1988. Vol. 42, no. 3. P. 427—460. <https://doi.org/10.1017/S0020818300027697>
- Sairambay Y.* The Contributions of New Media to Young People’s Political Participation in Russia and Kazakhstan // *Central Asian Survey.* 2022. Vol. 41, no. 3. P. 571—595. <https://doi.org/10.1080/02634937.2021.1978929>

- Santos J. C. D. dos.* Por Que a Organização do Tratado de Segurança Coletiva Foi Utilizada na Crise do Cazaquistão? // *Boletim de Conjuntura (BOCA)*. 2022. Vol. 9, no. 26. P. 96—104. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5935093>
- Solingen E.* Pax Asiatica versus Bella Levantina: The Foundations of War and Peace in East Asia and the Middle East // *American Political Science Review*. 2007. Vol. 101, no. 4. P. 757—780. <https://doi.org/10.1017/S0003055407070487>
- Solingen E.* *Regional Orders at Century's Dawn: Global and Domestic Influences on Grand Strategy*. Princeton : Princeton University Press, 1998.
- Syssoyeva R.* *Eurasian Integration as a Way to Respond to Global Challenges* [thesis]. Leioa : University of the Basque Country, 2015. URL: https://addi.ehu.es/bitstream/handle/10810/15842/TESIS_RIGINA_SYSSOYEVA.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 14.01.2023).

Сведения об авторе: *Сысоева Ригина Валерьевна* — доктор философии (PhD), постдокторант по проекту «Жас ғалым» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан; доцент Школы социальных и гуманитарных наук, Международный университет «Астана»; ORCID: 0000-0001-9216-363X; e-mail: dra.syssoyeva@outlook.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-253-264

EDN: JKVFZS

Научная статья / Research article

Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма

Г.Дж.П. Хонрада , С.А. Бокерия ✉Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
✉ bokeria-sa@rudn.ru

Аннотация. Нарративы необходимы организациям и государствам, чтобы обеспечить основу для процессов принятия решений и организационной структуры, а также укрепить свою легитимность, апеллируя к общим ценностям и мировоззрению. Эти нарративы будут играть еще большую роль в многополярном мире, характеризующемся разнообразием мировоззрений и ценностей, которые формируют внутреннее и внешнее восприятие международных акторов. В исследовании сравниваются критические нарративы, выдвинутые Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), — «Шанхайский дух» и «Путь АСЕАН». Опираясь на научные работы, посвященные изложению мировоззрения, ценностей и норм, составляющих «Шанхайский дух» и «Путь АСЕАН», авторы используют синкретические подходы, чтобы показать, как эти понятия применяются в данных нарративах. «Шанхайский дух» строится на взаимном доверии, взаимной выгоде, качестве, уважении к разнообразию цивилизаций и стремлении к совместному развитию. Аналогичным образом, «Путь АСЕАН» основан на невмешательстве, неконфронтации, неприменении силы и принятии решений на основе консенсуса. «Шанхайский дух» и «Путь АСЕАН» имеют заметные сходства, такие как акцент на сохранении суверенитета, прагматичный подход к регионализму и гибкое, необязательное применение. Однако у них есть и существенные различия, такие как обоснование, лежащее в их основе, различные предпочтительные средства сотрудничества, а также акцент на безопасности государства в противовес безопасности человека. Утверждается, что уникальные особенности «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН», которые продвигают свободный регионализм, в сочетании с государственно-центричными Вестфальскими особенностями современной международной системы приводят к новой — открытой — форме регионализма, при этом сохраняющей и укрепляющей индивидуальный суверенитет государств. В этом смысле «Шанхайский дух» и «Путь АСЕАН» могут стать интеллектуальной основой для новой формы регионализма и международных отношений, которые могут более чутко реагировать на возникающие вызовы многополярного мира.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, ШОС, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, АСЕАН, Шанхайский дух, Путь АСЕАН, регионализм

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

© Хонрада Г.Дж.П., Бокерия С.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Хонрада Г. Дж. П., Бокерия С. А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 253—264. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-253-264>

The Shanghai Spirit and the ASEAN Way as the Foundations of a New Regionalism

Gabriel Joel P. Honrada , Svetlana A. Bokeriya

RUDN University, Moscow, Russian Federation

[✉bokeria-sa@rudn.ru](mailto:bokeria-sa@rudn.ru)

Abstract. Narratives are essential for organizations and states to provide a framework for their decision-making processes and organizational structure and bolster their legitimacy by appealing to shared values and worldviews. These narratives will play a greater role in a multipolar world characterized by a diversity of worldviews and values that shape the internal and external perceptions of international actors. The authors compare the critical narratives forwarded by the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), namely the Shanghai Spirit and the ASEAN Way. Drawing on scientific works dedicated to explicating the worldview, values, and norms espoused by the Shanghai Spirit and the ASEAN Way, the authors use syncretic approaches to show how these concepts are applied in these narratives. The Shanghai Spirit is based on mutual trust, mutual benefit, quality, respect for the diversity of civilizations, and the pursuit of common development. Similarly, the ASEAN Way is based on non-interference, non-confrontation, non-use of force, and consensus-based decision-making. The Shanghai Spirit and the ASEAN Way have notable similarities, such as an emphasis on preserving sovereignty, a pragmatic approach to regionalism, and a flexible, non-binding application. Although they also have significant differences, such as the rationale behind them, different preferred means of cooperation, and an emphasis on state security versus human security. The article argues that the unique features of the Shanghai Spirit and the ASEAN Way, which promote loose regionalism, combined with the state-centric Westphalian features of the contemporary international system, result in a new form of regionalism that is open yet preserves and reinforces the individual sovereignty of states. In this sense, the Shanghai Spirit and the ASEAN Way may provide the intellectual basis for a new form of regionalism and international relations that can better respond to the emerging challenges of a multipolar world.

Key words: the Shanghai Cooperation Organization, SCO, the Association of Southeast Asian Nations, ASEAN, the Shanghai Spirit, the ASEAN Way, regionalism

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors contributed equally to the design, research and drafting of the final article.

For citation: Honrada, G. J. P., & Bokeriya, S. A. (2023). The Shanghai spirit and the ASEAN way as the foundations of a new regionalism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 253—264. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-253-264>

Введение

«Шанхайский дух» и «Путь АСЕАН» — это философские концепции, воплощающие в себе руководящие принципы двух крупнейших азиатских региональных организаций — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Эти нарративы выступают в качестве прочной основы для принятия решений, обеспечения организационной структуры и лояльности в указанных организациях.

«Шанхайский дух» и «Путь АСЕАН» имеют свои специфические характеристики, которые придают ШОС и АСЕАН синкретический характер и позволяют реализовывать принцип *инклюзии*. В отличие от ШОС и АСЕАН западные региональные организации, такие как ЕС и НАТО, функционируют скорее на основе принципов *экслюзии* («исключения»): и новые, и уже действующие члены организаций должны придерживаться Вестфальской концепции государства, либеральных норм и ценностей. Вестфальская

концепция суверенитета предполагает, что национальное государство является единственным оправданным и независимым действующим лицом на мировой арене, характеризующимся собственным суверенитетом, очерченными территориями, определенным населением, а также презумпцию того, что другие государства обязаны, хотя бы даже и неохотно, принять все вышесказанное как норму. Кроме того, либеральный международный порядок, в котором доминирует Запад, подчеркивает строгий регионализм, основанный на соблюдении четко и строго определенных правовых параметров. «Шанхайский дух» и «Путь АСЕАН» же, напротив, принимают наличие фундаментальных различий и позиций как элемент регионализма и современных международных отношений.

Инклюзивный, синкретический характер «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» распространяется на сферу международных отношений и выходит за рамки практики регионализма. Восточные философские концепции приобрели целостный характер, объединяя в себе незападные формы регионализма с западными представлениями о государстве и вестфальском суверенитете.

В то время как Вестфальская модель все еще остается ведущей концепцией современных государственных и международных отношений, на региональном и национальном уровнях набирает обороты регионализм в прочтении ШОС и АСЕАН, в некотором смысле обгоняя абсолютно преобладавшую ранее Вестфальскую систему. «Новый» регионализм создает платформу для сближения этих двух организаций в рамках единого Большого Евразийского стратегического пространства, охватывающего Восточную, Юго-Восточную и Южную Азию. Соответствующие нарративы в отношении регионализма и нормотворчества реализуются в деятельности ШОС и АСЕАН. ШОС — одна из крупнейших региональных организаций в Евразии, распространяющая подходы «Шанхайского духа» в рамках полуформализованного вестфальского регионализма. АСЕАН, напротив, характеризуется менее централизованным типом руководства, что влияет на то, каким

образом организация функционирует в Вестфальской международной системе.

Учитывая это, можно выделить принципы действия «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН», начиная с основных пунктов и заканчивая взглядом на регионализм, международные отношения и принятие решений. Положения указанных концепций сочетаются с вестфальскими характеристиками мироустройства, создавая новую форму международных отношений, отличную от западного образца. Западному идеалу международных отношений, результатом которых является либеральный мировой порядок, отчасти присущи абсолютистские атрибуты, что не всегда соответствует разнообразным философским, политическим и культурным реалиям человечества.

Новая система международных отношений может быть основана на общих чертах «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН», поскольку ШОС и АСЕАН реализуют эти нарративы. Подчеркнутый и открытый регионализм при сохранении вестфальского суверенитета отдельных государств, принятие культурных различий, стремление к компромиссу и консенсусу в критических решениях, в некоторой степени парадоксальный подход к укреплению государственного суверенитета при региональной интеграции, сведенный к минимуму формализм в решении административных вопросов и др. характеризуют деятельность внутри ШОС и АСЕАН и взаимодействие двух организаций.

Основные принципы «Шанхайского духа»

Концепция «Шанхайского духа» базируется на принципах взаимного уважения суверенитета, независимости, территориальной целостности государств, нерушимости государственных границ, ненападения, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы или угрозы ее применения в международных отношениях и отсутствии стремления к одностороннему военному превосходству в сопредельных районах¹.

¹ Charter of the Shanghai Cooperation Organization // CIS Legislation. June 7, 2002. URL: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=3851> (accessed: 12.04.2023).

Заметно отличаясь от норм, которые пропагандируются США и их единомышленниками, нормы ШОС преследуют двойную цель: с одной стороны, обеспечить основу для продуктивного сотрудничества членов внутри организации, а с другой — бросить вызов устоявшимся однополярным международным отношениям (Bailes et al., 2007, p. 6). Примечательно, что ШОС позиционирует «Шанхайский дух» как альтернативу устаревшему менталитету времен холодной войны, дискурсу антагонизма и столкновения цивилизаций, делая упор на установление партнерских отношений, а не на создание альянсов². Философия «Шанхайского духа» описывает опасности, которые непременно заключает в себе однополярный мир. Можно утверждать, что однополярность в международной политике не сулит ничего хорошего для мира и стабильности ввиду отсутствия системы сдержек и противовесов (Rahman, 2007, p. 130).

«Шанхайский дух» основан на взаимном доверии, взаимной выгоде, равенстве, открытости обсуждений, уважении культурного разнообразия и стремлении к совместному развитию партнеров. Центральное место в риторике «Шанхайского духа» занимает концепция гармоничного мирового порядка, представляющего собой многокомпонентный механизм управления и переговоров, в рамках которого уважают разнообразие культур и институций, следуют принципу верховенства международного права и решают международные дела путем обсуждения с целью построения прочного мира и всеобщего процветания (Fei Gao, 2010, p. 2). Эта концепция напоминает о таком понимании равенства в международной системе, которое требует как можно меньше гегемонии и дисбаланса и идет по пути развития, отличному от западных образцов (Freire, 2018, p. 401).

Именно поэтому ШОС сохранила свою жизнеспособность и стала влиятельной

региональной международной организацией. «Шанхайский дух» называют «духовным очагом» организации, «уникальным источником постепенного развития внутри ШОС» и «важным руководящим принципом для развития межгосударственных отношений, преодоления глобальных угроз и вызовов и разрешения международных разногласий» (Хуе Yamei & Makengo, 2021, p. 188).

Для «Шанхайского духа» характерны уважение к многообразию, отказ от навязывания своих ценностей в качестве общечеловеческих, невмешательство во внутренние дела других государств и собственная ответственность государств за их стабильность, что контрастирует с западной концепцией «обязанности защищать», которая ранее уже использовалась в качестве предлога для военного вмешательства. «Шанхайский дух» предполагает «конструктивное взаимодействие» в урегулировании кризисов, предотвращение их эскалации и восстановление стабильности на основе международного права³.

Приоритетом ШОС является поддержание государственной стабильности участников организации, тем самым ШОС оправдывает собственную легитимность. «Шанхайский дух» на практике нацелен на укрепление государственного суверенитета посредством невмешательства во внутренние дела государства извне в сочетании со свободными и неформальными механизмами обсуждения, а не на интервенционизм и политику, направленную на ослабление роли государства. ШОС позиционирует себя как альтернативу организациям западного типа, опираясь в работе на региональные нормы, воплощенные в «Шанхайском духе». ШОС не основывает свою легитимность на внешнем признании со стороны других международных организаций и институтов и считает независимость от западного давления своим преимуществом (Dingwerth & Witt, 2019, p. 45).

² Deng Hao. 20 Years of the SCO: Development, Experience and Future Direction // China Institute of International Studies. December 3, 2021. URL: https://www.ciis.org.cn/english/ESEARCHPROJECTS/Articles/202112/t20211203_8276.html (accessed: 12.04.2023).

³ Zhao Huasheng. What is the Future for SCO? // Carnegie Endowment for Regional Peace. August 29, 2012. URL: <https://carnegieendowment.org/2012/08/29/what-is-future-for-sco-pub-49218> (accessed: 12.04.2023).

ШОС продвигает «Шанхайский дух» как новую модель межгосударственных отношений и регионализма, основанную на кодексе поведения, а не на ценностных целях и задачах (Jia Qingguo, 2007, p. 120). Члены сообщества оказывают друг другу необходимую поддержку и обеспечивают кооперацию на основе взаимного доверия, которое развивается благодаря общему пониманию социальных норм и морали. Кроме того, «Шанхайский дух» способствует укреплению доверия между Китаем и его соседями. «Шанхайский дух» стал для Китая прочной основой для сотрудничества с партнерами в борьбе против сепаратизма, терроризма и экстремизма посредством регионального сотрудничества, а также с помощью практических инструментов китайской Региональной антитеррористической структуры (РАТС). Практические антитеррористические учения повышают способность стран — членов ШОС противостоять террористическим угрозам, а их службы безопасности учатся тактике, обращению с оружием, командованию и управлению, логистике и маневрам для решения общих нетрадиционных проблем безопасности (Zhao Xiaodong, 2012, pp. 15—16).

Эта идея контрастирует с вестфальским взглядом на международные отношения, в котором определяющей чертой глобальной системы является анархия, а государства выступают главными действующими лицами, вовлеченными в борьбу за свои интересы и использующими силу принуждения и насилие, а международная система не рассматривается как единое органическое целое.

ШОС также руководствуется принципами «Шанхайского духа», выстраивая отношения с другими международными организациями. Деятельность ШОС направлена не на подрыв механизмов сотрудничества, выстроенных другими государствами или международными организациями, а на создание новых сфер сотрудничества, которых ранее не существовало или которые были бы невозможны без включения ШОС⁴. В соответствии с этим

⁴ Lukin A. V. *The Shanghai Cooperation Organization: What Next? // Russia in Global Affairs*. 2007. No. 3

ШОС принимает участие в переговорах на региональном и глобальном уровнях, развивая свои отношения с широким кругом участников, таких как АСЕАН, Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Организация Объединенных Наций (ООН) (Aris, 2013).

Кроме того, «Шанхайский дух» продолжает играть важную роль в организации внешней политики ШОС. В соответствии с принципами «Шанхайского духа» ШОС выстроила нарратив международных отношений, опирающийся на идеи невмешательства во внутренние дела государств-участников, продвижения многополярного мирового порядка, сбалансированной глобализации, при которой в мире не доминирует ни одна сила или культура (Aris, 2011, p. 143). Несмотря на такой грандиозный взгляд, идентичность самой ШОС еще нуждается в корректировке: организация должна позиционировать себя как объединение государств, направленное на функциональное решение конкретных проблем. Это будет сигнализировать международному сообществу, что концепция безопасности ШОС выходит за рамки мер, необходимых для поддержания правопорядка в странах — участницах этой организации⁵.

Тем не менее завершенная концепция «Шанхайского духа» еще нуждается в оформлении, так как сейчас она еще не содержит четко сформулированного набора ценностей, который был бы привлекателен как для Китая, так и для других государств — членов ШОС (Jia Qingguo, 2007, p. 123). Более того, сама ШОС подвергалась критике как сообщество автократов, а ее «Шанхайский дух» — как попытка придать интеллектуальную легитимность автократии с целью создания идеологического нарратива, с помощью которого можно было бы бросить вызов

(August-September). URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-shanghai-cooperation-organization-what-next/> (accessed: 21.03.2023).

⁵ Dadabaev T. In search of a new identity for SCO // *East Asia Forum*. September 20, 2022. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2022/09/20/in-search-of-a-new-identity-for-sco/> (accessed: 21.03.2023).

представлениям о либеральной демократии. Однако вопреки этим обвинениям ШОС является открытой и инклюзивной организацией, не проводит политику сдерживания, аналогичную ст. 5 Устава НАТО, и не намерена проецировать свою силу. Следовательно, ШОС не ведет агрессивную политику и никому не угрожает⁶.

Таким образом, «Шанхайский дух» является ведущим принципом ШОС в области многостороннего сотрудничества, обещая в обозримом будущем новый внесоюзный формат сотрудничества. Важнейшими чертами «Шанхайского духа» являются взаимное доверие, взаимовыгодное сотрудничество, равенство, открытые обсуждения, уважение к цивилизационному и культурному разнообразию, стремление к совместному развитию, цементирование стратегического доверия между членами ШОС, разрешение или сглаживание недопониманий, вызванных внутренними и внешними негативными факторами с целью дальнейшей консолидации организации, а также повышение уровня сотрудничества и роли ШОС в региональных и международных вопросах⁷.

Основные принципы «Пути АСЕАН»

Устав АСЕАН кратко перечисляет нормы «Пути АСЕАН», которые включают в себя уважение независимости, территориальной целостности, суверенитета и национальной идентичности всех государств — членов АСЕАН; лояльность друг к другу и коллективную ответственность государств-членов в укреплении регионального мира, безопасности и процветания; отказ от агрессии и угрозы применения силы; мирное урегулирование споров; невмешательство во внутренние дела государств — членов АСЕАН; открытые

обсуждения, стремление к консенсусу и отсутствие конфронтации⁸. Среди политических ценностей организации выделяются общие государственные ценности как основа хороших отношений вне зависимости от идеологии или формы правления, невмешательство во внутренние дела, обращение с другими как с равными, уважение их независимого политического выбора, недопущение нескромных и критических замечаний, а мир и согласие выступают высшей политической целью (Mahadevan, 2012, pp. 372—373).

«Путь АСЕАН» выходит за рамки вестфальских концепций суверенитета и государственно-центричных практик, но не подрывает вестфальские основы современного государства, что делает его формой квазирегionalизма или регионального интернационализма (Noortman, 2016, pp. 21—22). Отличительная черта «Пути АСЕАН» — его реализация в рамках регионального взаимодействия, где культивирование паттернов осмотрительности, неформальности, целесообразности, принятия решений на основе консенсуса и ведения переговоров без конфронтации контрастирует с враждебной позицией по отношению друг к другу и законничеством в принятии решений, с которыми обычно ассоциируется западная дипломатия (Jones & Smith, 2007, p. 155). На практике это означает, что неотложные вопросы решаются на нескольких саммитах, семинарах и в рабочих группах высокого уровня, которые маскируют, а не разрешают глубинные разногласия, конкуренцию и напряженность внутри организации. Благодаря этому удается препятствовать распаду АСЕАН⁹.

Принципы «Пути АСЕАН» крайне важны для того, чтобы АСЕАН могла управлять региональной средой безопасности в Юго-Восточной Азии и сохранять центральную роль в вопросах безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона.

⁶ Ivanov O. Unlike NATO, SCO is not aggressive, and threatens nobody // Global Times. September 13, 2022. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202209/1275130.shtml> (accessed: 21.03.2023).

⁷ Zhao Mingwen. Shanghai Cooperation Organization: A New Stage, New Challenges, and A New Journey // China Institute of International Studies. August 10, 2018. URL: https://www.ciis.org.cn/english/ESEARCHPROJECTS/Articles/202007/t20200715_3591.html (accessed: 21.03.2023).

⁸ The ASEAN Charter // ASEAN. January 2008. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf> (accessed: 12.04.2023).

⁹ Davies M. Why Southeast Asia still bothers with ASEAN // East Asia Forum. January 12, 2019. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2019/01/12/why-southeast-asia-still-bothers-with-asean/> (accessed: 21.03.2023).

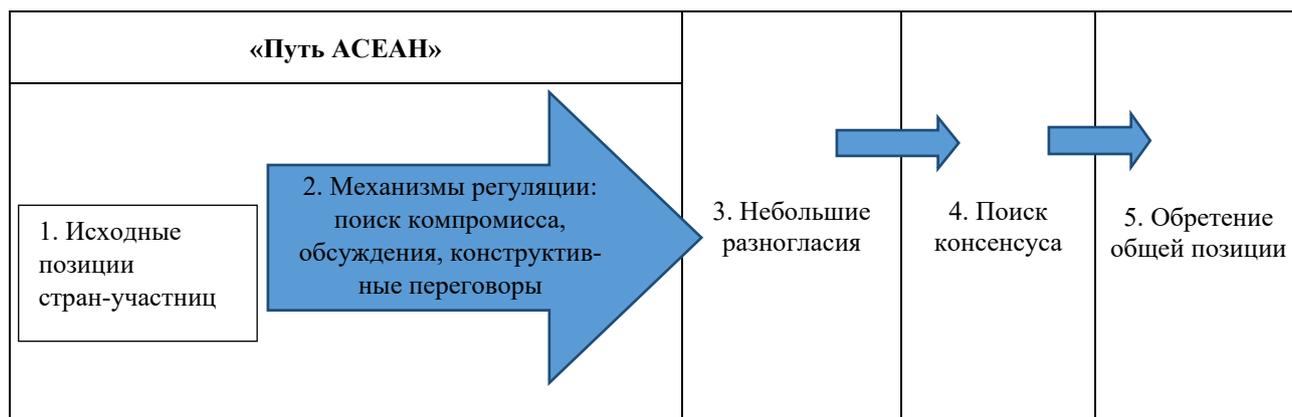

Рис. 1. Понимание «Пути АСЕАН» как дипломатического подхода

Источник: (Padmakumara, 2021, p. 9).

Центральную роль АСЕАН можно рассматривать следующим образом: АСЕАН занимает положение посредника, она тесно связана с несколькими межгосударственными объединениями в сфере восточноазиатской безопасности, где Ассоциация воспринимается как движущая сила и платформа для других азиатских региональных институтов (Caballero-Anthony, 2014, p. 568).

В области безопасности «Путь АСЕАН» продемонстрировал свою идейную силу, убедив и государства других регионов использовать институциональные механизмы АСЕАН для диалога, формирования общих интересов и продвижения безопасности на основе сотрудничества в своих регионах (Caballero-Anthony, 2022). Роль АСЕАН можно описать как роль «регионального дирижера», который собирает «региональный оркестр» и задает «рамку» норм и институтов, в которых могут действовать все региональные игроки (Yates, 2016, p. 457).

«Путь АСЕАН» привел к развитию регионального сообщества государств Юго-Восточной Азии. Однако «Путь АСЕАН» по-прежнему отражает примат государственного суверенитета, а не его постепенную эрозию (Acharya, 1999, p. 74). Это отражает ограниченную институциональную деятельность АСЕАН, поскольку по отношению к функционалу своих институтов и механизмов организация придерживается минималистского подхода, в результате чего АСЕАН не является самостоятельным действующим

лицом в принятии решений, не способна ни обеспечивать руководство, ни иметь независимый голос по региональным вопросам и даже не является настолько авторитетной, чтобы напомнить своим членам о необходимости ставить региональное благо выше национальных интересов (Kliem, 2018, p. 24). Этот минимализм является не минусом, а скорее конструктивной особенностью организации, позволяющей обеспечивать площадку для сотрудничества в культурно и политически разнообразном регионе.

Одной из существенных особенностей АСЕАН является тенденция искать сразу нескольких различных по ценностям и интересам стратегических партнеров. Стратегия «всепроникновения» (*omni-enmeshment*) предполагает вовлечение более крупных и влиятельных держав в многосторонние региональные институты, многосторонние и даже двусторонние соглашения о свободной торговле, двусторонние обмены в области безопасности и многостороннее сотрудничество в области безопасности (Goh, 2008, pp. 123—124). На практике АСЕАН стремится быть «региональным посредником», способным поддерживать стратегическую стабильность и выживание в регионе за счет перераспределения, восстановления и пересмотра ролей посредством переговоров с великими державами в Тихоокеанском регионе (Yates, 2016, p. 445). В этой роли «Путь АСЕАН» можно представить в виде схемы (рис. 1).

Путь АСЕАН, как объясняет С. Падмакумара, включает пять этапов (Padmakumara, 2021, pp. 9—11).

На первом этапе участники ищут подходящий институциональный механизм, обеспечивающий соответствующий уровень комфорта для достижения согласия.

Второй этап включает процессы регулирования, такие как поиск компромисса, консультации и эффективный торг, чтобы обеспечить гибкость для решения соответствующих вопросов и продвижения обсуждений.

Третий этап предполагает компромисс и корректировку, которых требует общая позиция.

Четвертый этап — практический ответ на консенсус, при котором государства — члены АСЕАН корректируют свою политику в максимально возможной степени, чтобы приспособиться к общей позиции.

Наконец, пятый этап предполагает закрепление консенсуса с членами АСЕАН, действующими в согласии с позицией организации.

Роль региональной площадки для взаимодействия стран-участниц лишает АСЕАН самодостаточности, в том числе из-за применяемой стратегии «всепроникновения» со свободной, отчасти неформальной и основанной на диалоге дипломатией. Организация становится зависимой от внешних сил в отношении признания и иерархии политических ролей. АСЕАН поддерживает свою легитимность, согласовывая через институциональные механизмы интересы сотрудничества с влиятельными державами и воспринимаясь странами-участницами как компетентная и беспристрастная организация, выполняющая в регионе роль посредника.

Однако свободный и неформальный взгляд АСЕАН на себя как на организацию и на региональное сотрудничество в области безопасности в целом имеет свои ограничения. В частности, нормы достижения консенсуса в АСЕАН затрудняют для организации быстрое принятие решений по внутренним и региональным вопросам, поскольку каждый член при принятии решений фактически обладает правом вето.

Уникальный тип регионализма АСЕАН является результатом не только свободного и открытого регионализма, стратегии которого она придерживается, но и относительного отсутствия у Ассоциации компетенции принимать непосредственные практические меры по вопросам региональной безопасности. Регионализм АСЕАН характеризуется многочисленными институтами и механизмами, которые в целом оказывают слабое практическое влияние на региональную безопасность.

Хотя АСЕАН преуспевает в достижении краткосрочных целей в области безопасности, ей еще предстоит успешно решить долгосрочные дилеммы относительно дипломатии и безопасности в Юго-Восточной Азии. Одним из критических замечаний в адрес «Пути АСЕАН» является то, что он маскирует, но не устраняет фундаментальные причины проблем региональной безопасности в Юго-Восточной Азии. Другими словами, норма невмешательства АСЕАН для региональной дипломатии значительно снижает политическую осведомленность о насущных региональных проблемах внутри блока, что приводит лишь к отсрочке открытой фазы конфликта, а не к окончательному решению проблем региональной безопасности (Aminuddin & Purnomo, 2017, pp. 33—34).

Мягкий регионализм делает АСЕАН живучей региональной организацией, однако эта же мягкость ставит организацию перед вопросами о ее долгосрочной значимости в современных международных отношениях, которые все больше характеризуются конкуренцией великих держав и многополярностью¹⁰.

Сходства «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН»

«Шанхайский дух» и «Путь АСЕАН» имеют ряд сходств: обе концепции делают акцент на невмешательстве во внутренние дела своих членов, принятии решений на

¹⁰ Chong J. I. ASEAN and the challenge of a multipolar world // East Asia Forum. September 12, 2018. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/09/12/asean-and-the-challenge-of-a-multipolar-world/> (accessed: 21.03.2023).

основе консенсуса, мирном урегулировании споров, взаимовыгодном сотрудничестве, уважении культурного разнообразия, сосредоточенности на региональной стабильности и развитии. Более того, общность обоих нарративов подчеркивает консенсус членов ШОС и АСЕАН и имплицитное взаимное признание. В этом смысле «Шанхайский дух» и «Путь АСЕАН» для поддержания легитимности ШОС и АСЕАН как международных организаций опираются на подходы, основанные на консенсусе и ролевых сценариях.

Прагматичный и открытый подход к достижению легитимности власти проявляется в открытом регионализме и акценте на переговорах ШОС и АСЕАН в процессе их взаимодействия и поиске решений. Обе организации пользуются моделью принятия решений, основанной на консенсусе, на базе которой в соответствии с мировоззренческими и философскими взглядами организаций развивается дальнейший диалог (Alimov, 2018, p. 118). Кроме того, и «Шанхайский дух», и «Путь АСЕАН» в работе организаций подсвечивают стремление к согласию и гармонии, принцип деликатности, вежливости, уступчивости, отсутствия прямой конфронтации. Фокус выбран на частной, менее громкой элитарной дипломатии, а не на публичном перебирании грязного белья, а также на стремлении мыслить шире, чем в плоской системе координат легитимизма (Tobing, 2018, p. 151).

Прикладной подход к легитимности деятельности организации ставит своей целью достижение ощутимых результатов: трудно возражать против реального успеха, именно осязаемые результаты — беспрекословное основание для легитимности. Такой подход может открыть релятивистский путь достижения моральной легитимности, который противоречит абсолютистским представлениям о ней. Учитывая это, «Шанхайский дух» и «Путь АСЕАН» опираются не столько на формальное признание авторитета и легитимности со стороны внешних партнеров, сколько на практические результаты, воплощающиеся в гармоничном развитии региона. Данный подход допускает гибкость в обретении легитимности, что также проявляется в

открытом регионализме, снижении формальных требований к странам-участницам и упоре на переговоры и достижение консенсуса ШОС и АСЕАН в их взаимодействии и поиске решений.

Для «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» важна концепция «центра». В то время как ШОС и АСЕАН приписывают себе централизованную структуру, на практике эти организации имеют рассредоточенные центры власти. Хотя Китай занимает главенствующее место в ШОС, последующий рост организации за счет включения в нее Индии, Пакистана и Ирана уменьшает ведущую роль Китая, поскольку внутри организации устанавливается атмосфера многополярности. Точно так же необходимо прояснить, кто возглавляет АСЕАН. Хотя Индонезия имеет достаточно политического, экономического и военного влияния, чтобы выступить в качестве фактического лидера АСЕАН, она этого не делает. Такая динамика гарантирует, что каждое государство — член АСЕАН служит «центром силы» и позволяет не допустить ведущей к их краху ситуации доминирования в региональных организациях одного государства.

Кроме того, некоторые государства ШОС и АСЕАН демонстрируют гибкость в отношении своей автономии, поскольку они не жестко придерживаются структуры своей организации, а демонстрируют разные уровни стратегической независимости, выстраивая собственные связи с отдельными государствами вне организации или формируя отдельные подгруппы внутри самих организаций. Например, Индия является членом ШОС. Однако у нее также есть собственные отношения с США, Австралией и Японией, которые критически настроены по отношению к Китаю и ШОС в целом. Точно так же члены АСЕАН лишь в той или иной степени зависимы от этой организации, демонстрируя определенную гибкость между своей внешней политикой и приверженностью АСЕАН. Например, Камбоджа — единственное государство — член АСЕАН, имеющее статус наблюдателя в ШОС, тогда как все остальные государства АСЕАН взаимодействуют с членами ШОС только на двустороннем уровне.

Однако даже в этом случае качество их взаимосвязей варьируется в зависимости от их отношений с Китаем.

Различия «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН»

«Шанхайский дух» и «Путь АСЕАН» также имеют заметные различия. «Шанхайский дух» и ШОС можно рассматривать как совместный эксперимент Китая и России в области многосторонней дипломатии и нормотворчества. «Путь АСЕАН» же поддерживает идею независимости каждого члена АСЕАН, сохраняя границы региональной организации аморфными в том смысле, что каждое государство-член имеет разную степень отношений с другими государствами и региональными организациями, такими, например, как ШОС.

Кроме того, концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» заметно различаются в том, как они претворяются в жизнь. В то время как обе философии делают упор на социальную гармонию, у ШОС есть практический и прямой подход к региональному сотрудничеству в области безопасности. В то же время АСЕАН ограничивается поддержанием диалога и процессом совместного поиска решений проблем региональной безопасности. Эта разница отражает предпочтения ШОС относительно сильной государственной власти с целью активного поддержания мира и социальной гармонии по сравнению с АСЕАН, которая сводит функционал части своих институтов и механизмов к минимуму и большую часть полномочий передает самим государствам-членам. Практический подход ШОС к региональному сотрудничеству в области безопасности реализуется, в частности, в том, что в рамках своей РАТС она проводит военные учения.

Напротив, АСЕАН избегает того, чтобы ее воспринимали как зарождающуюся военную организацию, и предпочитает диалоговый подход к устранению угроз социальной гармонии. Тем не менее, несмотря на позицию АСЕАН по этому вопросу, члены АСЕАН самостоятельно осуществляют

практическое сотрудничество вне рамок организации. Ярким примером является Соглашение о безопасности трех границ, заключенное Индонезией, Малайзией и Филиппинами, которое направлено на обеспечение безопасности общей морской границы между этими тремя странами. Такое различие между двумя организациями отражает стремление ШОС к тому, чтобы государство играло ведущую роль в поддержании региональной безопасности, а также разнообразие интересов членов АСЕАН.

Кроме того, «Шанхайский дух» и «Путь АСЕАН» различаются подходом к достижению порядка в обществе. В то время как и ШОС, и АСЕАН укрепляют роль государства как института, ШОС уделяет гораздо больше внимания *государственной* безопасности, сосредоточиваясь на ориентированном на государство коллективном характере организации. Напротив, АСЕАН придерживается более личностно-ориентированного подхода, уделяя основное внимание вызовам безопасности *человека* и передавая государствам-членам больший контроль над инициативами АСЕАН на их территориях. Это иллюстрирует разницу между концепцией ШОС о том, что именно сильное государство является основой региональной безопасности, и более свободным характером «Пути АСЕАН», с более широкой структурой обеспечения региональной безопасности.

Заключение

Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» по-прежнему играют существенную роль в работе международных и региональных организаций, воплощая ценности и нормы ШОС и АСЕАН. Посредством «Шанхайского духа», основы деятельности ШОС, Китай пытается включить свои нормы в контекст Вестфальской международной системы. АСЕАН, выполняя в региональном взаимодействии функцию посредника, в соответствии с принципами «Пути АСЕАН» стремится с помощью своих институциональных механизмов согласовать конкурирующие интересы игроков. Эти механизмы, в свою

очередь, становятся «кузницами норм» для всех вовлеченных сторон.

Сходство между концепциями «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» заключается в том, что они нарабатывают свою репутацию в качестве международных организаций и делают упор на поддержание гармоничного развития региона при сохранении индивидуального суверенитета государств, что может свидетельствовать о новой форме регионализма (Maulaya, 2021, pp. 246—247). Принципы «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» сочетают в себе как четко сформулированные, так и концептуально расплывчатые характеристики с точки зрения формирования общей региональной идентичности при сохранении вестфальского характера государств для их участия в международной системе, где государства по-прежнему являются основными игроками. Благодаря ШОС и АСЕАН эти философские концепции, в свою очередь, могут способствовать обновлению сегодняшней международной системы, поскольку они содержат концептуальные ответы, касающиеся ограничивающих и отчасти устаревших форм взаимодействия государств, таких как союзы, сферы влияния и торговые блоки.

Однако и «Шанхайский дух», и «Путь АСЕАН» как полноценные интеллектуальные концепции нуждаются в доработке. Еще не до

конца проработана связь постулируемых ШОС и АСЕАН ценностей и философских предпосылок этих ценностей, в некотором смысле связь между теорией и практикой пока что остается минимальной. ШОС и АСЕАН еще предстоит разработать основанный на ценностях нарратив, который будет понятным и привлекательным не только для членов, но и для партнеров этих организаций.

Тем не менее, поскольку на сегодняшней международной арене продолжается рост и развитие ШОС и АСЕАН, культурные и академические обмены создают больше пространства для дискуссий и артикулирования интерпретации ценностей, лежащих в основе деятельности этих организаций. Обсуждения среди исследователей, политических и культурных деятелей могут быть сосредоточены вокруг заимствования концепций из культур государств-членов, их уточнения и интеграции в общую систему ценностей и принципов ШОС и АСЕАН, тем самым добавляя «Шанхайскому духу» и «Пути АСЕАН» разнообразия и интеллектуальной глубины. В этом смысле концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» смогут обеспечить нормативную основу новой формы регионализма и международных отношений, которые будут более гибко реагировать на вызовы международной безопасности нашего времени.

Поступила в редакцию / Received: 21.06.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 21.03.2023

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список

- Acharya A.* Imagined Proximities: The Making and Unmaking of Southeast Asia as a Region // *Southeast Asian Journal of Social Science*. 1999. Vol. 27, no. 1. P. 55—76.
- Alimov R.* The Shanghai Cooperation Organization: Its Role and Place in the Development of Eurasia // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9, no. 2. P. 114—124. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.08.001>
- Aminuddin F., Purnomo J.* Not Quite Beyond the ASEAN Way? Southeast Asia's Evolution to Rules-based Management of Intra-ASEAN Differences // *Journal of ASEAN Studies*. 2017. Vol. 5, no 1. P. 23—36.
- Aris S.* Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organization. London : Palgrave MacMillan, 2011.
- Aris S.* Shanghai Cooperation Organization. New York : International Peace Institute, 2013.
- Bailes A., Dunay P., Guang P., Troitskiy M.* The Shanghai Cooperation Organization. Stockholm : Stockholm International Peace Research Institute, 2007.
- Caballero-Anthony M.* The ASEAN Way and the Changing Security Environment: Navigating Challenges to Informality and Centrality // *International Politics*. 2022. P. 1—21. <https://doi.org/10.1057/s41311-022-00400-0>
- Caballero-Anthony M.* Understanding ASEAN's Centrality: Bases and Prospects in an Evolving Regional Architecture // *The Pacific Review*. 2014. Vol. 27, no. 4. P. 563—584. <https://doi.org/10.1080/09512748.2014.924227>

- Dingwerth K., Witt A.* Legitimation Contests: A Theoretical Framework // *International Organizations Under Pressure* / ed. by K. Dingwerth, A. Witt, I. Lehmann, E. Reichel, T. Weise. Oxford : Oxford University Press, 2019. P. 29—61.
- Fei Gao.* The Shanghai Cooperation Organization and China's New Diplomacy. Clingendael : Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael', 2010.
- Freire M.* The Shanghai Cooperation Organization // *Routledge Handbook of Russian Foreign* / ed. by A. Tsygankov. Oxfordshire : Routledge, 2018. P. 400—409.
- Goh E.* Great Powers and Hierarchical Order in Southeast Asia: Analyzing Regional Security Strategies // *International Security*. 2008. Vol. 32, no. 3. P. 113—157.
- Jia Qingguo.* The Shanghai Cooperation Organization: China's Experiment in Multilateral Leadership // *Eager Eyes Fixed on Eurasia* / ed. by A. Iwashita. Sapporo : Slavic-Eurasian Research Center, 2007. P. 113—123.
- Jones D., Smith M.* Making Process, Not Progress: ASEAN and the Evolving East Asian Regional Order // *International Security*. 2007. Vol. 32, no 1. P. 148—184.
- Kliem F.* ASEAN Imperfect: The Changing Nature of Southeast Asian Regionalism. Bonn : Konrad-Adenauer-Stiftung, 2018.
- Mahadevan J.* The Mandala Model of Power and Leadership: A Southeast Asian Perspective // *Leadership through the Classics* / ed. by G. Prastacos, F. Wang, K. Soderquist. Berlin : Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2012. P. 363—374. https://doi.org/10.1007/978-3-642-32445-1_24
- Maulaya M.* Barriers to Shanghai Cooperation Organization (SCO) to Pave Road for Supranationalism // *Intermestic: Journal of International Studies*. 2021. Vol. 5, no. 2. P. 230—251. <http://dx.doi.org/10.24198/intermestic/v5n2.4>
- Noortman M.* ASEAN and Its People: Regional Internationalism and the Politics of Exclusion // *Foreign Policies and Diplomacies in Asia: Changes in Practice, Concepts, and Thinking in a Rising Region* / ed. by M. Maass. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2016. P. 93—108.
- Padmakumara S.* A Conceptual Analysis on 'ASEAN Way' as a Normative Approach for Conducting Regional Affairs // *Faculty of Graduate Studies — Colombo Journal of Multi-Disciplinary Research*. 2021. Vol. 6, no. 1. P. 1—12.
- Rahman K.* The Shanghai Cooperation Organization: Prospects and Opportunities // *Policy Perspectives*. 2007. Vol. 4, no. 1. P. 129—136.
- Tobing D. H.* The Limits and Possibilities of the ASEAN Way: The Case of Rohingya as Humanitarian Issue in Southeast Asia // *KnE Social Sciences*. 2018. Vol. 3, no. 5. P. 148—174. <https://doi.org/10.18502/KSS.V3I5.2331>
- Xue Yamei, Makengo B. M.* Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospect // *Open Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 9, no. 10. P. 184—200. <https://doi.org/10.4236/jss.2021.910014>
- Yates R.* ASEAN as the 'Regional Conductor': Understanding ASEAN's Role in Asia-Pacific Order // *The Pacific Review*. 2016. Vol. 30, no. 4. P. 443—461. <https://doi.org/10.1080/09512748.2016.1264458>
- Zhao Xiaodong.* The Shanghai Cooperation Organization and Counter-Terrorism Cooperation. Stockholm : Institute for Security & Development Policy, 2012.

Сведения об авторах: Хонрада Габриэль Джозел Пастор — ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0001-6810-2650; e-mail: honradagabriel@gmail.com

Бокерия Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0002-9052-4363; e-mail: bokeria-sa@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-265-277

EDN: JAHLDW

Научная статья / Research article

Юго-Восточная Азия: подходы к миротворчеству и разрешению конфликтов

В.В. Вершинина , Е.В. Колдунова ✉, Н.С. Куклин

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

✉ asean@inno.mgimo.ru

Аннотация. На основе сравнительного анализа трех кейсов — Индонезии, Таиланда и Вьетнама — анализируется специфика миротворчества, характерная для стран Юго-Восточной Азии (ЮВА). Выбор кейсов обусловлен тем, что данные государства полномасштабно подключались к миротворческой деятельности ООН в разные периоды: Индонезия — в 1950-х гг., Таиланд — в 1990-х гг., Вьетнам — в 2000-х гг. Подобная выборка представляется репрезентативной с точки зрения анализа побудительных мотивов и практики миротворчества стран региона с учетом специфики их опыта миротворческой деятельности. Подобный подход позволяет выделить как общее, так и особенное в миротворчестве стран Юго-Восточной Азии. Авторы доказывают, что подходы стран ЮВА к миротворчеству определяются ценностным базисом внешней и внутренней политики этих государств, что дает возможность генерировать концептуальные инновации, дополняющие сложившиеся ранее преимущественно на базе опыта стран Запада модели миротворчества. Благодаря миротворческой деятельности страны ЮВА решают ряд практических задач. Обобщая миротворческий опыт стран ЮВА, исследование восполняет аналитический пробел между работами, посвященными практикам миротворчества азиатских стран, и публикациями о национальном опыте миротворчества. Показано, что после сложного процесса обретения независимости и построения собственной государственности в рамках, заданных Вестфальской системой международных отношений, страны ЮВА стремились привнести свои самобытные подходы в вестернизированную практику международного взаимодействия. С 1950-х гг. некоторые страны региона стали активными участниками миротворческих операций под эгидой ООН. Развитию миротворческих практик способствовала вовлеченность АСЕАН в разрешение камбоджийской проблемы конца 1980-х гг. и тайландско-камбоджийское урегулирование 2008—2011 гг. Участвуя в миротворчестве, страны ЮВА стремятся к наращиванию своей субъектности не только на региональном, но и на глобальном уровне. В отдельных случаях интерес к миротворческим миссиям может определяться идеологической, культурной или религиозной мотивацией и другими причинами, проистекающими из многоаспектных направлений внешней и внутренней политики стран региона.

Ключевые слова: миротворчество, АСЕАН, ООН, Индонезия, Вьетнам, Таиланд

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Вершинина В. В., Колдунова Е. В., Куклин Н. С. Юго-Восточная Азия: подходы к миротворчеству и разрешению конфликтов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 265—277. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-265-277>

© Вершинина В.В., Колдунова Е.В., Куклин Н.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Southeast Asian States' Approaches to Peacekeeping and Conflict Resolution

Valeria V. Vershinina^{ID}, Ekaterina V. Koldunova^{ID}✉, Nikita S. Kuklin^{ID}

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉asean@inno.mgimo.ru

Abstract. This paper conducts a comparative analysis of three cases — Indonesia, Thailand and Vietnam — to examine the distinctive features of Southeast Asian states' involvement in peacekeeping. These cases provide representative insights into the motivations and experiences of regional states that joined UN peacekeeping operations at different historical junctures: Indonesia in the 1950s, Thailand in the 1990s, and Vietnam in the 2000s. By identifying the common and unique aspects of this engagement, the authors argue that Southeast Asian nations' approaches to peacekeeping are deeply rooted in the values that underpin their foreign and domestic policies. Appealing to these values, Southeast Asian states contribute conceptual innovations to existing peacekeeping models, which are predominantly based on Western perspectives. By generalizing the peacekeeping experiences of Southeast Asian states, this paper fills a gap between broader publications that focus on Asian peacekeeping practices and single-country studies. The research underscores that Southeast Asian states, following a challenging period of decolonization and nation-building in the framework imposed by the Westphalian international relations system, have been trying to infuse their own approaches into the Westernized realm of international interaction. Since the 1950s, several regional states have participated in UN peacekeeping operations. The involvement of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in resolving the Cambodian conflict in the late 1980s and the Thailand — Cambodia settlement in 2008—2011 has stimulated the development of regional peacekeeping practices. By contributing to peacekeeping operations, Southeast Asian states aspire to enhance their regional and even global influence. In certain instances, their engagement in peacekeeping has ideological, cultural or religious motivations, or stems from specific foreign and domestic policy considerations.

Key words: peacekeeping, ASEAN, UN, Indonesia, Vietnam, Thailand

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final paper's text.

For citation: Vershinina, V. V., Koldunova, E. V., & Kuklin, N. S. (2023). Southeast Asian states' approaches to peacekeeping and conflict resolution. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 265—277. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-265-277>

Введение

Государства Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) редко рассматриваются исследователями через призму миротворческой деятельности. Однако сегодня многие из них активно вовлечены в миротворческие миссии Организации Объединенных Наций (ООН). По состоянию на февраль 2023 г. семь из десяти стран АСЕАН — Индонезия, Малайзия, Камбоджа, Таиланд, Вьетнам, Бруней и Филиппины — относились к числу вносящих значимый вклад в миротворческие операции ООН¹. Из 101 государства,

чьи миротворцы принимали участие в миссиях ООН в указанный период, эти страны занимали 8-е (2704 миротворца), 25-е (863), 26-е (850), 45-е (307), 48-е (269), 78-е (30) и 81-е (28 миротворцев) места соответственно. По количественным параметрам участия в миссиях ООН Индонезия, Малайзия, Камбоджа, Таиланд и Вьетнам в 2022—2023 гг. обгоняли таких постоянных членов Совета Безопасности ООН, как США и Россия². При этом в первой четверти этого века наблюдалась тенденция к расширению участия упомянутых стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) в миротворческих миссиях³. Представляется,

¹ Troop and Police Contributors // United Nations Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 08.03.2023).

² Ibid.

³ См.: Monthly Summary of Contributions (Police, UN Military Experts on Mission and Troops) as of 28 February

что исследовательский вопрос о том, по каким причинам государства, не относящиеся к эшелону ведущих стран мировой системы, в последние десятилетия наращивают свою миротворческую деятельность, достоин более пристального внимания.

Миротворческому опыту стран Азиатско-Тихоокеанского региона посвящен ряд исследований (Jenne, 2023; *Peacekeeping and the Asia-Pacific*, 2017; *Sustaining Peace in ASEAN...*, 2022). В монографии под редакцией М. Кабеллеро-Энтони и А. Ачарьи анализируется влияние миротворческих операций ООН на состояние региональной безопасности в Азии (*UN Peace Operations and Asian Security*, 2005). Отдельные публикации посвящены вопросам функционального регионального сотрудничества, сопутствующего миротворческим операциям ООН, некоторым региональным и страновым подходам к разрешению конфликтов, возможностям развития партнерских отношений ООН и АСЕАН в области миротворчества, а также подходам АСЕАН к вопросам мира (*East Asia, Peacekeeping Operations...*, 2021; Jones, 2020; Koldunova, 2019; Mahbubani & Sng, 2017). Особое внимание на современном этапе привлекают попытки АСЕАН урегулировать начавшийся в 2021 г. конфликт в Мьянме путем использования имеющихся механизмов Ассоциации и формирования новых, в частности путем создания поста специального посланника АСЕАН по Мьянме (Рогожина, 2021).

Вместе с тем участие стран Юго-Восточной Азии в миротворческих операциях ООН все еще мало изучено в научной литературе. Отдельные аспекты индонезийских подходов к миротворчеству рассматриваются в публикациях Д. Кейпи и Л. Хутабарата (Carie, 2016; Hutabarat, 2014; 2017). Миротворческой деятельности Вьетнама посвящены работы вьетнамских исследователей Фам

Суан Зунга и Нгуен Као Вьет Хунга (Phan & Nguyen, 2022), австралийского исследователя К. Тайера (Thayer, 2014), исследования уже упомянутого Д. Кейпи (Carie, 2014) и Н. Чапмэна (Charman, 2017). Среди российских авторов взаимодействие Вьетнама и ООН анализирует Д.В. Пивоваров (2006). Проблематика миротворчества Таиланда рассматривается в работах Т. Чинванно (Chinwanno, 2004), К. Крайсорапхонга и Б. Хоува (Kraisoraphong & Howe, 2014). Однако указанные исследования не акцентируют внимание на незападной специфике миротворчества и не ставят цели выявить общие черты, характерные для миротворческой деятельности стран АСЕАН. Задача данной статьи состоит в том, чтобы восполнить этот аналитический пробел.

Методологически статья основывается на анализе трех кейсов — Индонезии, Таиланда и Вьетнама. Эти страны полномасштабно подключались к миротворческой деятельности ООН на разных этапах: Индонезия — в 1950-х гг., Таиланд — в 1990-х гг., Вьетнам — в 2000-х гг. Выбор указанных кейсов обусловлен задачей представления особенностей миротворчества стран ЮВА, имеющих различную историческую глубину и контекст вовлечения в миротворчество.

Рассмотрение каждого кейса предполагает характеристику основных этапов вовлечения страны в миротворческую деятельность, анализ структурных изменений в системе государственных органов в связи с расширением миротворчества, количественные оценки миротворческих контингентов, ценностный компонент, привносимый каждой из трех стран в миротворческую деятельность, оценку саморепрезентации миротворческой деятельности на национальном и международном уровнях странами региона. Авторы также выявляют национальные интересы, на достижение которых направлено включение стран региона в миротворчество. Для изучения этих параметров используются официальные документы и оценки миротворческой деятельности, содержащиеся в интервью и заявлениях государственных деятелей стран региона, дипломатов, руководителей миротворческих контингентов. Количественные данные

2013 // United Nations Peacekeeping. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/feb13_1.pdf (accessed: 08.03.2023); Monthly Summary of Contributions (Military Observers, Civilian Police and Troops) as of February 2003 // United Nations Peacekeeping. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/february2003_1.pdf (accessed: 08.03.2023).

о миссиях и контингентах приводятся на основе национальной статистики и данных ООН. Анализ мотивов, побудивших эти страны к расширению своей миротворческой активности, и специфики, выявившейся в ходе практического включения этих стран в деятельность миссий ООН, позволяет сделать обобщающий вывод об особенностях миротворческой деятельности, характерной для стран АСЕАН в целом.

Подходы Индонезии к миротворческой деятельности

Среди всех стран ЮВА Индонезия подключилась к миротворческим операциям ООН одной из первых. Ее подходы к миротворчеству менялись в зависимости от трансформаций внешней и внутренней политики страны и ее идеологического фундамента (Murwanto et al., 2020, pp. 343—344). При этом ряд концептуальных положений индонезийского внешнеполитического курса, акцентирующих внимание на вопросах равенства и гармонии и оказывавших влияние на миротворческую деятельность Индонезии, оставались константами независимо от характера политического режима.

Со времен первого президента Сукарно (1945—1967 гг.) Индонезия стремилась сформировать образ страны-миротворца и посредника в разрешении международных конфликтов. Предпосылки для этого были заложены в пяти принципах индонезийской государственности (*Панча сила*) и традиционных принципах яванской философии, призывающих решать проблемы через дипломатию, сдержанность и гармоничные отношения (*Halus*), а не через грубую силу и давление (*Kasar*).

Среди пяти принципов индонезийской государственности в контексте миротворчества особого внимания заслуживает принцип сохранения «единства страны», проистекающий из нерушимости границ и территориальной целостности страны и отражающий особую приверженность индонезийцев идее суверенитета и поддержки Устава ООН как механизма обеспечения равенства суверенных наций (Carie, 2016, pp. 6—7). Обязательство

Индонезии участвовать в обеспечении мирового порядка, основанного на независимости, вечном мире и социальной справедливости, закреплялось пунктом IV Конституции Республики Индонезия 1945 г.⁴

В понимании Сукарно страны Глобального Юга (в том числе Индонезия) отстояли свой суверенитет в тяжелой борьбе с колониализмом. Миротворчество же и площадка ООН рассматривались им как глобальные инструменты противодействия неоколониализму. Именно антиколониальными мотивами обосновывалось, например, участие индонезийского контингента в составе Чрезвычайных вооруженных сил ООН (ЧВС ООН) в Суэцком канале в рамках операции по разведению конфликтующих сторон (Египта и Израиля). Проблема арабо-израильского противостояния воспринималась Сукарно не как этнорелигиозный конфликт, а как продолжение неоколониальной политики в отношении арабских стран, инструментом которой выступил Израиль (Куклин, 2023, с. 41—43). Эти представления определили еще один важный принцип, согласно которому участие Индонезии в миротворческих контингентах требовало максимальной легитимизации операций со стороны ООН. При этом Индонезия стремилась не допустить того, чтобы эта влиятельная площадка использовалась в интересах глобальных держав для вмешательства в дела малых и средних стран (Carie, 2016, pp. 3—4).

Во внешней политике президента Сухарто (1968—1998) акцент был сделан на экономический прагматизм и привлечение инвестиций из развитых стран Запада, что привело к трансформации прежней антиколониальной риторики. Теперь Индонезия выступала с позиций сильной региональной державы, способной проявить себя на глобальном уровне в качестве посредника и предложить свои идеи по улучшению миротворческих практик ООН. Так, после войны Судного дня 1973 г. второй контингент ЧВС ООН для разведения

⁴ UU Dasar Republik Indonesia 1945 tahun [Конституция Республики Индонезия 1945 года] // MKRI. URL: <https://www.mkri.id/public/content/infoumum/regulation/pdf/UUD45%20ASLI.pdf> (accessed: 08.03.2023).

конфликтующих Египта и Израиля возглавил индонезийский политический и военный деятель Р. Абин, сначала как заместитель командующего, а с 1976 по 1979 г. — уже в качестве командующего ЧВС (Bar-Yaacov, 1980, pp. 213—214).

В период президентства Сухарто миротворческая деятельность Индонезии приобрела ярко выраженное региональное измерение. В рамках урегулирования Камбоджийской проблемы в 1980—1990-е гг. Индонезия стремилась усилить роль АСЕАН как организации, стремящейся к выработке региональных решений для региональных проблем. В 1979—1989 гг. Индонезия смогла аккумулировать поддержку камбоджийского урегулирования со стороны международного сообщества и добилась включения совместно выработанных странами АСЕАН тезисов в декларацию Международной конференции ООН по Кампучии 1981 г. (Cook, 2017, pp. 37—39). После создания Временного органа ООН в Камбодже в 1992 г. Индонезия предоставила в его распоряжение более 2000 военнослужащих, полицейских и военных наблюдателей.

В 1998 г. на волне азиатского финансового кризиса и отставки президента Сухарто в стране начался период коренных преобразований, характеризовавшихся демократизацией и демилитаризацией индонезийской политики. Переходный период был отмечен противоречиями с ООН по вопросу Восточного Тимора, поскольку военные элиты, все еще сохранявшие значительное влияние на политику, противились решению президента Б.Ю. Хабиби о проведении там референдума и выводе индонезийских сил, находившихся в Тиморе с 1975 г. В итоге, стремясь получить международную финансовую помощь, Индонезия была вынуждена пойти на уступки. В условиях реформы вооруженных сил и силовых ведомств прямое участие контингента Индонезии в миротворческих операциях сошло на нет (Coercion and Governance..., 2001, pp. 517—518).

В 2004 г. с приходом к власти первого избранного на всеобщих выборах президента С.Б. Юдойоно участие Контингента Гаруда — миротворческого контингента вооруженных сил Индонезии — в миротворческих

операциях постепенно возобновилось. Будучи профессиональным военным, С.Б. Юдойоно осознавал необходимость участия Индонезии в миссиях ООН. В 1995—1996 гг. он возглавлял индонезийские миротворческие силы в Боснии и имел непосредственный опыт участия в таких операциях.

Миротворческая деятельность Индонезии в начале XXI в. отражала новые реалии политического развития страны. С.Б. Юдойоно, придерживаясь принципов демократии, понимал необходимость опоры в первую очередь на моральный авторитет Индонезии. Силовые стратегии были более недоступны для индонезийской дипломатии, так как ассоциировались с политикой Сухарто и могли привести к репутационным потерям в глазах мирового сообщества. Преодолению стереотипов прошлого должно было способствовать активное участие Индонезии в разрешении региональных конфликтов, миротворческих операциях ООН, а также стремление к конструктивной лидерской роли страны в исламском мире.

Самым заметным достижением Индонезии периода С.Б. Юдойоно по реализации политики миротворчества стало создание в 2011 г. Координационной группы Миссии по поддержанию мира (ТКМРР), в состав которой вошли министр-координатор по вопросам политики, права и безопасности (в качестве директора), министр иностранных дел (в качестве председателя), министр обороны, министр юстиции и прав человека, министр финансов, министр планирования национального развития, секретарь кабинета министров, главнокомандующий армии, начальник полиции Индонезии и глава государственного разведывательного управления. Задача координационной группы заключалась в разработке политики и согласовании шагов, необходимых для осуществления участия Индонезии в глобальных миротворческих миссиях на основе национальных интересов⁵.

⁵ Peacekeeping Contributor Profile: Indonesia // Providing for Peacekeeping. 2016. URL: <https://www.providingforpeacekeeping.org/2016/02/05/peacekeeping-contributor-profile-indonesia/> (accessed: 08.03.2023).

В рамках деятельности этой группы в 2011 г. С.Б. Юдойоно открыл Индонезийский учебный центр мира и безопасности (*The Indonesian Peace and Security Center, IPSC*) в Сентуле. Центр был создан для обучения Контингента Гаруда и всех желающих из миротворческих контингентов других стран. При С.Б. Юдойоно в обеспечение индонезийского контингента также включилось *PT Pindad* — индонезийское государственное предприятие, специализирующееся в том числе на производстве военной продукции. Использование стрелкового оружия, вертолетов, катеров, броневедомостей и легкой бронетехники отечественного производства стало еще одной отличительной чертой индонезийских миротворцев (Hutabarat, 2014, pp. 195—196).

К периоду С.Б. Юдойоно относится успешный случай применения индонезийских миротворческих сил под эгидой АСЕАН. В 2011 г. во время своего председательства в АСЕАН Индонезия выступила посредником в процессе урегулирования камбоджийско-таиландского пограничного конфликта по поводу храма Прэах Вихеа. После серии вооруженных столкновений между двумя странами АСЕАН министр иностранных дел Индонезии М. Наталегави созвал чрезвычайную сессию организации в Джакарте, где было достигнуто соглашение, согласно которому Камбоджа и Таиланд разрешат индонезийским наблюдателям контролировать спорную приграничную территорию силами в составе 40 военных и гражданских специалистов (Jenne, 2014, pp. 168—170).

На протяжении двух сроков президента Дж. Видодо Индонезия продолжила политику по продвижению своего глобального миротворческого бренда. В 2015 г. правительство Индонезии опубликовало новое руководство, определявшее политику в отношении участия Индонезии в операциях ООН по поддержанию мира (ОПМ ООН). Документ получил название «Дорожная карта “Видение 4000 миротворцев” на 2015—2019 гг.» и был введен в действие постановлением Министерства иностранных дел № 5 в 2015 г. Согласно постановлению, участие Индонезии в ОПМ ООН должно осуществляться при

строгом соблюдении основных принципов ОПМ ООН — беспристрастность, согласие сторон и неприменение силы (за исключением случаев самообороны и защиты мандата)⁶. Несмотря на то, что к 2020 г. Индонезия смогла направить в ОПМ ООН лишь 2674 человека (почти в два раза меньше целевых показателей), она все равно заняла восьмое место среди десяти ведущих стран, предоставляющих контингент для миротворческих операций ООН (Murwanto et al., 2020, pp. 349—350).

Будучи непостоянным членом СБ ООН в 2019—2020 гг., Индонезия не только уделяла внимание традиционным для себя направлениям (ситуации с рохинджа в Мьянме, палестинскому вопросу), но и предприняла попытку внести вклад в концептуализацию новых направлений миротворчества, добиваясь повышения в нем роли женщин. Под председательством Индонезии 28 августа 2020 г. Совет Безопасности ООН (СБ ООН) принял Резолюцию 2538 (2020) о женском персонале в миротворческих миссиях ООН⁷. На сегодняшний день 158 индонезийцев служат в семи миссиях ООН (в Ливане, Демократической Республике Конго, Центральноафриканской Республике, Южном Судане, Дарфуре, Мали и Западной Сахаре)⁸.

Следует отметить, что Индонезия проявляет высокую степень активности и вне рамок миротворческой деятельности ООН. Среди недавних примеров такого рода — посреднические усилия президента Джоко Видодо по

⁶ Peraturan Menteri Luar Negeri Republik Indonesia Nomor 5 Tahun 2015 [Постановление Министерства иностранных дел № 5 в 2015 г.] // *Regulasip — Indonesia Regulation Database*. 2015. URL: <https://www.regulasip.id/book/4110/read> (accessed: 08.03.2023).

⁷ Security Council resolution 2538 (2020) [on women in peacekeeping operations] // *United Nations Digital Library*. August 28, 2020. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3879191?ln=ru> (accessed: 08.03.2023).

⁸ Women, Peace and Security in Indonesia // *United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women (UN Women)*. 2023. URL: <https://asiapacific.unwomen.org/en/digital-library/publications/2023/03/women-peace-and-security-in-indonesia#view> (accessed: 08.03.2023).

урегулированию украинского кризиса, принятые им в июне-июле 2022 г. накануне саммита Группы 20 на Бали⁹.

Международная миротворческая деятельность: опыт Таиланда

Таиланд вступил в ООН в декабре 1946 г., став 55-м членом организации¹⁰. Процесс его вступления был связан с необходимостью преодолеть наследие Второй мировой войны, в ходе которой Таиланд выступал в качестве союзника милитаристской Японии, и заручиться поддержкой всех пяти постоянных членов СБ ООН. В 1950 г. Таиланд одним из первых направил порядка 12 тысяч военных на Корейский полуостров в составе командования ООН¹¹, однако наиболее масштабное и идеологически нейтральное участие Таиланда в миротворческой деятельности пришлось уже на конец XX в.

Систематическое участие Таиланда в миротворческой деятельности ООН началось с 1991 г., когда в демилитаризованную зону между Кувейтом и Ираком было направлено 7 тайландских офицеров, а в дальнейшем тайландское правительство расширило количество военных в рамках миссии ООН в Ираке (*UN Guard Contingent in Iraq, UNGCI*) до 50. В дальнейшем тайландские военные направлялись в Камбоджу, Сьерра-Леоне, Восточный Тимор и Судан. При этом наиболее масштабные тайландские контингенты участвовали в миссиях ООН в Восточном Тиморе¹².

⁹ Куклин Н. Дипломатия гармонии и добрых услуг: глобальные шаги президента Джоко Видодо // Российский совет по международным делам. 04.07.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/diplomatiya-garmonii-i-dobrykh-uslug-globalnye-shagi-prezidenta-dzhoko-vidodo/> (дата обращения: 08.03.2023).

¹⁰ Resolution 13 (1946) / [adopted by the Security Council at its 83rd meeting], of 12 December 1946 // United Nations Digital Library. December 12, 1946. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/111972?ln=ru> (accessed: 08.03.2023).

¹¹ Thailand and the UN, 75 years and counting // Royal Thai Embassy, Cairo, Egypt. December 16, 2020. URL: <https://cairo.thaiembassy.org/en/content/thailand-and-the-un-75-years-and-counting?page=5d81bfb315e39c24dc0034f2&menu=5d81bfb415e39c24dc003565> (accessed: 08.03.2023).

¹² Thailand deploys peacekeeping forces. A Question & Answer with Royal Thai Armed forces Rear Adm.

Активизация участия Таиланда в миротворческой деятельности после окончания холодной войны объяснялась рядом причин. Впервые за весь период деятельности Таиланда в ООН поддержка международной миротворческой деятельности была официально возведена в ранг задач внешней политики. Помимо этого, в 1990-е гг. на межправительственном уровне начали выработываться принципы взаимодействия вооруженных сил стран — членов АСЕАН. Как отмечает А. Ачарья, если в 1980-е гг. подобное сотрудничество налаживалось в первую очередь с целью обмена опытом для противодействия повстанческим (в первую очередь коммунистическим) движениям в регионе, то в 1990-е гг. акцент был смещен на борьбу с внешними вызовами и угрозами (Acharya, 1992, p. 15).

По состоянию на начало 2023 г. Таиланд занимал 45-ю позицию в числе стран, вносящих вклад в миротворческую деятельность ООН¹³. Тайландские миротворцы присутствовали в трех миссиях ООН: в Южном Судане (273 солдата, 5 офицеров, 2 эксперта и 13 полицейских), миссии военных наблюдателей ООН в Индии и Пакистане (6 экспертов) и миссии ООН в Сомали (2 полицейских)¹⁴.

В связи с расширением миротворческой деятельности Таиланда в структуре Вооруженных Сил Королевства был создан Центр миротворческих операций (*Peace Operations Center, POC*)¹⁵. В его составе было сформировано три подразделения — инженерная рота, мобильный госпиталь и подразделение, специализирующееся на бурении скважин. Центр

Nuttapong Ketsumboon // Indo-Pacific Defense Forum. April 22, 2019. URL: <https://ipdefenseforum.com/2019/04/thailand-deploys-peacekeeping-forces/> (accessed: 08.03.2023).

¹³ Troop and Police Contributors // United Nations Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 08.03.2023).

¹⁴ Thailand // United Nations Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/thailand> (accessed: 08.03.2023).

¹⁵ Thailand deploys peacekeeping forces. A Question & Answer with Royal Thai Armed forces Rear Adm. Nuttapong Ketsumboon // Indo-Pacific Defense Forum. April 22, 2019. URL: <https://ipdefenseforum.com/2019/04/thailand-deploys-peacekeeping-forces/> (accessed: 08.03.2023).

был наделен возможностями делать запрос на необходимые кадры у трех родов войск Вооруженных Сил Таиланда в зависимости от специфики миротворческой операции. В числе функций Центра — представлять вооруженные силы в правительстве на этапе процесса принятия решений об участии Таиланда в миротворческих операциях, обеспечивать подготовку миротворческих сил Таиланда согласно стандартам ООН и осуществлять управление процессом размещения тайландских миротворческих сил.

Миротворческую деятельность Таиланда отличает особая философия. На официальном уровне вклад Таиланда в миротворчество рассматривается как вклад в достижение целей устойчивого развития ООН, а сама миротворческая деятельность увязывается в первую очередь с задачами развития. В зонах конфликта Таиланд стремится применить концепцию «экономики достаточности», предложенную покойным королем Таиланда Рамой IX в 1997 г.¹⁶ В отличие от ранее разработанных теоретических обоснований условий экономического роста она предполагает следование «срединному» пути в экономической деятельности и образе жизни, отказ от экстремальных форм потребления, этически корректное поведение в отношении окружающих людей и природы. Несмотря на то, что полномасштабная практическая имплементация концепции и в самом Таиланде, и за его пределами вызывает у экономистов целый ряд вопросов, ее увязка с миротворческой деятельностью позволяет Таиланду акцентировать внимание на наличии своего особого подхода к миротворчеству.

Таиланд трактует задачи своих миротворцев расширительно, руководствуясь принципом «больше, чем мандат миссии»¹⁷.

¹⁶ Statement by His Excellency General Prayut Chan-o-cha (Ret.) Prime Minister of the Kingdom of Thailand. General Debate, 70th Session of the United Nations General Assembly. New York, 29 September 2015 // Permanent Mission of Thailand to the United Nations. September 29, 2015. URL: <https://humanrights.mfa.go.th/upload/pdf/GA70-EN.pdf> (accessed: 08.03.2023).

¹⁷ The Exhibition “Thailand’s Contributions to UN Peacekeeping and Peace-Related Operations” // Ministry of Foreign Affairs, Kingdom of Thailand. March 1, 2016.

Помимо стабилизации ситуации в зоне конфликта тайландские миротворцы решают целый комплекс задач: устанавливают дружеские и партнерские отношения с местными сообществами, содействуют реализации инфраструктурных и экономических проектов, передают наиболее подходящий для местных условий опыт Таиланда в области развития. Обязательным является учет местной культурной и религиозной специфики. В результате, как подчеркивал в 2019 г. в своем интервью директор Центра миротворческих операций контр-адмирал Н. Кетсамбун, за все время участия Таиланда в миротворческих операциях ООН не было зафиксировано ни одного случая неприемлемого поведения тайландских миротворцев в принимающих странах¹⁸.

В рамках миссии ООН в Южном Судане деятельность тайландских миротворцев сосредоточена на выполнении инженерных работ и восстановлении коммуникаций между различными частями страны в случаях, когда их нарушение препятствует доставке гуманитарной помощи. Еще одним направлением деятельности контингента стало обучение местного населения навыкам ведения сельского хозяйства. В целом традиционная тайская культура доброжелательности способствует установлению эффективной коммуникации тайландских военных с местными сообществами¹⁹.

Философия тайландского миротворчества подразумевает также увеличение гендерного равенства. К началу нынешнего десятилетия в состав всех трех миротворческих контингентов входило 14 женщин. Согласно концептуальному документу, представленно-

URL: <https://www.mfa.go.th/en/content/5d5bcfc015e39c306001b701?cate=5d5bcb4e15e39c3060006834> (accessed: 08.03.2023).

¹⁸ Thailand deploys peacekeeping forces. A Question & Answer with Royal Thai Armed forces Rear Adm. Nuttapon Ketsumboon // Indo-Pacific Defense Forum. April 22, 2019. URL: <https://ipdefenseforum.com/2019/04/thailand-deploys-peacekeeping-forces/> (accessed: 08.03.2023).

¹⁹ With engineers and roadway repair crews, Thai blue helmets help keep South Sudan moving // UN News. August 18, 2021. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/08/1098052> (accessed: 08.03.2023).

му в ООН, Таиланд выступает за то, чтобы женщины участвовали во всех стадиях мирного процесса, поскольку именно они могут наиболее эффективным образом решать проблемы местных сообществ, затрагивающие женщин и детей²⁰.

В исследовательской литературе можно найти ряд объяснений активизации миротворческой деятельности Таиланда. В частности, отмечается, что ее расширение позволило внести вклад в позитивный имидж страны и продемонстрировать значимые достижения во внешней политике в условиях, когда сам Таиланд находился в состоянии политической турбулентности (в 2006 и 2014 гг. в стране произошли военные перевороты). Активизация миротворческой деятельности позволила Таиланду укрепить свои позиции в ООН (в 1998 г. Таиланд присоединился к системе резервных соглашений ООН, сформировавшей реестр ресурсов государств-членов для миротворческих операций) (Kraisoraphong & Howe, 2014).

Вьетнам и международное миротворчество

В отличие от Индонезии и Таиланда Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) позднее всех присоединилась к миротворческим операциям ООН (в 2014 г. СРВ направила первых двух вьетнамских офицеров в Южный Судан)²¹. Однако за достаточно короткий срок участие в международной миротворческой деятельности вошло в число приоритетов ее внешней и оборонной политики, нацеленной на формирование имиджа ответственного члена международного сообщества.

Изначально Вьетнам осторожно подходил к вопросам миротворческой деятельности ООН. С 1975 по 1993 г. Вьетнам не вносил

взносы на операции ООН по поддержанию мира²², а в 1993 г. воздержался от предложения тогдашнего Генерального секретаря ООН Б. Бутрос-Гали присоединиться к миротворческим силам (Carie, 2014, p. 116).

Такая позиция была обусловлена исторической памятью Вьетнама об иностранных вторжениях. Поскольку вопросы национального суверенитета и территориальной целостности определялись СРВ как незыблемые ценности, присутствие иностранных военных на территории другого государства воспринималось и политической элитой, и населением Вьетнама как нарушение национального суверенитета и принципа невмешательства во внутренние дела других государств. По словам бывшего заместителя министра иностранных дел, заведующего отделом Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама (ЦК КПВ) по внешним связям Ле Хоай Чунга, Вьетнам рассматривал деятельность миротворческих операций ООН как инструмент влияния США и западных стран, противоречащий Уставу ООН и международному праву²³.

В 1980—1990-е гг. Вьетнам сосредоточился на решении внутренних проблем, восстановлении национальной экономики и проведении реформ обновления «Дой мой». Для полноценного участия в миротворческих миссиях стране не хватало кадровых и финансовых ресурсов, опыта и соответствующей законодательной базы (Phan & Nguyen, 2022, p. 3).

Однако с начала 2000-х гг. отношение к миротворческим миссиям стало постепенно меняться. Изменения происходили на фоне экономического роста в стране, подготовки Вьетнама к выполнению функций непостоянного члена СБ ООН в 2008—2009 гг., его предстоящего председательства в АСЕАН в

²⁰ Thailand's views on full, equal and meaningful participation of women in peacebuilding // United Nations. URL: <https://www.un.org/peacebuilding/sites/www.un.org/peacebuilding/files/thailand-rev.pdf> (accessed: 08.03.2023).

²¹ Vietnam joins UN peacekeeping mission in South Sudan // Voice of Vietnam. June 12, 2014. URL: <https://english.vov.vn/en/politics/vietnam-joins-un-peacekeeping-mission-in-south-sudan-277616.vov> (accessed: 08.03.2023).

²² Thayer C. ASEAN and UN Peacekeeping // The Diplomat. April 25, 2014. URL: <https://thediplomat.com/2014/04/asean-and-un-peacekeeping/> (accessed: 08.03.2023).

²³ Lê H.T. Ngoại giao và hoạt động gìn giữ hòa bình Liên hợp quốc // Cục Gìn giữ hòa bình Việt Nam [Ле Х.Т. Дипломатия и миротворческие силы ООН // Департамент миротворческих операций Вьетнама]. 25.03.2021. (На вьетнамском языке). URL: <http://www.vnpkc.gov.vn/tin-tuc/nghien-cuu-trao-doi/ngoi-giao-va-hoat-dong-gin-giu-hoa-binh-lien-hop-quoc> (accessed: 08.03.2023).

2010 г. Под эгидой Министерства иностранных дел СРВ были сформированы специальные группы представителей ведущих министерств с целью участия в мероприятиях ООН по вопросам миротворчества (Phan & Nguyen, 2022, p. 4), а в Белой книге по обороне Вьетнама 2009 г. было зафиксировано, что «Вьетнам высоко ценит роль ООН и рассматривает миротворческие операции в качестве одной из важнейших функций ООН»²⁴.

В 2013 г. Политбюро Коммунистической партии Вьетнама (КПВ) ратифицировало Генеральный план участия Вьетнама в миротворческих операциях ООН на период с 2014 по 2020 г.²⁵ Тогда же Национальное собрание внесло изменение в ст. 64 Конституции, добавив пункт, разрешающий направлять вьетнамских военных за рубеж²⁶. В 2014 г. был открыт Вьетнамский центр миротворчества, переформированный позднее в Департамент миротворческих операций (*Vietnam Department of Peacekeeping Operations, VDPO*)²⁷, в задачи которого входит координация всей деятельности по вопросам участия Вьетнама в миротворческих операциях ООН.

К 2023 г. в миротворческих миссиях в Южном Судане и Центральноафриканской Республике приняли участие 526 военнослужащих и сотрудников органов общественной безопасности²⁸. Из них свыше 70 — это

военные офицеры (военные наблюдатели и офицеры связи), порядка 250 военных врачей и 200 саперов²⁹. В Южном Судане действует четыре полевых госпиталя второго уровня. Вьетнам также демонстрирует высокие показатели участия женщин в миротворческих операциях, доля которых на данном этапе составляет 16 % (выше рекомендованных ООН 15 %) ³⁰. Вместе с тем СРВ ограничивает свое участие логистическими, консультативными и гуманитарными задачами, не принимая участия в боевых операциях (Phan & Nguyen, 2022, p. 7). Соглашение между Вьетнамом и ООН позволяет вьетнамским военнослужащим сохранять право на отказ от участия в тех миротворческих миссиях, которые могут отрицательно повлиять на двусторонние отношения Вьетнама с другими государствами³¹.

Участие Вьетнама в миротворчестве проявляется не только в рамках ООН, но и на региональном уровне. С 2021 по 2023 г. Вьетнам вместе с Японией стал сопредседателем в рабочей группе по миротворчеству в рамках Совещания министров обороны АСЕАН с диалоговыми партнерами (СМОА+). В 2022 г. СРВ впервые принимала ежегодную встречу Ассоциации миротворческих центров в Азиатско-Тихоокеанском регионе (ААРТС) в качестве председателя. Тогда же Вьетнам председательствовал в Сети миротворческих

²⁴ Vietnam National Defence // Socialist Republic of Vietnam, Ministry of National Defence. Hanoi : Ministry of National Defence, 2009. P. 27. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/155222/Vietnam2009.pdf> (accessed: 08.03.2023).

²⁵ Nguyen C. V. New development of Vietnam's participation in the UN peacekeeping operations // National Defence Journal. April 11, 2018. URL: <http://tapchiquptd.vn/en/theory-and-practice/new-development-of-vietnams-participation-in-the-un-peacekeeping-operations/11518.html> (accessed: 08.03.2023).

²⁶ Thayer C. ASEAN and UN Peacekeeping // The Diplomat. April 25, 2014. URL: <https://thediplomat.com/2014/04/asean-and-un-peacekeeping/> (accessed: 08.03.2023).

²⁷ Nguyen C. V. New development of Vietnam's participation in the UN peacekeeping operations // National Defence Journal. April 11, 2018. URL: <http://tapchiquptd.vn/en/theory-and-practice/new-development-of-vietnams-participation-in-the-un-peacekeeping-operations/11518.html> (accessed: 08.03.2023).

²⁸ Seven Vietnamese officers to take on U.N. peacekeeping mission // Ministry of National Defence.

February 8, 2023. URL: <http://mod.gov.vn/en/detail/sa-en-news/sa-en-news-qpan/seven-vietnamese-officers-to-take-on-un-peacekeeping-mission> (accessed: 08.03.2023).

²⁹ Kiều G. Việt Nam và những dấu ấn trong hoạt động gìn giữ hòa bình // Báo điện tử Đảng Cộng sản Việt Nam [Киуэ 3. Вьетнам и ключевые этапы в миротворческой деятельности // Электронная газета Коммунистической партии Вьетнама]. 20.01.2023. (На вьетнамском языке). URL: <https://dangcongsan.vn/quoc-phong-an-ninh/vietnam-va-nhung-dau-an-trong-hoat-dong-gin-giu-hoa-binh-630191.html> (accessed: 08.03.2023).

³⁰ Women and peacekeeping in ASEAN countries // UNDP Vietnam. December 31, 2020. URL: <https://www.undp.org/vietnam/publications/women-and-peacekeeping-asean-countries> (accessed: 08.03.2023).

³¹ Hoàng T. Việt Nam xem xét cử đội trực thăng tham gia gìn giữ hòa bình [Хоанг Т. Вьетнам рассматривает выделение вертолетного отряда для участия в миротворческих операциях ООН] // VnExpress. 12.01.2021. (На вьетнамском языке). URL: <https://vnexpress.net/vietnam-xem-xet-cu-doi-truc-thang-tham-gia-gin-giu-hoa-binh-4219516.html> (accessed: 08.03.2023).

центров АСЕАН (*ASEAN Peacekeeping Centers Network*, APCN). Именно Вьетнам выступил с инициативой устанавливать флаг АСЕАН наряду с национальным флагом страны — члена Ассоциации, участвующей в миротворческих операциях³².

Вьетнамские миротворцы строго придерживаются трех руководящих установок миротворческой деятельности ООН — согласие сторон, беспристрастность и неприменение силы, за исключением случаев самообороны и защиты мандата. Эти нормы тесно связаны с вьетнамской политикой «четыре нет», суть которой заключается в отказе от использования военной силы и участия в любых военных союзах³³. В последней редакции Белой книги СРВ по обороне (2019 г.) подтверждается намерение Вьетнама «продолжать вносить существенный вклад и расширять свое участие в миротворческих операциях ООН»³⁴.

Активизация деятельности СРВ на миротворческом направлении продиктована также стремлением укрепить обороноспособность вооруженных сил страны. По вьетнамским оценкам, миротворческая деятельность должна внести вклад в модернизацию Народной армии³⁵. Другим немаловажным фактором является усиление роли Министерства обороны в вопросах внешней политики. Вьетнам на

сегодняшний день имеет девять подписанных меморандумов по миротворческой деятельности с Австралией, Индией, Китаем, Новой Зеландией, Россией, США, Францией, Южной Кореей и Японией. Отдельные меморандумы подписаны с ООН и ЕС³⁶.

Подключение Вьетнама к миротворческой деятельности ООН свидетельствует о его намерении позиционировать себя как надежного и ответственного члена международного сообщества, динамично развивающуюся экономику, политически стабильное государство, обладающее современной и хорошо оснащенной армией. Участие в миротворческих операциях ООН позволяет повысить международный статус вьетнамской армии, которая не только выступает гарантом стабильности политического режима, но и способствует международной интеграции Вьетнама.

Заключение

Представленный анализ позволяет заключить, что при всей имеющейся национальной специфике участия в миротворчестве страны АСЕАН, рассмотренные в данной статье, обладают рядом схожих черт. Именно эти черты формируют региональный облик миротворческой деятельности на современном этапе.

В своей миротворческой практике страны АСЕАН, в свое время пострадавшие от колониализма, придают особое значение вопросам национального суверенитета, территориальной целостности, недопустимости использования миротворчества в качестве способа оказания давления крупных государств на малые и средние страны. Эта позиция наиболее четко прослеживается в индонезийских подходах к миротворчеству, однако также

³² Vietnam to host ASEAN peacekeeping meeting in September // VietnamPlus. May 17, 2022. URL: <https://en.vietnamplus.vn/vietnam-to-host-asean-peacekeeping-meeting-in-september/228729.vnp> (accessed: 08.03.2023).

³³ 2019 Vietnam National Defence (2019 Vietnam National Defence White Paper). Hanoi : National Political Publishing House, 2019. P. 23. URL: <http://mod.gov.vn/wcm/connect/08963129-c9cf-4c86-9b5c-81a9e2b14455/2019VietnamNationalDefence.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=ROOTWORKSPACE-08963129-c9cf-4c86-9b5c-81a9e2b14455-mXO.UaH> (accessed: 08.03.2023).

³⁴ Ibid. P. 27.

³⁵ Quỳnh V. Đề màu cờ Việt Nam phủ rộng hơn trên bản đồ gìn giữ hòa bình thế giới // Cục Gìn giữ hòa bình Việt Nam [Куинь В. Вьетнам стремится расширить географию участия в миротворческих операциях ООН // Департамент миротворческих операций Вьетнама]. 28.05.2021. (На вьетнамском языке). URL: <http://www.vnpkc.gov.vn/tin-tuc/nguyen-cuu-trao-doi/de-mau-co-viet-nam-phu-rong-hon-tren-ban-do-gin-giu-hoa-binh-the-gioi> (accessed: 08.03.2023).

³⁶ Kiều G. Lực lượng gìn giữ hòa bình: Góp phần nâng cao vị thế của Việt Nam trên trường quốc tế // Báo điện tử Đảng Cộng sản Việt Nam [Киуэ Г. Миротворческие силы: способствуют повышению роли Вьетнама на международной арене // Электронная газета Коммунистической партии Вьетнама]. 12.02.2021. (На вьетнамском языке). URL: <https://dangcongsan.vn/chao-xuan-tan-su-2021/dat-nuoc-vao-xuan/luc-luong-gin-giu-hoa-binh-gop-phan-nang-cao-vi-the-cua-viet-nam-tren-truong-quoc-te-574148.html> (accessed: 08.03.2023).

присутствует и в ценностных установках Вьетнама и Таиланда. Историческая память об Индокитайских войнах обуславливает изначально осторожный подход Вьетнама к миротворческой деятельности, которая до 1990-х гг. расценивалась как способ вмешательства во внутренние дела других государств.

Все рассмотренные страны отличаются стремлением расширить и дополнить конвенциональные практики миротворчества, во многом сформированные ведущими западными странами, новыми концептуальными и практическими инструментами с учетом специфики собственного политического и экономического развития. В отдельных случаях опыт урегулирования региональных конфликтов в ЮВА становится ценным источником инновационных наработок в области миротворчества. Благодаря миротворческой деятельности ООН и роли посредника в ряде конфликтов Индонезия стремится закрепить свою роль регионального лидера и страны с глобальными амбициями. Выполнению этих задач должна содействовать, в числе прочего, деятельность упомянутого Индонезийского учебного центра мира и безопасности — тренировочного хаба для миротворцев не только из Индонезии, но и других стран.

В случае Таиланда речь идет также о попытке предложить собственный подход к постконфликтному экономическому восстановлению на основе концепции «экономики

достаточности», которая противопоставляется модели гиперпотребления, распространенной на Западе. Хотя практическая имплементация данной концепции вызывает споры экономистов, речь идет, тем не менее, о стремлении Таиланда занять собственную нишу в сфере миротворчества за счет акцента на вклад таиландских миротворцев в восстановление инфраструктуры и сельского хозяйства стран, переживших конфликт.

Вьетнам, в свою очередь, участвуя в миротворческих операциях, стремится подчеркнуть свою гуманитарную роль, принадлежность к АСЕАН, открытость к международному сотрудничеству на конструктивной основе.

Миротворческая деятельность помогает странам ЮВА решать ряд внешнеполитических и внутривнутриполитических задач, выступая в роли универсального способа повышения собственного статуса в структуре ООН, формирования имиджа ответственных и значимых международных игроков (даже в случаях точечного участия в миротворческих миссиях), укрепления боеспособности своих армий и развития военной дипломатии. Последняя играет особую роль для Юго-Восточной Азии в целом, поскольку позволяет включать в практику регионального взаимодействия многосторонних институтов, связанных с АСЕАН (СМОА, СМОА+), опыт, полученный странами региона в ходе миротворческой деятельности, по сути, глобального масштаба.

Поступила в редакцию / Received: 03.01.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 20.03.2023
Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список

- Куклин Н. С. Концептуальные основы внешней политики Индонезии. Москва : Аспект Пресс, 2023.
- Пивоваров Д. В. Вьетнам и ООН в 2005 г. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2006. № 9. С. 386—395.
- Рогожина Н. Г. Роль АСЕАН в урегулировании политического конфликта в Мьянме // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 2. С. 28—37. <https://doi.org/10.20542/afij-2021-2-28-37>
- Acharya A. Regional Military-Security Cooperation in the Third World: A Conceptual Analysis of the Relevance and Limitations of ASEAN // Journal of Peace Research. 1992. Vol. 29, no. 1. P. 7—21. <https://doi.org/10.1177/0022343392029001002>
- Bar-Yaacov N. Keeping the Peace between Egypt and Israel, 1973—1980 // Israel Law Review. 1980. Vol. 15, no. 2. P. 197—268. <https://doi.org/10.1017/s0021223700006622>
- Capie D. Evolving Attitudes to Peacekeeping in ASEAN // New Trends in Peacekeeping: In Search for a New Direction. Tokyo: The National Institute for Defense Studies, 2014. P. 111—125. URL: <http://www.nids.mod.go.jp/english/event/symposium/pdf/2014/E-06.pdf> (accessed: 08.03.2023).

- Capie D.* Indonesia as an Emerging Peacekeeping Power: Norm Revisionist or Pragmatic Provider? // *Contemporary Southeast Asia*. 2016. Vol. 38, no. 1. P. 1—27.
- Chapman N.* Mechanisms of Vietnam's Multidirectional Foreign Policy // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*. 2017. Vol. 36, no 2. P. 31—69. <https://doi.org/10.1177/186810341703600202>
- Chinwanno Ch.* Thailand's Perspective on Security Cooperation in the Asia Pacific // *Asia-Pacific Security Cooperation: National Interests and Regional Order* / ed. by S. S. Tan, A. Acharya. London : M.E. Sharpe, 2004. P. 190—206.
- Coercion and Governance: The Declining Political Role of the Military in Asia* / ed. by M. Alagappa. Stanford : Stanford University Press, 2001.
- Cook A. D. B.* Southeast Asian Perspectives on UN Peacekeeping: Indonesia and Malaysia // *Peacekeeping and the Asia-Pacific* / ed. by B. Howe, B. Kondoch. Leiden : Brill, 2017. P. 37—39. https://doi.org/10.1163/9789004322059_004
- East Asia, Peacekeeping Operations, and Humanitarian Assistance and Disaster Relief* / ed. by C. Jones, G. Mulloy. London : Routledge, 2021. <https://doi.org/10.4324/9781003179160>
- Hutabarat L. F.* Indonesian Female Peacekeepers in the United Nations Peacekeeping Mission // *Jurnal Pertahanan*. 2017. Vol. 3, no. 3. P. 183—199. <https://doi.org/10.33172/jp.v3i3.214>
- Hutabarat L. F.* Indonesian Participation in the UN Peacekeeping as an Instrument of Foreign Policy: Challenges and Opportunities // *Jurnal Global dan Strategis*. 2014. Vol. 8, no. 2. P. 183—199.
- Jenne N.* Peacekeeping: An Emerging Area of Southeast Asia's Defence and Security Cooperation? // *Asian Military Evolutions* / ed. by A. Chong, N. Jenne. Bristol : Bristol University Press, 2023. P. 170—194.
- Jenne N.* Preah Vihear: A Guide to the Thai-Cambodian Conflict and Its Solutions. By Charnvit Kasetsiri, Pou Sothirak, Pavin Chachavalpongpun (Review) // *Contemporary Southeast Asia*. 2014. Vol. 36, no. 1. P. 168—170.
- Jones C.* South East Asian Powers and Contributions to Peacekeeping Operations: UN — ASEAN Partnering for Peace? // *Australian Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 74, no. 3. P. 1—19. <https://doi.org/10.1080/10357718.2019.1693501>
- Koldunova E.* Which “ASEAN Way” Forward? Southeast Asian Perspectives on Peace and Institutions // *The Palgrave Handbook of Global Approaches to Peace* / ed. by A. Kulnazarova, V. Popovski. Cham : Palgrave Macmillan, 2019. P. 347—366. https://doi.org/10.1007/978-3-319-78905-7_17
- Kraisoraphong K., Howe B.* Thailand's Participation in UN Peacekeeping Missions: The Reciprocal Transference of Expertise and Norms // *Journal of International Peacekeeping*. 2014. Vol. 18, no. 3—4. P. 236—255. <https://doi.org/10.1163/18754112-1804007>
- Mahbubani K., Sng J.* The ASEAN Miracle: A Catalyst for Peace. Singapore : Ridge Books, 2017.
- Murwanto I. P., Rosyidin M., Susiatiningsih H., Paramasatya S.* Indonesia's Commitment to the United Nations Peacekeeping Operations in Constructivist Perspective: Case Study of Roadmap Vision 4,000 Peacekeepers 2015—2019 Policy // *Jurnal Pertahanan*. 2020. Vol. 6, no. 3. P. 342—356. <https://doi.org/10.33172/jp.v6i3.869>
- Peacekeeping and the Asia-Pacific* / ed. by B. Howe, B. Kondoch. Leiden : Brill, 2017. <https://doi.org/10.1163/9789004322059>
- Phan X. D., Nguyen C. V. H.* Vietnam's Peacekeeping Contributions: Drivers and Prospects // *ISEAS Perspective*. 2022. No. 46. P. 1—11. URL: https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/04/ISEAS_Perspective_2022_46.pdf (accessed: 08.05.2023).
- Sustaining Peace in ASEAN and the Asia-Pacific: Preventive Diplomacy Measures* / ed. by Yanjun Guo, I. G. A. W. Puja. Singapore : World Scientific, 2022. <https://doi.org/10.1142/12242>
- Thayer C.* The Contrasting Cases of Cambodia and Vietnam: Active Engagement and Considering Engagement in United Nations Peacekeeping Operations // *Asia-Pacific Nations in International Peace Support and Stability Operations* / ed. by Ch. Aoi, Y.-K. Heng. New York : Palgrave Macmillan, 2014. P. 211—244.
- UN Peace Operations and Asian Security* / ed. by M. Cabellero-Anthony, A. Acharya. London : Routledge, 2005.

Сведения об авторах: *Вершинина Валерия Валерьевна* — кандидат политических наук, эксперт, Центр АСЕАН МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0001-7848-8497; e-mail: vv.vershinina@inno.mgimo.ru, asean@inno.mgimo.ru

Колдунова Екатерина Валерьевна — кандидат политических наук, директор, Центр АСЕАН МГИМО МИД России; доцент кафедры востоковедения, МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0001-9973-9574; e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru, asean@inno.mgimo.ru

Куклин Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, эксперт, Центр АСЕАН МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0002-5715-847X; e-mail: ns.kuklin@inno.mgimo.ru, asean@inno.mgimo.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-278-295

EDN: KMJXED

Научная статья / Research article

«Позитивный мир» в исламском восприятии международных отношений: пример внешней политики Ирана

Д. Ранджбар , О.С. Чикризова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 chikrizova-os@rudn.ru

Аннотация. Анализируются особенности трактовки понятий «позитивный» и «негативный» мир в рамках исламской парадигмы международных отношений, а также применение исламских подходов к урегулированию конфликтов Исламской Республикой Иран (ИРИ). Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра подходов к миротворчеству и отхода от западных стратегий разрешения конфликтов, поскольку данные подходы за прошедшие 50 лет уже продемонстрировали свою несостоятельность. Опираясь на герменевтический метод анализа священных текстов ислама и сравнительный анализ, а также подход к определению «негативного» и «позитивного» мира норвежского социолога Й. Галтунга, авторы обосновывают существование двух стратегий достижения мира, базирующихся на исламских принципах, — «стратегии сопротивления» и «стратегии ненасилия», рассматривая в качестве примера первой внешнеполитическую деятельность Исламской Республики Иран по урегулированию региональных конфликтов на примере Сирии, палестинской проблемы и Ормузской мирной инициативы. Установлено, что в исламе в качестве подлинного мира видится только «позитивный мир», способный обеспечить безопасность, справедливый миропорядок и всеобщее равенство. Иран, руководствуясь мировоззренческими установками, порожденными Исламской революцией 1978—1979 гг. (духовность, борьба с коррупцией и несправедливостью, защита «обездоленных» и борьба с «высокомерными», отрицание насилия в общественном движении, устранение социальной дискриминации, правительство, учитывающее мнение народа), стремится внедрять исламские принципы в свою внешнеполитическую практику, в частности на ближневосточном направлении. Однако в связи с тем, что ряд арабских стран региона проводят антииранскую политику, некоторые инициативы Тегерана остаются нереализованными, не получая поддержки. Тем не менее в современных условиях, когда происходит пересмотр западнцентричного мирового порядка, как никогда актуально изучать альтернативные подходы к урегулированию конфликтов, выявлять их преимущества и значение, опираясь на уже существующие практические примеры.

Ключевые слова: ислам, позитивный мир, негативный мир, миротворчество, Иран, внешняя политика, незападное миротворчество

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Ранджбар Д., Чикризова О.С. «Позитивный мир» в исламском восприятии международных отношений: пример внешней политики Ирана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 278—295. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-278-295>

© Ранджбар Д., Чикризова О.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Positive Peace in the Islamic Perspective of International Relations: The Case of Iran's Foreign Policy

Daniyal Ranjbar^{ID}, Olga S. Chikrizova^{ID}✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉chikrizova-os@rudn.ru

Abstract. The characteristics of the interpretation of the concepts of “positive” and “negative” peace within the framework of the Islamic paradigm of international relations, as well as the application of Islamic approaches to conflict settlement by the Islamic Republic of Iran (IRI) are analyzed. The relevance of the study is due to the need to rethink approaches to peacekeeping and move away from Western peace strategies and initiatives, since these approaches have demonstrated their inadequacy over the past 50 years. Based on the hermeneutic method of studying the Islamic sacred texts and comparative analysis, as well as the approach to “negative” and “positive” peace of the Norwegian sociologist J. Galtung, the authors justify the existence of two strategies for achieving peace, based on Islamic ideals — “resistance strategy” and “non-violence strategy,” using as an example of the first one the foreign policy activities of the Islamic Republic of Iran to resolve regional conflicts, taking Syria, the Palestinian problem and the Hormuz Peace Initiative as examples. The authors come to the conclusion that Islam considers only “positive peace” to be true peace, capable of ensuring security, a fair world order and universal equality. Iran, guided by the ideological attitudes generated by the Islamic Revolution of 1978—1979 (spirituality, the fight against corruption and economic injustice, the protection of the ‘oppressed’ and the fight against the ‘oppressors,’ the rejection of violence in social movements, the elimination of social discrimination, governance based on the people’s decision), seeks to introduce Islamic principles into its foreign policy practice, particularly in the Middle East. However, with a number of Arab countries in the region pursuing anti-Iranian policies, some of Tehran’s initiatives remained unrealized and did not gain support. Nevertheless, in the current context where the Western-centric world order is being revised, it is more relevant than ever to explore alternative approaches to conflict resolution and to identify their advantages and significance, based on practical examples that already exist.

Key words: Islam, positive peace, negative peace, peacekeeping, Iran, foreign policy, non-Western peacekeeping

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors’ contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article’s text.

For citation: Ranjbar, D., & Chikrizova, O. S. (2023). Positive peace in the Islamic perspective of International Relations: The case of Iran’s foreign policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 278—295. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-278-295>

Мы сотворили человека лучшим сло-
жением

*Коран, 95:4 (4)*¹

Амир аль-му’минин: «Человеческая
жизнь (настолько драгоценна, что) не
может быть оценена ни по какой цене»

*Асар аль-Балага, с. 89*²

Введение

Актуальность темы исследования обу-
словлена необходимостью поиска новых

подходов к урегулированию многочисленных
конфликтов, как гражданских, так и межгосу-
дарственных. В этой связи религия как неотъ-
емлемая часть общественной и частной жизни
большинства стран не-Запада и базирующая-
ся на таких универсальных принципах, как
гуманизм, справедливость и примат челове-
ческой жизни, может послужить основой для
обновления методов миротворчества и вос-
становления доверия между конфликтующи-
ми сторонами.

Еще одним мотивом при написании дан-
ной статьи для авторов послужило стремле-
ние внести свой вклад в реабилитацию
образа ислама как миролюбивой религии,
нацеленной на гармоничное сосуществование
различных групп общества, а также преодо-
ление исламофобии, деструктивного явления,

¹ Сура 95. Смоковница // Коран / пер. и коммент.
И. Ю. Крачковского. 2-е изд. Москва : Главная редак-
ция восточной литературы издательства «Наука», 1986.
С. 503.

² 30 Hadiths darbare Omar Ba Mazamin Ziba Az Aeme
Athar [30 хадисов об Омаре на красивые темы от има-
мов Атара] // Shia News. (На персидском языке). URL:
shia-news.com/0010YP (accessed: 12.01.2023).

которое разобщает, поляризует сообщества как в национальном и региональном, так и глобальном масштабе, стигматизируя последователей исламского вероучения. Вопреки господствующему дискурсу о воинственности ислама авторы делают упор на миролюбивых аспектах исламского вероучения.

Новизна исследования заключается, во-первых, в том, что авторы, опираясь на герменевтический метод изучения священных текстов ислама, концептуализируют исламский взгляд на «позитивный мир» и миротворчество, обосновывая существование двух стратегий достижения мира — «стратегии сопротивления», которой руководствуется Исламская Республика Иран в своей внешней политике, и «стратегии ненасилия», взятой на вооружение рядом арабских стран Ближнего Востока, которые ради стабилизации региональной ситуации пошли на подписание мирного договора с Израилем.

Во-вторых, используя метод сравнительного анализа, авторы выявляют различия в западном и исламском подходах к обеспечению мира, постулируя универсальный характер ценностей, которые продвигает исламская (в более широком смысле — религиозная) концепция миротворчества.

Наконец, на примере Ирана авторы демонстрируют преимущества и ограничения имплементации исламских принципов во внешнюю политику в условиях существующего миропорядка, в котором пока сохраняется доминирование западных дискурсов. Однако поскольку в настоящее время мы переживаем трансформацию западнцентричной системы международных отношений, необходимо изучить возможности незападных подходов к миротворчеству, которые могут стать прочной основой для долгосрочного и устойчивого мира в будущем.

Концепция мира и войны в исламе изучается в работах таких зарубежных авторов, как Х. Ханафи (Hanafi, 1987), М. Абу-Нимер (Abu-Nimer, 2003), А. Афсаруддин (Afsaruddin, 2020) и Х. Абади (Abadi, 2022). Что касается исследований на русском языке, то необходимо упомянуть труды Г.М. Керимова (Керимов, 1983), С.В. Резника (Резник, 2008), а также

анализ эволюции концепции джихада, проведенный К.А. Кадыровой (Кадырова, 2014; 2015a; 2015b). Следует также упомянуть российского востоковеда-ираниста В.И. Белова (Юртаева), который провел впечатляющий анализ «исламской матрицы» внешней политики Ирана после Исламской революции (Юртаев, 2014; 2018). В то же время проблема применения исламской концепции позитивного мира в миротворчестве отечественными учеными до настоящего времени не рассматривалась.

Примечателен вклад иранских авторов, пишущих как на фарси, так и на английском языке, в разработку проблематики исламской концепции мира, а также применения Ираном исламских принципов во внешнеполитической деятельности. В этой связи следует упомянуть работы А. Яздани (Yazdani, 2020), М. Мохаммади (Mohammadi, 2008), М. Мегдара (Meghdar, 2008) и А. Ашрафи (Ashrafi, 2020). Кроме того, необходимо выделить аналитический труд М. Хоррамшахра (Khorramshahr, 2011), посвященный влиянию Исламской революции в Иране на региональное и международное сообщество.

Главная причина выбора Ирана в качестве исследовательского кейса связана с изменением ценностей и стратегии внешней политики этой страны после Исламской революции 1978—1979 гг. В интеллектуальном плане иранцы испытывают влияние сразу нескольких компонентов. Во-первых, речь идет об их национальной идентичности, во-вторых, это исламский компонент, в-третьих, это шиитский толк ислама, и, наконец, исторические особенности развития страны, которые формировали историческую память иранского народа. Следует подчеркнуть, что под «исламским компонентом» понимаются более обобщенные исламские принципы и практики, такие как пять столпов ислама, Священный Коран и хадисы, которые оказывали влияние на иранскую культуру в течение более 1000 лет. В то же время шиитский толк ислама представляет собой особую интерпретацию исламского вероучения, направляющую развитие Ирана с XVI в. Так, вера в божественное руководство имамов

сыграла решающую роль в формировании иранской идентичности, культуры и политики (например, концепции *веляят-э факих*).

В статье выдвигается гипотеза о том, что ислам и ценности Исламской революции в Иране в силу присущих им характеристик создают в регионе и мире такие условия, которые, хотя и имеют черты хаоса, в конечном итоге ведут к распространению позитивного мира. Для этого в статье будут рассмотрены такие понятия, как «мир» и «позитивный мир», а далее будет изучена концепция мира в исламе. Затем рассматриваются основные характеристики Исламской революции, которые были намечены на этапе становления Исламской Республики, и показывается, что все эти характеристики нацелены на достижение мира.

«Позитивный» и «негативный мир» в международных отношениях

Общая природа людей, культурное разнообразие, дух терпения, внимание к различиям, сотрудничество, принятие ответственности и единство в разнообразии, логика культуры диалога, дух творчества, а также общий язык, социальная справедливость и удовлетворение потребностей, единое правительство, глобализм и универсализм (приемлемая глобальная ответственность), новое понимание современного состояния мира, необходимость межконфессионального диалога — все эти элементы составляют представление о позитивном мире (Simbar, 2016).

В этом разделе обсуждаются различные понимания мира с упором на позитивный мир. Следует отметить, что идея достижения позитивного мира распространилась после Первой мировой войны в рамках подхода Вудро Вильсона к международным отношениям. Важнейшей задачей международных отношений стало обеспечение мира, и международное сообщество должно прилагать усилия в этом направлении. Йохан Галтунг, основоположник исследований мира, провел различие между «негативным миром» и «позитивным миром»: «Негативный мир говорит об отсутствии насилия. Когда, например, будет ратифицировано перемирие, будет

создан негативный мир. Это негативный мир, поскольку перестало происходить что-то нежелательное (например, прекратилось насилие или угнетение). Позитивный мир с позитивным содержанием, таким как восстановление отношений или создание справедливых социальных систем, служит потребностям всего населения, созидателен и разрешает противоречия. Мир — это не полное отсутствие какого-либо конфликта. Это означает ненасилие во всех формах и конструктивное проявление вовлеченности» (Galtung, 1985).

Исходя из этого, мир существует там, где люди мирно взаимодействуют и позитивно разрешают конфликты — при уважении законных потребностей и интересов друг друга по важным вопросам. Позитивный мир — это отсутствие структурного насилия, что означает необходимость определенных позитивных социальных условий, таких как социальная справедливость, равенство и благосостояние людей. Позитивный мир требует наличия социальных институтов для справедливого распределения ресурсов и мирного разрешения споров (Goudarzi & Kafash Neiri, 2018).

Другими словами, согласно исследованиям в области международного права, позитивный мир — это уважение прав человека, справедливость и недопущение насилия в международных отношениях, будь то структурное или прямое насилие. Помимо войн и раздоров сюда входят несправедливость, бедность, отсутствие развития, ущерб окружающей среде, отсутствие терпимости и т. д. (Anderson, 2004). Позитивный мир не может быть достигнут иначе, кроме как через создание культуры мира, социального образования и укрепления немеждународных норм.

Вместе с тем первой и главной целью современных международных отношений является сохранение и установление мира. В настоящее время, несмотря на то, что между странами может не быть войны, между ними может не быть и мира, а это значит, что значение мира в международных отношениях изменилось и эволюционировало. С точки зрения международных отношений смысл мира заключается в том, чтобы избежать споров и насильственных действий между

государствами. Иными словами, мир — это относительная военная стабильность и отсутствие разлада и беспорядка в системе международной безопасности. Международный мир и безопасность — это термины, которые сегодня активно используются в литературе по международным отношениям и подразумевают мир и стабильность в мировой системе, при которых ни одна из держав и политических единиц не должна выходить за свои пределы и посягать на чужую территорию, уважая ее. Все правительства должны стараться поддерживать международный мир и безопасность и никоим образом не угрожать им (Mohammadi, 2008).

Учитывая преобладающие условия в международных отношениях, следует подчеркнуть два момента, касающиеся концепции мира в международных отношениях.

1. Международный мир и безопасность в их реальном смысле не обязательно обеспечиваются сохранением статуса-кво, поскольку законы и правовые структуры господствующей системы международных отношений могут навязывать нарративы угнетения и подчинения. В то время как мир является одним из понятий, тесно связанных со справедливостью и равенством, достижение подлинного мира невозможно без справедливости.

2. В прошлом понятия мира и безопасности использовались только в военной и политической областях. Однако в настоящее время эта концепция изменена в связи с глобализацией и интеграцией. Теперь экономические и культурные кризисы, требующие коллективного действия международного сообщества, могут содействовать миру и безопасности (Meghdar, 2008).

Понятие мира и распространение позитивного мира связывается с появлением новых идей и характеристик. Безусловно, на это изменение международной концепции повлияли такие факторы, как «разведение» понятий «позитивный» и «негативный мир», трансформация мотивов и целей мира, а также анализ процесса поддержания мира. Кроме того, иной уровень понимания мира можно обнаружить в концепции мира, предлагаемой исламом, а также в ценностях иранской Исламской революции.

Концепция мира в исламе

Концепция мира — одна из центральных в исламе, поскольку среди причин ниспослания коранического откровения арабам именно в VII в. была острая необходимость преодолеть состояние перманентных межплеменных конфликтов на Аравийском п-ове, которые долгое время препятствовали объединению арабских племен и развитию государственности, несмотря на наличие всех предпосылок для этого.

В арабском языке слово «мир» (араб. «салам») является однокоренным со словом «ислам». Также «ас-Салам» — это одно из 99 имен Аллаха (Hanafi, 1987, p. 433), то есть священных эпитетов, характеризующих присутствующие Богу качества. Кроме того, от того же корня («син», «лям» и «мим») происходят такие слова, как «салляма» (глагол 2-й породы) — «делать уступку», «примиряться», «соглашаться с чем-либо», «спасать, избавлять от чего-либо»; «салама» (глагол 3-й породы) — «мириться», «мирно жить друг с другом», а также причастие «салимун» — «безопасный», «благополучный». В свою очередь, традиционно в международных отношениях мир означает больше, чем просто отсутствие войны. Как заметил бывший Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Пан Ги Мун, «мир означает доступ к образованию, здравоохранению и основным услугам». Кроме того, он отмечает, что мир обеспечивается уважением достоинства, прав и способностей каждого мужчины и женщины³. Однако в исламском представлении понятие мира наполняется несколькими иными содержанием.

Согласно исламскому вероучению, человек по природе склонен к миру, а насилие порождается несоблюдением божественной воли, ошибками в воспитании и недостатком образования (Yazdani, 2020, p. 153). Война является последним средством урегулирования

³ Peace means dignity, well-being for all, not just absence of war — UN officials // UN News. September 9, 2014. URL: <https://news.un.org/en/story/2014/09/476992#:~:text=Audio%20Hub-,Peace%20means%20dignity%2C%20well%20being%20for%20all%2C%20not%20just,absence%20of%20war%20%E2%80%93%20UN%20officials> (accessed: 12.04.2023).

конфликта, допустимым к применению только после исчерпания всех мирных средств. Мир в Коране понимается как состояние, управляющее жизнью верующих и определяющее их отношения с Богом как творцом и его творениями. Достижение мира является самой благородной и самой высокой целью человеческого существования в этом мире, поскольку мир помимо прочего обеспечивает сохранность человеческой жизни.

Исходя из этого, в исламе под «миром» подразумевают не отсутствие насилия («негативный мир»), а скорее тот самый «позитивный мир». А. Афсаруддин отмечает: «Это скорее целостная концепция, основанная на двух ключевых факторах: 1) признание равного достоинства каждого человека как творения Божьего; 2) залог справедливости для всех на земле. Эти два ключевых фактора позволяют концептуализировать мир как состояние, основанное на фундаментальной перестройке социально-экономических и межличностных отношений, которые способствуют установлению и развитию справедливого и эгалитарного общества» (Afsaruddin, 2020, p. 132). Она также добавляет: «Явленные законы Бога, должным образом истолкованные и претворенные в жизнь, неизбежно приведут к конечной цели: справедливому и мирному общественному порядку» (Afsaruddin, 2020, p. 99).

Следует подчеркнуть, что понятие «справедливость» в исламе означает не только «закон», но — что более важно — Аллаховскую (божественную) справедливость, равенство и праведный порядок как основу для устранения несправедливого мироустройства, власти узурпаторов и любых форм общественного недоверия и неравенства.

В контексте проблематики миротворчества необходимо разделять понятия «ас-салям» (араб. мир), которое по смыслу больше соответствует «позитивному миру», и «ас-сульх» (араб. перемирие, также однокоренные «аль-мусалаха», примирение, и «аль-ислах», улучшение, исправление, (процесс) примирения), которое можно отождествить, с одной стороны, с «негативным миром», а с другой — с процессом урегулирования разногласий между сторонами с целью

прекращения или предотвращения дальнейшего конфликта и насильственных действий.

При всей миролюбивости ислам нельзя назвать пацифистской религией. Как отмечает А. Афсаруддин, «пацифизм, определяемый как ненасильственное поведение при любых обстоятельствах и безоговорочный отказ от войны даже перед лицом насильственной агрессии... будет рассматриваться как способствующий несправедливости и социальной нестабильности — и, следовательно, морально и этически неприемлемым» (Afsaruddin, 2020, p. 99). Поскольку справедливость — также один из основных принципов исламского вероучения, она не должна вступать в противоречие с миролюбием и допускать ущемления прав и достоинства слабых. Миролюбие не должно приводить к принятию несправедливости и зла. В то же время любая вооруженная борьба, согласно Корану, должна носить исключительно оборонительный характер. Обоснования для наступательной войны появились гораздо позже и носят дискуссионный характер, однако освещение данной дискуссии выходит за рамки данного исследования.

Концепция обеспечения мира в исламе строится на следующих принципах.

1. Индивидуальная ответственность перед Богом, собой и обществом за жизнь в мире и гармонии с другими людьми. Из этого проистекает верность исполнению договоров и недопустимость нарушения соглашений. Более того, ради достижения мира ислам допускает даже заключение соглашения, которое на первый взгляд ущемляет интересы мусульман, но в долгосрочной перспективе служит им во благо (Alikhani, 2016, pp. 11—14). Пример — Худайбийское соглашение (628 г.), которое пророк Мухаммад заключил с язычниками-мекканцами ради прекращения кровопролития. Документ содержал неблагоприятные для мусульман требования (в частности, возможность для всех аравийских племен свободно выбирать сторону Мухаммада или мекканцев-курайшитов), что впоследствии способствовало примирению Мекки со сторонниками Мухаммада и прекращению длительного вооруженного противостояния.

2. Опора на понятия «сабр» (терпение) и «мусабара» (снисходительность): терпение и непоколебимость в воздержании от запрещенного; снисходительность по отношению к другим людям, а также воздержание от мести тем, кто причинил вам вред. Данный принцип также гарантирует прощение своего врага, что способствует восстановлению доверия между конфликтующими сторонами и обеспечению устойчивого «позитивного мира»: «И воздаяние зла — зло, подобное ему. Но кто простит и уладит, — награда его у Аллаха. Он ведь не любит несправедливых!» (Коран, 42: 38 (40))⁴.

3. Справедливость, которая одновременно выступает и как условие для достижения мира, и как следствие мира и социальной стабильности. Справедливость позволяет также обеспечивать равенство людей, провозглашенное в Коране: «О люди! Бойтесь вашего Господа, который сотворил вас из одной души и сотворил из нее пару ей, а от них распространил много мужчин и женщин» (Коран, 4: 1 (1))⁵.

4. Индивидуальный выбор: мир не может быть навязан кем-либо; противоборствующие стороны должны добровольно признать хотя бы частичную правоту и правомочность требований своего оппонента, принять решение о примирении с врагом и прощении своих бывших противников (Afsaruddin, 2020). Принцип индивидуального выбора делает неприемлемым с точки зрения ислама такой западный подход, как «принуждение к миру» (*peace enforcement*).

5. Ценность человеческой жизни является ключевым принципом любой религии, в том числе ислама. Для спасения жизни допустимо принимать в пищу запрещенные продукты (*харам*). Соображениями о бесценности жизни человека издавна руководствовались арабы-бедуины, устанавливая принципы

гостеприимства и обращения с незнакомцем, предписывающие принять в своем шатре любого путника, который путешествует по пустыне, поскольку завтра ты сам тоже можешь оказаться таким путником. Гостя обязательно нужно накормить и обеспечить его ночлег, в течение трех дней для этого человека дом хозяина будет надежным прибежищем. Кроме того, исходя из данного принципа, в ходе урегулирования конфликтов ислам призывает к милосердию, состраданию и великодушию по отношению к врагу.

Акцент на принципе справедливости при соблюдении или достижении мира обосновывает стратегию «сопротивления», которую взяла на вооружение Исламская Республика Иран в своей внешней политике. Данная стратегия основана на аяте из суры «Женщины», который гласит: «Не равняются сидящие из верующих, не испытывающие вреда, и не усердствующие на пути Аллаха своим имуществом и своими душами. Для Аллаха преимущество усердствующим своим имуществом и своими душами перед сидящими на степень. Всем обещал Аллах благо, а усердствующим Аллах дал преимущество перед сидящими в великой награде» (Коран, 4: 97 (95))⁶. Таким образом, мы можем заметить разницу между исламским видением справедливости и мира и, например, видением ООН, основанным не на «справедливости», а на «равенстве» и свободе иметь равные возможности для образования, здравоохранения и т. д. Практические аспекты реализации стратегии «сопротивления» будут раскрыты в заключительном разделе статьи.

Коран, сура «Корова» (2: 214 (217)) также гласит: «Спрашивают они тебя о запретном месяце — сражении в нем. Скажи: „Сражение в нем велико, а отвращение от пути Аллаха, неверие в него и запретную мечеть и изгнание оттуда ее обитателей — еще больше перед Аллахом: ведь соблазн — больше, чем убийство!“»⁷. Общественный порядок, безопасность общества, который превыше сохранения

⁴ Сура 42. Совет // Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. С. 398.

⁵ Сура 4. Женщины // Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. С. 81.

⁶ Там же. С. 93.

⁷ Сура 2. Корова // Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. С. 50.

жизни индивида (коллективизм культуры), «подчеркивают высший моральный императив поддержания порядка и противодействия неправомерным действиям» (Afsaruddin, 2020, p. 109).

Примечательно, что большинство обращений к вопросу о необходимости мира связаны с темой отношений мусульманской уммы с немусульманами. Коран обязывает мусульман к прекращению насилия и поиску мира с немусульманами (Коран, 9:4 (4), 9: 6 (6)—8 (8)⁸). Вместе с тем Коран логично утверждает братство между верующими мусульманами (Коран, 49:10 (10)⁹). Это позволяет обосновывать необходимость как межрелигиозного, так и внутриисламского диалога, выступающих основой для выстраивания гармоничных и здоровых социальных отношений. Кроме того, акцент на принципе терпения и снисходительности может рассматриваться как основа стратегии «ненасилия», взятой на вооружение арабскими государствами, выбравшими путь примирения с врагом (в лице Израиля) ради достижения долгосрочного мира и прекращения кровопролития.

Специфика функционирования арабомусульманских обществ предлагает также инструменты для урегулирования конфликтов, и среди этих инструментов — собственная модель посредничества и арбитража, опирающаяся на традицию и уходящая корнями в институт обращения к третьей стороне (старейшине, шейху племени или *кади* (судье), то есть лицу, пользующемуся авторитетом всех членов общины) для помощи в разрешении спора. Как правило, эти посредники, руководствуясь исламскими нормами и ценностями, побуждают обе стороны сначала урегулировать свои разногласия самостоятельно. Общая цель состоит в том, чтобы преодолеть ущерб, нанесенный межличностным отношениям, и

⁸ Сура 9. Покаяние // Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. С. 161—162.

⁹ Сура 49. Комнаты // Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. С. 423.

возобновить их, а также добиться восстановления доверия между сторонами. Кроме того, не следует забывать, что при урегулировании спорной ситуации посредник должен руководствоваться принципом общего блага (*аль-маслаха*), то есть принятое решение должно максимально удовлетворять интересы обеих сторон, а также способствовать благополучию всей общины.

Характеристики иранской Исламской революции и достижение позитивного мира

Изучив особенности концепции позитивного мира, мы рассмотрим характеристики Исламской революции, ориентированные на достижение позитивного мира. Важно отметить, что характеристики Исламской революции в Иране исходят из концепции *веляят-э факих*, которая наделяет всей полнотой политической и религиозной власти шиитское духовенство и предусматривает, что все ключевые решения государства подлежат утверждению верховным духовным лидером, который в этой концепции называется *вали-е факих* или исламский правовед-правитель. Это концепция, которая отличает политику Ирана от политики других мусульманских стран, таких как Саудовская Аравия или Пакистан (Юртаев, 2014; 2018; Кожанов, Богачёва, 2020). Цель данного раздела — показать, что Исламская революция обладает характеристиками, которые содействуют распространению позитивного мира.

Отрицание насилия в общественном движении

При обсуждении внутренних противоречий существующего международного порядка Р. Кокс говорит о социальных силах, которые могут использовать эти противоречия для создания вызовов этому миропорядку и борьбы за новый, более справедливый миропорядок (Steans et al., 2013). Согласно Б.К. Джиллсу (Gills, 2016), эти антигегемонистские силы бросают вызов господствующим политическим и институциональным механизмам, формируя «контргегемонию» в виде набора альтернативных ценностей, концепций и идей.

Контргегемонистские силы не имеют конкретной природы и могут быть или не быть прогрессивными по своей сути. Противостояние гегемонии требует формирования нового исторического союза, который представляет собой не просто коалицию классов, а включает в себя политическое, экономическое и культурное измерения конкретной социальной формации (Moshirzadeh, 2009). Согласно точке зрения А. Грамши, проблема культурного измерения также встречается в дискуссии об изменении международных отношений. А. Грамши (Gramsci, 1992) видит всестороннее преобразование социальной реальности через создание «культурной гегемонии» и «общей культуры» (Maziar, 1991).

Теоретики революции считают саму идею распространения (экспорта) революции существенно значимой. Несмотря на отсутствие универсальной идеологии, любая революция где бы то ни было, хотя бы основанная на теории диффузии, затронет соседние страны и вызовет там революционные движения. Так, победа Исламской революции в Иране вызвала волнения в Ираке, Бахрейне и Саудовской Аравии (Ashrafi, 2020). Самым свежим примером таких революций и их последствий может быть «арабская весна». Это движение, по мнению экспертов, все еще не завершившееся, не только оказало существенное влияние на страны региона Ближнего Востока и Северной Африки, но и выявило новые ценности, которые могли изменить политику и перспективы вовлеченных стран (Msellemu & Kessy, 2022).

Очень важным аспектом, выступающим одной из существенных черт иранской революции, является отказ от насилия в общественном движении. Различные движения против роста цен или движения за социальные изменения, особенно в XX в., всегда имеют ряд важных проявлений, которые нельзя игнорировать, и среди них — насильственный характер борьбы за перемены. Иранская революция является исключением в этом отношении. Рухолла Мусави Хомейни как лидер иранской революции не допустил применения насильственных методов и вооруженной борьбы с целью свержения шахского режима, и поэтому иранская революция

завершилась без применения этих методов. Мирный путь общественного движения приведет к институционализации культуры избегания насилия в обществе, сформировав прочную основу для позитивного мира. Возможно, именно поэтому военные так и не смогли завоевать себе место в качестве отдельной силы в постреволюционной политике Ирана.

Борьба против экономической несправедливости (поддержка обездоленных)

Согласно идеям Р.М. Хомейни, экономика в исламе выступает не целью, а средством и инструментом духовной эволюции общества. Кроме того, объяснение и внедрение исламских принципов в экономику является обязанностью исламских ученых, исследователей и преданных мусульманских экспертов, которые должны, во-первых, внедрить экономическую систему ислама в соответствии с потребностями и требованиями времени (теоретический аспект), а во-вторых, разработать планы и программы для ее претворения в жизнь (практический аспект).

Р.М. Хомейни считал Исламскую революцию революцией обездоленных и угнетенных, которые и выступали ее инициаторами. По его мнению, исламская экономика не является ни капиталистической, ни коммунистической, а значит, ни одна из этих двух школ не является легитимной с точки зрения ислама. Частная собственность, которая является «яблоком раздора» между этими двумя подходами, существует в исламе на законных основаниях, ограничиваясь только необходимостью соблюдения принципов «халаль» (законного, разрешенного) и «харам» (незаконного, запрещенного). Такие взгляды и идеи можно найти в выступлениях Р.М. Хомейни, который отмечал: «Вопрос о собственности в некотором смысле является одновременно законным и условным, но это не значит, что каждый может делать что угодно и обладать любой собственностью. Легитимность основана на нормах шариата, ростовщичество запрещено, имущество людей не эксплуатируется без причины. Всему

есть предел. Собственность, если она законна, уважается независимо от того, какой режим находится у власти, а незаконная собственность не уважается»¹⁰.

С точки зрения имама Хомейни, ислам придает большое значение духовности и считает законным обращать внимание на материальные вещи в той мере, в какой это не мешает росту и счастью каждого человека, и этот вопрос сам по себе будет препятствовать тому, чтобы кто-то совершал недозволённые поступки. Если мы рассмотрим акцент ислама на выплате «хумса», «закята» и реализации других форм благотворительности, предписанных исламом, мы увидим, что даже законное богатство не остается в руках истинных верующих, а тратится на пути добродетели¹¹.

Одной из серьезных задач Исламской революции является устранение бедности различных слоев иранской нации, и по этой причине были реализованы меры и программы, направленные на сокращение социального разрыва. Искоренение бедности является одной из основ позитивного мира, поскольку, по мнению многих экспертов в области международной политики, экономические потребности являются одной из основных причин войн между различными народами.

¹⁰ Khomeini R. (Imam Khomeini). Sokhanrani dar jame daneshjuyane esfahan (jelogiri az harg va marg) [Выступление перед студентами Исфахана (предотвращение хаоса)]. Tuesday, 23 October 1979. Tehran : Institute for editing and publishing the works of Imam Khomeini. Vol. 10. P. 476—477. (На персидском языке). URL: http://www.imam-khomeini.ir/fa/C207_42844/%D9%85%D8%B5%D8%A7%D8%AF%D8%B1%D9%87_%D8%A7%D9%85%D9%88%D8%A7%D9%84_%D8%BA%D8%B8%D8%B1%D9%85%D8%B4%D8%B1%D9%88%D8%B9_%D9%88_%D8%AC%D9%84%D9%88%DA%AF%DB%8C%D8%B1%DB%8C_%D8%A7%D8%B2_%D8%AA%D9%84%D8%A7%D8%B4_%D8%AF%D8%B4%D9%85%D9%86_%D8%AF%D8%B1_%D8%A7%D8%B8%D8%AC%D8%A7%D8%AF_%D9%87%D8%B1%D8%AC_%D9%88_%D9%85%D8%B1%D8%AC (accessed: 24.12.2022).

¹¹ Vojube hefze Nezame Eslami dar andishe siasi Emam Khomeni, nashriye majles va rahbord [Сокровищница знаний: Необходимость сохранения исламской системы в политической мысли имама Хомейни] // Hawzah.net. (На персидском языке). URL: <https://hawzah.net/fa/Article/View/99638/-حفظ-نظام-وجوب-انديشه-سياسي-امام-خميني-ره> (accessed: 24.12.2022).

Ликвидация социальной несправедливости

Одной из характеристик Исламской революции был упор на устранение традиционных дискриминационных механизмов в иранском обществе. Цель революции и тех, кто пытался ее осуществить, заключалась в том, чтобы каждый достиг того уровня жизни, которого заслуживает исходя из прилагаемых усилий. Ограничения этнических групп, племен и рас не должны мешать индивидууму достичь желаемого положения. В связи с этим аятолла Хомейни подчеркивал социальную справедливость, защиту слабых и противодействие «высокомерным», рассматривая социальную справедливость в качестве одного из принципов ислама, играющих значительную роль в регулировании богатства и достижения равенства уровня жизни общества: «Пророки... пришли мобилизовать бедняков, чтобы поставить мародеров на место и восстановить социальную справедливость»¹².

Постоянный акцент Р.М. Хомейни на скромной жизни, в том числе для чиновников, показывает важность социальной справедливости для исламской экономики. Социальная справедливость является одной из основ существования Исламской Республики и означает, что дискриминация, основанная на тирании, должна быть уничтожена. Ислам поддерживает бедняков, рабочих и крестьян (Dashiri, 2011).

Правительство, учитывающее мнение народа

Исламская революция смогла объяснить совместимость ислама и демократии, выявить взаимодействие двух сфер — религии и политики — и одновременно ответить на два вопроса — платоновский «Кто должен править?» и макиавеллиевский «Как следует

¹² Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's Speeches, Messages, Interviews, Decrees, Religious Permissions, and Letters. Vol. 8. Tehran : Institute for editing and publishing the works of Imam Khomeini, 1979. P. 292. URL: <http://staticsml.imam-khomeini.ir/en/File/NewsAttachment/2014/1702-Sahifeh-ye%20Imam-Vol%208%20.pdf> (accessed: 23.12.2022).

править?». Ответ таков: необходимо установить политическую систему, основанную на духовных и политических характеристиках, связи между ценностями государства, исламскими ценностями и демократической структурой власти (Khorramshahr, 2011). Такое государственное устройство, основанное на соответствии ислама требованиям времени, религиозном обновлении и возрождении исламских представлений о государственном управлении, подчеркивало республиканский метод правления и роль народа в принятии государственных решений. В качестве основы политической системы рассматриваются модель исламизации и устойчивые исламские ценности, такие как справедливость, богоцентризм и духовность.

Исламская республика была выражением связи между религией и политикой и показала, что существует возможность сочетания религиозности и модернизации. В то же время такая политическая система отрицала косность, присущую некоторым сторонниками исламского пути развития, и сектантство, а также секуляризм и атеизм. Исламская революция провозгласила систему, легитимность которой основана на суверенитете Бога, истинности религиозных ценностей, а также волеизъявлении народа и его праве определять судьбу нации.

Доктрина «религиозной демократии», возникшая в ходе Исламской революции, способствовала развитию культуры взаимодействия между государством и обществом. Учет правительством потребностей всего народа и особенно большей его части — мусульманского сообщества — должен способствовать созданию социальной гармонии и возрождению единства иранской нации. Эта гармония во взаимоотношениях между государством и обществом недостижима без внедрения принципов справедливого исламского правления и норм шариата (Barzegar, 2012). «Религиозная демократия» должна была также бросить вызов крайним националистическим идеологиям, в том числе панарабизму, режимам, аффилированным с Востоком (социалистическим блоком) или Западом (капиталистическим блоком), и одновременно

бороться против империализма и социалимпериализма.

Политическая система, основанная на уважении воли народа, устраняет многие причины социальных волнений. Члены общества могут реализовать свои законные политические требования посредством участия в политической конкуренции и не нуждаются в применении насилия для достижения своих целей. Практика ненасилия внутри общества может привести к расширению ценностей мира внутри страны и на международной арене (Kuklinski, 2002).

Борьба с коррупцией

Существуют различные определения коррупции. В самом широком смысле коррупция и неправомерное использование государственных объектов и ресурсов интерпретируются в соответствии с личными интересами. Одной из важных особенностей режима шаха М.Р. Пехлеви можно назвать системную коррумпированность государственного аппарата, следствием чего был высочайший уровень коррупции и махинаций с финансовыми ресурсами, получение и выплата самых крупных взяток, злоупотребление властью.

Самодержавие, монополия на власть и богатство в семье Пехлеви, закрытость политической системы и отсутствие независимой прессы и партий, тирания, трайбализм и реляционизм, слабость правовых институтов и пренебрежение законом характеризовали режим Пехлеви, переживавший системный кризис. Сильный разрыв между богатыми и бедными, коррупция правящей верхушки подпитывали дискриминацию и несправедливость в обществе. Таким образом, классовый разрыв считался одной из отличительных черт режима Пехлеви и в итоге привел к антирежимным выступлениям обездоленных масс иранского народа.

После победы революции и провозглашения Исламской Республики одной из ключевых мер нового правительства стала борьба с коррупцией. Если коррупция имеет место во всех измерениях и проявлениях — политическом, экономическом и культурном, единство общества будет недостижимо. В обществе, где люди не преданы друг другу, а чиновники

не прислушиваются к своему народу, коррупция получит благоприятную почву. Как отмечал верховный лидер Ирана Али Хаменеи в своих проповедях, «наша революция была массовым народным движением против правительства, которое по всем признакам было плохим. Это было коррумпированное, зависимое и некомпетентное правительство»¹³.

Кроме того, одной из важных причин насилия в обществе является наличие незаконных способов получения богатства и чувство безысходности от того, что законными способами разбогатеть нельзя. Когда экономическая система общества неэффективна и лишена необходимой прозрачности, коррупция институционализируется, а насилие для получения богатства узаконивается. Борьба с коррупцией в теории и на практике была одним из принципов Исламской революции (Sarvi & Zarei, 2015).

Духовность

Духовность есть протест против господствующей тенденции общества потребления. Ислам — это религия, уважающая как материальные, так и духовные потребности людей, однако материальные ценности всегда должны быть связаны с духовными. В концепции Исламской революции ислам воспринимается как единственный способ избавить человечество от бремени тысяч проблем. Чтобы выйти из кризиса, мусульманский народ Ирана принял теорию духовности имама Хомейни¹⁴.

¹³ Bayanat dar khotbe haye namaze jome, paygahe etela resanie dafter hefz va nashre asare Hazrate Ayatollah Ozma Seyed Ali Khamenei [Управление по сохранению и публикации произведений аятоллы Али Хаменеи. Высказывания в пятничных молитвенных проповедях] // Khamenei.ir. 01.10.1999. (На персидском языке). URL: <https://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=2974> (accessed: 21.12.2022).

¹⁴ Human nature and international relations from Imam Khomeini's point of view // Imam Khomeini (PBUH) Editing and Publishing Institute, Aruj Publishing Institute, The Portal of Imam Khomeini. P. 128—140. URL: http://www.imam-khomeini.ir/fa/c202_144890/%D8%AD%D8%B6%D9%88%D8%B1/%D8%AC_68/%D9%85%D8%A7%D9%87%DB%8C%D8%AA_%D8%A7%D9%86%D8%B3%D8%A7%D9%86_%D9%88_%D8%B1%D9%88%D8%A7%D8%A8%D8%B7_%D8%A8%DB%8C%D9%86_%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%84%D9%84_

Исламская идеология и присутствие духовности в политике предлагались не только лидерами Исламской революции или иранскими мыслителями, но и западными философами. М. Фуко называет иранскую революцию «революцией с пустыми руками» (Foucault, 1988). По его мнению, причина победы иранской революции не в военной технике и «жесткой силе», проистекавших из единства революционеров; скорее, причина успеха революции кроется в вере лидера революции и иранского народа в превосходство «мягкой силы», которая выражена в исламе и догматике шиизма.

Современный период истории человечества сформировался с появлением двух интеллектуально-политических школ — либерализма и социализма. Первая школа, отдавая приоритет основным правам и общественно-политическим свободам личности и группы, считала, что рост и расширение прав и свобод личности и есть желаемое совершенствование человека и позволяет как достичь материальных целей, так и реализовать духовные потребности. Однако социалистическая школа, критикуя печальные последствия предоставления индивиду неограниченной свободы, особенно в области экономики и политики, отдавала приоритет ценности равенства над свободой, полагаясь на превосходящую силу правительства.

Исламская революция сочетала в себе ценности как Французской революции, которая подчеркивала первую ценность, то есть свободу индивида, так и Русской революции, которая стремилась достичь второй ценности, то есть равенства всего общества. Исламская революция под руководством имама Хомейни сочетала обе ценности — индивидуальную свободу и социальное равенство, но трактовала их по-своему. Что еще более важно, Р.М. Хомейни также возвел духовность в ранг главенствующего принципа над всеми другими ценностями. М. Фуко, французский мыслитель, так объясняет сочетание политики и духовности иранской революции: https://www.imam-khomeini.ir/fa/c202_144890/%D8%A7%D8%B2_%D8%AF%DB%8C%D8%AF%DA%AF%D8%A7%D9%87_%D8%A7%D9%85%D8%A7%D9%85_%D8%AE%D9%85%DB%8C%D9%86%DB%8C (accessed: 14.04.2023).

«Иранскому движению придала силу двойственность: с одной стороны, коллективная воля к смене руководящего органа, а с другой — желание изменить основы своей жизни» (Foucault, 1988).

Сила этой воли коренится в шиитском исламе, который допускает активную политическую борьбу, мобилизует народные массы и консолидирует все бедные, обездоленные и угнетенные слои населения. Исходя из этого, народ Ирана стремился изменить свои отношения с другими народами, с религией, Богом и, прежде всего, отношения друг с другом. Именно в этот момент ислам (и религия в целом) играет роль многообещающего и утверждающего средства изменения основ менталитета людей. Своим учением и внутренним содержанием шиизм различает чисто внешнее послушание и глубокую духовную жизнь. Люди ищут изменения в своем менталитете, воспользовавшись исламом, потому что этот подход уже существовал и лежал в основе иранской идентичности. В исламе присутствует революционная сила, которая не ограничивается достижением простого послушания верующих. В Исламской революции были намерение и воля, новое начало через возрождение духовности и опыта, накопленного за столетия укоренения шиитского ислама в Иране (Foucault, 1988).

Таким образом, духовность Исламской революции проистекала из шиитского ислама, имеющего глубокие корни в иранской культуре. Поэтому эта революция считалась реакцией на интеллектуальные и практические проблемы современной эпохи и предусматривала воссоздание новой исламской цивилизации, основанной на трех принципах: свободы, справедливости и духовности¹⁵. При этом преимущество этой революции по сравнению с другими политическими школами заключалось в новом подходе к жизни, основанном на ценностях шиитского ислама, который,

в отличие от социализма и либерализма, сочетал в себе материализм и духовность. Именно духовность сдерживает индивида и общество от применения насилия. Кажется, что лучший способ контролировать насилие — это применять духовные инструменты, которые широко используются во всех ситуациях и могут считаться одним из лучших факторов для достижения позитивного мира.

Позитивный мир во внешней политике Ирана

Дипломатия Исламской Республики Иран действовала на двух направлениях, стремясь обеспечить позитивный мир. В первое десятилетие ИРИ осуществляла усилия по поддержке «мира ислама» и установлению мира в географическом регионе «исламской уммы», а также боролась с силами, стремившимися нарушить мир и безопасность в «мире ислама». Усилия Ирана по снижению напряженности в кризисных ситуациях в Афганистане, Таджикистане, Кашмире и Нагорном Карабахе служат яркими примерами миротворческой политики ИРИ. Кроме того, постоянный акцент Ирана на уважении международно признанных границ, территориальной целостности и невмешательстве во внутренние дела других стран находится в рамках общей политики Ирана по сохранению и укреплению стабильности, безопасности и экономического развития на Ближнем Востоке (Nowrozi & Mosfa, 2012).

Спустя 20 лет после победы Исламской революции и особенно после того, как Иран занял место председателя в Организации Исламская конференция (ОИК, сейчас — Организация исламского сотрудничества, ОИС), примирение между странами «мира ислама» и исламистскими группировками внутри этих стран ускорилось. Достижение мира в Таджикистане, Ираке и Афганистане, Чечне, Карабахе и Кашмире было частью деятельности Ирана в этот период. Иран также предложил ряд инициатив по достижению мира за пределами «исламской уммы», которые могут считаться инновационными в своем роде¹⁶.

¹⁵ Khomeini R. Sahifeh-ye Imam. An Anthology of Imam Khomeini's Speeches, Messages, Interviews, Decrees, Religious Permissions, and Letters. Vol. 4. Tehran : Institute for editing and publishing the works of Imam Khomeini), 1979. P. 104. URL: [http://staticsml.imam-khomeini.ir/en/File/NewsAttachment/2014/1698-Sahifeh-ye%20Imam-Vol%204\(1\).pdf](http://staticsml.imam-khomeini.ir/en/File/NewsAttachment/2014/1698-Sahifeh-ye%20Imam-Vol%204(1).pdf) (accessed: 22.12.2022).

¹⁶ Kharazi S. K. Siasate khareji ma: Majmue sokhanrani haye Seyed Kamal Kharazi vazie omur khareje

Пацифистский подход Ирана получил признание мирового сообщества и привел к тому, что Иран выступил посредником в урегулировании ряда вопросов международной повестки. В настоящее время Иран можно рассматривать как одного из основных миротворцев в сирийском кризисе. Благодаря сотрудничеству с Россией и Турцией Иран стал основным участником миротворческих переговоров в рамках так называемого Астанинского формата и является одной из основных опор этого формата (Belhadj Klaz & Mariani, 2022, p. 23). США и консервативные страны Ближневосточного региона пытались реализовать свои наступательные цели в этой стране, убрав Иран с сирийской арены, что привело к провалу нескольких раундов переговоров по Сирии. Однако роль Ирана в Астанинском процессе добавила легитимности этому переговорному формату. Следует отметить, что с помощью мирного процесса в Сирии Иран не только распространяет свою позитивную мирную идеологию, но и реализует успешный миротворческий механизм без вмешательства Запада в дела региона.

Среди примеров миротворчества в регионе есть и неудачные попытки. В октябре 2019 г. для распространения позитивного мира в регионе Персидского залива Иран предложил Ормузскую мирную инициативу¹⁷. Этот план основан на сотрудничестве прибрежных стран Персидского залива с целью прекращения присутствия иностранных сил в этой важной и стратегической акватории. Инициатива направлена на достижение мира и стабильности в Персидском заливе и экономического прогресса и процветания стран региона. Однако связи Запада со странами региона Персидского залива и наличие военных баз США ограничивали эффективность Ормузской мирной инициативы. Более того,

[Наша внешняя политика : сборник речей Сейеда Камали Харизи, министра иностранных дел]. Vol. 1. Tehran : Political and International Studies Office, 2006. (На персидском языке).

¹⁷ Grajewski N. Iran's Hormuz Peace Endeavor and the future of Persian Gulf security // European Leadership Network. July 7, 2020. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/commentary/irans-hormuz-peace-endeavor-and-the-future-of-persian-gulf-security/> (accessed: 24.12.2022).

зависимость многих стран региона от Запада противоречит ценностям независимого мира и идеологии внешней политики Ирана.

Как уже отмечалось, смена ценностей во внешней политике Ирана началась с Исламской революции и «доктрины сопротивления» Р.М. Хомейни (Goudarzi, Jawan & Ahmad, 2009). Учение имама Хомейни о сопротивлении было основано на таких важных компонентах, как правильное понимание региональных условий, воздержание от любой поверхностности и ложных представлений об исламской религии, превращение ислама в реальную идеологию борьбы, активизация глобальных возможностей исламской уммы, правильная оценка будущих событий, избегание политического квиетизма и отказ от пораженческого менталитета. Безусловно, такие ценности, как достоинство, независимость и свобода, коренятся в той же доктрине. Следование Ирана «стратегии сопротивления» можно проследить в вопросе иранской мирной атомной программы. Основываясь на идеологии и логике веры в мир во всем мире, Иран запретил и прекратил производство и применение оружия массового уничтожения в соответствии с нормами шариата и руководствуясь приказом Верховного лидера. Однако Запад стремится обвинить Иран в том, что он мешает глобальному движению к миру. В связи с этим Иран сталкивается с санкциями и международным давлением. Однако ИРИ считает, что мира можно достичь, используя «стратегию сопротивления» и не поддаваясь давлению.

В настоящее время итоги применения Ираном «стратегии сопротивления» в Ближневосточном регионе наиболее очевидны. В рамках этой стратегии ИРИ создала «ось сопротивления» в регионе и побудила палестинцев попытаться достичь мира, не сдаваясь перед напором Израиля. Ислам и Иран вслед за ним ценят человеческую жизнь и следуют универсалистскому мировоззрению Корана. Эти ценности противоположны западному индивидуалистическому мировоззрению, где приоритетами страны являются национальные интересы, а не человеческая жизнь. Поэтому «мир ислама» преимущественно поддерживает позицию палестинцев.

Однако некоторые западные и израильские эксперты полагают, что пути Ирана и других мусульманских стран разошлись из-за процесса «нормализации» и соглашений между Израилем и арабскими странами (Berger, 2017). Исходя из этого, можно заключить, что иранское правительство придерживается собственных представлений о мире и региональных событиях, а ценности ИРИ расходятся с ценностями большинства арабских стран. Правительство Ирана считает, что нормализация отношений с Израилем равнозначна предательству, и арабские страны не должны сбиться с пути. Однако при более глубоком изучении в этом случае становится ясно, что Иран и арабские страны следуют одной и той же исламской концепции достижения мира, но используют разные стратегии. Как уже упоминалось, для достижения мира Иран следует «стратегии сопротивления», которая также упоминается в исламе. В свою очередь арабский мир, разочаровавшись в этой стратегии, решил воспользоваться другими доступными исламскими ориентирами и «стратегией ненасилия», согласно которой, чтобы установить долгосрочный мир, иногда необходимо иметь дело с агрессором, даже если это не соответствует ценностям ислама. Поэтому можно сделать вывод, что в исламе пути к миру могут быть разными, но ценности никогда не меняются (таблица).

Пути достижения позитивного мира могут отличаться во внешней политике разных стран, и поэтому политика Ирана может восприниматься другими странами в качестве своего рода вызова для продвижения позитивного мира. Например, для Китая в его светской внешней политике позитивный мир строится на таких принципах, как взаимопонимание, сотрудничество и мирное развитие между народами. Внешняя политика этой страны направлена на построение гармоничного мира на основе сотрудничества, взаимной выгоды и взаимовыгодных результатов. Кроме того, мы можем видеть продвижение Китая к позитивному миру посредством таких проектов, как инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП)¹⁸.

¹⁸ The Five Principles of Peaceful Co-Existence Stand Stronger // China's Embassy in the Islamic Republic of Iran.

Различия в западном и исламском подходах к урегулированию конфликтов

Тема	Западный подход	Исламский подход
Взгляд на конфликт	Конфликт как негативное явление Конфликт должен быть полностью решен для достижения мира	Внимание к деталям, особенностям конфликта Конфликт как естественное и потенциально позитивное явление Признается также негативное отношение к конфликту
Роль посредника	Посредник призван отстаивать западные принципы: а) конфиденциальность; б) беспристрастность; в) нейтралитет	Доверенный советник Советник способен оказывать влияние посредством: а) глубоко укоренившихся социальных связей; б) политической власти; в) религиозной добродетели; г) предыдущего опыта посредничества
Роль религии	Светские рамки, которые часто ограничивают роль религии только «религиозным конфликтом»	Религия может быть полезным инструментом для урегулирования не только религиозных конфликтов, но и конфликтов в широком смысле
Масштаб вовлеченности	Индивидуализм в разрешении конфликтов и миростроительстве / переговорах	Акцент на все сообщество (умму)

Источник: (Abadi, 2022, p. 5).

Обзор внешней политики Индонезии показывает, что эта страна также выступает за достижение позитивного мира на основе таких принципов, как использование диалога, сотрудничества и взаимного уважения для укрепления мира. Одной из главных черт индонезийской политики является «умеренный ислам» суннитского толка. Эта особенность внешней политики отражает внутренние ценности и убеждения индонезийского общества. Исламские нормы сконструировали умеренный

June 29, 2014. URL: http://ir.china-embassy.gov.cn/eng/dtxw/201407/t20140702_1894012.htm#:~:text=The%20Five%20Principles%20of%20Peaceful%20Co%2DExistence%20are%3A%20mutual%20respect,mutual%20benefit%2C%20and%20peaceful%20coexistence (accessed: 18.04.2023).

ислам, который эта страна использует в своей внешней политике (Anwar, 2010).

Другим примером сочетания исламских принципов и национального государства является малазийский Ислам Хадхари, который представляет собой «прогрессивный, демократический и терпимый подход к исламу» (Ali, 2016, p. 207). Ислам Хадхари, продвигаемый премьер-министром Малайзии А.А. Бадави в 2004—2009 гг., был направлен на создание имиджа ислама как «религии мира», утверждение «неконфронтации с западными, немусульманскими странами» и поиск сотрудничества с международным сообществом «по вопросам экономического развития», а также выступал за «научный прогресс и глобальную безопасность» (Ali, 2016, p. 207).

Сравнивая внешнюю политику Ирана, Китая, Малайзии и Индонезии в отношении продвижения позитивного мира, мы можем понять, что пересечение этих политик может вызвать дополнительные проблемы и остановить продвижение мира в разных регионах. Как уже упоминалось, внешнеполитические характеристики и черты Исламской Республики Иран основаны на универсальных исламских принципах и нормах, которые могут предоставить этой стране возможность изменить методы или дипломатию в направлении продвижения позитивного мира, но не ценности. Это может быть проблемой для китайского (светского) подхода из-за возможной смены тактики, а также существования ценностей и норм, близких к исламским.

Вместе с тем, на первый взгляд, иранский подход близок к индонезийской политике. Однако поскольку Иран во внешней политике следует ценностям Исламской революции и шиитского ислама, подходы Индонезии или Малайзии, которые руководствуются умеренным суннитским исламом, могут расходиться с иранским видением позитивного мира. Все эти страны имеют свои особенности во внешней политике, что позволяет им по-своему продвигать позитивный мир в разных регионах.

Заключение

По мере того, как мир вступает в эпоху нового миропорядка на основе многополярности, потребность в устойчивом мире

возрастает. Однако достижение мира любой ценой не может обеспечить глобальную стабильность. Следуя западным ценностям, международное сообщество неоднократно использовало «негативный мир» для достижения краткосрочной стабильности. Поэтому необходимо изучить возможности западных подходов к миротворчеству, таких как «позитивный мир», который может стать прочной основой для долгосрочного и устойчивого мира в будущем. Чтобы перейти от негативного к позитивному миру, глобальная система должна отказаться от западного индивидуализма в пользу универсального мировоззрения, которое могла бы эффективно обеспечить такая религия, как ислам. Эти принципы обеспечат долгосрочный и прочный мир, так как будут способствовать устранению первопричин конфликтов, в том числе таких, как неравенство и несправедливость, и позволят достичь того, чего на протяжении нескольких десятилетий не удавалось добиться с использованием принципов и инструментов западного миротворчества.

Ислам подчеркивает, что главным приоритетом и причиной мира должна быть человеческая жизнь, и для достижения этой цели религия может использоваться для урегулирования любых видов конфликтов. Однако идеология, предоставляемая западными государствами, ориентирована на собственные национальные интересы. Запад и не-Запад используют разные принципы миротворчества и инструменты для достижения мира. Запад достаточно давно не пересматривал свои подходы к миротворчеству, хотя они уже успели продемонстрировать свою неэффективность в достижении позитивного мира. В свою очередь ислам гибок, плюралистичен и может предлагать отдельные стратегии достижения мира в различных регионах мира. В палестинско-израильском конфликте «мир ислама» долгое время следовал «стратегии сопротивления», однако в последнее время некоторые арабские страны решили использовать «стратегию ненасилия», при этом целью обоих подходов является достижение долгосрочного позитивного мира.

Как и все мусульманские страны, Иран следует тем же ценностям и реализует

исламский подход в своей внешней политике. Одной из главных ценностей иранской дипломатии является распространение позитивного мира для достижения устойчивости и безопасности во всем мире. Для этой цели Иран вложил в свою внешнюю политику такие характеристики, как отрицание насилия в общественном движении, справедливость, борьба с коррупцией, устранение социальной дискриминации, политическое управление, учитывающее мнение народа, и духовность.

Вопреки широко распространенному мнению Иран следует тем же исламским ценностям, что и арабские страны, хотя из-за сложных отношений с Западом и международного санкционного давления Иран использует «стратегию сопротивления». При таком подходе Иран не только может распространять позитивный мир через универсальное мировоззрение ислама, но и ожидает, что новый мировой порядок упростит реализацию незападных подходов к миротворчеству.

Поступила в редакцию / Received: 14.01.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 10.03.2023
Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список

- Кадырова К. А.* Джихад в интерпретации Абдаллы Аззама // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2015а. № 2. С. 37—44.
- Кадырова К. А.* Джихад в трудах Абу Аля аль-Маудуди // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2015b. № 1. С. 47—64.
- Кадырова К. А.* Основные тенденции практического применения концепции джихада в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 140—148.
- Керимов Г. М.* Проблемы войны и мира в исламе // Вопросы научного атеизма. 1983. Вып. 31. С. 148—162.
- Кожанов Н. А., Богачёва А. С.* Исламская Республика Иран в поиске своего внешнеполитического «я»: революционное новаторство или преемственность? // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13, № 2. С. 141—162. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-141-162>
- Резник С. В.* Идеологемы и концепты войны и мира в исламе. Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2008.
- Юртаев В. И.* Исламизация как фактор внешней политики Ирана. Москва: Аспект Пресс, 2018.
- Юртаев В. И.* Особенности внешней политики Ирана (1979—2013 гг.). Москва: Российский университет дружбы народов, 2014.
- Abadi H.* Seeking an Islamic Framework Towards Peacebuilding and Women's Inclusion. London: LSE, 2022.
- Abu-Nimer M.* Nonviolence and Peace Building in Islam: Theory and Practice. Gainesville, FL: University Press of Florida, 2003.
- Afsaruddin A.* The Concept of Peace in Islam // The Concept of Peace in Judaism, Christianity and Islam / ed. by G. Tamer. Berlin: De Gruyter, 2020. P. 99—157.
- Ali M.* Malaysia's Islam Hadhari and the Role of the Nation-state in International Relations // Islam and International Relations / ed. by D. Abdelkader, N. Manabilang Adiong, R. Mauriello. New York: Palgrave Macmillan, 2016. P. 207—228.
- Alikhani A. A.* Fundamentals of Islam in International Relations // Islam and International Relations / ed. by D. Abdelkader, N. Manabilang Adiong, R. Mauriello. New York: Palgrave Macmillan, 2016. P. 7—31.
- Anderson R.* A Definition of Peace // Peace and Conflict: Journal of Peace and Psychology. 2004. Vol. 10, no. 2. P. 101—116. https://doi.org/10.1207/s15327949pac1002_2
- Anwar D. F.* Foreign Policy, Islam and Democracy in Indonesia // Journal of Indonesian Social Sciences and Humanities. 2010. Vol. 3, no. 1. P. 37—54. <https://doi.org/10.14203/jissh.v3i1.45>
- Ashrafi A.* Teoriye Enghelab Dar Andishe Siasi Emam Khomeini (Naghdi Bar Ketabe Gofte-man Mobareze Dar Azdishe Siasi Emam Khomeini: Ruykardi Bar Osul Va Shive Haye Mobarezati, Pazhuhesh Name Enteghadi Motun Va Barname Haye Olume Ensani [Теория революции в политической мысли имама Хомейни (критика книги «Дискурс борьбы в политической мысли имама Хомейни: подход к принципам и методам борьбы»)] // Critical Research Journal of Texts and Programs of Human Sciences. 2020. Vol. 20, no. 9. P. 47—66. (На персидском языке). URL: https://criticalstudy.ihcs.ac.ir/article_5808_2f32bfea6f47787a333c271eb90e1c7f.pdf?lang=en (accessed: 24.12.2022).
- Barzegar I.* Nazariye Haye Baztab Jahanie Enghelab Eslamiye Iran [Теории глобального отражения исламской революции в Иране]. Tehran: Imam Sadegh University Press, 2012. (На персидском языке).

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-296-306

EDN: KNGMSK

Научная статья / Research article

Роль посредничества в урегулировании конфликтов между Эквадором и Перу

А.Ю. Борзова , В.К. Медина Гонзалес

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 borzova-ayu@rudn.ru

Аннотация. Рассматривается проблема посредничества в урегулировании самого длительного в Латинской Америке территориального конфликта между Перу и Эквадором, выделяются его истоки, предпосылки для обострения в 1941 и 1995 гг., выявляются причины неудачной посреднической деятельности стран-гарантов (Бразилии, США, Чили и Аргентины) в конфликте 1941 г. и ключевые этапы посредничества в урегулировании военного конфликта Альто-Сенепа в 1995 г. Основной целью разрешения конфликта является не столько устранение самого конфликта как такового, сколько преобразование реальной конфликтной ситуации в мирный процесс социальных или политических изменений, где посредничество представляет собой стратегию или инструмент для завершения конфликта. В исследовании используется комплексный подход, а наиболее подходящей теоретической основой для рассмотрения и урегулирования эквадорско-перуанских конфликтов является неоллиберализм. Авторы также прибегли к проблемно-хронологическому подходу и историческому методу, что дает возможность проследить предпосылки, развитие территориального конфликта и посреднические усилия по его урегулированию. Исследуются основные элементы посреднической деятельности стран-гарантов в 1995—1998 гг., такие как переговоры, разведение воюющих сторон, демаркация границ, разминирование и контроль за соблюдением достигнутых договоренностей, выделяются интересы каждой страны-гаранта в урегулировании конфликта в рамках Миссии наблюдателей стран-гарантов (МОМЕР), выделяются этапы в деятельности этой миссии и отмечается, что наиболее активной была работа Бразилии, что связано с ее стремлением усилить свою внешнеполитическую проекцию в регионе.

Ключевые слова: Перу, Эквадор, территориальный конфликт, война Альто-Сенепа, посредническая деятельность, мирный договор

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Борзова А. Ю., Медина Гонзалес В. К. Роль посредничества в урегулировании конфликтов между Эквадором и Перу // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 296—306. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-296-306>

© Борзова А.Ю., Медина Гонзалес В.К., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Role of Mediation in Resolving Conflicts Between Ecuador and Peru

Alla Yu. Borzova , Vinicio X. Medina Gonzalez

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 borzova-ayu@rudn.ru

Abstract. The study deals with the problem of mediation in the settlement of the longest territorial conflict in Latin America between Peru and Ecuador, highlighting its origins. The main goal of conflict resolution is not only the elimination of the conflict itself, but the transformation of a real conflict situation into a peaceful process of social or political change, where mediation is a strategy or a tool to end the conflict. The authors use an integrated approach, where the most appropriate theoretical basis for considering and resolving these conflicts is neoliberalism, as well as the problem-chronological approach, the historical method, which makes it possible to trace the prerequisites and the development of the territorial conflict, and mediation efforts to resolve it. It was concluded that the Ecuadorian-Peruvian war, although it was the result of the perception of divergent territorial interests, was caused by the unsuccessful mediation activities of the guarantor countries (Brazil, USA, Chile and Argentina). The mediation activities of Brazil, the USA, Chile and Argentina in 1995—1998 led to the so-called “elegant agreement,” one way or another taking into account the interests of Peru and Ecuador. In this regard, the special importance of the mediation activities of the guarantor countries in resolving the conflict was emphasized, as well as their main tools, such as: negotiation processes, signing documents on the territorial dispute, participating in the demarcation of borders, monitoring compliance with the agreements reached, contributing to the active development of Ecuadorian-Peruvian relations after the signing of the peace treaty and preventing the escalation of the conflict in the future. As a result of the consideration of the role of each intermediary country in the settlement of the Alto Cenepa conflict, their own interests were touched and the key areas of participation in peacekeeping activities were listed, and it was concluded that Brazil’s position was the most active.

Key words: Peru, Ecuador, territorial conflict, Alto Cenepa war, mediation, peace treaty

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors’ contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article’s text.

For citation: Borzova, A. Yu., & Medina Gonzalez, V. X. (2023). The role of mediation in resolving conflicts between Ecuador and Peru. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 296—306. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-296-306>

Введение

На рубеже XX—XXI вв. в различных регионах продолжали возникать и развиваться конфликтные ситуации, требующие серьезных усилий по их урегулированию, в том числе со стороны третьих стран (Francisco, 2003). Только в 1989—1995 гг. в мире произошло 96 вооруженных конфликтов (35 из которых не были завершены к 1995 г.), из них шесть были достаточно масштабными, чтобы быть классифицированными как войны (Wallenstein & Sollenberg, 1996). Современные конфликты очень сложны и имеют три общие характеристики. Во-первых, это внутривнутриполитические конфликты, вышедшие на международный уровень. Во-вторых,

они оказывают серьезное воздействие на гражданское население. И в-третьих, разница между вооруженными группами, преследующими политические цели, и транснациональными преступными организациями зачастую весьма незначительна. Точно так же эти конфликты порождают нарушения прав человека, ведут к росту численности вынужденных переселенцев как внутри стран, так и между ними, гуманитарные кризисы и незаконную эксплуатацию природных ресурсов¹.

¹ Aguirre M. Dialogo, diplomacia y mediacion en America Latina // Nueva Sociedad. Marzo 2020. URL: <https://nuso.org/articulo/dialogo-diplomacia-y-mediacion-en-america-latina/> (accessed: 17.03.2023).

Молодые латиноамериканские государства, добившиеся независимости от Испании, стремились решать неурегулированные пограничные споры вокруг богатых ресурсами территорий как в ходе вооруженных конфликтов, которые перекраивали территории этих государств, так и посредством арбитража, в основе которого лежал сложившийся в международной практике принцип «Владей, чем владеешь» (*Uti possidetis*), а также посредничества и переговоров. За два столетия между самими латиноамериканскими странами произошло 12 военных конфликтов: семь — в XIX в. и пять — в XX столетии, из которых три можно считать крупными исходя из численности задействованных войск, территории охвата, длительности и числа погибших (Mitre, 2010).

Неолиберальный подход, в рамках которого одной из форм взаимодействия является создание определенного набора правил, норм (режимов), которые должны выполняться всеми участниками международных процессов, лучше всего подходит для понимания процесса урегулирования конфликта (Сетов, 2012). Международные режимы, как считает С. Краснер, трактуются в позитивном смысле, межгосударственное взаимодействие строится на стремлении к сотрудничеству, и эти формы взаимодействия не предполагают агрессии, а, напротив, ведут к разрешению конфликтов (Krasner, 1991).

Латиноамериканские государства имеют богатые традиции урегулирования конфликтов на основе приверженности нормам международного права и использования дипломатии (Старостина, 2005). В условиях нарастания числа конфликтов на глобальном уровне богатый опыт латиноамериканских стран привлекает внимание исследователей в изучении таких стратегий или инструментов для разрешения конфликтной ситуации (De Armas, 2003), как переговоры, посредничество, примирение или содействие, решение проблем и примирение или вмешательство третьих сторон посредством применения силы (принуждение к миру) (Los Principios..., 2021).

Посредничество в конфликтах в Латиноамериканском регионе

В 1914 г. объединившие усилия Аргентина, Бразилия и Чили смогли урегулировать спорные моменты в отношениях между США и Мексикой, и хотя «Пакт АБЧ»² не был оформлен официально, взаимные консультации и посредничество использовались этими странами в попытке предотвратить Чакскую войну между Боливией и Парагваем в 1932—1935 гг. и войну между Перу и Колумбией в 1932—1933 гг. Хотя конфликты не удалось предотвратить, Аргентина и Бразилия принимали активное участие в подписании мирных договоров. В 1929 г. в Гаване страны региона подписали Общий договор о межамериканском арбитраже, Протокол о прогрессивном арбитраже, а в 1933 г. на VII межамериканской конференции был выдвинут Пакт Сааведро Ламаса, в котором говорилось о поддержке арбитража и решении противоречий мирным способом в ходе прямых переговоров, в правовом поле и на основе принципа равенства государств. В 1948 г. вместе с принятием Устава Организации американских государств (ОАГ) был принят Межамериканский договор о мирном разрешении споров (Пакт Боготы). В ООН латиноамериканские страны принимали активное участие в урегулировании конфликтов, взаимодействовали в миротворческих операциях под эгидой ООН. Страны использовали для разрешения территориальных конфликтов посреднические услуги, привлекая к решению споров в разные годы королеву Великобритании, президента США или Святой Престол.

В области разрешения конфликтов посредничество представляет собой набор методов и стратегий, которые могут привести к

² АБЧ — сокращение, использовавшееся преимущественно в первой половине XX в. для описания ведущих южноамериканских государств: Аргентины, Бразилии и Чили, которые совместно разрабатывали подходы к решению региональных проблем и конфликтов без привлечения внерегиональных сил. Впервые вошло в обиход после проведения в мае-июне 1914 г. конференции в Ниагара-Фоллз (конференция Эй-Би-Си), целью которой было не допустить начало войны между Мексикой и США.

переговорам и, в итоге, мирному соглашению между сторонами, столкнувшимися с насилием по политическим вопросам или территориям (Bercovitch, 1992). Принципы посредничества — это нейтралитет и беспристрастность посредников, конфиденциальность, добровольное согласие участников и осуществление переговоров с участием конфликтующих сторон.

Деятельность третьих сторон может представлять собой переговоры или посредничество между элитами конфликтующих сторон либо диалог или содействие (как правило, на уровне гражданского общества). Посредническая третья сторона обычно не имеет полномочий или власти диктовать результат: конфликтующие субъекты сохраняют контроль. Сила посредничества основана на легитимности и доверии сторон. Посредники, не способные к принуждению, стремятся построить атмосферу доверия и взаимопонимания (Sosa Villalba, 2017). В теории и практике посредничества выделяют такие виды, как с применением силы или без нее, по типу посредников — официальное, неофициальное и институциональное (ООН или правительства) посредничество. Основные элементы посредничества — это деятельность посредника в качестве источника для создания, поддержки и улучшения коммуникации, предоставления информации между сторонами, их сближения и развития доброй воли для вовлечения в совместные переговоры (Almeida, 2019).

В большинстве стран Латинской Америки приняты законы, определяющие правовые положения посредничества: в Бразилии³, Парагвае⁴, Аргентине⁵, Эквадоре, Перу, Чили и т. д. (Mera, 2013).

³ Lei 13.140/2015, de 26 de junho de 2015 // Presidência da República. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2015-2018/2015/Lei/L13140.htm (accessed: 17.03.2023).

⁴ Ley n° 1.879/2002, de 24 de abril, del Arbitraje y Mediación // Organization of American States. URL: <http://www.oas.org/es/sla/ddi/docs/Paraguay-Ley%20de%20Arbitraje%20y%20Mediaci%C3%B3n.pdf> (accessed: 17.03.2023).

⁵ Ley 24.573 de Mediación y Conciliación // Ministerio de Justicia y Derechos Humanos del Argentina. URL:

Именно путем посредничества удалось разрешить один из самых длительных, продолжавшихся почти 170 лет (с 1830 до 1998 гг.) региональных конфликтов — между Перу и Эквадором. Этот конфликт сопровождался вооруженными столкновениями, периодами напряженного мира и открытыми военными действиями, вызванными нерешенной территориальной проблемой (Клеченов, 1999).

История перуано-эквадорского территориального соперничества

После войны за независимость Перу и Эквадор, который вышел из состава Великой Колумбии в 1830 г., соперничали за обладание территориями, бóльшая часть которых лежит в бассейне р. Амазонки и горной местности (Reig Satorres, 1980). Стороны неоднократно обращались за арбитражем к испанскому королю, однако попытка Эквадора продать земли в бассейне р. Амазонки, на которые претендовала Перу, привели к разрыву дипломатических отношений и войне в 1857—1860 гг. Эквадор был вынужден признать спорные земли перуанскими, но в итоге конфликт не был урегулирован. В 1910 г. страны вновь оказались на грани войны, однако арбитр (король Испании) воздержался от разрешения спора, учитывая уже заявленную возможность военного противостояния между претендентами (Alfredo, 1982).

Длительные дипломатические переговоры при арбитраже президента США К. Кулиджа также не привели к подписанию соглашения в 1924 г., а в 1938 г. после новых разногласий перуанская делегация вообще покинула Вашингтон, где проходил очередной раунд переговоров (López, 2004).

Число пограничных столкновений нарастало, и к маю 1941 г. Перу сосредоточила около 20 тыс. человек на границе с Эквадором. До сих пор ведутся споры, кто первым начал военные действия, однако 5 мая 1941 г. хорошо вооруженная перуанская армия вошла на территорию Эквадора, ведя военные

<http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/25000-29999/29037/norma.htm> (accessed: 17.03.2023).

действия при поддержке артиллерии, авиации, боевых кораблей, блокировавших порты противника (Pareja, 1988). Эквадорские вооруженные силы не могли оказать сопротивления врагу, который в дополнение к большому финансовому бюджету и населению, более чем вдвое превышающему население Эквадора, обладал неоспоримо большим потенциалом вооружений.

В этих условиях при посредничестве Аргентины, Бразилии и США, а затем и Чили в октябре 1941 г. было достигнуто соглашение о прекращении огня и демилитаризации части территории. Однако после бомбардировки японцами американской базы Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. перуано-эквадорская война потеряла актуальность, поскольку для США и Бразилии важнейшим вопросом стало укрепление континентальной солидарности. На III Консультативном совещании министров иностранных дел (Рио-де-Жанейро, январь 1942 г.) была принята резолюция, рекомендовавшая всем странам разорвать дипломатические отношения со странами «оси», однако Чили и Аргентина, имевшие тесные торговые связи с Германией, продолжали упорно придерживаться нейтралитета. На этом же совещании 29 января 1942 г. Эквадор был вынужден подписать с Перу Протокол Рио-де-Жанейро под названием «Мир, дружба и границы», где гарантами выступали Аргентина, Бразилия, США и Чили. В результате Эквадор потерял 278 тыс. кв. км территории (Peralta, 2021). Граница между двумя странами была определена только в общих чертах, поэтому последующие работы по демаркации в этих труднодоступных местах оказались затруднительными.

В 1947 г. ВВС США провели аэрофото-топографические съемки этой территории и установили существование обширной р. Сенепя протяженностью 190 км, которая ранее была неизвестна. Этот факт, по мнению Эквадора, являлся существенной ошибкой в прежних расчетах и сделал невозможным реализацию Протокола Рио-де-Жанейро. В 1948 г. Эквадор приостановил демаркационные работы, поскольку 78 км в районе Кордильера-дель-Кондор, между реками

Сенепя и Сантьяго и реками Сенепя и Самора, оказались неразграниченными и в итоге стали зоной постоянных трений, ведь на этой территории, лишенной пограничных знаков, каждая из сторон начала размещать свой воинский контингент.

В 1960 г. власти Эквадора в одностороннем порядке объявили Протокол 1942 г. недействительным (Сауо, 1995). Начало конфликта не заставило себя долго ждать, и 22 января 1981 г. перуанские вертолеты обстреляли район Пакиша (Díaz Burgos, 2015). Атака вызвала развертывание эквадорских войск и бронетехники, а перуанская армия мобилизовала одну из своих дивизий в направлении Тумбеса, граничащего с провинцией Эль-Оро. Прекращение огня произошло 2 февраля после длительных встреч и переговоров под наблюдением Аргентины, Бразилии, Чили и США, выступивших в качестве стран-гарантов и вновь обратившихся к Протоколу 1942 г., что, впрочем, не содействовало разрешению углубившихся территориальных противоречий между Перу и Эквадором (Andrade, 2014).

После войны Пакиша отношения между двумя странами сохраняли свою преемственность в дипломатическом плане, но решение территориального вопроса отошло на второй план, поскольку приоритет отдавался разрешению внутренних проблем Эквадора и Перу (Сауо, 1995). Эквадору пришлось столкнуться с кризисом внешней задолженности в 1982 г., катастрофическими последствиями разрушений инфраструктуры, возникшими в результате климатических катаклизмов 1982—1983 гг., когда были затоплены значительные территории побережья, что привело к сокращению экспортной продукции. В Перу же шла напряженная борьба с партизанским движением «Сендеро Луминосо», во время которой в результате насилия погибло более 23 тыс. человек, а экономические потери составили 10 млрд долл. США, и все это происходило на фоне гиперинфляции в стране (Mares & Scott, 2012).

С приходом к власти в Перу президента Альберто Фухимори впервые почти за десятилетие был открыт дипломатический канал

для двустороннего диалога с целью мирного разрешения пограничного спора с Эквадором. Министр иностранных дел Перу Эдуардо Торрес-и-Торрес-Лара и его эквадорский коллега Диего Кордовес попытались разработать «джентльменское соглашение» для создания общей зоны безопасности в регионе (Mares & Scott, 2012). В январе 1992 г. президент Перу А. Фухимори совершил первый за долгие годы государственный визит в Эквадор, после чего последовал ряд встреч на высшем уровне, однако вопрос не решался (Peralta, 2021).

В июле 1991 г. после установки перуанской стороной поста «Пачакутик» в спорных районах Эквадор организовал пост «Этца». С 1991 г. с двух сторон наблюдалась негативная риторика и провокации, изредка фиксировались перестрелки. Ситуация усугубилась в конце 1994 г., а в январе переросла в вооруженный конфликт. Сам ход военных действий уже подробно описан в ряде исследований (Espinoza Yépez, 2014), но война Альто-Сенепа между Эквадором и Перу хотя и явилась достаточно скоротечным конфликтом (с 26 января по 28 февраля 1995 г.), тем не менее грозила перерасти в затяжную войну. За короткий срок было мобилизовано с обеих сторон более 140 тыс. человек, армии и военно-воздушные силы двух стран были вовлечены в вооруженный конфликт, а морские силы находились в состоянии боевой готовности. Боевые действия распространялись в основном на полосу земли длиной 78 км вдоль р. Сенепа.

К урегулированию неразрешимой ситуации подключились страны-посредники: Аргентина, Бразилия, Чили и США. Серия переговоров длилась почти три года — вплоть до 1998 г. 17 февраля 1995 г. в столице Бразилии была подписана декларация Итамарати⁶, предусматривающая полное прекращение огня и разъединение сторон. Декларация также предусматривала размещение миссии военных наблюдателей стран-гарантов в спорном районе.

⁶ The Declaration of Itamaraty // UN Peacemaker. February 17, 1995. URL: <https://peacemaker.un.org/ecuadorperu-itamaratydeclaration95> (accessed: 17.03.2023).

Основные направления урегулирования конфликта между Перу и Эквадором

Согласно подписанной в Монтевидео 28 февраля 1995 г. декларации, было установлено присутствие военных наблюдателей стран-гарантов для наблюдения за прекращением огня, а также создана Миссия военных наблюдателей Эквадора и Перу. В марте 1995 г. начался отвод сторон из спорной зоны. К маю процесс отведения войск был полностью завершён, а к 4 августа 1995 г. на территории была установлена демилитаризованная зона. В присутствии представителей стран-посредников заместители министров иностранных дел Эквадора и Перу подписали соглашение о перемирии и разъединении сторон (Espinoza Yépez, 2014).

12 марта в г. Куэнка (Эквадор) начала работу миссия военных наблюдателей (*Military Observer Mission Ecuador-Peru*, МОМЕР), в состав которой вошли шесть наблюдателей от Аргентины, шесть — от Чили, девять — от Бразилии, 10 — от США и 92 члена технического персонала (Espinoza Yépez, 2014). Была выстроена структура МОМЕР, состоявшая из Генерального координатора, генерального штаба, группы военных наблюдателей, группы поддержки, авиационного отряда и офисов на территории Перу и Эквадора.

Задачи МОМЕР, которая работала почти четыре года, менялись на разных этапах, происходили изменения и в ее деятельности. В ведении МОМЕР находились демилитаризованная зона, зона Альфа и контрольная зона общей площадью 1540 кв. км. Военные наблюдатели занимались патрулированием воздушного пространства над демилитаризованной зоной и зоной контроля, выявляя любое передвижение вне договоренности, проверяли расположение пограничных отрядов, выборочно досматривали конкретные посты на наличие оружия и боеприпасов, следили за выполнением задач по разминированию, связанных с демаркацией границы, а также медицинскому обслуживанию и картографической деятельности.

По состоянию на 17 февраля 1996 г. число военных наблюдателей от стран-гарантов было сокращено до четырех на страну-гаранта, а в организацию было добавлено по девять членов от Перу и Эквадора, что усилило меры по укреплению взаимного доверия между обеими странами. 6 марта 1996 г. Перу и Эквадор обменялись списком сложных вопросов, необходимых для решения, а 26 октября 1996 г. в присутствии стран-гарантов оба государства подписали Договор Сантьяго, нацеленный на объективное разрешение территориальных споров (Laban, 2009). В 1996 и 1997 г. на границе было достигнуто относительное спокойствие под строгим контролем МОМЕР, в то время как политики и дипломаты продолжали вести переговоры. Во второй половине 1998 г. возникла новая напряженность на границе, на этот раз в южном секторе демилитаризованной зоны, где вновь благодаря вмешательству МОМЕР удалось разединить противостоящие друг другу силы.

26 октября 1998 г. в Бразилии, после усилий стран-гарантов, президенты Эквадора (Хамиль Мауад) и Перу (Альберто Фухимори) подписали Акт об окончательном решении территориального спора и его последующем соблюдении, которым они «глобально и окончательно устранили разногласия между двумя республиками, так что, исходя из их общих корней, обе нации нацелены на многообещающее будущее сотрудничество и взаимную выгоду» в дополнение к подтверждению «торжественного отказа от угроз и применения силы в отношениях между Перу и Эквадором, а также от любых действий, затрагивающих мир и дружбу между двумя народами»⁷. МОМЕР продолжала разведывательные миссии и воздушные проверки в зонах ответственности и техническое обслуживание постоянных оперативных центров, а также усилила контроль за разминированием, связанным с установкой пограничных знаков. Эта работа, ставшая приоритет-

ной для МОМЕР, закончилась 12 мая 1999 г., когда президентами Эквадора и Перу были подписаны акты о разминировании, что завершило почти четырехлетнюю деятельность МОМЕР.

Оперативная деятельность и функции, выполняемые военными наблюдателями, имели принципиальное значение для разединения сил, контроля при демилитаризации района, неприкосновенности оставленных территорий, проверки имеющихся средств и контроля разминирования, выполнения сложных, деликатных и опасных задач, которые проводились с умением, осмотрительностью, дисциплиной и решимостью. Главным преимуществом Миссии явилось то, что она могла максимально оперативно осуществлять наблюдение за реализацией сторонами отдельных положений мирного договора (Ojeda, 2015). Однако чаще всего исследователи склоняются к тому, что решающее значение для разрешения конфликта имели два инструмента — переговоры и посредничество, которые были претворены в жизнь странами-гарантами (Radcliffe, 1998). В 1999 г. произошла окончательная демаркация границ (Simmons, 1999).

В Латинской Америке соглашение по урегулированию эквадорско-перуанского спора в 1998 г. называют «элегантным соглашением», так как оно в определенной мере учитывало интересы обеих сторон: Эквадор получил часть территории в частное пользование и доступ к р. Амазонке с целью обеспечения судоходства, а Перу была передана часть суверенной территории (Laban, 2009). Данное соглашение следует также рассматривать как отправную точку начала активной внешнеторговой деятельности между странами и реализации мероприятий по интеграции и обеспечению безопасности в регионе (Arévalo, 2020).

Однако следует отметить, что мирный договор не поддержало практически все население Перу, которое посчитало документ крайне невыгодным для страны. Так, например, в декабре 1998 г. в г. Икитос, административном центре пограничного региона Лорето, был проведен референдум, в ходе ко-

⁷ Acta Presidencial de Brasilia // Congreso de la República del Peru. 26.10.1998. URL: <https://www4.congreso.gob.pe/comisiones/1998/exteriores/acta.htm> (accessed: 17.03.2023).

торого неприятие договора выразили 97 % граждан. По стране этот показатель, согласно опросам, составил 76 %. В Эквадоре же большая часть населения (более 58 %), напротив, поддержала подписание мирного договора (Arévalo, 2020).

Интересы стран-посредников в урегулировании конфликта Альто-Сенепа

Латиноамериканские исследователи часто указывают на тот факт, что эквадорско-перуанская война хотя и была результатом противоположных территориальных интересов, но возникла из-за неудачной посреднической деятельности и недостаточно тщательно составленного Протокола Рио-де-Жанейро, в котором не была установлена граница по р. Сенепа, в результате чего этот участок оставался спорным в течение 50 лет (Laban, 2009).

Кроме того, несмотря на общность интересов Перу и Эквадора относительно развития интеграционных процессов, на тот момент преобладал силовой вариант решения проблемы, так как между странами на протяжении долгих лет складывался антагонистический характер отношений в рамках решения территориального вопроса, наличия шовинистической культуры, крайне низкого уровня взаимосвязи как общества, так и национальных экономик (Bonilla, 1996). Именно длительное эквадорско-перуанское соперничество, которое только усиливалось с годами, стало серьезным барьером для улучшения отношений (Ortíz, 1999).

Ключевую роль в завершении конфликта между Эквадором и Перу сыграли страны-гаранты: Бразилия, США, Чили и Аргентина. Изменение баланса сил на мировой арене, произошедшее после распада СССР, развитие процессов демократизации в странах Латинской Америки и уход от власти военных режимов, углубление интеграционных процессов и рост интересов США в этом регионе активизировали деятельность посредников (Hens & Sanahuja, 1995).

Особая роль в урегулировании конфликта была отведена Бразилии, которая принимала участие в разрешении региональных конфликтов как самостоятельный актор, а также в рамках Группы Рио, ОАГ и ООН (Soares de Lima & Hirst, 2006). Хорошо продуманная Декларация Итамарати, подписанная в Бразилии, положила начало мирному урегулированию конфликта. Установление прочного мира поднимало престиж Бразилии как регионального лидера, что позволило в 1995 г. создать международную организацию — Амазонский пакт (Организацию Договора о сотрудничестве в бассейне р. Амазонки, ОТСА), куда вошли восемь стран (Бразилия, Боливия, Перу, Эквадор, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Суринам), а также укрепить МЕРКОСУР и его связи с Андским сообществом наций (куда входили Перу и Эквадор), а затем создать УНАСУР (Борзова, 2012).

У Чили в то время непросто складывались отношения с Перу, и, помимо общих с другими государствами — гарантами интересов, страна стремилась укрепить двусторонние чилийско-перуанские отношения, в первую очередь в дипломатической и экономической сферах.

Аргентина — единственная страна-гарант, которая преследовала исключительно общерегиональные интересы, среди которых обеспечение безопасности и усиление интеграции. В 1990-е гг., интеграционные процессы в Латиноамериканском регионе развивались достаточно динамичными темпами, однако для поддержания такого уровня было необходимо, во-первых, установление четких границ между странами, а во-вторых, обеспечение стабильности в экономических отношениях между государствами Латинской Америки (Laban, 2009).

Для США расширение конфликта на территориях, где американцы имели обширные экономические связи, не отвечало их интересам. В роли посредника Вашингтон применил весь спектр дипломатических мер (консультации, двусторонние и многосторонние переговоры, военные наблюдатели) и обеспечил техническую сторону деятельности МОМЕР

при разграничении спорных территорий. Тем не менее важно подчеркнуть, что позиция США в переговорном процессе была достаточно осторожной, поскольку США с 1994 г. начали проводить саммиты Америк с целью создания Зоны свободной торговли двух Америк (ФТАА). Именно поэтому страна не хотела доминировать в урегулировании спора и отдала руководящую роль Бразилии.

Укрепление региональной безопасности, недопущение распространения военного конфликта и гонки вооружений на соседние страны, ускорение региональной интеграции, обеспечение собственных экономических интересов в Перу и Эквадоре отвечали интересам всех стран-посредников. Страны-гаранты в процессе длительных переговоров указали на преобладание совпадающих интересов, что позволило Эквадору и Перу договориться (Laban, 2009). Ключевая роль стран-посредников заключалась не столько в том, чтобы завершить конфликт Альто-Сенепа (для этого страны-гаранты осуществляли координацию прекращения боевых действий в условиях полного отсутствия связи между Эквадором и Перу), сколько в том, чтобы в течение последующих нескольких лет осуществлять контроль за выполнением достигнутых договоренностей, а также укреплением политического, экономического и культурного сотрудничества двух стран. В этой связи мы разделяем точку зрения перуанского исследователя Оскара Видарте Аревало, что в настоящее время двустороннее сотрудничество Перу и Эквадора проявляется в интенсивной динамике отношений в различных сферах благодаря трансформации внешней политики обеих стран (Arévalo, 2020).

Заключение

Территориальные проблемы чаще всего приводят к конфликтам в международных отношениях, и опыт стран Латинской Америки в применении таких стратегий, как посредничество третьих стран, добрые услуги,

переговоры, оказывается крайне актуальным сегодня. Сама стратегия посредничества, ее теоретическая и практическая стороны получили достаточно глубокое освещение в латиноамериканской историографии. Длительный территориальный конфликт между Перу и Эквадором, в ходе которого страны неоднократно прибегали к вооруженным столкновениям, показывает, что посредничество представляет собой очень сложный и многогранный процесс, где немаловажную роль играют и интересы самих стран-гарантов. Благодаря странам-гарантам война Альто-Сенепа была завершена, и ключевыми мерами по урегулированию военного конфликта со стороны посредников стали организация переговоров, контроль за подписанием документов об окончательном решении территориального спора, выступление гарантов в реализации пунктов подписанных соглашений, разведение враждующих сторон, установление демилитаризованной зоны и участие в демаркации границ, мониторинг ситуации на спорной территории, а затем содействие развитию двустороннего сотрудничества.

Изучение норм, методов, технических аспектов посредничества, требований к посредникам представляет несомненный интерес в разрешении сложных конфликтов, поскольку это может кардинально менять внешнюю политику враждующих государств. Многоаспектность реализуемых мероприятий, их планомерное осуществление, учет интересов конфликтующих сторон, согласованность действий и решений стран-гарантов содействовали появлению термина «многостороннее миротворчество» (Palmer, 1997). Такое миротворчество предполагает ситуацию, когда конфликт удалось не только устранить и не допустить его дальнейшего возникновения, но и кардинально изменить двусторонние отношения, меняя векторы многолетнего взаимного непонимания в сторону плодотворного сотрудничества и добрососедства, что показывает пример Эквадора и Перу.

Поступила в редакцию / Received: 27.12.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 23.01.2023
Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список

- Борзова А. Ю.* Дипломатическая служба Бразилии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2012. № 3. С. 54—70.
- Клеченов Г. Е.* Перу — Эквадор: пограничный спор // Московский журнал международного права. 1999. № 4. С. 127—139. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1999-4-127-139>
- Сетов Н. П.* Неореализм и неолиберализм в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 12. С. 28—31.
- Старостина Е. А.* Приграничные споры: причины возникновения, пути разрешения // Латинская Америка. 2005. № 10. С. 25—30.
- Alfredo T.* Derecho Territorial Ecuatoriano. Quito : Ministerio de Relaciones Exteriores, 1982.
- Almeida A.* Mediação na América do Sul: Uma Perspectiva Comparada Brasil — Paraguai // Revista de Mediação. 2019. Vol. 12, no. 2. P. 1—7.
- Andrade D.* Herencia de Gloria. Historia del Arma de Infantería en el Ecuador. Sangolquí, Ecuador : Universidad de las Fuerzas Armadas ESPE, 2014.
- Arévalo O. V.* La Paz de 1998 y Su Impacto en la Relación Perú — Ecuador // Comentario Internacional. Revista del Centro Andino de Estudios Internacionales. 2020. No. 19. P. 29—43. <https://doi.org/10.32719/26312549.2019.19.1>
- Bercovitch J.* Mediators and Mediation Strategies in International Relations // Negotiation Journal. 1992. Vol. 8, no. 2. P. 99—112. <https://doi.org/10.1111/j.1571-9979.1992.tb00655.x>
- Bonilla A.* Proceso Político e Intereses Nacionales en el Conflicto Ecuador — Perú // Nueva Sociedad. 1996. No. 143. P. 30—40.
- Cayo C. P.* Perú y Ecuador: Antecedentes de un Largo Conflicto. Lima : Centro de Investigación de la Universidad del Pacífico, 1995.
- De Armas H. M.* La Mediación en la Resolución de Conflictos // Educar. 2003. Vol. 32. P. 125—136.
- Díaz Burgos P. E.* Influencia de la Cultura Simbólica en los Conflictos entre Perú — Ecuador para el Período 1981—1995 en el Marco de los Enfrentamientos de Paquisha y el Alto Cenepa. Pontificia Universidad Católica del Ecuador (PUCE), 2015.
- Espinoza Yépez C. G.* Apuntes de un Conflicto, Cenepa 1995. Quito : Centro de Estudios Históricos del Ejército (CEHE), 2014.
- Francisco L. B.* La Doctrina de Seguridad Nacional: Materialización de la Guerra Fría en América del Sur // Revista de Estudios Sociales. 2003. No. 15. P. 74—87. <https://doi.org/10.7440/res15.2003.05>
- Hens M., Sanahuja J. A.* Seguridad, Conflictos y Reversión Militar en América Latina // Nueva Sociedad. 1995. No. 138. P. 48—69.
- Krasner S. D.* Global Communication and National Power: Life of the Pareto Frontier // World Politics. 1991. Vol. 43, no. 3. P. 336—366. <https://doi.org/10.2307/2010398>
- Laban P. L.* El Conflicto Territorial entre Ecuador y Perú por el Río del Cenepa (1995): Entre una Mediación Fallida y Otra Exitosa // Pléyade. 2009. No. 4. P. 186—211.
- López J.* Ecuador — Perú: Antagonismo, Negociación e Intereses Nacionales. Quito : Flacso — Ecuador, 2004.
- Los Principios de la Mediación y la Conciliación en América Latina y el Caribe / comp. por S. A. García. Barranquilla : Ediciones Universidad Simón Bolívar, 2021.
- Mares D., Scott D.* Poder, Instituciones y Liderazgo en la Paz y la Guerra: Aprendizajes de Perú y Ecuador (1995—1998). Quito : FLACSO, Sede Ecuador, 2012.
- Mera A.* Mecanismos Alternativos de Solución de Conflictos en América Latina. Diagnóstico y Debate en un Contexto de Reformas // Aportes para un Diálogo sobre el Acceso a la Justicia y Reforma Civil en América Latina. Santiago : Centro de Estudios de Justicia de las Américas, 2013. P. 375—433.
- Mitre A.* Relaciones Peligrosas: Estado y Guerra en América Latina // Plataforma Democrática Working Paper. 2010. No. 7. P. 1—29. URL: <http://www.plataformademocratica.org/Archivos/Relaciones%20Peligrosas.pdf> (accessed: 17.03.2023).
- Ojeda C. D. V.* El Conflicto del Cenepa: Su Camino Hacia la Paz // Conjuntura Global. 2015. Vol. 4, no. 2. P. 221—235. <http://dx.doi.org/10.5380/cg.v4i2.43176>
- Ortiz R. D.* Ecuador — Perú: Acuerdos para una Paz Definitiva // Papeles de Cuestiones Internacionales. 1999. No. 66. P. 39—46.
- Palmer D. S.* Peru — Ecuador Border Conflict: Missed Opportunities, Misplaced Nationalism, and Multilateral Peacekeeping // Journal of Interamerican Studies and World Affairs. 1997. Vol. 39, iss. 3. P. 109—148. <https://doi.org/10.2307/166487>

- Pareja A.* Los Gobiernos de la Plutocracia y las Nuevas Ideas // Historia del Ecuador : Vol. 7 / coord. por H. Crespo, J. Salvador, J. Villalba. Barcelona : Salvat Editores Ecuatoriana, 1988. P. 39—93.
- Peralta F.* La Guerra del Cenepa: De la Victoria Táctica a la Derrota Estratégica // Global Strategy Report. 2021. No. 10. URL: <https://global-strategy.org/guerra-del-cenepa/> (accessed: 17.03.2023).
- Radcliffe S. A.* Frontiers and Popular Nationhood: Geographies of Identity in the 1995 Ecuador — Peru Border Dispute // Political Geography. 1998. Vol. 17, iss. 3. P. 273—293. [https://doi.org/10.1016/S0962-6298\(96\)00085-6](https://doi.org/10.1016/S0962-6298(96)00085-6)
- Reig Satorres J.* La Real Audiencia de Quito. Fundación y Competencias // Crespo, Hernán, Salvador, Jorge y Villalba, Jorge (Coords.) // Historia del Ecuador : Vol. 3 / coord. por H. Crespo, J. Salvador, J. Villalba. Barcelona : Salvat Editores Ecuatoriana, 1980. P. 237—242.
- Simmons B. A.* Territorial Disputes and Their Resolution: The Case of Ecuador and Peru // Peaceworks. 1999. No. 27. P. 1—37.
- Soares de Lima M. R., Hirst M.* Brazil as an Intermediate State and Regional Power: Action, Choice and Responsibilities // International Affairs. 2006. Vol. 82, no.1. P. 21—40. <https://doi.org/10.1111/J.1468-2346.2006.00513.X>
- Sosa Villalba S. M.* La Mediación como Medida Alternativa para la Resolución de Conflictos // Revista Jurídica. Investigación en Ciencias Jurídicas y Sociales. 2017. No. 4. P. 115—138.
- Wallenstein P., Sollenberg M.* The End of International War? Armed Conflict 1989—95 // Journal of Peace Research. 1996. Vol. 33, no. 3. P. 353—370.

Сведения об авторах: *Борзова Алла Юрьевна* — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0002-9886-7977; e-mail: borzova-ayu@rudn.ru

Медина Гонзалес Винисио Ксавьер — кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0001-7267-6323; e-mail: medina-gv@rudn.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ INTERNATIONAL SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-307-321

EDN: KHDBJR

Научная статья / Research article

Партнерство ООН и Африканского союза в реализации повестки дня «Женщины, мир и безопасность»: политика, форматы и стратегии

С.А. Бокерия¹ , А. Киамба² ¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Университет Найроби, Найроби, Кения bokeria-sa@rudn.ru

Аннотация. Устойчивое партнерство между Организацией Объединенных Наций (ООН) и Африканским союзом (АС) имеет важное значение для принятия эффективных решений в отношении сложных проблем мира и безопасности в Африке. Анализируются основные проблемы партнерства ООН и АС в области миротворчества, рамки, политика и стратегии ООН и АС в реализации повестки дня «Женщины, мир и безопасность» в целях обеспечения равного, полного и конструктивного участия женщин в миротворческом процессе. В исследовании определяются ключевые вызовы в партнерстве ООН и АС по поддержанию мира и оценивается эффективность механизмов и инструментов партнерства ООН и АС в области поддержания мира и безопасности, а также реализации повестки дня «Женщины, мир и безопасность» в Африке в 2003—2022 гг. Эмпирической базой исследования послужили базы данных веб-сайта ООН по поддержанию мира, официальные документы Африканского союза, резолюции Генеральной Ассамблеи (ГА) и Совета Безопасности (СБ) ООН, статистические данные АС и ООН по гендерному составу ключевых миротворческих миссий ООН в указанный период. В результате анализа отобранного набора документов авторы определили динамику проведения миротворческих операций ООН, гендерный состав миссий ООН, а также эффективность реализации повестки дня «Женщины, мир и безопасность» в Многопрофильной комплексной миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали (МИНУСМА). На основе количественных методов оценки и сравнительного анализа статистики ООН и АС по участию женщин в африканской миротворческой деятельности в 2003—2022 гг. с акцентом на МИНУСМА в качестве примера делается вывод о наличии прямой зависимости между ухудшением ситуации с безопасностью в Африке, реализацией повестки дня «Женщины, мир и безопасность» и уровнем стратегического партнерства между ООН и АС.

Ключевые слова: ООН, Африканский союз, АС, гендерный баланс, Женщины, мир и безопасность, МИНУСМА

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01195).

Вклад авторов. С.А. Бокерия принимала участие в разработке концепции исследования, сборе, обработке и анализе полученных данных, а также написании текста статьи; А. Киамба принимала участие в написании текста статьи.

© Бокерия С.А., Киамба А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Бокерия С. А., Киамба А. Партнерство ООН и Африканского союза в реализации повестки дня «Женщины, мир и безопасность»: политика, форматы и стратегии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 307—321. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-307-321>

The UN — African Union Partnership on the Women, Peace and Security Agenda: Frameworks, Policies and Strategies

Svetlana A. Bokeriya¹ , Anita Kiamba²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²University of Nairobi, Nairobi, Kenya

bokeria-sa@rudn.ru

Abstract. A strong partnership between the United Nations (UN) and the African Union (AU) is essential to achieve strategic convergence, coherence and effective solutions to Africa's complex peace and security challenges. This article analyzes the key challenges in the UN — AU partnership for peacekeeping, including the UN — AU frameworks, policies and strategies in implementing the Women, Peace and Security (WPS) agenda to establish equal, full and constructive participation of women in the peacekeeping process. The authors identify key challenges in the UN — AU partnership for peacekeeping and assess the effectiveness of the mechanisms and tools of this partnership in the field of maintaining peace and security. The implementation of the WPS agenda in Africa in 2003—2022 is discussed in detail. The empirical basis for the research was drawn from the UN peacekeeping website database, official AU documents, the United Nations General Assembly (UNGA) and United Nations Security Council (UNSC) resolutions, and AU and UN statistics on the gender composition of key UN peacekeeping missions during the period under review. This study employs quantitative methods of assessment and comparative analysis of UN and the AU statistics on women's participation in African peacekeeping from 2003 to 2022. It focuses on the United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in Mali (MINUSMA) as a case study. The article concludes that there is a direct link between the deteriorating security situation in Africa, the effective implementation of the WPS agenda, and the level of strategic partnership between the UN and the AU.

Key words: United Nations, African Union, the AU, gender balancing, Woman, Peace and Security Agenda, MINUSMA

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Acknowledgements. The paper was funded by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 23-28-01195).

Authors' contribution. The research concept was conceived by S.A. Bokeriya, who also undertook the tasks of data collection, processing, and analysis, as well as writing the text of the article; A. Kiamba contributed to the writing of the article.

For citation: Bokeriya, S. A., & Kiamba, A. (2023). The UN — African Union partnership on the Women, Peace and Security agenda: Frameworks, policies and strategies. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 307—321. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-307-321>

Введение

Сотрудничество между ООН и Африканским союзом (АС) обусловлено тем, что эти организации могут усиливать и дополнять своими сильными сторонами деятельность друг друга в достижении общих целей по поддержанию мира и безопасности в Африке (Бокерия, 2022). Начало стратегическому

партнерству ООН и АС было положено в 2002 г., когда был создан Африканский союз. Несмотря на установленные двусторонние отношения между организациями и их участниками, в процессе совместных действий по проведению миротворческих миссий возникают определенные трудности как на стратегическом (сложности при разработке политических стратегий, согласовании совместных

проектов и нехватка финансирования), так и на оперативном уровнях (своевременное ресурсное обеспечение и повышение профессионализма военного и гражданского персонала).

Несмотря на успешные коллективные миссии в рамках стратегического партнерства ООН и АС (De Coning, 2019; Hendricks, 2017; Weiss & Welz, 2014; Williams & Boutellis, 2014), а также в конкретных областях, включая посредничество, инициативу *Silencing the Guns*¹ и повышение роли женщин в африканском миротворчестве, взаимодействие ООН и АС по-прежнему характеризуется напряженностью, неравными дипломатическими возможностями, разной степенью политического влияния и недостаточным сотрудничеством в области миростроительства и постконфликтного урегулирования (Forti & Singh, 2019; Williams & Boutellis, 2014). Это препятствует эффективной реализации стратегий по поддержанию мира и безопасности в конфликтных зонах Африки.

Что касается проблематики женского миротворчества, которая может стать фактором активизации сотрудничества ООН и АС, то в этой области существует три основные группы исследований. Первая группа представлена работами, в которых анализируются процесс стереотипизации женщин в миротворчестве, ограничения и препятствия на пути развития женского миротворчества (DeGroot, 2001), а также проблемы интеграции женщин в миротворческие миссии (Alchin, Gouws & Heineken, 2018), в частности в процессы рекрутирования. Наряду с этим исследователями рассматриваются самовосприятие женщин-солдат и проблема сексуального насилия. Вторая группа работ посвящена оценке вклада женщин и мужчин в миротворчество и в целом гендерным вопросам поддержания

мира (Bridges & Horsfall, 2009; Mazurana, 2003). Третья группа работ включает исследования, в которых анализируются ключевые документы ООН, регламентирующие расширение прав женщин в миротворческих миссиях (Gender, Peace and Security..., 2015).

Данная статья призвана восполнить пробел в исследованиях, посвященных проблемам и перспективам совместного осуществления ООН и АС повестки дня в области «Женщины, мир и безопасность» (ЖМБ) на примере Многопрофильной комплексной миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Мали (МИНУСМА), — миссии, которая, с одной стороны, служит платформой для взаимодействия между организациями, а с другой — стала ярким примером противоречий в партнерстве ООН и АС.

Для реализации основной цели — исследования взаимосвязи между Организацией Объединенных Наций и Африканским союзом в области поддержания мира и женского миротворчества, в частности на основе изучения операций по поддержанию мира в Африке — авторы определили набор данных ООН и АС за период с 2003—2022 гг. Этот набор включает резолюции Совета Безопасности ООН (СБ ООН) по конфликтам в Африке, статистические данные АС и ООН по гендерному составу ключевых миротворческих миссий ООН с 2003 по 2022 г., документы ООН и АС по повестке дня «Женщины, мир и безопасность».

Чтобы сконструировать набор данных для анализа, авторы идентифицировали и проанализировали 54 резолюции СБ ООН, которые были приняты в 2003—2022 гг. Данные были получены из Цифровой библиотеки системы ООН, затем был проведен количественный и качественный анализ миротворческих операций ООН, гендерного состава миротворческих миссий и проблем внедрения ЖМБ в МИНУСМА. Авторы попытались определить практические аспекты сотрудничества ООН и АС в области мира и безопасности, а также включения ЖМБ в миротворческие миссии в Африке на примере Мали.

¹ *Silencing the Guns* — один из флагманских проектов Повестки дня АС до 2063 года. Инициатива направлена на прекращение всех войн, конфликтов и гендерного насилия, а также на предотвращение геноцида в Африке. См.: *Silencing the Guns: A Developmental Approach* // UNDP. February 23, 2022. URL: <https://www.undp.org/africa/publications/silencing-guns-developmental-approach> (accessed: 10.04.2023).

Миротворческое партнерство ООН: вызовы и перспективы

По словам Генерального секретаря ООН А. Гутерриша, «партнерство между ООН и АС в области мира и безопасности имеет основополагающее значение для построения более безопасного мира для всех»². В то же время очевидно, что для решения сложных проблем миротворчества необходимо, чтобы мандаты миссий расширялись, в том числе включали антитеррористические операции и обеспечение мира с помощью военной силы. Именно партнерство с АС и субрегиональными организациями предоставляет ООН возможности для достижения этой цели.

СБ ООН высоко оценивает возрастающую роль АС в области мира и безопасности и выступает за более тесное и последовательное партнерство между ООН и АС в области быстрого реагирования, предотвращения и разрешения конфликтов, экстремизма и терроризма³.

На протяжении 2005—2015 гг. СБ ООН подчеркивал значимость роли региональных организаций, в частности АС, в реагировании на преступления против человечности⁴, торговлю людьми и сексуальное насилие в условиях конфликта с целью создания на основе сотрудничества с африканскими региональными организациями системы быстрого реагирования на современные региональные и глобальные угрозы безопасности⁵, исходящие от преступных и террористических сетей,

² Гутерриш: партнерство ООН и Афросоюза необходимо для построения более безопасного мира // ТАСС. 28.01.2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4909584> (дата обращения: 10.04.2023).

³ Resolution 2195 (2014). Adopted by the Security Council at its 7351st meeting, on 19 December 2014 // UN Digital Library. 2014. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/785567> (accessed: 10.04.2023).

⁴ Resolution 1674 (2006). Adopted by the Security Council at its 5430th meeting, on 28 April 2006 // UN Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/573969> (accessed: 06.03.2023).

⁵ Resolution 2195 (2014). Adopted by the Security Council at its 7351st meeting, on 19 December 2014 // UN Digital Library. 2014. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/785567> (accessed: 10.04.2023).

пиратства и радикальных, вооруженных негосударственных групп⁶.

Партнерство ООН и АС характеризуется взаимодополняемостью, суть которой в том, что региональная организация, в частности АС, разделяет с ООН политическую, финансовую, материально-техническую и военную ответственность при реализации гибридных операций (Ромадан, Шагалов, 2015). В гибридных миссиях партнеры теоретически равны и согласовывают свои повестки дня в целях реализации мандата. Согласно главе VIII Устава ООН, в разрешении кризисов СБ ООН полагается на АС и региональные экономические сообщества, которые первыми принимают меры по стабилизации конфликтов в государствах⁷. Ярким примером гибридной миссии является Смешанная операция Африканского союза — Организации Объединенных Наций в Дарфуре (ЮНАМИД).

В то же время африканские региональные акторы в своих действиях руководствуются легитимностью СБ ООН и полагаются на финансовую помощь и поддержку международных партнеров, африканских государств и институтов, которые проводят миротворческие операции в Африке (De Coning, Gelot & Karlsrud, 2016).

ООН подчеркивает важность сотрудничества с АС для стабилизации и разрешения конфликтов в Африке, что отражается в докладах Генерального секретаря ООН, посвященных укреплению стратегического партнерства между ООН и Африканским союзом и посредническим усилиям, в частности Сотрудничество между ООН и региональными и субрегиональными организациями по вопросам посредничества 2015 г.⁸, Доклад об

⁶ Cooperation between the UN and regional and subregional organizations — Security Council, 7439th meeting // UN Web TV. May 11, 2015. URL: <https://media.un.org/en/asset/k1j/k1jpb6d9fxk> (accessed: 10.04.2023).

⁷ United Nations Charter // United Nations. URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter> (accessed: 10.04.2023).

⁸ Cooperation between the United Nations and regional and subregional organizations on mediation: report of the Secretary-General // UN Digital Library. 2015. URL:

укреплении партнерства между ООН и АС по вопросам мира и безопасности в Африке, включая работу Отделения ООН при АС 2016 г.⁹

Центральной движущей силой партнерства ООН и АС является сотрудничество между СБ ООН и Советом мира и безопасности АС (СМБ АС), который обладает исполнительными полномочиями по принятию решений по вопросам мира и безопасности (Сидорова, 2021). Первая совместная консультация между СБ ООН и СМБ АС состоялась в 2007 г. (Forti & Singh, 2019). СМБ АС является единственным уполномоченным органом, который систематически привлекает Совет Безопасности ООН к участию в миротворческой деятельности.

Значимым достижением в развитии сотрудничества между ООН и АС является Резолюция СБ ООН 1809 (2008)¹⁰, которая позволила укрепить партнерство ООН и АС, направленное на решение общих задач по обеспечению коллективной безопасности на Африканском континенте и созданию фонда для финансирования операций.

Несмотря на достигнутый прогресс, партнерство между двумя советами характеризуется неравными отношениями, поскольку эти организации различаются по силе, полномочиям, политическому статусу и наличию или отсутствию ресурсов (Forti & Singh, 2019). Сосредоточив свои усилия на поддержании международного мира и безопасности, СБ ООН уделяет большое внимание проблемам Африки: 50 % заседаний СБ ООН в 2018 г. были посвящены именно Африке (Forti & Singh, 2019).

<https://digitallibrary.un.org/record/804636?ln=ru>
(accessed: 10.04.2023).

⁹ Report of the Secretary General on strengthening the partnership between the United Nations and the African Union on issues of peace and security in Africa, including the work of the United Nations Office to the African Union // UN Security Council Report. September 13, 2016. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2016_780.pdf (accessed: 10.04.2023).

¹⁰ Resolution 1809 (2008). Adopted by the Security Council at its 5868th meeting, on 16 April 2008 // UN Security Council. April 16, 2008. URL: <http://unscr.com/en/resolutions/doc/1809> (accessed: 10.04.2023).

ООН преуспела в поддержке мирных процессов и содействии заключению мирных договоров, однако ее резолюции носят рекомендательный характер. Африканский союз в свою очередь готов к проведению операций по борьбе с терроризмом, но не обладает функциональными возможностями для реализации мирных соглашений (De Coning, 2019). Например, с 2007 г. АС и субрегиональные организации смогли оперативно добиться стабилизации ситуации в Бурунди, Центральноафриканской Республике (ЦАР) и Мали (Darkwa, 2016, p. 69). После этого ООН провела в этих странах миротворческие операции. Для этого африканские военные и полицейские, участвовавшие в операциях АС в вышеупомянутых государствах, стали миротворцами ООН. Обратная ситуация наблюдалась в Сомали: СБ ООН санкционировал там правоохранительную деятельность, но именно АС сначала развернул миротворческие операции, затем взял их под контроль и проводил при логистической поддержке ООН и других партнеров (De Coning, 2019). В этом контексте в отношениях между ООН и АС существует определенная иерархия, поскольку АС, будучи региональной организацией, реализует мандаты Совета мира и безопасности после получения санкции со стороны СБ ООН.

Примером эффективного сотрудничества между ООН и АС является поддержание мирного процесса в Центральноафриканской Республике (ЦАР) после одобрения СМБ АС в 2017 г. Африканской инициативы по миру и примирению в ЦАР¹¹. Согласно Инициативе, СБ ООН вместе с Экономическим сообществом государств Центральной Африки поддержали усилия Комиссии АС по посредничеству между правительством ЦАР и 14 вооруженными группами. СБ ООН внес свой вклад в урегулирование кризиса в ЦАР, создав миссию ООН в ЦАР (МИНУСКА)

¹¹ Roadmap for peace and reconciliation in the Central African Republic // Peace Agreements. 2017. URL: <https://www.peaceagreements.org/viewmasterdocument/2234> (accessed: 10.04.2023).

в целях осуществления посреднических усилий и оказания логистической поддержки¹².

Оба Совета эффективно участвовали в интеграции двух параллельных посреднических процессов, инициированных Суданом во второй половине 2018 г. ООН и АС взаимодействовали со сторонами конфликта: в частности, полевой персонал Миссии Организации Объединенных Наций в Южном Судане (МООНЮС) поддержал создание нового пограничного комитета для урегулирования конфликта между пастухами и фермерами, а также добился включения правительства страны в усилия по стабилизации конфликта между скотоводами (Forti & Singh, 2019). Это ускорило подписание мирного соглашения в феврале 2019 г.¹³

Несмотря на положительную динамику сотрудничества между ООН и АС, следует отметить и проблемные области этого партнерства.

Во-первых, существуют различия в позициях, которых придерживаются эти организации в отношении конфликтных ситуаций в африканских странах. Показательным примером этого является кризис в Ливии. При голосовании по Резолюции 1973 (2011)¹⁴ СБ ООН члены СБ ООН и СМБ АС продемонстрировали резкие расхождения во мнениях (Forti & Singh, 2019). Несмотря на усилия Секретариата ООН и Комиссии АС по улучшению координации их работы в Ливии, политические интересы авторитетных стран — членов СБ ООН (Франции, Великобритании и США) стали препятствием для выработки совместной стратегии. По мнению С.М. Макинды, Ф.В. Окуму и Д. Миклера, отсутствие

взаимодополняемости при обсуждении ситуации и стратегии в Ливии может привести к негативным последствиям и повлиять на урегулирование конфликтов на Африканском континенте в будущем (Makinda, Okumu & Mickler, 2015).

Во-вторых, нельзя не отметить следующие проблемы: дублирование усилий секретариатов ООН и АС в ходе миротворческих операций. Например, СМБ АС участвовал в миротворческих усилиях в Бурунди, где планировал разместить наблюдательную миссию в составе 200 военных и правозащитников¹⁵. В феврале 2016 г. число наблюдателей увеличилось с 35 до 200¹⁶. В то же время Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в письме к СБ ООН предложил развернуть полицейский контингент численностью 3 тыс. человек для защиты гражданского населения и прав человека¹⁷. В результате Комиссия АС подчеркнула, что мандат полицейского персонала ООН будет дублировать роль ее собственных наблюдателей за соблюдением прав человека¹⁸. Подобные проблемы требуют более качественного стратегического согласования целей деятельности и сфер ответственности АС и ООН. Кроме того, ООН и АС имеют собственные отдельные стратегии работы в регионе Сахеля (Комплексная стратегия ООН в Сахеле и Стратегия АС для Сахеля), а также политические миссии (Отделение Организации Объединенных Наций для Западной Африки и Сахеля, или ЮНОВАС, и Миссию Африканского союза по Мали и Сахелю, или МИСАХЕЛЬ) и уполномоченные механизмы безопасности (МИНУСМА и Объединенные силы Сахельской группы пяти)¹⁹.

¹² Resolution 2448 (2018). Adopted by the Security Council at its 8422nd meeting, on 13 December 2018 // UN Digital Library. December 13, 2018. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1655661> (accessed: 10.04.2023).

¹³ Political Agreement for Peace and Reconciliation in the Central African Republic // Peace Agreements. February, 2019. P. 2. URL: <https://www.peaceagreements.org/viewmasterdocument/2147> (accessed: 10.04.2023).

¹⁴ Resolution 1973 (2011). Adopted by the Security Council at its 6498th meeting, on 17 March 2011 // UN Digital Library. March 17, 2011. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/699777> (accessed: 10.04.2023).

¹⁵ Burundi — ONUB — Background // UN Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/past/onub/background.html> (accessed: 10.04.2023).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ UN proposes options for sending police to Burundi // Reuters. April 18, 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-burundi-violence-un-idUSKCN0XF2HW> (accessed: 10.04.2023).

¹⁸ Forti D., Singh P., de Carvalho G. After Annual Conference, UN and AU Move from Alignment to Impact // ReliefWeb. May 17, 2019. URL: <https://reliefweb.int/report/world/after-annual-conference-un-and-au-move-alignment-impact> (accessed: 10.04.2023).

¹⁹ Ibid.

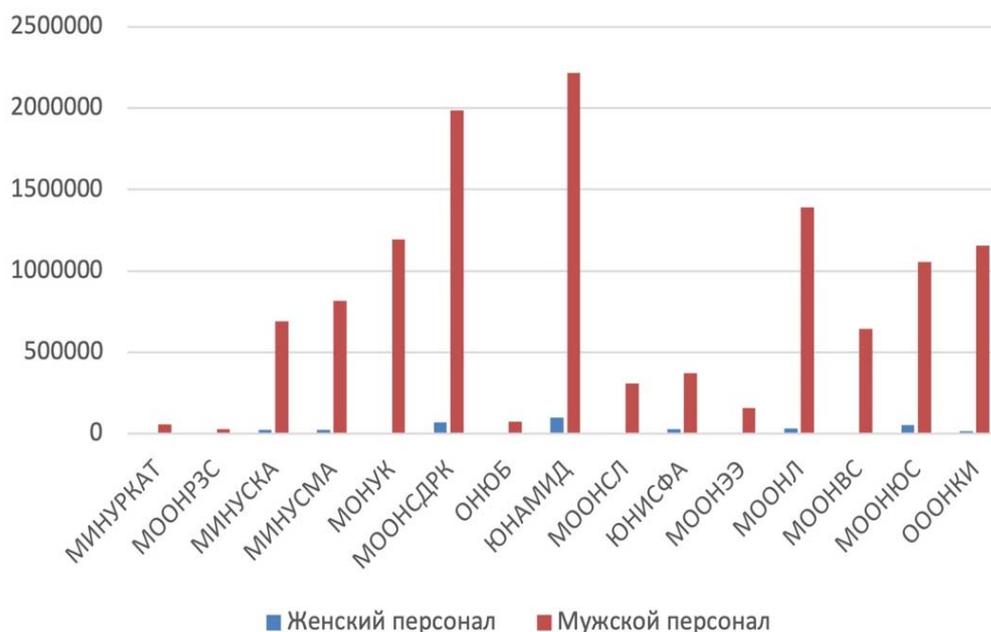

Рис. 1. Общая численность мужского и женского персонала операций ООН по поддержанию мира с 2003 по 2022 г.

Источник: Troop and Police Contributors // UN Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 10.04.2023).

Повестка дня «Женщины, мир и безопасность» в деятельности ООН и Африканского союза

Увеличение доли женщин, участвующих в миротворческих операциях, должно привести к повышению операционной эффективности миротворческих миссий, а также к выполнению задач в рамках повестки дня СБ ООН «Женщины, мир и безопасность», которая была единогласно одобрена Резолюцией 1325²⁰ в 2000 г. Достижение вышеуказанной цели создало прочную основу для партнерства ООН и АС. Обе организации способствовали включению вопросов, определенных в повестке дня ЖМБ, в дебаты, политические процессы, резолюции, коммюнике и инициативы.

Анализ соотношения количества женщин и мужчин, задействованных в 15 миротворческих миссиях в Африке в период с 2003 по

2022 г., указывает, что общее количество мужчин, участвующих в каждой из этих операций, значительно превышает женский контингент (рис. 1). Максимальное количество мужского персонала составило более 2 млн человек (Смешанная операция Африканского союза — Организации Объединенных Наций в Дарфуре (ЮНАМИД)), в то время как количество женщин не превышало 99 517 человек (в той же операции). Кроме того, в некоторых миссиях, таких как Операция Организации Объединенных Наций в Бурунди (ОНЮБ), Миссия Организации Объединенных Наций в Сьерра-Леоне (МООНСЛ) и Миссия Организации Объединенных Наций в Эфиопии и Эритрее (МООНЭЭ), женщины в принципе не были представлены. Таким образом, миссии ООН, реализовывавшиеся с 2003 по 2022 г., можно разделить на два типа: смешанные, где были представлены и мужчины, и женщины, и с исключительно мужским составом. Очевидно, что ООН и АС предстоит проделать большую работу для того, чтобы удвоить количество женского персонала в составе миссий и реализовать право женщин на профессиональное самоопределение,

²⁰ Resolution 1325 (2000). Adopted by the Security Council at its 4213th meeting, on 31 October 2000 // UN Security Council. October 31, 2000. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF999B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/WPS%20SRES1325%20.pdf> (accessed: 10.04.2023).

с одной стороны, и повысить эффективность миротворческих операций за счет равного участия женщин в африканском миротворчестве — с другой.

Только в ООН было принято 10 резолюций²¹ на тему равного участия женщин в миротворчестве (не считая организации ежегодных дебатов и регулярных брифингов старших должностных лиц). Принятые резолюции не только расширили и дополнили Резолюцию 1325, но и сформировали повестку дня ЖМБ. В них подчеркивается важность лидерства и участия женщин в предотвращении и разрешении конфликтов; устранение последствий сексуального насилия и др. В целях интеграции этих норм в сферы деятельности департаментов операций по поддержанию мира была разработана Политика миротворческих операций ООН с учетом гендерных аспектов²².

Тем не менее существующие исследования указывают на неполную реализацию Резолюции 1325 СБ ООН (Karim & Beardsley, 2015; Kreft, 2017): ссылки на гендерную проблематику в мирных соглашениях участились (Bell & O'Rourke, 2010), а увеличение участия женщин в миротворческих операциях довольно незначительно и обусловлено в основном привлечением женщин на «гражданские позиции» (гендерные советники, эксперты) (Gender, Peace and Security..., 2015), в то время как полученные статистические данные подтверждают, что женский военный персонал преимущественно разворачивается в конфликтах с низким уровнем риска. По данным ООН, в настоящее время доля женщин в миссиях организации составляет 18 %, при этом доля женщин-военнослужащих — лишь 8 %²³.

²¹ В их числе резолюции Совета Безопасности ООН 1325 (2000), 1820 (2008), 1888 (2009), 1889 (2009), 1960 (2010), 2106 (2013), 2122 (2013), 2242 (2015), 2272 (2016), 2467 (2019).

²² Gender Responsive United Nations Peacekeeping Operations // United Nations Peacekeeping. February 1, 2018. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/gender-responsive-un-peacekeeping-operations-policy-en_0.pdf (accessed: 10.04.2023).

²³ Contribution of Uniformed Personnel to UN by Mission, Personnel Type, and Gender Experts on Mission,

АС начал активно включать повестку дня «Женщины, мир и безопасность» в свои структуры и процессы обеспечения мира и безопасности, основываясь на Резолюции 1325 СБ ООН. АС объявил 2010—2020 гг. «Десятилетием африканских женщин» и дважды посвящал годы гендерным вопросам: 2015 г. стал «Годом расширения прав и возможностей женщин и развития в рамках Повестки дня на 2063 год», а 2016 г. — «Годом прав человека с особым акцентом на права женщин» (Hendricks, 2017, p. 82).

Гендерные вопросы отражены в официальных заявлениях АС, а также в его политике и практике и координируются Специальным посланником по вопросам женщин, мира и безопасности, пост которого был создан в 2014 г. В 2015 г. Резолюция 2242 СБ ООН призвала Генерального секретаря пересмотреть (в сотрудничестве со странами-членами) стратегии, направленные на удвоение числа женщин в военных и полицейских силах миротворческих операций ООН к 2020 г.²⁴ В заявлении председателя СБ ООН 2016/9 отмечалось, что обе организации могут укрепить свои совместные усилия по признанию и повышению роли женщин в предотвращении и разрешении конфликтов в Африке²⁵. Ежегодные брифинги АС также посвящены этому вопросу и приурочены к ежегодным дебатам СБ ООН по данной теме. АС призывает государства-члены разработать, принять и реализовать национальные планы действий по выполнению Резолюции 1325 СБ ООН²⁶.

Formed Police Units, Individual Police, Staff Officer, and Troops As of: 31/12/2021 // UN Peacekeeping. December 2021. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/07_gender_statistics_45_dec_2021.pdf (accessed: 10.04.2023).

²⁴ Resolution 2242 (2015). Adopted by the Security Council at its 7533rd meeting, on 13 October 2015 // UN Digital Library. 2015. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/807245?ln=ru> (accessed: 10.04.2023).

²⁵ Statement by the President of the Security Council (S/PRST/2016/9) // UN Security Council. June 15, 2016. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/175/47/PDF/N1617547.pdf?OpenElement> (accessed: 10.04.2023).

²⁶ 1325 National Action Plans (NAPs): WILPF Monitoring and Analysis of National Action Plans on

В 29 африканских странах и двух региональных организациях — Межправительственном органе по вопросам развития (МОВР) и Экономическом сообществе западноафриканских государств (ЭКОВАС) — приняты национальные или региональные планы действий по вопросам женщин, мира и безопасности²⁷.

В 2017 г. в целях выполнения обязательства по привлечению женщин к миротворческой деятельности в Африке ООН и АС совместно создали Сеть африканских женщин по предотвращению конфликтов и посредничеству (*FemWise-Africa*)²⁸ в качестве вспомогательного механизма Группы мудрецов, которая является одним из столпов архитектуры мира и безопасности Африканского союза (*African Peace and Security Architecture, APSA*)²⁹ и имеет стратегическое значение для разработки политики и популяризации миротворчества среди женщин, что позволит разрешить несоответствия между обязательствами по вовлечению женщин и их реализацией.

Реализация повестки дня «Женщины, мир и безопасность» на примере МИНУСМА

Мали начала активно поддерживать повестку дня ЖМБ задолго до многомерного кризиса 2012 г., причинами которого стали политические проблемы, экономическая нестабильность и вызовы безопасности. Страна ратифицировала Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. и Мапутский протокол

2003 г. Конституция Мали 1992 г. гарантирует равные права всем гражданам вне зависимости от их пола³⁰. В 2012 г. Мали опубликовала свой первый Национальный план действий по выполнению Резолюции 1325 СБ ООН³¹.

Кризис в Мали привел к активизации глобальных и региональных игроков в международных отношениях с целью урегулирования ситуации и установления своих сфер влияния. Обе миротворческие операции в Мали были начаты в 2013 г.: Франция инициировала военную операцию «Серваль», а ООН развернула миротворческую операцию МИНУСМА. В то время как АС пытался позиционировать себя как партнера по безопасности с помощью Африканской международной миссии поддержки в Мали (АФИСМА), сотрудничество между АС, французской операцией «Серваль» и МИНУСМА не было установлено (Weiss & Welz, 2014), что стало фактором нарастания противоречий между двумя организациями.

Два года спустя, в 2015 г., Мали приняла закон, который установил 30-процентную гендерную квоту при назначении женщин на политические должности и в учреждения, принимающие решения³².

Бамакское соглашение³³, подписанное в 2015 г., включало 11 упоминаний о женщинах, из них одно — об отсутствии амнистии тем, кто совершил насилие против них, и 3 — об их экономическом и социальном развитии в северных регионах³⁴. Согласно

Women, Peace and Security // Peace Women. URL: <https://1325naps.peacewomen.org/> (accessed: 10.04.2023).

²⁷ National Action Plans by region // Peace Women. URL: <http://1325naps.peacewomen.org/index.php/nap-overview/> (accessed: 10.04.2023).

²⁸ Strengthening African Women's Participation in Conflict Prevention, Mediation Processes and Peace Stabilisation Efforts: Operationalisation of "FemWise-Africa" // African Union. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/final-concept-note-femwise-sept-15-short-version-clean-4-flyer.pdf> (accessed: 10.04.2023).

²⁹ FemWise-Africa // Global Alliance of Regional Women Mediator Networks. URL: <https://www.globalwomenmediators.org/femwise-africa/> (accessed: 10.04.2023).

³⁰ Constitution of the Republic of Mali 1992 // World Intellectual Property Organization. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/315406> (accessed: 10.04.2023).

³¹ National Action Plan for the Implementation of Resolution 1325 of the Security Council of the United Nations on Women, Peace and Security 2012—2014 // Peace Women. March, 2012. URL: <http://1325naps.peacewomen.org/wp-content/uploads/2020/12/Mali-NAP-2012-2014-English-1.pdf> (accessed: 10.04.2023).

³² Ibid.

³³ Мирное соглашение между правительством Мали и туарегами-сепаратистами, подписанное в 2015 г. в Бамако.

³⁴ Agreement for peace and reconciliation in Mali resulting from the Algiers process // United Nations. 2015.

исследовательскому отчету «Женщины-миротворцы жизненно важны для миссии ООН в Мали», опубликованному Датским институтом международных исследований в 2016 г., из 11 тыс. военнослужащих сил МИНУСМА только 1,8 % составляли женщины³⁵. Однако по ряду причин это достаточно низкий уровень вовлечения женщин в миротворческую деятельность.

Во-первых, одной из самых острых проблем африканского и международного миротворчества является сексуальное насилие в условиях конфликта (Бокерия, 2021). Согласно Резолюции 1888 (2009) Совета Безопасности ООН в пяти миротворческих миссиях (МИНУСКА, МИНУСМА, МОНУСКО, ЮНАМИД и МООНЮС) развернут специализированный контингент, включающий старшего советника по защите женщин. Деятельность таких советников включает как мониторинг и проверку случаев сексуального насилия в условиях конфликта в планах и стратегиях миссий, так и координацию и работу со Специальным представителем Генерального секретаря ООН по сексуальному насилию в условиях конфликта для налаживания сотрудничества с межправительственными и региональными организациями и донорами в совместной борьбе с насилием³⁶.

Анализ соотношения количества женщин и мужчин, задействованных в МИНУСМА в период с 2014 по 2022 г., указывает, что количество мужчин, участвующих в ней, превышает женский контингент (рис. 2). Максимальное количество сотрудников-мужчин составило 14 016 человек в 2018 г.,

в то время как количество женщин не превысило 882 человек в 2022 г. Значительное увеличение женского контингента в МИНУСМА стало наблюдаться после 2016 г. (рис. 3), когда был принят на работу старший советник по гендерным вопросам для координации учета гендерных аспектов и поддержки выполнения Резолюции 1325³⁷. Дополнительной функцией советника по гендерным вопросам было повышение осведомленности о гендерном подходе среди военнослужащих МИНУСМА.

Кроме того, с 2016 г. МИНУСМА организует специализированные гендерные тренинги для воинских контингентов с особым акцентом на сексуальное насилие в условиях конфликта. Однако, несмотря на это, прогресс в деле внедрения женщин в МИНУСМА не так значителен³⁸.

Во-вторых, африканские страны предоставляют большинство миротворцев для МИНУСМА (рис. 4), но Того, Бенин, Гвинея и Чад не направили женщин-солдат. Как указывается в исследовательском отчете «Женщины-миротворцы жизненно необходимы для миссии ООН в Мали», причинами такой ситуации являются трудные условия жизни, суровый климат северной части Мали и асимметричные угрозы безопасности, в результате которых погибло более 100 преимущественно африканских миротворцев³⁹.

В-третьих, гендерный вопрос является культурно значимым в северных общинах Мали, поскольку женщинам не разрешается публично выступать в присутствии мужчин.

URL: https://www.un.org/en/pdfs/EN-ML_150620_Accord-pour-la-paix-et-la-reconciliation-au-Mali_Issu-du-Processus-d'Alger.pdf (accessed: 10.04.2023).

³⁵ Cold-Ravnkilde S. M., Albrecht P., Haugegaard R. Women in MINUSMA: Female peacekeepers are vital for the UN mission in Mali // DIIS Policy Brief. Copenhagen : Danish Institute for International Studies, 2016. P. 1—4. URL: https://pure.diis.dk/ws/files/712641/Gender_in_Minusma_WEB.pdf (accessed: 23.04.2023).

³⁶ Resolution 1888 (2009). Adopted by the Security Council at its 6195th meeting, on 30 September 2009 // UN Digital Library. 2009. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/666430?ln=ru> (accessed: 10.04.2023).

³⁷ MINUSMA's implementation plans on gender parity and equality // UN Women. URL: <https://www.unwomen.org/sites/default/files/2022-09/MINUSMA-implementation-plan-on-gender-parity-and-equality-en.pdf> (accessed: 10.04.2023).

³⁸ Ibid.

³⁹ Cold-Ravnkilde S. M., Albrecht P., Haugegaard R. Women in MINUSMA: Female peacekeepers are vital for the UN mission in Mali // DIIS Policy Brief. Copenhagen : Danish Institute for International Studies, 2016. P. 1—4. URL: https://pure.diis.dk/ws/files/712641/Gender_in_Minusma_WEB.pdf (accessed: 23.04.2023).

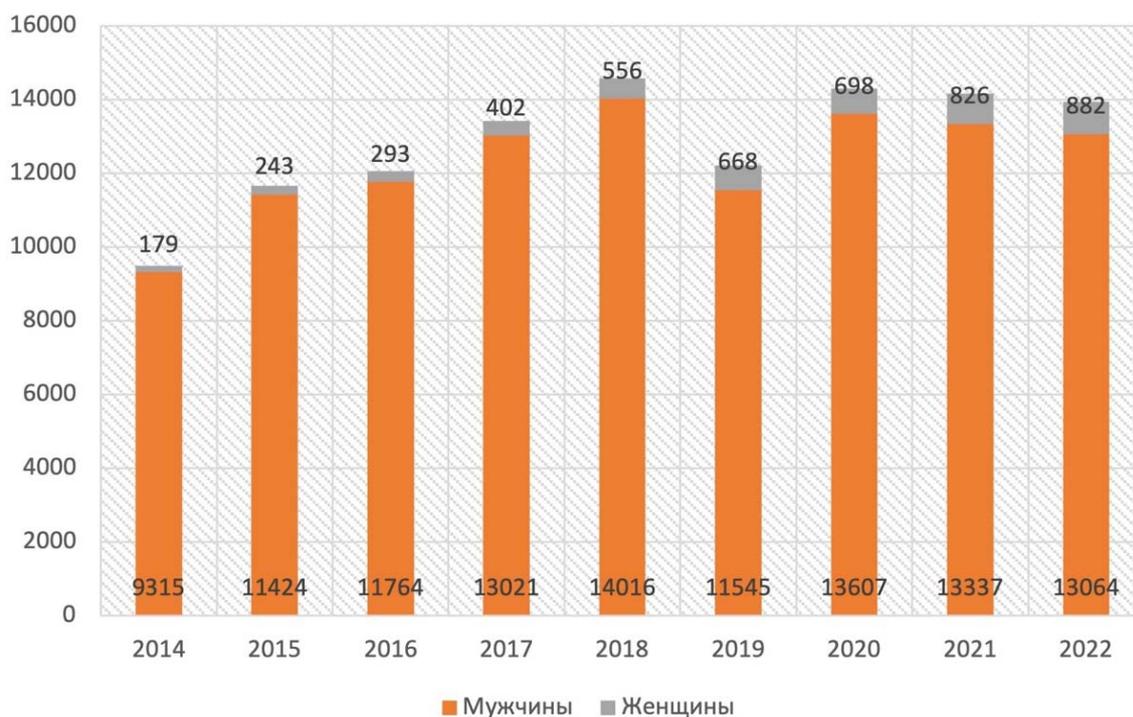

Рис. 2. Общая численность мужского и женского персонала МИНУСМА в период с 2014 по 2022 г.
 Источник: Troop and Police Contributors // UN Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 10.04.2023).

Рис. 3. Динамика изменения численности мужского и женского персонала МИНУСМА с 2014 по 2022 г.
 Источник: Troop and Police Contributors // UN Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 10.04.2023).

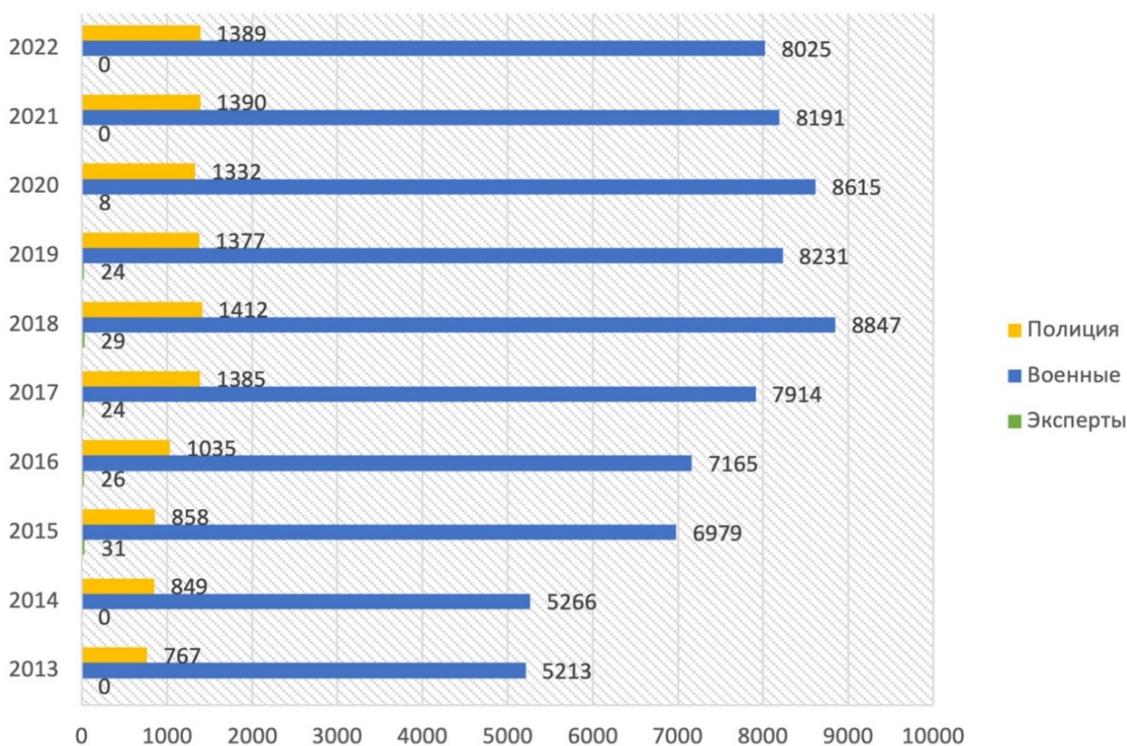

Рис. 4. Африканский контингент по составу в МИНУСМА с 2013 по 2022 г.

Источник: Troop and Police Contributors // UN Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 10.04.2023).

У них нет возможности реализовать себя в сфере миротворчества и посредничества (Gorman & Chauzal, 2019).

В МИНУСМА имеется собственное гендерное подразделение, основная задача которого заключается в интеграции гендерной проблематики в политику, стратегию реформ сектора безопасности, содействие участию женщин в политической жизни, защите прав человека и борьбе с гендерным насилием⁴⁰.

При миссии действует целевая группа по гендерным вопросам, в которую входят координаторы из всех основных подразделений МИНУСМА, а также рабочая группа, в сфере ответственности которой находятся гендерные вопросы. Кроме того, МИНУСМА сотрудничает с «ООН-женщины» и правительством Мали в реализации Национального плана действий по выполнению Резолюции 1325 Совета Безопасности⁴¹.

⁴⁰ Mandate of the Gender unit // MINUSMA. URL: <https://minusma.unmissions.org/en/mandate-gender-unit> (accessed: 10.04.2023).

⁴¹ Ibid.

Благодаря гендерной группе в сотрудничестве с агентствами ООН МИНУСМА добилась расширения участия женщин в мирном процессе; был создан отдельный женский комитет, который способствовал определению ключевых приоритетов для женских групп в целях выполнения Алжирского соглашения⁴². Гендерная группа также поддержала платформу женских групп из Мали в их инициативе по составлению

⁴² Соглашение о мире и примирении в Мали было подписано в 2015 г. в рамках Алжирского процесса между правительством Мали и коалицией проправительственных вооруженных групп с севера Мали под названием «Платформа» и Координацией движений Азавада с целью стабилизации конфликтной ситуации в регионе. В числе посредников выступили ООН, ЭКОВАС, АС, Европейский союз, Организация исламского сотрудничества, а также Франция, Алжир, Мавритания, Буркина-Фасо, Нигерия, Чад и Нигер. См.: Agreement for peace and reconciliation in Mali resulting from the Algiers process // United Nations. 2015. URL: https://www.un.org/en/pdfs/EN-ML_150620_Accord-pour-la-paix-et-la-reconciliation-au-Mali_Issu-du-Processus-d'Alger.pdf (accessed: 10.04.2023).

списка рекомендаций для кандидатов в президенты перед выборами в 2018 г. (Van der Lijn et al., 2019).

Обсуждение результатов

Несмотря на увеличение числа женщин в миротворческом контингенте за последние несколько лет, цели, поставленные ООН, все же не были достигнуты в полной мере. Определенные успехи в их реализации наблюдаются на уровне привлечения женщин-экспертов (см. рис. 4), число которых возросло с 2013 по 2020 г. В научной среде выделяют несколько основных причин такой тенденции.

Хотя Совет Безопасности ООН поставил цель увеличить число женщин-миротворцев, решение о включении их в состав миссии в конечном итоге остается за отдельными странами, предоставляющими военнотружущих, лидеры которых принимают непосредственное решение о составе контингента (Tidblad-Lundholm, 2020). Интересно, что женщин-миротворцев реже направляют в миссии повышенного риска, в частности в миссии с высокой интенсивностью конфликта (Karim & Beardsley, 2013). Также отмечается влияние уровня сексуального насилия во время конфликта — чем он выше, тем меньше вероятность назначения женщин в состав миссий (Berg & Vjarnegård, 2016). Кроме того, ряд исследователей обращает внимание на несистематическое применение Резолюции 1325 к мандатам миротворческих операций. Существует гипотеза о том, что чем выше уровень гендерной проблематики в конфликте (прежде всего сексуального насилия), тем больше гендерных аспектов включается в мандат операции ООН (Kreft, 2017).

Заключение

В ходе исследования было установлено, что, несмотря на положительную динамику взаимодействия между ООН и АС, в партнерстве двух организаций существуют

проблемные узлы. Во-первых, можно отметить существующие различия в позициях по разрешению кризисных ситуаций в африканских государствах (например, в Ливии). Во-вторых, работа двух Советов дублирует усилия секретариатов ООН и АС при осуществлении ими миротворческих операций. По этим причинам эффективность проводимых миротворческих миссий ООН и АС снижается, но в то же время это становится стимулом для поиска совместных путей преодоления этих проблем и совершенствования коллективных действий по стабилизации конфликтов в Африке.

На примере Мали в исследовании показано, что ООН и АС могут играть более активную роль в содействии интеграции гендерной инициативы в сфере актуализации женского миротворчества.

В этом контексте продвижению повестки дня ЖМБ и реализации инициатив Резолюции 1325 СБ ООН в значительной степени способствовали бы рекомендации государств — членов ООН, АС и неправительственных организаций, работающих в сфере миротворчества, предоставляемые в соответствии с целями достижения гендерного паритета на национальном уровне. Кроме того, большое значение имеют рекомендации по синхронизации некоторых положений, касающихся этого вопроса, в правовых документах, принятых африканскими государствами и международными организациями.

Несмотря на то, что и ООН, и АС выступают за то, чтобы больше женщин назначалось на более высокие должности в миротворческих миссиях, ответственность за это лежит на государствах-членах. ООН и АС выступают в качестве проводников гендерного подхода в формировании миротворческих операций. Учитывая тот факт, что государства-члены далеки от достижения гендерного паритета на национальном уровне, эффективность инициатив ООН и АС в этом отношении будет низкой.

Поступила в редакцию / Received: 29.03.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 10.04.2023
Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список

- Бокерия С. А. Партнерство ООН и АС в области миротворчества: тенденции и проблемы // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17, № 2. С. 189—207. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-08>
- Бокерия С. А. Участие африканских женщин в операциях по поддержанию мира Организации Объединенных Наций // Женщины во власти, бизнесе, науке и культуре : сборник материалов Международной научной конференции 26 февраля — 3 марта 2021 года / отв. ред. Т. М. Гавристова. Ярославль : ООО «Филигрань», 2021. С. 13—16.
- Ромадан Л. И., Шагалов В. А. Сотрудничество ООН и АС по предотвращению конфликтов, поддержанию мира и миростроительству // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 6. С. 174—181. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-6-45-174-181>
- Сидорова Г. М. Совет Безопасности ООН как эффективный инструмент по обеспечению мира и стабильности в Африке // Дипломатическая служба. 2021. № 1. С. 36—43. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2101-04>
- Alchin A., Gouws A., Heineken L. Making a Difference in Peacekeeping Operations: Voices of South African Women Peacekeepers // African Security Review. 2018. Vol. 27, no. 1. P. 1—19. <https://doi.org/10.1080/10246029.2017.1406381>
- Bell C., O'Rourke C. Peace Agreements or Pieces of Paper: The Impact of UNSC Resolution 1325 on Peace Processes and Their Agreements // International and Comparative Law Quarterly. 2010. Vol. 59, no. 4. P. 941—980. <https://doi.org/10.1017/S002058931000062X>
- Berg A., Bjarnegård E. Dissecting Gender Imbalance: A Horizontal Perspective on When Risk Matters for the Assignment of Women to UN Peacekeeping Missions // Res Militaris. 2016. No. 2. P. 1—13. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A908256&dswid=5910> (accessed: 10.04.2023).
- Bridges D., Horsfall D. Increasing Operational Effectiveness in UN Peacekeeping: Toward a Gender-Balanced Force // Armed Forces & Society. 2009. Vol. 36, no. 1. P. 120—130. <https://doi.org/10.1177/0095327X08327818>
- Darkwa L. Strategic Relations between the African Union and Its Partners // The Future of African Peace Operations from the Janjaweed to Boko Haram / ed. by C. de Coning, L. Gelot, J. Karlsrud. London : Zed Books, 2016. P. 65—75. <https://doi.org/10.5040/9781350251038.ch-005>
- De Coning C. Africa and UN Peace Operations: Implications for the Future Role of Regional Organisations // United Nations Peace Operations in a Changing Global Order / ed. by C. de Coning, M. Peter. Cham : Palgrave Macmillan, 2019. P. 213—229. https://doi.org/10.1007/978-3-319-99106-1_11
- De Coning C., Gelot L., Karlsrud J. Towards an African Model of Peace Operations // The Future of African Peace Operations from the Janjaweed to Boko Haram / ed. by C. de Coning, L. Gelot, J. Karlsrud. London : Zed Books, 2016. P. 1—19. <https://doi.org/10.5040/9781350251038.ch-001>
- DeGroot G. J. A Few Good Women: Gender Stereotypes, the Military and Peacekeeping // International Peacekeeping. 2001. Vol. 8, no. 2. P. 23—38. <https://doi.org/10.1080/13533310108413893>
- Forti D., Singh P. Toward a More Effective UN — AU Partnership on Conflict Prevention and Crisis Management. New York : International Peace Institute and Institute for Security Studies, 2019. URL: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2019/10/1910_UN-AU_Partnership-1.pdf (accessed: 10.04.2023).
- Gender, Peace and Security: Implementing UN Security Council Resolution 1325 / ed. by L. Olsson, T.-I. Gizelis. London : Routledge, 2015. <https://doi.org/10.4324/9781315755694>
- Gorman Z., Chauzal G. “Hand in Hand”: A Study of Insecurity and Gender in Mali // SIPRI Insights on Peace and Security. 2019. No. 2019/6. P. 1—27. URL: <https://www.sipri.org/publications/2019/sipri-insights-peace-and-security/hand-hand-study-insecurity-and-gender-mali> (accessed: 10.04.2023).
- Hendricks C. Progress and Challenges in Implementing the Women, Peace and Security Agenda in the African Union’s Peace and Security Architecture // Africa Development. 2017. Vol. 42, no. 3. P. 73—98. URL: <https://www.ajol.info/index.php/ad/article/view/167096> (accessed: 10.04.2023).
- Karim S., Beardsley K. Female Peacekeepers and Gender Balancing: Token Gestures or Informed Policymaking? // International Interactions. 2013. Vol. 39, no. 4. P. 461—488. <https://doi.org/10.1080/03050629.2013.805131>
- Karim S., Beardsley K. Ladies Last: Peacekeeping and Gendered Protection // Gender, Peace and Security: Implementing UN Security Council Resolution 1325 / ed. by L. Olsson, T.-I. Gizelis. London : Routledge, 2015. P. 62—95. <https://doi.org/10.4324/9781315755694>
- Kreft A.-K. The Gender Mainstreaming Gap: Security Council Resolution 1325 and UN Peacekeeping Mandates // International Peacekeeping. 2017. Vol. 24, no. 1. P. 132—158. <https://doi.org/10.1080/13533312.2016.1195267>

- Makinda S., Okumu W. F., Mickler D.* The African Union: Addressing the Challenges of Peace, Security, and Governance. London : Routledge, 2015. <https://doi.org/10.4324/9781315688152>
- Mazurana D.* Do Women Matter in Peacekeeping? Women in Police, Military and Civilian Peacekeeping // *Canadian Woman Studies*. 2003. Vol. 22, no. 2. P. 64—71. URL: <https://cws.journals.yorku.ca/index.php/cws/article/view/6488/5676> (accessed: 10.04.2023).
- Tidblad-Lundholm K.* When Are Women Deployed? Operational Uncertainty and Deployment of Female Personnel to UN Peacekeeping // *International Peacekeeping*. 2020. Vol. 27, no. 4. P. 673—702. <https://doi.org/10.1080/13533312.2020.1760717>
- Van der Lijn J., Abouelnasr N., Ahmed M. T. et al.* Assessing the Effectiveness of the United Nations Mission in Mali (MINUSMA). Oslo: Norwegian Institute of International Affairs, 2019. URL: <https://effectivepeaceops.net/wp-content/uploads/2019/11/EPON-MINUSMA-Report.pdf> (accessed: 10.04.2023).
- Weiss T. G., Welz M.* The UN and the African Union in Mali and Beyond: A Shotgun Wedding? // *International Affairs*. 2014. Vol. 90, no. 4. P. 889—905. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12146>
- Williams P. D., Boutellis A.* Partnership Peacekeeping: Challenges and Opportunities in the United Nations — African Union Relationship // *African Affairs*. 2014. Vol. 113, no. 451. P. 254—278. <https://doi.org/10.1093/afraf/adu021>

Сведения об авторах: Бокерия Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0002-9052-4363; e-mail: bokeria-sa@rudn.ru

Киамба Анита — доктор наук (PhD), старший преподаватель факультета дипломатии и международных исследований, Университет Найроби; ORCID: 0009-0008-3474-3861; e-mail: akiamba@uonbi.ac.ke

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-322-338

EDN: DWBKSU

Научная статья / Research article

Российская политика секьюритизации в Африке: анализ африканских СМИ

Л.М. Исаев^{1,2}, А.Р. Шишкина^{1,2}, Я.Б. Лиокумович¹¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация²Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация
 lisaev@hse.ru

Аннотация. Рассмотрено восприятие российского «военного» присутствия в Африке. На 1990-е и начало 2000-х гг. пришелся длительный перерыв в российско-африканских связях, связанный с приоритетным для России выстраиванием диалога со странами Запада. Во многом благодаря этому России удалось избежать вовлечения в конфликты и сохранить уважительные отношения с африканскими странами. Однако российское «возвращение» в Африку вновь актуализировало интерес к региону со стороны Москвы. Одним из значимых элементов данного процесса стала активизация деятельности российских частных военных компаний (ЧВК) на континенте, что, в свою очередь, обусловило актуальность исследования, в рамках которого был проведен качественный контент-анализ публикаций наиболее цитируемых СМИ тех африканских стран, где была замечена активность российских ЧВК: Центральноафриканской Республики (ЦАР), Мозамбика, Судана и Мали в период с 2018 по 2021 г. Отмечается, что первый опыт привлечения российских частных военных компаний на первоначальном этапе сопровождался преимущественно нейтрально-негативным тоном со стороны местных СМИ. Однако впоследствии он сменился нейтрально-положительным, что стало особенно заметно на примере Мали. Также было выявлено, что фреймирование российского присутствия в африканских странах, имеющих опыт взаимодействия с российскими частными военными компаниями, меняется от сугубо локального (борьба за ресурсы, охрана режима и т. д.) до более глобального контекста, выражающегося в выстраивании медийного образа Африки как арены противостояния крупных мировых держав. Показано, что важную роль в формировании положительного образа российского «военного» присутствия в Африке играет опыт российского участия в урегулировании конфликтов. Так, переход под контроль центрального правительства значительных территорий сначала в Сирии, а затем в ЦАР после появления в этих странах российских военных ассоциируется у африканцев с достижением стабильности, на которую есть запрос в африканских обществах. Другим важным показателем, на котором выстраивается позитивное восприятие, является ощущение кризисности в отношениях между Францией и Африкой.

Ключевые слова: Африка, российская внешняя политика, частные военные компании, ЧВК, африканские СМИ, вооруженные конфликты

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году при поддержке гранта РФФИ (21-18-00123).

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

© Исаев Л.М., Шишкина А.Р., Лиокумович Я.Б., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Исаев Л. М., Шишкина А. Р., Лиокумович Я. Б.* Российская политика секьюритизации в Африке: анализ африканских СМИ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2023. Т. 23, № 2. С. 322—338. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-322-338>

Russian Policy of Securitization in Africa: Features of Perception

Leonid M. Issaev^{1,2} , Alisa R. Shishkina^{1,2} , Yakov B. Liokumovich¹

¹HSE University, Moscow, Russian Federation

²Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 lisaev@hse.ru

Abstract. The study focuses on the perception of the Russian military presence in Africa. The 1990s and early 2000s saw a long break in Russian-African relations, linked to Russia's priority of establishing a dialogue with Western countries. Largely as a result, Russia managed to avoid getting involved in conflicts and maintain respectful relations with African countries. In recent years, however, Russia's "return" to Africa has revitalized Moscow's interests in the region. One of the key elements of this process has been the intensification of the activities of Russian private military companies (PMC) on the continent. This, in turn, is the relevance of the present study. The study conducted a qualitative content analysis of the publications of the most quoted media sources in African countries where Russian private military companies have been observed: Central African Republic, Mozambique, Sudan and Mali from 2018 to 2021. Based on an analysis of the African media, it can be seen that the first experiences with the arrival of Russian PMCs were initially accompanied by a predominantly neutral-negative tone in the local media. Later, however, there was a shift from neutral to positive, particularly in the case of Mali. It was also found that the framing of the Russian presence in African countries with experience of interaction with Russian PMCs is changing from a purely local context (struggle for resources, protection of the regime, etc.) to a more global one, implying that Africa is an arena of confrontation between major world powers. It is shown that the experience of Russian involvement in conflict resolution plays an important role in shaping a positive image of the Russian "military" presence in Africa. Thus, the transfer of significant areas under central government control, first in Syria and then in the Central African Republic after the appearance of the Russian military in these countries, is associated by Africans with the achievement of stability, which is in demand in African societies. Another important indicator on which positive perceptions are based is the perception of a crisis in relations between France and Africa.

Key words: Africa, Russian foreign policy, private military companies, African media, armed conflicts

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Acknowledgements. This study was conducted within the framework of the HSE Program of Fundamental Research in 2022 with the support of the Russian Science Foundation grant (21-18-00123).

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Issaev, L. M., Shishkina, A. R., & Liokumovich, Y. B. (2023). Russian policy of securitization in Africa: Features of perception. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 322—338. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-322-338>

Введение

Отношения Советского Союза со странами Африки начались в колониальный период, когда Москва вносила существенный и весомый вклад в борьбу ряда африканских стран за обретение независимости. Впоследствии Советский Союз оказывал странам Африки значительную поддержку. После распада

СССР новые российские власти сфокусировались на решении внутренних проблем, а интерес Москвы к Африке резко снизился (Корендясов, 2016, с. 211). Длительный перерыв в российско-африканских связях, пришедшийся на 1990-е гг. и начало 2000-х гг., многие исследователи объясняют отсутствием интереса к Африке во времена Б.Н. Ельцина, когда безусловным приоритетом для

российских властей было выстраивание диалога со странами Запада (Российско-африканские отношения..., 2009; Россия и страны Востока..., 2014; Абрамова, 2017; Боришполец, 2019).

В то же время политика России в отношении Африки после распада Советского Союза развивалась в более прагматичном направлении. Приставка «про» отпала, и Москва в принципе старалась следовать своим интересам. Отказ от мессианских идей заставил Россию пересмотреть основы ее внешней политики (Васильев, 2011). В политике Россия сделала упор на двусторонние отношения, и их экономический компонент стал главным и становился все более важным по мере выхода страны из кризиса и углубления внешнеэкономических связей.

России удалось сохранить уважительные отношения с африканскими странами. Конечно, за два с половиной десятилетия, когда Африка занимала периферийное место в иерархии российских внешнеполитических интересов, советские позиции в регионе были потеряны. Вместе с тем российское бездействие в Африке в 1990-е и 2000-е гг. не способствовало выработке негативной реакции к России со стороны местного населения и элит, как это наблюдается в отношении других держав (Sautman & Hairong Yan, 2009; Samy, 2010; Koerf, 2012). Более того, российский официальный дискурс, к примеру, попытки Москвы использовать нарратив борьбы с колониализмом¹, находит понимание в Африке.

¹ См.: Совместное заявление по итогам политических консультаций министров иностранных дел Российской Федерации и «тройки» Африканского союза — Южно-Африканской Республики, Арабской Республики Египет и Демократической Республики Конго // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.07.2020. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/za/-/asset_publisher/mNKyBR4ugevQ/content/id/4212782 (дата обращения: 17.11.2021); Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам политических консультаций министров иностранных дел Российской Федерации и «тройки» Африканского союза (ЮАР, АРЕ, ДРК) в формате видеоконференции, Москва, 8 июля 2020 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 08.07.2020. URL: <https://archive.mid.ru/web/>

Еще один немаловажный фактор — возросший запрос на диверсификацию внешних связей, который приобретает все большую значимость для африканских стран. Ощущая возросший интерес к Африке со стороны мирового сообщества, местные элиты стараются избавиться от исключительного «патронажа» со стороны внешних держав, пытаются спровоцировать конкуренцию крупных мировых игроков на своей территории (Корендясов, 2016, с. 211).

Для России ценность Африки резко возросла в конце 2010-х гг., особенно после украинского кризиса 2014 г., когда В.В. Путин, намереваясь вернуть России статус «великой державы», бросил вызов однополярной системе международных отношений². Операция Военно-Космических Сил России в Сирии должна была продемонстрировать серьезность намерений российского лидера. Последовавший за этим в 2019 г. саммит «Россия — Африка» в Сочи, где была озвучена задача наращивания сотрудничества с африканскими странами, также способствовал укреплению позиций страны на международной арене (Корендясов, 2020).

Обострившиеся после 2014 г. отношения России с ее традиционными внешнеполитическими партнерами в лице стран Запада привели (по крайней мере на декларативном уровне) к «повороту России в сторону Востока» (Караганов, Макаров, 2015; Korolev, 2016; Blakkisrud, 2018). Примерами тому может служить активизация российской политики в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (Berthelot, 2017), участие в военной кампании в Сирии, а также активизация Москвы на африканском направлении, в том числе посредством распространения на континент деятельности российских частных военных компаний (ЧВК), а также так называемой «дипломатии Калашникова»³.

[guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4212741](https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4212741) (дата обращения: 17.11.2021).

² Пленарное заседание экономического форума Россия — Африка // Президент России. 23.10.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61880> (дата обращения: 17.11.2021).

³ Standish R. Putin's Kalashnikov diplomacy gets a win in Egypt // Foreign Policy. February 10, 2015. URL:

Таким образом, спустя три десятилетия после распада Советского Союза Россия, по наблюдениям международного исследовательского сообщества, снова укрепляет влияние на Африканском континенте. Политическое, отчасти экономическое и особенно военное присутствие Кремля возрастает как в Северной Африке, так и в Сахеле⁴. В то же время необходимо обратить внимание на то, что российское «возвращение» в Африку пока не носит системного характера и зачастую диктуется ситуационными соображениями (Корендясов, 2016, с. 206).

Удобный регион

Значение Африки как региона, в котором Россия потенциально могла бы наращивать свое военное присутствие, будет лишь возрастать. Профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге Д.Я. Травин, анализируя двадцатилетний опыт нахождения В.В. Путина у власти, отмечает, что для современной России конфликты являются неотъемлемым атрибутом политики. Более того, конфликты — довольно благоприятная среда для российского лидера: они не только не «подрывают позиции Путина, но, напротив, только укрепляют их»⁵. Если в течение его первых двух президентских сроков мы были свидетелями прежде всего конфликтов внутри страны, то во время его пребывания

<https://foreignpolicy.com/2015/02/10/putins-kalashnikov-diplomacy-gets-a-win-in-egypt-sisi-moscow-eurasian-union/> (accessed: 17.11.2021).

⁴ См.: Arnold T. D. Exploiting Chaos: Russia in Libya // Center for Strategic and International Studies. September 23, 2020. URL: <https://www.csis.org/blogs/post-soviet-post/exploiting-chaos-russia-libya> (accessed: 17.11.2021); Feuer S., Borshevskaya A. Russia Makes Inroads in North Africa // The Washington Institute for Near East Policy. November 2, 2017. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/russia-makes-inroads-north-africa> (accessed: 17.11.2021); Nadhif A. Russia Steps up Vaccine Diplomacy in Maghreb, North Africa // Al Monitor. April 1, 2021. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/04/russia-steps-vaccine-diplomacy-maghreb-north-africa> (accessed: 17.11.2021). См. также: (Balhul, 2015; Slaski, 2018; Stronski, 2019; Nkuna & Shai, 2021).

⁵ Травин Д. Я. Просуществует ли система Путина до 2024 года? СПб. : Норма, 2016. С. 237.

на посту премьер-министра, а также во время его третьего президентского срока концепция конфликта как инструмента обладания политической властью приобрела новое — внешнеполитическое — измерение⁶.

Это, в свою очередь, делает Африку все более привлекательным регионом для российской политики в области секьюритизации. С одной стороны, регион изобилует конфликтами и пребывает на протяжении последних лет в состоянии перманентной политической турбулентности, с другой — интерес к Африке южнее Сахары со стороны мирового сообщества гораздо ниже, нежели к Ближнему Востоку и Северной Африке, которые по объективным причинам вызывают большую озабоченность со стороны Европейского союза. Все это создает благоприятные условия для возможного российского проникновения в африканские страны.

Кроме того, региональные элиты африканских стран также чувствуют потенциальную выгоду текущего политического момента. В этой связи транслируемый Москвой нарратив «стабильности» и «государственно-го суверенитета», который в дискурсе российской власти в 2010-е гг. стал все чаще противопоставляться западным нарративам «прав человека» и «демократизации» (Issaev & Shishkina, 2020), начал приобретать все большую востребованность среди авторитарных лидеров не только Ближнего Востока, но и Африки. Более того, в Сирии Россия смогла наглядно продемонстрировать готовность и способность защитить дружественный ей режим. Это особенно контрастировало с нежеланием Соединенных Штатов поддерживать дружественные им режимы Хосни Мубарака в Египте или З.А. Бен Али в Тунисе в 2011 г. и было воспринято в регионе как предательство⁷.

⁶ Там же.

⁷ См.: Israel Shocked by Obama's "Betrayal" of Mubarak // Reuters. January 31, 2011. URL: <https://www.reuters.com/article/us-egypt-israel-usa-idUSTRE70U53720110131> (accessed: 17.11.2021); Mubarak claims Obama 'does not understand Egyptian culture' // The Guardian. February 4, 2011. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/feb/04/mubarak-stands-fast> (accessed: 17.11.2021).

Лидеры и элиты африканских стран неоднократно положительно отзывались о Москве. Так, в октябре 2019 г. на саммите «Россия — Африка» в Сочи президент Буркина-Фасо Рок Марк Кристиан Каборе пригласил Россию принять участие в саммите региональной организации «Сахельской пятерки» (*G5 Sahel*) в Уагадугу, высоко оценив роль России в борьбе против терроризма⁸. В свою очередь президент Мавритании Мохамед Ульд Газвани, также находясь в Сочи, похвалил Россию за ее невмешательство во внутренние дела африканских стран и призвал к совместному российско-африканскому противостоянию интервенционизму⁹. Двумя годами ранее, в 2017 г., во время своего визита в Россию президент Судана Омар аль-Башир, преследуемый Международным уголовным судом за военные преступления и геноцид, открыто призвал Москву защитить его страну от Соединенных Штатов¹⁰.

Кроме того, о российском «возвращении в Африку» много пишут и африканские эксперты. Так, по мнению нигерийского исследователя А. Огунноики, российско-африканское сотрудничество проявляется в военной, экономической и технологической сферах. Однако, как отмечает исследователь, Африка не является приоритетом для российской внешней политики: по сравнению с Европой, где Россия имеет экономические интересы, и Ближним Востоком, где Россия является важным геополитическим игроком, присутствие Москвы на Африканском континенте не так заметно (Ogunnoiki, Ani & Iwediba, 2022). Исследователь из ЮАР Л. Нгайиса также подчеркивает, что главная сфера российско-африканской торговли — это

экспорт вооружений: Россия является ведущим поставщиком оружия в африканские государства. При этом, в отличие от западных стран, Россия не ставит никаких условий политического характера и готова сотрудничать с любыми африканскими режимами, что делает ее более привлекательным партнером (Ngcayisa, 2019). Исследователи В. Нкуна и Б. Шай из Университета Лимпопо (ЮАР) утверждают, что в геополитическом курсе Москвы Африка является важным связующим элементом в построении многополярного мира в противовес однополярному миру, где гегемоном являются США. Поэтому и сами африканцы видят в России возможность балансировать между несколькими центрами силы, не будучи зависимыми от одного единственного геополитического актора (Nkuna & Shai, 2021).

В целом официальная позиция Кремля по Африке во многом перекликается с антизападной риторикой Москвы по многим вопросам внешней политики. Основная идея, которая проскальзывает в выступлениях российских официальных лиц, — это деструктивная, неоколониалистская роль Запада в африканских странах, которая противопоставляется российскому подходу, основанному на принципах равноправного сотрудничества и невмешательства. Так, в интервью РИА Новости заместитель министра иностранных дел России С.В. Вершинин заявил, что Россия оказывает и будет оказывать военную поддержку странам Африки в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН. Он также определил принцип российско-африканских отношений следующим образом: «Африканские проблемы требуют африканских решений»¹¹.

При этом Россия пользуется популярностью и среди той части африканского населения, которая считает контртеррористические операции Франции лишь прикрытием неоколониализма. По мнению исследователей, это можно объяснить исторической памятью —

⁸ Президент Буркина-Фасо пригласил Путина принять участие во встрече «сахельской пятерки» // ТАСС. 24.10.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7039208> (дата обращения: 17.11.2021).

⁹ Президент Мавритании: Россия и Африка должны противостоять вмешательству в дела государств // ТАСС. 24.10.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7040556> (дата обращения: 17.11.2021).

¹⁰ Cafiero G. Sudan: A key area in US — Russia competition // The Middle East Institute. July 1, 2021. URL: <https://www.mei.edu/publications/sudan-key-area-us-russia-competition> (accessed: 17.11.2021).

¹¹ Сергей Вершинин: ситуация в Сирии стабильна, но взрывоопасна // РИА Новости. 04.01.2021. URL: <https://ria.ru/20210104/vershinin-1591914473.html> (дата обращения: 17.11.2021).

не только о Франции как колониальной державе, но и о Советском Союзе как антиколониальной силе и другие африканских стран (Maślanka, 2020). Например, после военного переворота в Мали в августе 2020 г. демонстранты были замечены на главной площади Бамако размахивающими российскими флагами и держащими в руках плакаты с пророссийскими лозунгами¹². Аналогичные кадры можно было наблюдать и в январе 2022 г. в столице Буркина-Фасо г. Уагадугу, где в ходе демонстраций против президента Р.М. Каборе встречались протестующие с флагами России¹³.

Таким образом, Африка является удобным для России регионом. Политическая нестабильность, неудачи Запада в борьбе с терроризмом, а также преобладание антизападных и антифранцузских настроений открывают для России окно возможностей для укрепления ее позиций на континенте. Так, к примеру, со всеми странами — участницами «Сахельской пятерки» Россия подписала межправительственные соглашения о военно-техническом и оборонном сотрудничестве, предусматривающие поставки оружия и подготовку военных кадров. Общая стоимость поставок тяжелого вооружения этой группе стран за 2017—2018 гг. превысила, по оценкам SIPRI, 80 млн долл. США¹⁴. В некоторых из этих стран работают российские военные инструкторы и советники¹⁵.

Помимо этого, у России уже есть опыт сотрудничества в области секьюритизации со

странами Африки. Одной из них является Центральноафриканская Республика (ЦАР), которой Москва оказывает военно-техническую помощь в стабилизации ситуации в стране и где работают российские частные военные компании. Причем установившийся формат взаимодействия между Россией и ЦАР удовлетворяет обе стороны. В ходе встречи в 2019 г. с президентом Фостен-Арканжем Туадера В.В. Путин охарактеризовал ЦАР как «перспективного партнера России на Африканском континенте»¹⁶.

В этой связи те африканские страны, которые погружены в состояние перманентной социально-политической нестабильности, становятся для России желанными партнерами, в отношении которых можно было бы применить отработанный в ЦАР алгоритм сотрудничества (политические договоренности, поставки вооружений в обмен на допуск российских компаний к сырьевым ресурсам, вооруженная защита их интересов силами частных военных компаний). Более того, это не потребует серьезных государственных инвестиций и не повлечет за собой заметного усиления нагрузки на федеральный бюджет.

Методы и данные

Таким образом, с учетом распространения политики секьюритизации со стороны России в странах Африки, как правило, в форме деятельности частных военных компаний, основной задачей данного исследования является анализ формирования образа российских ЧВК (на примере наиболее известной и наиболее часто упоминаемой как в российских, так и в африканских средствах массовой информации ЧВК «Вагнер») в медиапространстве африканских стран.

Для решения этой задачи нами был проанализирован массив данных западноафриканских СМИ в период с весны 2018 по осень 2021 г., в результате чего была сформирована выборка из 92 источников, в которых

¹² Ramani S. Why Russia is a Geopolitical Winner in Mali's Coup // Foreign Policy Research Institute. September 16, 2020. URL: <https://www.fpri.org/article/2020/09/why-russia-is-a-geopolitical-winner-in-malis-coup/> (accessed: 17.11.2021).

¹³ Мятеж военных и арест президента. Что происходит в Буркина-Фасо // ТАСС. 24.01.2022. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13506953> (дата обращения: 18.02.2022).

¹⁴ См. статистические данные за 2017—2018 гг., размещенные на сайте этой организации: Trade Registers // SIPRI. URL: http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (accessed: 12.08.2022).

¹⁵ Корендясов Е. Н. Сахель: джихадисты вновь наступают. Что делать? // Институт Африки РАН. 22.01.2020. URL: <https://www.inafran.ru/node/2141> (дата обращения: 17.11.2021).

¹⁶ Путин: Россия будет поддерживать усилия руководства ЦАР по стабилизации ситуации в стране // ТАСС. 23.10.2019. URL: <https://tass.ru/politika/7035427> (дата обращения: 17.11.2021).

упоминалась деятельность российских ЧВК в таких странах, как ЦАР, Мозамбик, Судан и Мали. Так, в частности, нами были отобраны материалы электронных СМИ вышеуказанных стран: *Corbeau News* (ЦАР), *Centrafrique Press* (ЦАР), *Radio Ndeluka* (ЦАР), *Al Racoba* (Судан), *Sudanese Online* (Судан), *Al Nilin* (Судан), *Carta de Moçambique* (Мозамбик), *Club of Mozambique* (Мозамбик), *Portalmoz News* (Мозамбик), *MaliWeb* (Мали), *A Bamako* (Мали), *Koulouba* (Мали), *Malizine* (Мали), *Studio Tamani* (Мали). В выборку попали самые цитируемые открытые электронные издания на французском, арабском и португальском языках, упоминающие российские ЧВК. Это обусловлено тем, что высокая цитируемость ресурса выступала в качестве важного критерия отбора публикаций, так как именно от широкого охвата аудитории зависит процесс формирования медийного образа того или иного феномена.

Хронологические рамки исследования ограничили периодом с весны 2018 до осени 2021 г., поскольку первые упоминания о присутствии российских частных военных компаний в Африке относились к весне 2018 г., когда появились сообщения об отправке ЧВК в ЦАР. В свою очередь, верхняя граница определяется последним на момент написания данной статьи эпизодом, связанным с отправкой российских ЧВК в Мали осенью 2021 г. В ходе сбора данных материалов СМИ нами было обнаружено, что частота упоминаний российских частных военных компаний внутриафриканскими изданиями происходила лишь эпизодически. В отличие от ряда международных СМИ, уделяющих одно из центральных мест в африканской политике российскому «военному» присутствию на континенте, в африканских медиа данная тема не носила мейнстримного характера и обсуждалась лишь ограниченный период времени — как правило, в период их появления в той или иной стране. Таким образом, хронологические рамки различались для каждой из стран: для ЦАР это был период весны-лета 2018 г., а также лета-осени 2021 г., Мозамбика — декабрь 2019 — октябрь 2021 гг.; Судана — январь-сентябрь

2021 г. и Мали — сентябрь-октябрь 2021 г. Общее число упоминаний составило 92 (Мали — 40, ЦАР — 19, Судан — 18, Мозамбик — 15).

Официальная позиция

Для того чтобы лучше понять складывающиеся в африканских странах тенденции, необходимо в первую очередь учитывать, как Россия сама позиционирует свое присутствие там в формате частных военных кампаний. Так, позиция МИД России относительно ЧВК, в том числе на территории стран Африки, характеризуется полным отрицанием причастности к этому официальным властям. Как правило, утверждается, что «деятельность таковых не предусмотрена законодательством Российской Федерации»¹⁷, хотя в то же время и не отрицается сам факт существования подобного рода структур и их присутствия в странах Африки. К примеру, заявление главы МИД С.В. Лаврова в сентябре 2021 г. относительно обращения властей Мали к российской частной военной компании для содействия в борьбе с террористами подтверждает факт их присутствия в этой африканской стране: «Поскольку малийские власти оценили свои собственные способности как недостаточные без внешней поддержки, и поскольку внешняя поддержка сокращается со стороны тех, кто обещал помогать искоренять терроризм, они обратились к частной российской военной компании»¹⁸.

Аналогичная позиция была озвучена и спустя два месяца в ходе встречи российского министра иностранных дел с малийским коллегой А. Диопом в ноябре 2021 г.: С.В. Лавров допускал возможность заключения контрактов между малийским руководством и частными военными компаниями, созданными

¹⁷ Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 24 декабря 2020 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 24.12.2020. URL: https://archive.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4513474 (дата обращения: 17.11.2021).

¹⁸ Лавров объяснил обращение Мали к российской ЧВК борьбой с террористами // Интерфакс. 25.09.2021. URL: <https://www.interfax.ru/world/793599> (дата обращения: 17.11.2021).

российскими гражданами: «Они самостоятельно заключают контракты. Если эти соглашения подписываются с законными правительствами суверенных государств то, не понимаю, что в этом негативного»¹⁹.

Официальные заявления по ситуации в ЦАР также не отрицают присутствия российских ЧВК на территории этой страны и допускают использование таких терминов, как «российские инструктора»: «Группа российских инструкторов была командирована в ЦАР в ответ на просьбу центральноафриканского руководства и с ведома санкционного комитета СБ ООН 2127 по ЦАР. При этом никто из них участия в боевых действиях не принимает»²⁰.

В некоторых случаях журналистские заявления о присутствии российских военных в зонах конфликта характеризуются как спланированная антироссийская медийная кампания, не имеющая какого бы то ни было отношения к реальному положению дел²¹. Так, в частности, в отношении Мозамбика российский посол А.В. Суриков опроверг заявления португальского журналиста о присутствии в Мозамбике представителей российских ЧВК и отметил, что «отношения двух стран находятся на таком уровне взаимопонимания, что Мозамбик всегда может рассчитывать на сотрудничество с Россией в тех формах и объемах, в которых считает нужным и возможным его развивать»²².

¹⁹ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Мали А. Диопом по итогам переговоров, Москва, 11 ноября 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 11.11.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1785824/ (дата обращения: 17.11.2021).

²⁰ Об антироссийской публикации в американской прессе относительно российской помощи ЦАР // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 14.07.2021. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1767745/> (дата обращения: 17.11.2021).

²¹ Там же.

²² Интервью Посла России в Мозамбике португальскому информационному агентству // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 07.04.2021. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1419376/> (дата обращения: 17.11.2021).

Наконец, в последнее время для российского официального дискурса стало характерным проводить параллели между опытом участия российских частных военных компаний за рубежом и деятельностью западных «наемников». В этой связи акцент делался на том, что подобного рода практика была введена в обиход именно западными странами, ввиду чего апелляции к недопустимости аналогичных действий со стороны российских ЧВК беспочвенны. Так, по итогам встречи в Париже в формате «2+2» (встречи глав министерств иностранных дел и обороны России и Франции) С.В. Лавров отмечал: «Что же касается частных военных кампаний, то привели факты, свидетельствующие, что этот „феномен“ родился далеко не в России, а на Западе. Перечислили примеры функционирования подобного рода ЧВК, которые „произрастают“ из США, Великобритании, Франции. Их великое множество. Масштабы „работы“ наших западных коллег не сопоставимы с тем, что делается частными военными фирмами, созданными российскими гражданами»²³.

Таким образом, следует отметить, что однозначной риторики в отношении присутствия российских частных военных кампаний в африканских странах со стороны Москвы нет. С одной стороны, довольно часто появляются официальные заявления со стороны России о том, что российских ЧВК в африканских странах нет в принципе. С другой — в ситуациях, когда их присутствие отрицать становится невозможно, Россия признает наличие частных военных кампаний в той или иной стране, однако предпринимает попытки снять с себя ответственность за их действия, отмечая, что это уже сфера координации действий между правительствами и самими компаниями. Наконец, можно

²³ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Мали А. Диопом по итогам переговоров, Москва, 11 ноября 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 11.11.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1785824/ (дата обращения: 17.11.2021).

отметить мотивы, отсылающие к общемировому опыту внедрения ЧВК в зоны конфликта. Так, в этом случае нередко можно увидеть упоминания западных стран, то есть данная практика преподносится как вариант нормы в международной политике.

Африканское восприятие

Однако, как показал анализ рассмотренных нами африканских СМИ, репрезентация ими российских частных военных компаний отличается от официальной позиции России. Здесь прежде всего необходимо обратить внимание на то, как обозначаются цели присутствия ЧВК в африканских странах, тональность описания их деятельности, а также фреймирование соответствующего контекста.

Российские ЧВК начинают фигурировать в СМИ ЦАР с 2018 г. Большинство публикаций на эту тему в центральноафриканской прессе приходится на два периода: весна-лето 2018 г. (когда россияне впервые прибыли в ЦАР) и лето-осень 2021 г. (когда стали появляться сообщения о гибели россиян, а также злоупотреблениях с их стороны).

В фокусе центральноафриканских СМИ находятся высказывания, связанные в первую очередь с добычей полезных ископаемых и контролем над ресурсами²⁴. Частые упоминания приходятся на защиту президента и обучение его охраны²⁵. Негативный окрас сообщениям СМИ придают такие высказывания, как «делать грязную работу» или «грабеж населения под предлогом борьбы с повстанцами»²⁶. При этом нарратив обеспечения

безопасности или борьбы с терроризмом отсутствует как таковой.

Неудивительно, что тон центральноафриканской прессы в отношении российских ЧВК варьируется от нейтрального до негативного (нами не было обнаружено ни одной публикации, рассматривавшей деятельность россиян позитивно). Некоторые СМИ обвиняют ЧВК в поддержке «коррупцированного и авторитарного президента», «жестокости в отношении гражданского населения», а также «грабеже природных ресурсов страны под предлогом обеспечения безопасности»²⁷. Если говорить о том, как в центральноафриканских СМИ именуются представители частных военных компаний, то в этом случае около 70 % публикаций содержат наименование «российские наемники» или «наемники из “Вагнера”»²⁸.

Схожие тенденции наблюдаются в СМИ Судана. В этом случае наиболее частые упоминания приходятся на локальные нарративы: «продвижение политических интересов Кремля» и «восстановление российского геополитического влияния» наряду с «охраной политических режимов африканских стран» и «подавлением антиправительственных протестов»²⁹.

15 août 2021. URL: <https://web.archive.org/web/20210920204348/https://corbeaunews-centrafrique.com/rca-les-mercenaires-russes-de-la-societe-wagner-se-renforcent-a-koui-dans-le-nord-ouest/> (accessed: 17.11.2021).

²⁷ République centrafricaine: le fléau des mercenaires // Corbeau News. 11 février 2019. URL: <https://web.archive.org/web/20200807155539/https://corbeaunews-centrafrique.com/republique-centrafricaine-le-fleau-des-mercenaires/> (accessed: 17.11.2021).

²⁸ Ibid.

²⁹ См.: Akhirhum Mali: Intishar Murtazaqat Wagner fi Duwal Ifriqiyah Yathiru-l-Qalaq [И наконец, Мали. Роль российских наемников в Африке вызывает опасения] // Al Rakoba. September 26, 2021. (На арабском языке). URL: <https://www.alrakoba.net/31618841/%D8%A2%D8%AE%D8%B1%D9%87%D9%85-%D9%85%D8%A7%D9%84%D9%8A-%D8%A7%D9%86%D8%AA%D8%B4%D8%A7%D8%B1-%D9%85%D8%B1%D8%AA%D8%B2%D9%82%D8%A9-%D9%81%D8%A7%D8%BA%D9%86%D8%B1-%D9%81%D9%8A-%D8%AF%D9%88%D9%84/> (accessed: 17.11.2021); Jeish Dhall Butin: al-Murtazaqah al-Rus Yadkhulun al-Hurub al-Ifriqiyah [Теневая армия Путина: российские наемники вступают в африканские войны] // Sudaress. July 2, 2021. (На арабском языке). URL:

²⁴ См.: Centrafrique: la rupture touaderanienne a l'épreuve de la gestion du pouvoir // Corbeau News. 17 septembre 2018. URL: <https://corbeaunews-centrafrique.org/centrafrique-la-rupture-touaderanienne-a-lepreuve-de-la-gestion-du-pouvoir/> (accessed: 17.11.2021); Centrafrique: Moscou met le cap sur l'or et les diamants // Corbeau News. 18 juillet 2018. URL: <https://corbeaunews-centrafrique.org/centrafrique-moscou-met-le-cap-sur-lor-et-les-diamants/> (accessed: 17.11.2021).

²⁵ Centreafricque: la garde rapprochée russe du président Touadéra // Centreafricque Press. 16 avril 2018. URL: <https://www.centrafrique-presse.info/article/11843/centrafrique-la-garde-rapprochee-russe-du-president-touadera> (accessed: 17.11.2021).

²⁶ RCA: les mercenaires russes de la société Wagner se renforcent à koui, dans le Nord-ouest // Corbeau News.

Борьба с терроризмом упоминается лишь однажды³⁰.

В начале 2019 г. появились сообщения об участии ЧВК «Вагнер» в гражданском противостоянии в Судане, когда она выступила на стороне президента Омара аль-Башира³¹. В задачи россиян входило обучение кадров суданских сил безопасности и охрана президента. Однако на тот момент никаких упоминаний в суданских СМИ относительно присутствия российских частных военных компаний не было.

Суданские СМИ заговорили об участии российских ЧВК в конфликте после свержения режима О. аль-Башира в апреле 2019 г. Более того, согласно сообщениям суданской прессы, они остаются в Судане по сей день. После отстранения от власти О. аль-Башира они лишь сменили нанимателя: в связях с российскими наемниками подозревают суданского военного деятеля М. Хамдана, заместителя главы Переходного военного совета³². Кроме того, суданская пресса активно

следит за деятельностью ЧВК в других странах Африки, намекая на нежелательность ее присутствия в Судане. Как и следовало ожидать, тон публикаций в суданских СМИ в основном отрицательный, реже — нейтральный. Использование формулировки «российские наемники» упоминается в 50 % публикаций, при этом появляются такие формулировки, как «российские военизированные формирования», «российская ЧВК» и даже «армия Вагнера»³³.

Суданский пример интересен еще и тем, что поддерживаемому российскими частными военными компаниями правителю О. аль-Баширу не удалось удержаться у власти. Это, в свою очередь, привело к тому, что после его свержения суданские СМИ не только впервые заговорили о российском «военном» присутствии в стране, но и начали формировать их негативный образ посредством освещения их деятельности, направленной на подавление политических оппонентов суданского

<https://www.sudaress.com/alrakoba/31583088> (accessed: 17.11.2021); Nushata' Sudaniin: Tawarrat Murtazaqat Wagner fi Qam' al-Taharrakat al-Salafiyyah al-Akhirah [Суданские активисты: наемники Вагнера участвовали в подавлении последних протестов] // Al Rakoba. April 11, 2021. (На арабском языке). URL: <https://www.alrakoba.net/31550315/%D9%86%D8%B4%D8%B7%D8%A7%D8%A1-%D8%B3%D9%88%D8%AF%D8%A7%D9%86%D9%8A%D9%8A%D9%86-%D8%AA%D9%88%D8%B1%D8%B7-%D9%85%D8%B1%D8%AA%D8%B2%D9%82%D8%A9-%D9%81%D8%A7%D8%BA%D9%86%D8%B1-%D9%81%D9%8A-%D9%82/> (accessed: 17.11.2021).

³⁰ Ibid.

³¹ В Судане свергли президента аль-Башира. Какие риски несет смена власти в стране для России // РБК. 11.04.2019. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/04/2019/5caf00219a7947c0b92dc7c4> (дата обращения: 17.11.2021).

³² Al-Sabab Murtazaqah Rus: Nashit Siyasi Yakshaf Asbab Ibt'i'adihi 'an Nemeti [«Причина — российские наемники». Политический активист раскрывает причины прекращения поддержки Хеметти] // Al Rakoba. April 11, 2021. (На арабском языке). URL: https://www.alrakoba.net/31616857/%D8%A7%D9%84%D8%B3%D8%A8%D8%A8-%D9%85%D8%B1%D8%AA%D8%B2%D9%82%D8%A9-%D8%B1%D9%88%D8%B3-%D9%86%D8%A7%D8%B4%D8%B7-%D8%B3%D9%8A%D8%A7%D8%B3%D9%8A-%D9%8A%D9%83%D8%B4%D9%81-%D8%A3%D8%B3%D8%

[A8%D8%A7/?__cf_chl_captcha_tk__=TQiC4YSz4JfnvVdRGVz9Q5Rp5uvhTpY9omKNGlgl7c-1635505166-0-gaNycGzNCv0](https://www.alrakoba.net/31618841/%D8%A2%D8%AE%D8%B1%D9%87%D9%85-%D9%85%D8%A7%D9%84%D9%8A-%D8%A7%D9%86%D8%AA%D8%B4%D8%A7%D8%B1-%D9%85%D8%B1%D8%AA%D8%B2%D9%82%D8%A9-%D9%81%D8%A7%D8%BA%D9%86%D8%B1-%D9%81%D9%8A-%D8%AF%D9%88%D9%84/) (accessed: 17.11.2021).

³³ См.: Akhirhum Mali: Intishar Murtazaqat Wagner fi Duwal Ifriqiyyah Yathiru-l-Qalaq [И наконец, Мали. Роль российских наемников в Африке вызывает опасения] // Al Rakoba. September 26, 2021. (На арабском языке). URL: <https://www.alrakoba.net/31618841/%D8%A2%D8%AE%D8%B1%D9%87%D9%85-%D9%85%D8%A7%D9%84%D9%8A-%D8%A7%D9%86%D8%AA%D8%B4%D8%A7%D8%B1-%D9%85%D8%B1%D8%AA%D8%B2%D9%82%D8%A9-%D9%81%D8%A7%D8%BA%D9%86%D8%B1-%D9%81%D9%8A-%D8%AF%D9%88%D9%84/> (accessed: 17.11.2021); Jeish Dhall Butin: al-Murtazaqah al-Rus Yadhkhalun al-Hurub al-Ifriqiyyah [Теневая армия Путина: российские наемники вступают в африканские войны] // Sudaress. July 2, 2021. (На арабском языке). URL: <https://www.sudaress.com/alrakoba/31583088> (accessed: 17.11.2021); Nushata' Sudaniin: Tawarrat Murtazaqat Wagner fi Qam' al-Taharrakat al-Salafiyyah al-Akhirah [Суданские активисты: наемники Вагнера участвовали в подавлении последних протестов] // Al Rakoba. April 11, 2021. (На арабском языке). URL: <https://www.alrakoba.net/31550315/%D9%86%D8%B4%D8%B7%D8%A7%D8%A1-%D8%B3%D9%88%D8%AF%D8%A7%D9%86%D9%8A%D9%8A%D9%86-%D8%AA%D9%88%D8%B1%D8%B7-%D9%85%D8%B1%D8%AA%D8%B2%D9%82%D8%A9-%D9%81%D8%A7%D8%BA%D9%86%D8%B1-%D9%81%D9%8A-%D9%82/> (accessed: 17.11.2021).

экс-президента. В частности, начиная с 2019 г. в СМИ стали появляться такие нарративы, как «наемники Вагнера участвовали в подавлении недавних мирных движений» или «„вагнеровцев“ обвиняют в преступлениях против мирных жителей»³⁴.

Зачастую сам факт появления в африканских СМИ упоминаний российского присутствия идет вразрез с официальными заявлениями России о полном отсутствии там ЧВК. В то время как посол А.В. Суриков опроверг заявления западных журналистов о российских ЧВК в Мозамбике³⁵, в местных СМИ о них не только упоминали, но и приводили конкретное медийное наполнение, связанное, в частности, с борьбой с террористами и повстанцами³⁶.

³⁴ Nushata' Sudaniin: Tawarrat Murtazaqat Wagner fi Qam' al-Taharrakat al-Salafiyah al-Akhirah [Суданские активисты: наемники Вагнера участвовали в подавлении последних протестов] // Al Rakoba. April 11, 2021. (На арабском языке). URL: <https://www.alrakoba.net/31550315/%D9%86%D8%B4%D8%B7%D8%A7%D8%A1-%D8%B3%D9%88%D8%AF%D8%A7%D9%86%D9%8A%D9%8A%D9%86-%D8%AA%D9%88%D8%B1%D8%B7-%D9%85%D8%B1%D8%AA%D8%B2%D9%82%D8%A9-%D9%81%D8%A7%D8%BA%D9%86%D8%B1-%D9%81%D9%8A-%D9%82/> (accessed: 17.11.2021).

³⁵ Интервью Посла России в Мозамбике португальскому информационному агентству // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 07.04.2021. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1419376/> (дата обращения: 17.11.2021).

³⁶ См.: Guerra em Cabo Delgado: FDS e insurgentes reivindicam vitórias em combate // PortalMoz News. October 21, 2019. URL: <https://portalmoznews.com/2019/10/guerra-em-cabo-delgado-fds-e-insurgentes-reivindicam-vitorias-em-combate.html> (accessed: 17.11.2021); Recurso a empresas militares privadas para combater a insurgência em Cabo Delgado: sem transparência e com resultados desastrosos — CIP // Carta de Moçambique. December 14, 2020. URL: <https://cartamz.com/index.php/politica/item/6780-recurso-a-empresas-militares-privadas-para-combater-a-insurgencia-em-cabo-delgado-sem-transparencia-e-com-resultados-desastrosos-cip> (accessed: 17.11.2021); In push for Africa, Russia's Wagner mercenaries are 'out of their depth' in Mozambique — The Moscow Times // Club of Mozambique. November 20, 2019. URL: <https://clubofmozambique.com/news/in-push-for-africa-russias-wagner-mercenaries-are-out-of-their-depth-in-mozambique-the-moscow-times-147483/> (accessed: 17.11.2021).

В 2018 г. появилась информация о том, что группа «Вагнер» действует в Мозамбике, где в регионе Кабо-Дельгадо происходят нападения исламистских боевиков. Так же как и в случае с ЦАР, мозамбикская пресса восприняла деятельность российских ЧВК скорее настороженно (тон в основном нейтральный, порой негативный). Однако, в отличие от ЦАР, где россиян обвиняют в намеренных злодеяниях, в Мозамбике главной проблемой считают неэффективность «вагнеровцев»: чувствуя себя «не в своей тарелке» в «мозамбикских джунглях», «российские солдаты» потерпели ряд поражений от исламистов и понесли тяжелые потери³⁷. Некоторые СМИ приводили мнение, что конкуренты ЧВК «Вагнер» из других стран (например, ЧВК из соседней ЮАР) справились бы с задачей намного лучше³⁸. Что касается того, как российские частные военные компании именуются в мозамбикских СМИ, то здесь преобладает не только словосочетание «российские наемники», но и появляются более конкретные характеристики, такие как «российские солдаты» или «теневые солдаты»³⁹.

³⁷ См.: Guerra em Cabo Delgado: FDS e insurgentes reivindicam vitórias em combate // PortalMoz News. October 21, 2019. URL: <https://portalmoznews.com/2019/10/guerra-em-cabo-delgado-fds-e-insurgentes-reivindicam-vitorias-em-combate.html> (accessed: 17.11.2021); Recurso a empresas militares privadas para combater a insurgência em Cabo Delgado: sem transparência e com resultados desastrosos — CIP // Carta de Moçambique. December 14, 2020. URL: <https://cartamz.com/index.php/politica/item/6780-recurso-a-empresas-militares-privadas-para-combater-a-insurgencia-em-cabo-delgado-sem-transparencia-e-com-resultados-desastrosos-cip> (accessed: 17.11.2021).

³⁸ In push for Africa, Russia's Wagner mercenaries are 'out of their depth' in Mozambique — The Moscow Times // Club of Mozambique. November 20, 2019. URL: <https://clubofmozambique.com/news/in-push-for-africa-russias-wagner-mercenaries-are-out-of-their-depth-in-mozambique-the-moscow-times-147483/> (accessed: 17.11.2021).

³⁹ См.: Guerra em Cabo Delgado: FDS e insurgentes reivindicam vitórias em combate // PortalMoz News. October 21, 2019. URL: <https://portalmoznews.com/2019/10/guerra-em-cabo-delgado-fds-e-insurgentes-reivindicam-vitorias-em-combate.html> (accessed: 17.11.2021); Recurso a empresas militares privadas para combater a insurgência em Cabo Delgado: sem

Что касается фреймирования присутствия российских ЧВК в африканских странах, то во всех рассмотренных выше случаях прослеживается придание ему сугубо локального (можно даже сказать «местечкового») контекста. В этом случае деятельность российских частных военных компаний, как правило, сводится к таким сюжетам, как «грабеж ресурсов», «охрана режима» или осуществление «наемнических нефтяных операций»⁴⁰. Таким образом, заметно, что первые попытки российского «военного» присутствия в Африке преподносятся местными СМИ как сугубо локальные инициативы Кремля или африканских правящих режимов. При этом в восприятии африканских СМИ ЧВК однозначно ассоциируются с российским руководством и воспринимаются как практически тождественные феномены. Так, одни и те же СМИ при освещении переговоров о приглашении российских ЧВК могут одновременно характеризовать это как переговоры местного правительства с «Вагнером» либо с российским правительством⁴¹.

transparência e com resultados desastrosos — CIP // Carta de Moçambique. December 14, 2020. URL: <https://cartamz.com/index.php/politica/item/6780-recursos-a-empresas-militares-privadas-para-combater-a-insurgencia-em-cabo-delgado-sem-transparencia-e-com-resultados-desastrosos-cip> (accessed: 17.11.2021); In push for Africa, Russia's Wagner mercenaries are 'out of their depth' in Mozambique — The Moscow Times // Club of Mozambique. November 20, 2019. URL: <https://clubofmozambique.com/news/in-push-for-africa-russias-wagner-mercenaries-are-out-of-their-depth-in-mozambique-the-moscow-times-147483/> (accessed: 17.11.2021).

⁴⁰ См.: Centrafrique: la rupture touaderanienne a l'épreuve de la gestion du pouvoir // Corbeau News. 17 septembre 2018. URL: <https://corbeaunews-centrafrique.org/centrafrique-la-rupture-touaderanienne-a-lepreuve-de-la-gestion-du-pouvoir/> (accessed: 17.11.2021); Centrafrique: Moscou met le cap sur l'or et les diamants // Corbeau News. 18 juillet 2018. URL: <https://corbeaunews-centrafrique.org/centrafrique-moscou-met-le-cap-sur-lor-et-les-diamants/> (accessed: 17.11.2021).

⁴¹ См.: Centrafrique: la garde rapprochée russe du président Touadéra // Centrafrique Press. 16 avril 2018. URL: <https://www.centrafrique-presse.info/article/11843/centrafrique-la-garde-rapprochee-russe-du-president-touadera> (accessed: 17.11.2021); Centrafrique: Moscou met le cap sur l'or et les diamants // Corbeau News. 18 juillet 2018. URL: <https://corbeaunews-centrafrique.org/centrafrique-moscou-met-le-cap-sur-lor-et-les-diamants/>

Внимание малийской прессы к российским ЧВК начало стремительно расти в сентябре 2021 г., когда появилась первая информация о возможном сотрудничестве между переходными властями Мали и группой «Вагнер» в борьбе с исламистскими группировками, действующими на севере страны. Нам удалось найти достаточно много публикаций, касающихся ЧВК «Вагнер» в малийских СМИ. В отличие от ЦАР, Мозамбика и Судана в малийской прессе обнаружилось большое количество статей, позитивно оценивающих перспективы деятельности российских ЧВК на территории страны. Более того, в этом случае уже даже слово «наемники» используется довольно редко, чаще встречаются более нейтральные термины, такие как «российская частная компания», «военная компания» или «охранная компания»⁴².

[centrafrique.org/centrafrique-moscou-met-le-cap-sur-lor-et-les-diamants/](https://clubofmozambique.com/news/in-push-for-africa-russias-wagner-mercenaries-are-out-of-their-depth-in-mozambique-the-moscow-times-147483/) (accessed: 17.11.2021); In push for Africa, Russia's Wagner mercenaries are 'out of their depth' in Mozambique — The Moscow Times // Club of Mozambique. November 20, 2019. URL: <https://clubofmozambique.com/news/in-push-for-africa-russias-wagner-mercenaries-are-out-of-their-depth-in-mozambique-the-moscow-times-147483/> (accessed: 17.11.2021); Jeish Dhall Butin: al-Murtazaqah al-Rus Yadhkhalun al-Hurub al-Ifriqiyyah [Теневая армия Путина: российские наемники вступают в африканские войны] // Sudaress. July 2, 2021. (На арабском языке). URL: <https://www.sudaress.com/alrakoba/31583088> (accessed: 17.11.2021); Mauvaise nouvelle pour Macron: la Russie confirme le projet de partenariat militaire avec l'armée malienne // MaliWeb. 26 septembre 2021. URL: <https://www.maliweb.net/politique/mauvaise-nouvelle-pour-macron-la-russie-confirme-le-projet-de-partenariat-militaire-avec-larmee-malienne-2945538.html> (accessed: 17.11.2021); Moscou, Wagner et le Mali: la diplomatie russe met les points sur les «i» // MaliJet. 30 septembre 2021. URL: http://malijet.com/les_faits_divers_au_mali/lettres_ouvertes_mali/262101-moscou%2C-wagner-et-le-mali-la-diplomatie-russe-met-les-points-sur.html (accessed: 17.11.2021).

⁴² См.: Barkhane, Wagner... Le ton monte entre la France et le Mali // MaliWeb. 29 septembre 2021. URL: <https://www.maliweb.net/politique/barkhane-wagner-le-ton-monte-entre-la-france-et-le-mali-2946029.html> (accessed: 17.11.2021); Moscou, Wagner et le Mali: la diplomatie russe met les points sur les «i» // MaliJet. 30 septembre 2021. URL: http://malijet.com/les_faits_divers_au_mali/lettres_ouvertes_mali/262101-moscou%2C-wagner-et-le-mali-la-diplomatie-russe-met-les-points-sur.html (accessed: 17.11.2021); MNLA — Wagner: qui

В малийских СМИ преобладают нарративы секьюритизации («обеспечение безопасности», «гарантия безопасности», «помощь в разрешении кризиса безопасности») и борьбы с терроризмом («помощь в войне с терроризмом», «борьба с джихадистами»). При этом в собранных материалах малийских СМИ также упоминается (хотя и заметно реже) обеспечение безопасности правящей элиты и расширение влияния России⁴³.

В случае с Мали фреймирование российского присутствия в Африке претерпевает изменения в сторону придания ему более глобального контекста. В СМИ ЦАР, Мозамбика и Судана освещались внутренние проблемы и в основном двусторонний формат взаимодействия с Россией. Упоминания других стран, в том числе Франции, имели место, однако носили характер скорее отсылки, а не попытки противопоставления, скажем, России. В случае с Мали, напротив, упоминания внутристранового компонента уже пропадают, а вместо него появляется образ страны как арены противостояния крупных держав. Отличительной особенностью здесь также является апелляция к третьим сторонам, особенно Франции.

В случае с Мали можно зафиксировать целый ряд пророссийских и антизападных публикаций, связанных с деятельностью ЧВК. Выражено противопоставление группы «Вагнер» в частности и России в целом Франции и западным странам, которые, согласно мнению многих малийских журналистов, не справились с задачей по борьбе

с терроризмом в Мали. Позитивное восприятие России в этом случае носит субъективный характер и выстраивается на фоне усталости от политики Франции на этой территории. С этого момента Мали фактически преподносится как арена противостояния двух крупных международных игроков — тенденция, которая появилась спустя три года после появления первых сообщений о деятельности российских ЧВК в африканских странах.

Нарратив стабильности

Как можно было заметить, одной из тенденций, которая прослеживается в освещении деятельности российских частных военных компаний в Африке, стало изменение тональности публикаций в положительную сторону. Этот феномен, в свою очередь, имеет несколько объяснений.

В первую очередь следует отметить, что негативный тон при описании присутствия российских ЧВК в центральноафриканских СМИ может во многом объясняться тем, что это был первый опыт привлечения российских частных военных компаний на континенте. В этой связи вполне ожидаемо, особенно с учетом негативных событий, сопровождавших опыт их присутствия в ЦАР, что СМИ репрезентировали эти темы в основном с негативными коннотациями (в частности, статьи выходили с такими заголовками, как: «Мафия правит страной, российский конвой только что прибыл на нефтяное месторождение в Бирао»⁴⁴, «Москва взяла курс на золото и бриллианты»⁴⁵ и др.).

Негативная репрезентация, основанная на изначально плохом опыте сотрудничества

est plus mercenaire que l'autre? // Koulouba. 1 octobre 2021. URL: <https://web.archive.org/web/20211001105918/http://koulouba.com/crise-malienne/mnla-wagner-qui-est-plus-mercenaire-que-lautre> (accessed: 17.11.2021).

⁴³ См.: Moscou, Wagner et le Mali: la diplomatie russe met les points sur les «i» // MaliJet. 30 septembre 2021. URL: http://malijet.com/les_faits_divers_au_mali/lettres_ouvertes_mali/262101-moscou-%2C-wagner-et-le-mali-la-diplomatie-russe-met-les-points-sur.html (accessed: 17.11.2021); Mauvaise nouvelle pour Macron: la Russie confirme le projet de partenariat militaire avec l'armée malienne // MaliWeb. 26 septembre 2021. URL: <https://www.maliweb.net/politique/mauvaise-nouvelle-pour-macron-la-russie-confirme-le-projet-de-partenariat-militaire-avec-larmee-malienne-2945538.html> (accessed: 17.11.2021).

⁴⁴ Centrafrique: mafia au sommet de l'État, un convoi russe vient d'arriver sur un site pétrolier à Biraou // Centrafrique Press. 8 mai 2018. URL: <https://web.archive.org/web/20201022143452/https://corbeaunews-centrafrique.com/centrafrique-mafia-au-sommet-de-letat-un-convoi-russe-vient-darriver-sur-un-site-petrolier-a-birao/> (accessed: 17.11.2021).

⁴⁵ Centrafrique: Moscou met le cap sur l'or et les diamants // Corbeau News. 18 juillet 2018. URL: <https://corbeaunews-centrafrique.org/centrafrique-moscou-met-le-cap-sur-lor-et-les-diamants/> (accessed: 17.11.2021).

африканских стран с российскими ЧВК, наблюдалась в 2018 г. в ЦАР, а затем в Мозамбике и Судане. Только малийские СМИ в 2021 г. стали демонстрировать нейтрально-положительное восприятие российского военного присутствия. В этом случае следует отметить, что в период появления и пребывания российских ЧВК в ЦАР, Мозамбике или Судане фиксировалось мало отсылок к опыту каждой из стран, в которых ранее действовали военные. Это отчасти объясняет сохранение негативного образа, поскольку позитивная сторона их присутствия была еще неизвестна и слабо освещена в СМИ.

Однако в то же время именно с момента появления российских частных военных компаний в ЦАР в 2018 г. их деятельность получила значительную огласку в Африке, причем в первую очередь благодаря западным средствам массовой информации, широко распространенным на континенте. Иными словами, несмотря на весьма негативную оценку деятельности российских ЧВК в ЦАР на первоначальном этапе, а также преимущественно негативное освещение со стороны западных СМИ, за три года российского «военного» присутствия в африканских странах их восприятие начало меняться в лучшую сторону.

Важную роль в формировании положительного образа российских частных военных компаний в Африке сыграл позитивный опыт ЦАР и Сирии. Существенная роль здесь отводилась способности российских «военных» добиваться поставленного результата. Бывший руководитель Ассоциации журналистов Нигера А. Кудизе отмечал, что «в результате российского присутствия в ЦАР территория, подконтрольная правительству Туадера, выросла в три раза... То же самое можно сказать и про Б. Асада после прихода русских»⁴⁶. Экс-президент Мали Д. Траоре также отмечал, что опыт российского участия в урегулировании конфликтов в Сирии и ЦАР продемонстрировал, что «к действиям России у африканцев больше доверия, чем к Западу»⁴⁷.

⁴⁶ Интервью Л.М. Исаева с А. Кудизе 23.10.2021 г. в г. Ниамей, Нигер.

⁴⁷ Интервью Л.М. Исаева с Д. Траоре 21.10.2021 г. в г. Бамако, Мали.

Важное обстоятельство, которое здесь также следует учесть, связано с возросшим в последние годы запросом африканцев на обеспечение безопасности, причем любой ценой. В этой связи среди африканских элит все большую актуальность приобретает нарратив стабильности, апологетом которого является российский президент (Issaev & Shishkina, 2020). В рамках обеспечения стабильности в Сахеле российские власти предлагают африканским лидерам свои услуги в области секьюритизации. Это приобретает особую важность в условиях перманентной социально-политической турбулентности в Африке, особенно в последнее десятилетие. Так, председатель международного комитета Национального переходного совета Мали С. Конне отмечал, что «безусловным приоритетом для страны в настоящее время является обеспечение ее безопасности»⁴⁸. В свою очередь М. Кулбу, заместитель директора Арабо-африканского культурного института, расположенного в Бамако, обращал внимание на то, что «один из самых выраженных запросов африканцев — запрос на стабильность»⁴⁹. Депутат буркинийской Национальной ассамблеи А. Санкара также подчеркивал: «Нельзя отрицать факт того, что вместе с Россией приходит стабильность»⁵⁰.

Глобальная повестка

Еще одним объяснением улучшения тональности в отношении российских ЧВК может выступать переосмысление самими африканцами роли России в мировой политике в целом и африканских делах в частности, которое пришлось как раз на конец второго десятилетия XXI в. Иными словами, к началу 2020-х гг. мы можем наблюдать распространение образа России как глобального гаранта безопасности, готового быть вовлеченным в политику африканских стран.

⁴⁸ Интервью Л.М. Исаева с С. Конне 18.10.2021 г. в г. Бамако, Мали.

⁴⁹ Интервью Л.М. Исаева с М. Кулбу 20.10.2021 г. в г. Бамако, Мали.

⁵⁰ Интервью Л.М. Исаева с А. Санкара 27.10.2021 г. в г. Уагадугу, Буркина-Фасо.

Начало сотрудничества ЦАР, Мозамбика и Судана с российскими ЧВК пришлось на 2018 г., когда Россия хотя уже и ассоциировалась со сверхдержавой, но еще не проявляла устойчивого интереса к Африке. Однако состоявшийся в конце 2019 г. саммит «Россия — Африка» в Сочи стал своего рода сигналом для африканских элит о намерении России активизировать ее политику на континенте. Следствием этого, с одной стороны, стала перефокусировка восприятия деятельности российских ЧВК в Африке с решения сугубо локальных проблем конкретной страны до глобальных вопросов обеспечения международной безопасности. С другой стороны, африканские страны стали положительно относиться к России как к крупному международному игроку и начали предпринимать попытки заинтересовать ее в себе с целью создания международной конкуренции за влияние в африканских странах.

Это, в свою очередь, вновь актуализировало хотя и весьма старый, но еще не забытый в Африке дискурс о геополитическом соперничестве великих держав за влияние на континенте. Неудивительно, что тема российских ЧВК в Африке начала активно противопоставляться самими африканцами французскому присутствию. Профессор университета им. Абду Мумуни в Ниамее А. Исмаоль отмечал, что «российское присутствие в регионе предпочтительнее французского, поскольку в большей степени отвечает интересам африканских народов»⁵¹. В качестве примера им приводился французский проект по созданию Общей организации сахарского региона, предусматривающий предоставление автономий/независимости туарегам. В свою очередь, российское «возвращение» в Африку ассоциируется с «попыткой воспрепятствовать действиям Парижа по разложению региона и пересмотру существующих границ»⁵².

Иными словами, одним из важных столпов, на котором сейчас основывается позитивное восприятие российских ЧВК в Африке, — кризис во французско-африканских

отношениях и достаточно болезненные попытки их ревизии. По меткому выражению А. Исмаоля, специфика российско-африканских отношений на современном этапе заключается в том, что они «не строятся на каких-либо объективных показателях, свидетельствующих об укреплении отношений между странами (например, на тесных экономических связях), но базируются на эмоциях. Причем эти эмоции вызваны, с одной стороны, разочарованием в отношениях с французами, а с другой — ностальгией по опыту советско-африканского взаимодействия»⁵³.

Заключение

Конец 2010-х гг. ознаменовался российским «возвращением» в Африку, однако данный процесс пока не принял системного характера и подвержен влиянию ситуационных соображений. В то же время социально-политическая нестабильность на континенте, которая приобрела в последнее десятилетие перманентный характер (Issaev, Korotayev & Fain, 2021), открывает для России окно возможностей в Африке с точки зрения предоставления услуг секьюритизации. При этом в данной сфере российские позиции представляются весьма конкурентоспособными в отличие, скажем, от торгово-экономической. Это позволяет нам предположить, что политика секьюритизации станет основой российского возвращения на континент.

В этой связи нами была предпринята попытка изучения восприятия российского «военного» присутствия в Африке африканскими средствами массовой информации на примере ЦАР, Мозамбика, Судана и Мали. Проведенное исследование показало, что образ российских ЧВК в африканских странах менялся на протяжении последних четырех лет с момента первого упоминания о российском «военном» присутствии в ЦАР весной 2018 г. Если в первой половине 2018 г. деятельность российских ЧВК освещались преимущественно в негативно-нейтральном ключе, то со временем восприятие менялось в пользу нейтрально-положительного.

⁵¹ Интервью Л.М. Исаева с А. Исмаодем 24.10.2021 г. в г. Ниамей, Нигер.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

Как показал проведенный анализ, у этого феномена может быть несколько объяснений.

Во-первых, речь идет о том, что негативный тон при описании присутствия российских ЧВК в центральноафриканских СМИ был связан с первым опытом привлечения российских частных военных компаний на континенте. Негативные события, на фоне которых разворачивалась их деятельность, получали соответствующее освещение в СМИ.

Во-вторых, именно присутствие российских ЧВК в ЦАР и их деятельность получили широкую огласку в других африканских странах. Во многом это произошло благодаря западным средствам массовой информации. Их видение российского военного присутствия в африканских странах было преимущественно негативным, однако на фоне антизападных настроений и привлекательности России с точки зрения готовности сотрудничать со многими африканскими странами сделало Россию желанным партнером в вопросах секьюритизации. Кроме того, со временем позитивный опыт ЦАР и Сирии сыграл важную роль в формировании положительного образа российских частных военных компаний в Африке.

В отношении глобальной повестки нами было выявлено следующее. Весьма представительный саммит «Россия — Африка» в Сочи в 2019 г., а также успехи правительства Ф.-А. Таудера в ЦАР при поддержке российских ЧВК привели к тому, что Россия стала преподноситься в африканских СМИ как крупный международный игрок. В свою очередь, российское «военное» присутствие в регионе стало позиционироваться не как решение сугубо локальных проблем конкретной страны, а с позиции решения глобальных вопросов обеспечения международной безопасности на Африканском континенте.

Важной составляющей восприятия российского «военного» присутствия в африканских СМИ в последние годы становится противопоставление Москвы Парижу. Освещение деятельности российских ЧВК в Африке все чаще идет в связке с освещением политики Франции, которая преподносится в негативном ключе. При этом если освещение российского присутствия в Африке все чаще ассоциируется с достижением стабильности и сохранением суверенитета, то опыт французского участия, напротив, характеризуется как деструктивный и ведущий к дестабилизации и распаду государств.

Поступила в редакцию / Received: 24.11.2021
Доработана после рецензирования / Revised: 01.08.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список

- Абрамова И. О. Россия и Африка: вызовы и возможности в новых глобальных реалиях // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 12. С. 3—7.
- Борштолец К. П. Стратегические интересы России в Африке // *Международная аналитика*. 2019. № 1—2. С. 7—15. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-7-15>
- Васильев А. М. Россия и Африка в глобальной борьбе за ископаемые ресурсы // *Вестник Российской академии наук*. 2011. Т. 81, № 8. С. 693—699.
- Караганов С. А., Макаров И. А. Поворот на Восток: итоги и задачи // *Журнал Сибирского федерального университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 5. С. 6—10.
- Корендясов Е. Н. «Сочинский консенсус» // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 7. С. 4—11. <https://doi.org/10.31857/S032150750008466-4>
- Корендясов Е. Н. Российско-африканские отношения на новом старте // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16, № 2. С. 203—214.
- Российско-африканские отношения в условиях глобализации / отв. ред. Т. Л. Дейч, Е. Н. Корендясов. Москва : Институт Африки РАН, 2009.
- Россия и страны Востока в постбиполярный период / под ред. Д. В. Стрельцова. Москва : Аспект Пресс, 2014.

- Balhul N.* Al-Inbi'ath al-Awrasi al-Jadid: Qira'ah fil-'Aqidah al-Jughrasiyasiyyah al-Rusiyyah al-Jadidah [Возрождение неоевразийства: анализ новой российской геополитической идеологии] // *Studies and Research*. 2015. Vol. 7, no. 20. P. 73—85. (На арабском языке).
- Berthelot P.* Russia in the Middle East: A New Dominant Actor // *Rising Powers Quarterly*. 2017. Vol. 2, no. 1. P. 169—181.
- Blakkisrud H.* An Asian Pivot Starts at Home: The Russian Far East in Russian Regional Policy // *Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation* / ed. by H. Blakkisrud, E. W. Rowe. Cham : Palgrave Pivot, 2018. P. 11—30. https://doi.org/10.1007/978-3-319-69790-1_2
- Issaev L., Korotayev A., Fain E.* Impact of the Arab Spring on Terrorist Activity in the Sahel // *Ideology and Politics Journal*. 2021. Vol. 19, no. 3. P. 34—49. <https://doi.org/10.36169/2227-6068.2021.03.00003>
- Issaev L., Shishkina A.* Russia in the Middle East: In Search of Its Place // *Political Narratives in the Middle East and North Africa: Conceptions of Order and Perceptions of Instability* / ed. by W. Mühlberger, T. Alaranta. Cham : Springer, 2020. P. 95—114. https://doi.org/10.1007/978-3-030-35217-2_6
- Koepf T.* The Problems of French-led Peace Operations in Francophone Sub-Saharan Africa // *International Peacekeeping*. 2012. Vol. 19, no. 3. P. 333—347. <https://doi.org/10.1080/13533312.2012.696383>
- Korolev A.* Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications // *Pacific Affairs*. 2016. Vol. 89, no. 1. P. 53—73. <https://doi.org/10.5509/201689153>
- Maślanka L.* France and the Russian Presence in Africa // *PISM Bulletin*. 2020. No. 47. P. 1—2. URL: https://pism.pl/publications/France_and_the_Russian_Presence_in_Africa (accessed: 17.11.2021).
- Ngcayisa L.* What Will Russia's Influence in Africa Mean for the Continent // *ResearchGate*. 2019. P. 1—9. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.26662.27203>
- Nkuna V. M., Shai K. B.* What Drives Russia's Involvement in Africa? [An Afrocentric Review of Russia — South Africa Relations, 2000—2018] // *Journal of Public Affairs*. 2021. Vol. 21, no. 2. P. 1—10. <https://doi.org/10.1002/pa.2176>
- Ogunnoiki A. O., Ani I. C., Iwediba I. O.* Russia — Africa Relations in the 21st Century: Symbiotic or Predatory? // *Covenant University Journal of Politics and International Affairs*. 2022. Vol. 9, no. 2. P. 3650—3663. URL: <https://journals.covenantuniversity.edu.ng/index.php/cujpia/article/view/2833> (accessed: 17.11.2021).
- Samy Y.* China's Aid Policies in Africa: Opportunities and Challenges // *The Round Table. The Commonwealth Journal of International Affairs*. 2010. Vol. 99, no. 406. P. 75—90. <https://doi.org/10.1080/00358530903513756>
- Sautman B., Hairong Yan.* African Perspectives on China — Africa Links // *The China Quarterly*. 2009. Vol. 199. P. 728—759. <https://doi.org/10.1017/S030574100999018X>
- Slaski B.* Quelles réalités et intentions derrière les avancées russes en Afrique du Nord? // *Revue Défense Nationale*. 2018. Vol. 806, no. 1. P. 101—105. <https://doi.org/10.3917/rdna.806.0101>
- Stronski P.* Late to the Party: Russia's Return to Africa // *Carnegie Endowment for International Peace*. 2019. P. 1—32. URL: https://carnegieendowment.org/files/WP_Paul_Stronski_-_Russia-Africa-v31.pdf (accessed: 17.11.2021).

Сведения об авторах: *Исаев Леонид Маркович* — кандидат политических наук, доцент, заместитель заведующего научно-учебной лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации факультета социальных наук, НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН; ORCID: 0000-0003-4748-1078; e-mail: lisaev@hse.ru
Шишкина Алиса Романовна — старший научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации факультета социальных наук, НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник, Институт Африки РАН; ORCID: 0000-0002-2544-9184; e-mail: ashishkina@hse.ru
Лиокумович Яков Борисович — стажер-исследователь Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации факультета социальных наук, НИУ ВШЭ; ORCID: 0000-0003-3638-6630; e-mail: hbk98@list.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-339-357

EDN: GJCGFS

Научная статья / Research article

Регионализация миротворчества в Африке: опыт Африканского союза

А.В. Худайкулова

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 alexandra_77@mail.ru

Аннотация. Рассматривается опыт миротворческой деятельности Африканского союза (АС), претендующего на роль ключевого провайдера безопасности на Африканском континенте. Опираясь на метод кейс-стади, принцип историзма и хронологический подход, автор предлагает классификацию и анализ операций АС, начиная с первых и заканчивая текущими миссиями. Цель исследования — дать сбалансированную характеристику АС в разрешении конфликтов, описав как сами миссии, так и внешнюю среду, в которой они разворачивались, абстрагируясь от заведомо негативных коннотаций, связанных с оценками потенциала региональных сил безопасности. Анализируются динамика, правовые рамки, особенности и итоги развернутых миротворческих операций как под эгидой исключительно АС (в Бурунди, на Коморских островах, в Судане/Дарфуре, Сомали), так и в сотрудничестве с ООН и Экономическим сообществом западноафриканских государств (ЭКОВАС) (в Дарфуре, Мали, Центральноафриканской Республике (ЦАР)). По итогам проведенного исследования автор описывает ключевые параметры сложившихся моделей урегулирования африканских конфликтов. Опыт и практика взаимодействия АС и ООН указывают на готовность Африканского союза оперативно реагировать на вспыхивающие кризисы, зачастую в отсутствие мирных процессов и задолго до вмешательства ООН. Текущий формат взаимодействия двух организаций демонстрирует готовность ООН развертывать собственные контингенты после завершения «горячей» фазы конфликта и при наличии благоприятных условий для политического диалога. Однако с запуском первой и пока единственной гибридной миссии по линии ООН и АС (ЮНАМИД) постепенно выстраивается новая модель сотрудничества, дополняющая простое «разделение труда». Сугубо региональный формат миротворчества исходит из потенциала региональных акторов. АС как континентальная региональная организация берет на себя большую роль в управлении региональным режимом безопасности, при этом субрегиональные организации выполняют оперативные функции, опираясь на региональные механизмы безопасности. Дается оценка проведенных миротворческих миссий и указываются проблемы, с которыми сталкиваются в своей работе африканские миротворцы.

Ключевые слова: миротворчество, поддержание мира, безопасность, Африка, Африканский союз, АС, ООН, ЭКОВАС, региональные экономические сообщества, африканские решения

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Худайкулова А. В. Регионализация миротворчества в Африке: опыт Африканского союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 339—357. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-339-357>

© Худайкулова А.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Regionalization of Peacekeeping in Africa: The Case of the African Union

Alexandra V. Khudaykulova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

alexandra_77@mail.ru

Abstract. This study examines the peacekeeping experience of the African Union (AU), which claims to be the main security provider on the African continent. Based on the case study method, the principle of historicism and a chronological approach, the author proposes a classification and a comprehensive analysis of the AU operations, from the first to the current missions. The aim of the research is to provide a balanced characterisation of the AU in conflict resolution by describing both the missions and the external environment in which they have been deployed, and by abstracting from the deliberately negative connotations associated with assessments of the potential of regional security forces. It analyses the dynamics, legal frameworks, characteristics and outcomes of deployed peacekeeping operations, both under the auspices of the AU alone (in Burundi, Comoros, Sudan/Darfur, Somalia) and in cooperation with the UN and the Economic Community of West African States (ECOWAS) (in Darfur, Mali, Central African Republic, CAR). As a result of the study, the author describes the key parameters of established models of African conflict resolution. The experience and practice of the AU — UN interaction show that the AU is ready to quickly respond to emerging crises and to contain bloodshed, often in the absence of peace processes and well before the UN intervention. The current format of interaction between the two organizations demonstrates the readiness of the UN to deploy its own contingents once the “hot” phase of the conflict is over and conditions for political dialogue are formed. However, with the launch of the first and so far only hybrid UN — AU mission (UNAMID) a new model of cooperation is gradually emerging that complements the existing simple “division of labor.” The purely regional format of peacekeeping stems from the potential of regional actors. The African Union, as a continental regional organization, plays a crucial role in maintaining the regional security regime, while sub-regional organizations carry out operational functions on the basis of regional security arrangements. The author assesses the peacekeeping missions carried out and highlights the challenges faced by African peacekeepers in their work.

Key words: peacekeeping, security, Africa, African Union, the AU, the UN, ECOWAS, regional economic communities, African solutions

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Khudaykulova, A. V. (2023). Regionalization of peacekeeping in Africa: The case of the African Union. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 339—357. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-339-357>

Введение

Одной из ключевых тенденций последних двух десятилетий является растущая регионализация миротворчества. Данная тенденция наиболее отчетливо проявляется в Африке, поскольку Африканский союз (АС), как, впрочем, и субрегиональные организации (Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС), Межправительственный орган по развитию (ИГАД), Сообщество развития Юга Африки (САДК), Экономическое и валютное сообщество Центральной Африки (СЕМАК), Экономическое сообщество государств Центральной Африки (ЭККАС)), становятся все более автономными

и авторитетными в разрешении конфликтов, воплощая на практике провозглашенный в свое время подход «африканские решения африканских проблем».

Африканский союз является наиболее мощным региональным актором безопасности на Африканском континенте, что объясняется как стремлением АС играть более активную роль в урегулировании конфликтов (собственные миротворческие операции проводит с 2002 г., специализированные миссии — с 2003 г.), так и растущим признанием того, что ООН не в состоянии справиться с кризисами в одиночку. Кроме того, АС оказывает политическую и техническую

поддержку различным региональным организациям и ad hoc коалициям, в том числе в борьбе с повстанческими группировками и террористическими организациями. Роль АС в данных операциях сводится к предоставлению мандатов Совета мира и безопасности, обеспечению стратегического политического руководства, координации международной поддержки и предоставлению технической базы многонациональным штабам оперативных групп. Столь серьезные функции позволяют квалифицировать АС как перспективного провайдера безопасности, которому в процессе реализации миротворческих задач приходится одновременно решать множество проблем, связанных с формированием внутренней оргструктуры (Ютяева, 2021, с. 194).

Миротворческие усилия, предпринимаемые самими африканцами, имеют очевидные и неоспоримые преимущества. К ним относятся лучшее понимание исторических, социально-экономических и политических особенностей страны/региона и природы конфликтов, прямая заинтересованность и большая степень легитимности по сравнению с вмешательством внешних акторов. Однако, несмотря на специфику каждой операции, все они сталкиваются с идентичным набором проблем, которые неуклонно влияют на результативность.

Концептуальные вопросы регионализации миротворчества не так широко освещены, как, например, практические компоненты миротворческой деятельности ООН или оценка эффективности международных миссий. Как правило, основной уклон сделан либо в сторону анализа сотрудничества ООН и АС (Бокерия, 2022; Ютяева, 2021; Tijjani, 2018; Weiss & Welz, 2014; Williams & Boutellis, 2014), либо изучения отдельных аспектов миротворческой деятельности Африканского союза и его сотрудничества с региональными экономическими сообществами по данным вопросам (Денисова, 2015; Разрешение военных-политических конфликтов в Африке..., 2017; Apuuli, 2020; Badmus, 2015; Gottschalk, 2020; Kostelyanets, 2021; Majinge, 2010; Murithi, 2008; Segun & Olanrewaju 2017; Svensson, 2008a; 2008b; Williams, 2006; 2009). Зачастую литература по миротворчеству

представляет собой мемуары бывших сотрудников ООН и дипломатов, описания отдельных миссий в контексте конфликтологического анализа и исследования национальных миротворческих стратегий.

Ряд публикаций посвящен взаимодействию ООН и региональных структур, в которых авторы спорят о характере подобного взаимодействия — то ли это полноценное сотрудничество при «разделении труда», то ли перекалывание ответственности с ООН при ее пассивности и медлительности на региональных акторов (Bellamy & Williams, 2005; Bures, 2006; Тишков, 2017). При этом разброс в оценках потенциала регионализации безопасности крайне широк — от скептических до многообещающих. Некоторые западные авторы по-прежнему крайне настороженно относятся к регионализации миротворчества в Африке (Williams, 2008; Møller, 2009; Feldman & Robert, 2008), ставя под сомнение рациональность нормы «африканские решения африканских проблем», критикуя существующий опыт и предостерегая от дальнейших шагов в этом направлении. Например, авторитетный американский специалист в области миротворчества П.Д. Уильямс довольно жестко и далеко не всегда правомерно обосновывает «проблемные узлы» в логике «африканских решений»: подрыв авторитета ООН; возможность для африканских диктаторов снизить критику своей политики; оправдание для западных стран, не желающих предоставлять войска для африканских миротворческих миссий (Williams, 2008).

Ученые, выступающие за расширение регионального участия (De Coning, 2019), четко ориентированы на повестку «африканские ответы на африканские проблемы», признавая при этом разрыв между результатами и ожиданиями. Южноафриканский ученый М. Бросиг довольно позитивно оценивает взаимодействие между различными политическими акторами в Африке, делая упор на формирующийся здесь «комплексный режим безопасности» (Brosig, 2013).

В данной работе анализируется становление и развитие миротворческой практики Африканского союза, на счету которого более десятка самых разных миссий, начиная от

небольшой миссии наблюдателей в Бурунди до полномасштабных операций по принуждению к миру на Коморских островах, в Кот-д’Ивуаре, Дарфуре, Либерии, Сомали. Крупнейшие из них — Миссия в Судане/Дарфуре (АМИС), Миссия в Сомали (АМИСОМ), Смешанная операция ООН и АС в Дарфуре (ЮНАМИД), Миссия АС — ЭКОВАС под африканским руководством по поддержке Мали (АФИСМА), Миссия под

африканским руководством по поддержке Центральноафриканской Республики (ЦАР) (АФИСМЦАР) (табл. 1 и 2). Опираясь на метод кейс-стади, принцип историзма и хронологический подход, автор предлагает классификацию и комплексный анализ наиболее значимых операций АС с выявлением правовых рамок, специфики и достигнутых результатов.

Таблица 1

Миротворческие операции Африканского союза

Название миссии, период мандата	Численность	Динамика развития
<i>Миссия АС в Бурунди (АМИБ), 27 апреля 2003 г. — 31 мая 2004 г.</i>	3 355 военнослужащих 43 наблюдателя Эфиопия, ЮАР, Мозамбик	Сменила Миссию подразделения службы защиты ЮАР (2001—2003 гг.) Заменена 21 мая 2004 г. на Операцию ООН в Бурунди (ОНЮБ), мандат которой завершился 31 декабря 2006 г.
<i>Наблюдательная миссия в Бурунди, 13 июня 2015 г.</i>	10 наблюдателей (из 100 уполномоченных)	Переведена в режим ожидания по просьбе правительства Бурунди до проведения президентских выборов
<i>Африканская миссия предотвращения и защиты в Бурунди (МАПРОБУ), 17 декабря 2015 г.</i>		Отклонена правительством Бурунди, отложена решением Ассамблеи АС
<i>Миссии военных наблюдателей на Коморах (ОМИК):</i> ОМИК I: 1999 г. ОМИК II: декабрь 2001 г. — февраль 2002 г. ОМИК III: март-май 2002 г. ОМИК IV: март-июнь 2004 г.	14—39 военных наблюдателей; Бенин, Буркина-Фасо, Мадагаскар, Мозамбик, Сенегал, Южная Африка, Того	
<i>Миссия по поддержке выборов на Коморских островах (АМИСЕК), 2006 г.</i>	462 Конго-Браззавиль, Египет, Мозамбик, Нигерия, ЮАР, Руанда	
<i>Миссия по оказанию помощи в проведении выборов и обеспечению безопасности на Коморских островах (МАЕС), 2007—2008 гг.</i>	Танзания, Судан, Сенегал	Пролонгирована до конца октября 2008 г.
<i>Миссия АС в Судане/Дарфуре (АМИС), 2004—2007 гг.</i>	12 500 (изначально 4 980) АМИС I (2004—2005 гг.): Алжир, Конго, Египет, Гана, Кения, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Сенегал, ЮАР АМИС II (2005—2007 гг.): Нигерия, Руанда, Сенегал, Гамбия, Чад, Кения, ЮАР	Заменена на Смешанную миссию АС — ООН (ЮНАМИД) 31 декабря 2007 г.
<i>Миссия АС в Сомали (АМИСОМ), 2007—2021 гг.</i>	20 000 (изначально 8 000) Бенин, Бурунди, Гана, Джибути, Египет, Замбия, Кения, Нигерия, Сьерра-Леоне, Уганда, Чад, Эсватини, Эфиопия	Сменила вооруженное вмешательство Эфиопии Реорганизована 1 апреля 2022 г. в Переходную миссию АС в Сомали (АТМИС)

Источник: составлено автором.

Гибридные операции АС и региональных экономических сообществ

Название миссии, период мандата	Численность	Динамика развития:
<i>Смешанная операция ООН и АС в Дарфуре (ЮНАМИД), июль 2007 г. — декабрь 2020 г.</i>	15 114	Сменила Миссию АС в Судане/Дарфуре (АМИС) Заменена на Интегрированную миссию ООН по содействию переходному периоду в Судане (ЮНИТАМС)
<i>Международная миссия АС — ЭКОВАС под африканским руководством по поддержке Мали (АФИСМА), январь-июль 2013 г.</i>	9 449	Заменена на Многомерную интегрированную миссию ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА) 25 апреля 2013 г.
<i>Международная миссия под африканским руководством по поддержке ЦАР (АФИСМЦАР), 2013—2014 гг.</i>	6 000	Сменила Миссию Экономического сообщества государств Центральной Африки (ЭККАС) по укреплению мира в ЦАР (МИКОПАКС) Заменена на Многопрофильную комплексную миссию ООН по стабилизации в ЦАР (МИНУСКА) 15 сентября 2014 г.

Источник: составлено автором.

Миротворческие миссии Африканского союза: ожидания vs возможности

В начале 1990-х гг. развернутые региональными силами миссии фокусировались преимущественно на поддержке правящих режимов и предотвращении неконституционного захвата власти. Однако по мере приобретения опыта стали проводиться полноценные миротворческие операции. Функции миссий варьировались от стабилизации безопасности, защиты гражданского населения, наблюдения за прекращением огня и борьбы с терроризмом до миростроительства, включая наблюдение за выборами. За редким исключением развертывание миротворческих операций в таких сложных условиях требовало различных форм внешней помощи и поддержки со стороны международных доноров, особенно в плане обучения, оснащения, материально-технического обеспечения и финансирования.

АМИБ: первый опыт

Первым миротворческим опытом АС стала Миссия в Бурунди (АМИБ) (Wilén & Williams, 2018), которая была развернута в 2003 г. еще до создания Совета мира и безопасности на основании решения Центрального органа Механизма по предотвращению, регулированию и разрешению конфликтов в Аддис-Абебе, принятого на

саммите глав государств и правительств 3 февраля 2003 г. Ровно через два месяца Центральный орган выдал мандат на развертывание АМИБ на первоначальный период в один год с возможностью продления и до развертывания миротворческих сил ООН¹. В числе первоочередных задач миссия должна была контролировать соблюдение соглашения о прекращении огня, обеспечивать разоружение, демобилизацию и реинтеграцию бывших комбатантов, а также сформировать благоприятные условия для последующего развертывания миссии ООН. Среди прочих задач в сферу ответственности АМИБ входило разоружение примерно 20 тыс. бывших комбатантов в двух центрах демобилизации в Муянге (провинция Бубанза) и Бухинга (провинция Рутана) (Badmus, 2015, p. 124; Murithi, 2008, p. 76).

Несмотря на отсутствие санкции СБ ООН, легитимность АМИБ не ставилась под сомнение, поскольку Арушское соглашение 2000 г.² предусматривало направление

¹ Communiqué of the Ninety First Ordinary Session at Ambassadorial Level of the Central Organ of the Mechanism for Conflict Prevention, Management and Resolution at Ambassadorial Level // The African Union. April 2, 2003. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/comapr03.pdf> (accessed: 17.05.2023).

² Arusha Peace and Reconciliation Agreement for Burundi // Arusha. August 28, 2000. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/BI_000828_Arusha%20Peace%20and%20Reconciliation

в Бурунди международных миротворческих сил. Одним из принципов стратегического взаимодействия АС с ООН было понимание того, что развертывание АМИБ — это временная мера до начала миротворческой миссии, санкционированной Советом Безопасности ООН.

Как и миротворческие операции ООН, АМИБ была интегрированной миссией, состоящей из гражданского и военного персонала общей численностью 3355 человек с военными контингентами из ЮАР (1600 человек), Эфиопии (858) и Мозамбика (228) и наблюдателями из Буркина-Фасо, Габона, Мали, Того и Туниса (43 человека), которые были сосредоточены главным образом в Бужумбуре (Badmus, 2015, p. 123). Взаимодействие между ними обеспечивал специально созданный для этих целей координационный центр. Главой миссии и специальным представителем председателя комиссии Африканского союза был назначен посол Мамаду Бах (Гвинея), командующим силами военного контингента — генерал-майор Сифо Бинда (ЮАР). В целом вклад Южной Африки в операцию был одним из главных компонентов успеха. Помимо обеспечения военного руководства и половины личного состава миссии страна предоставила самую большую среди всех африканских государств финансовую поддержку и материально-техническое обеспечение.

Полноценное выполнение мандата натолкнулось на финансовые проблемы. Общий бюджет на развертывание, эксплуатацию и поддержание АМИБ в течение 14-месячного мандатного периода в итоге составил примерно 134 млн долл. США, в то время как общий бюджет АС на 2004 г. — 43 млн долл. США³. В подобных условиях

требовалась помощь внешних доноров, но ожидания по дотациям не оправдались, а фактические пожертвования в трастовый фонд составили всего 10 млн долл. США (без учета помощи в натуральной форме от США в размере 6,1 млн долл. США и Великобритании в размере 6 млн долл. США) (Badmus, 2015, p. 128).

Оценивая итоги операции, многие эксперты сходятся во мнении, что АМИБ удалось справиться со своим мандатом и стабилизировать ситуацию (Rodt, 2011). Высокую оценку миссии дал Генеральный секретарь ООН К. Аннан. Однако успех миссии нельзя назвать абсолютным, скорее ограниченным. Несмотря на то, что удалось стабилизировать ситуацию примерно на 95 % территории страны, за исключением сельской местности Бужумбуры, обеспечить выполнение соглашения о прекращении огня, наладить доставку гуманитарной помощи и гарантировать защиту вернувшихся политических лидеров, миссия АМИБ не смогла достичь стабильной и управляемой ситуации в области обороны и безопасности (Murithi, 2008).

К тому же АС испытывал трудности с финансовым и логистическим обеспечением миссии. Несмотря на неоднократные призывы АС к африканским государствам сделать добровольные финансовые взносы на нужды миссии, только Сенегал откликнулся на эту инициативу. Основная часть средств поступала от внешних доноров, в основном от Европейского союза (ЕС), чей взнос был предназначен исключительно для выплаты суточных военнослужащим в течение девяти месяцев, с 1 декабря 2003 г. по 31 августа 2004 г., в соответствии с Соглашением о взносах между АС и ЕС (The AU and the Search for Peace..., 2011, p. 33). Помимо ЕС финансовая помощь для закупки продовольствия, медикаментов и других предметов снабжения оказывалась Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), ЮНИСЕФ и Германским обществом по техническому сотрудничеству (Rodt, 2011, p. 19). 1 июня

%20Agreement%20for%20Burundi.pdf (accessed: 17.05.2023).

³ Audit of the African Union // Security Council Report. December 18, 2007. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwji_93es7HrAhVR_SoKHcqIDC0QFjAJegQIChAB&url=https%3A%2F%2Fwww.securitycouncilreport.org%2Ffat%2Fcf%2F%257B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%257D%2FRO%2520Audit%2520of%2520the%2520AU.docx&usq=AOvVaw1-v0m_i4IgfEG6CE3aa7_4 (accessed: 17.05.2023).

2004 г. АМИБ была заменена на операцию ООН в Бурунди (ОНЮБ), мандат которой закончился 31 декабря 2006 г.⁴

В следующий раз Совет мира и безопасности АС принял решение об отправке в Бурунди военных специалистов и наблюдателей в июне 2015 г.⁵ после попытки государственного переворота и последовавших протестов и массовых беспорядков в ответ на решение действовавшего президента Пьера Нкурунзизы баллотироваться на третий срок⁶. В задачи наблюдателей входила фиксация случаев нарушения прав человека и демобилизация ополченцев и других вооруженных группировок. В декабре вышло постановление СМБ АС об учреждении 5-тысячной Африканской миссии предотвращения и защиты в Бурунди (МАПРОБУ) для предотвращения дальнейшей эскалации конфликта⁷. На принятие миссии властям Бурунди было отведено 96 часов, однако бурундийское правительство выступило категорически против прибытия в страну миротворцев, квалифицируя данное решение как интервенцию⁸.

В январе 2016 г. африканские лидеры также не поддержали развертывание МАПРОБУ, как это рекомендовал СМБ АС, что выявило глубокий раскол между

африканскими странами и Комиссией АС⁹. Данная ситуация продемонстрировала ряд важных, если не сказать критических, особенностей АС как провайдера безопасности: разрыв между амбициями и реальными возможностями, границы полномочий Комиссии АС, процедурные недостатки в процессе принятия решений в СМБ, слабая координация между Аддис-Абейбой и африканскими членами СБ ООН. В феврале 2016 г. правительство Бурунди согласилось допустить в страну 100 военных наблюдателей и 100 наблюдателей за соблюдением прав человека¹⁰.

Миссии на Коморах: новый тип операций

Участие Африканского союза в разрешении кризиса на Коморских островах происходило в несколько этапов и сменялось различными форматами, вплоть до использования военной силы для восстановления конституционного правления (Svensson, 2008b). Организация африканского единства (ОАЕ), предшественник АС, участвовала в заключении мирного соглашения в Антананариву в 2001 г. Политико-дипломатический инструментарий ОАЕ/АС был дополнен миссиями наблюдателей по оказанию помощи в проведении выборов, содействию выполнению мирных соглашений, укреплению доверия и мониторингу ситуации в области безопасности. В ноябре 1997 г. Центральный орган утвердил развертывание первой Миссии наблюдателей ОАЕ на Коморских островах (ОМИК I) при материально-технической и финансовой поддержке Франции (The AU and the Search for Peace..., 2011, p. 50).

Миссия отвечала за мониторинг ситуации в области безопасности на Коморских островах, особенно в Анжуане. Однако в 1999 г. ОМИК I была отозвана из-за оппозиции президента А. Азали. Впоследствии были

⁴ Операции Организации Объединенных Наций в Бурунди // Справочник по практике Совета Безопасности ООН, 2004—2007 годы. С. 172—176 // Совет Безопасности ООН. URL: https://www.un.org/securitycouncil/sites/www.un.org.securitycouncil/files/ru/sc/repertoire/2004-2007/04-07_05.pdf#page=36 (дата обращения: 17.05.2023).

⁵ Peace and Security Council 515th Meeting at the Level of Heads of State and Government, Communiqué // The AU Peace and Security Council. June 13, 2015. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/psc-515-comm-burundi-13-6-2015.pdf> (accessed: 17.05.2023).

⁶ Миссия Совета Безопасности ООН находится с визитом в Бурунди // Новости ООН. 22.01.2016. URL: <https://news.un.org/ru/story/2016/01/1278841> (дата обращения: 17.05.2023).

⁷ Peace and Security Council 565th Meeting, Communiqué // The AU Peace and Security Council. December 17, 2015. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/psc-565-comm-burundi-17-12-2015.pdf> (accessed: 17.05.2023).

⁸ The AU's Challenged Responsibility to Protect in Burundi // ReliefWeb. January 18, 2016. URL: <https://reliefweb.int/report/burundi/aus-challenged-responsibility-protect-burundi> (accessed: 17.05.2023).

⁹ The African Union and the Burundi Crisis: Ambition versus Reality // Crisis Group Africa. September 28, 2016. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/central-africa/burundi/african-union-and-burundi-crisis-ambition-versus-reality> (accessed: 17.05.2023).

¹⁰ Resolution 2279 (2016). Adopted by the Security Council at its 7664th meeting, on 1 April 2016 // The UN Digital Library. April 1, 2016. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/824911?ln=ru> (accessed: 17.05.2023).

развернуты еще три миссии по наблюдению и содействию безопасности: ОМИК II — с декабря 2001 г. по февраль 2002 г., ОМИК III — с марта по май 2002 г., ОМИК IV — с марта по май 2004 г. (The AU and the Search for Peace..., 2011, p. 50). Везде основным донором выступала Южная Африка. В силу малочисленности миссий (от 14 до 20 военных наблюдателей в первых трех миссиях и 39 — в четвертой миссии) поддержка миротворческого процесса была довольно ограниченной без эффективного контроля ситуации на трех островах. Четвертая миссия военных наблюдателей 2004 г. была предназначена для поддержки положений соглашения Бейт-Салама и «содействия созданию необходимых условий спокойствия и безопасности для завершения процесса примирения». В марте-апреле 2004 г. 39 наблюдателей миссии присутствовали на выборах в собрания (ассамблеи) островов как на местном, так и на национальном уровне, и в целом выборы прошли в спокойной обстановке, несмотря на отдельные беспорядки в Анжуане (Svensson, 2008b, p. 18).

Следующий тур выборов состоялся в 2006 г. По просьбе правительства Африканский союз развернул новую миссию по поддержке президентских выборов (АМИСЕК) в составе 462 военнослужащих и полицейских во главе со специальным посланником АС для наблюдения и координации ее деятельности¹¹. Как и в случае с ОМИК I—IV, поддержка осуществлялась через Департамент операций по поддержанию мира секретариата АС. Задача состояла в том, чтобы направить военных и гражданских полицейских на избирательные участки на всех трех островах. Миссия АМИСЕК смогла обеспечить благоприятные условия для проведения выборов, которые были квалифицированы как первый демократический транзит власти на Коморских островах.

В мае 2007 г. был запланирован еще один раунд выборов по избранию представителей

исполнительной власти каждого острова в союз. Необходимость в миссии возникла в связи с беспорядками, вызванными отказом президента М. Бакара уйти в отставку по окончании срока полномочий. Последовавший политический кризис привел к вооруженным столкновениям между национальной армией и жандармерией Анжуана. В ответ 9 мая 2007 г. АС объявил о развертывании Миссии АС по оказанию помощи в проведении выборов и обеспечению безопасности на Коморских островах (МАЕС) для наблюдения за избирательным процессом¹². Войска предоставили Южная Африка, Сенегал, Судан и Танзания, однако после пролонгации миссии ЮАР отозвала свой контингент.

Игнорируя призывы АС, президент М. Бакар организовал выборы в Анжуане, где в отсутствие мониторинга МАЕС был переизбран, набрав 89,6 % голосов. Конституционный Суд Союза Коморских островов объявил выборы недействительными, АС и международное сообщество в свою очередь резко осудили механизм их проведения. Между тем в июне 2007 г. на островах Гранд Комор и Мохели состоялись плановые выборы, которые прошли под наблюдением МАЕС. В октябре 2007 г. Совет мира и безопасности АС ввел ряд санкций в отношении президента М. Бакара в Анжуане, которые, вопреки ожиданиям, не возымели никакого эффекта. Единогласно осудив неконституционную смену правительства, АС после длительных обсуждений принял решение о проведении совместной военной операции, которая началась 25 марта 2008 г. Операция под кодовым названием «Демократия» под руководством АС в составе 1,5 тыс. военнослужащих Национальной армии Коморских островов и союзных войск Танзании и Судана при материально-технической и финансовой поддержке Франции и ЕС была призвана сместить М. Бакара, который, кстати, не оказал серьезного сопротивления, и восстановить власть конституционного правительства на острове (Svensson, 2008b, p. 20).

¹¹ Peace and Security Council 47th Meeting, Communiqué // The AU Peace and Security Council. March 21, 2006. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/communiqucomoroseng-47th.pdf> (accessed: 17.05.2023).

¹² Peace and Security Council 77th Meeting, Communiqué // The AU Peace and Security Council. May 9, 2007. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/communiquconcomoroseng.pdf> (accessed: 17.05.2023).

Хотя операция достигла поставленных перед ней задач, АС продолжил свое присутствие в процессах постконфликтного примирения и восстановления на Коморских островах. 29 июня 2008 г. под эгидой МАЕС состоялись выборы нового исполнительного законодательного органа в Анжуане, за которыми следили 356 военных и гражданских наблюдателей из Танзании и Судана (*The AU and the Search for Peace...*, 2011, p. 55).

АМИС: спорные итоги при твердой решимости и невысоком потенциале

В 2004 г. была запущена миссия АС в Судане (АМИС) для обеспечения соблюдения подписанного 8 апреля 2004 г. Нджаменского соглашения о прекращении огня в гуманитарных целях между правительством Судана и двумя главными повстанческими группировками — «Освободительным движением Судана» и «Движением за справедливость и равенство» (Badmus, 2015, p. 178). В первоначальный состав АМИС входило 96 международных наблюдателей (60 — от АС, 18 — от Чада, 18 — от США и ЕС), а также подразделение по охране сил из 270 военнослужащих (*UN and AU Missions in Sudan*, 2017, p. 10). Миссия (АМИС I) была уполномочена следить за соблюдением режима прекращения огня, проверять разоружение контролируемых правительством ополченцев и помогать в мерах по укреплению доверия. Кроме того, в задачи воинского подразделения входила защита гражданских лиц и гуманитарных работников. Объективно АМИС было чрезвычайно трудно справляться с поставленными задачами, и 20 октября 2004 г. СМБ утвердил расширенную миссию (АМИС II) с правом защищать гражданское население при непосредственных угрозах, продлив ее мандат до октября 2005 г. В июле 2005 г. была утверждена расширенная миссия (АМИС IIE) (Ekengard, 2008, pp. 17—24). Отныне акцент был сделан на проактивном мониторинге и предотвращении нападений на гражданских лиц. Была создана Дарфурская комплексная оперативная группа, развернут полицейский компонент для обеспечения безопасности в лагерях внутренне перемещенных лиц. С октября по конец 2004 г. численный состав

миссии увеличился с 3 320 до 7 730 человек (*UN and AU Missions in Sudan*, 2017, p. 4).

Миротворческой миссии АМИС действительно удалось снизить уровень насилия в регионе Дарфура, а также предотвратить межплеменные конфликты, но она не справилась с основными задачами. Обеспечить защиту гражданских лиц, которым угрожала серьезная опасность, миссия оказалась неспособна. АС в то время не был оснащен для проведения такой операции. Только был создан СМБ. По мере развертывания миссии стало ясно, что ожидания стали превышать ее мандат и реальные возможности. Первоначально предполагалось, что АМИС будет следить за соблюдением соглашения о прекращении огня. Отсутствие должного опыта, слабая подготовка воинских контингентов, нехватка ресурсов и недостаточное материально-техническое оснащение не могли не сказаться на общей эффективности миссии, что в конечном счете потребовало вмешательства ООН. Несмотря на то, что АМИС значительно дешевле, чем миссия ООН сопоставимого размера, она постоянно испытывала трудности с финансированием, в том числе по линии донорской помощи. В целом в Судане АС продемонстрировал политическую волю к реализации своей миссии как panaфриканской инициативы.

Хотя изначально АС запускал АМИС с расчетом на последующую передачу функций ООН, переговоры ООН с суданским правительством о необходимости развертывания миссии в Дарфуре затягивались. Вначале была учреждена передовая группа ООН в Судане в качестве специальной политической миссии на основе резолюции 1547 СБ ООН (S/RES/1547 от 11 июня 2004 г.) для мониторинга существующих соглашений и подготовки к созданию миротворческой операции в поддержку выполнения Всеобъемлющего мирного соглашения между правительством Судана и Народно-освободительным движением/армией Судана, подписанного 9 января 2005 г. в Найроби. Непосредственно Миссия ООН в Судане (МООНВС) была учреждена Советом Безопасности ООН (СБ ООН) на основе резолюции 1590 (S/RES/1590 от 24 марта 2005 г.).

После заключения 5 мая 2006 г. Мирного соглашения по Дарфуру СБ ООН официально санкционировал переход от АМИС к МООНВС в соответствии с резолюцией 1706 СБ ООН (S/RES/1706 от 31 августа 2006 г.). Предполагалось, что МООНВС сможет расширить рамки своей работы в Дарфуре за счет дополнительных 17300 военнослужащих и 3300 полицейских, а также 16 сформированных полицейских подразделений¹³. В июле 2007 г., после длительных политических переговоров, между Хартумом и ООН был достигнут компромисс, который позволил учредить Смешанную миссию Организации Объединенных Наций — Африканского союза в Дарфуре (ЮНАМИД). Передача полномочий произошла 31 июля 2007 г. с принятием резолюции Совета Безопасности ООН 1769 (S/RES/1769 от 31 июля 2007 г.), а 31 декабря 2007 г. состоялась официальная церемония передачи полномочий от АМИС ЮНАМИД в штаб-квартире новой миссии в столице Северного Дарфура — городе Эль-Фашер.

АМИСОМ: новые грани операции

Не менее трудоемко и напряженно складывалась ситуация с обеспечением безопасности и стабильности в Сомали, где с 19 января 2007 г. развернута миссия Африканского союза (АМИСОМ) (Williams, 2019; Ютяева, 2021, с. 197—198), которая лидирует по масштабам, продолжительности и потерям среди миротворцев (около 4 тыс. солдат за 16 лет действия миссии)¹⁴.

АМИСОМ создавалась в очень сложных условиях, когда террористическая группировка «Аш-Шабаб» контролировала большую часть Могадишо и южно-центральной части Сомали. СБ ООН всецело поддержал

АМИСОМ, предоставив Африканскому союзу полномочия на развертывание многонациональных миротворческих сил на основе резолюции 1744 (S/RES/1744 от 20 февраля 2007 г.). Однако первоначальный мандат операции предусматривал учреждение миссии сроком на 6 месяцев с довольно амбициозными, но вместе с тем ограниченными целями, такими как: 1) поддержка диалога и примирения в Сомали путем содействия обеспечению свободного передвижения, безопасного проезда и защиты всех участников процесса; 2) защита переходных федеральных органов и охрана ключевых объектов инфраструктуры; 3) оказание помощи в осуществлении Национального плана обеспечения безопасности и стабилизации; 4) содействие созданию условий безопасности, необходимых для доставки гуманитарной помощи; 5) охрана персонала, объектов, сооружений, имущества миссии и обеспечение безопасности и свободы передвижения ее персонала. Однако как таковая задача по защите гражданского населения не была прописана, несмотря на осложнившуюся к весне 2007 г. обстановку. Впоследствии резолюция СБ ООН 1838 (S/RES/1838 от 7 октября 2008 г.) добавила еще одну задачу — содействие в осуществлении Джибутийского соглашения от 19 августа 2008 г.

Численность военного и гражданского контингента была довольно скромной и составляла всего 8100 военнослужащих¹⁵. Для решения столь масштабных задач мандата свои войска предоставили Нигерия и Гана. Позже миссия была расширена до 19 586 человек за счет Уганды и Бурунди, затем Эфиопии, Кении, Джибути и Сьерра-Леоне¹⁶. Несмотря на предварительные обещания, Малави отказалась от участия в миссии.

¹³ Резолюция 1706 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5519-м заседании 31 августа 2006 года // ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/484/66/PDF/N0648466.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁴ Peace and Security Council 69th Meeting, Communiqué // The AU Peace and Security Council. January 19, 2007. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/communiqueeng-69th.pdf> (accessed: 17.05.2023).

¹⁵ Peace and security in Africa: Briefing by the United Nations Office to the African Union (UNOAU) // The UN Security Council. 6561st meeting. Tuesday, 21 June 2011. P. 4. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N11/381/40/PDF/N1138140.pdf?OpenElement> (accessed: 17.05.2023).

¹⁶ Communiqué of the 245th Meeting of the Peace and Security Council // The AU Peace and Security Council. October 15, 2010. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/final-communique-on-somalia-eng-.pdf> (accessed: 17.05.2023).

До 2011 г. стратегия АМИСОМ носила преимущественно оборонительный характер. Подконтрольная официальным властям территория сокращалась, в то время как позиции в северной и западной частях Могадишо занимала «Аш-Шабаб». Все эти факторы формировали негативное восприятие миссии со стороны сомалийского общества, особенно на фоне инцидентов гибели мирных жителей, которых миротворцы принимали за боевиков. Несмотря на чрезвычайно высокие потери, в августе 2011 г. силы АМИСОМ выбили повстанцев из столицы и расширили масштабы операции. Благодаря наступлению АМИСОМ и Национальной армии Сомали к 2012 г. город был практически полностью освобожден. В течение следующих нескольких лет были проведены крупные наступательные операции: *Panua Eneo* (2011 г.); *Free Shabelle, Eagles* (март 2014 г.), *Indian Ocean* (ноябрь 2014 г.), *Ocean Build* (ноябрь 2014 г. — июль 2015 г.), *Juba Corridor* (июль 2015 г.), *Badbaado 1a* и *1b* (2018—2019 гг.), в результате которых «Аш-Шабаб» была вытеснена из основных населенных пунктов в южной и центральной частях страны. Однако победы миротворцев периодически сменялись поражениями от «Аш-Шабаб», которая продолжала наращивать военный потенциал и способность к сопротивлению, время от времени отвоевывая утраченные позиции. В своих многочисленных резолюциях по Сомали СБ ООН по-прежнему квалифицировал ситуацию как угрозу для международного мира и безопасности.

Однако для такой амбициозной и масштабной миссии одной из непреодолимых проблем стала нехватка финансовых ресурсов, несмотря на гораздо больший бюджет, чем для других миссий. Это предопределило потребность в дотациях ЕС, Лиги арабских государств и отдельных стран-доноров (США, Великобритании, Италии, Швеции, Китая).

Несмотря на традиционные проблемы, с которыми сталкивается любая региональная миротворческая операция, АМИСОМ оставалась практически единственной силой в стране, которая поддерживала правительство Сомали в борьбе с «Аш-Шабаб» на протяжении последних 15 лет. Миротворцам удавалось «установить хрупкий мир», сдерживать

вооруженные столкновения, хотя не полностью и не везде, в основном в столице и в некоторых стратегически важных районах (Badmus, 2015). АМИСОМ сыграла важную роль в защите двух переходных правительств, двух федеральных правительств и двух национальных избирательных процессов. Это однозначно говорит в пользу миссии, которая не переставала работать над созданием благоприятного политического пространства для решения внутренних проблем, хотя и не играла ключевой роли в урегулировании политического кризиса.

Усилиями АМИСОМ решались важные гуманитарные задачи по обеспечению гражданского населения широким доступом к медицинскому обслуживанию и гуманитарной помощи. АМИСОМ удалось укрепить потенциал сомалийских полицейских сил через обучение, наставничество, консультирование и инициирование проектов быстрого воздействия, что в конечном счете привело к улучшению ситуации с правопорядком и укреплению сотрудничества между полицией и сомалийскими общинами. В 2021 г. в мандат АМИСОМ была добавлена статья о поэтапной передаче полномочий Национальной армии Сомали, численность которой уступала миротворческому контингенту чуть ли не два раза.

Таким образом, с относительной долей успеха АМИСОМ выполнила основные стратегические задачи по 1) снижению угрозы со стороны «Аш-Шабаб» и других вооруженных оппозиционных групп; 2) обеспечению безопасности для содействия политическому процессу в Сомали и усилиям по примирению; 3) передаче своих обязанностей в обеспечении безопасности сомалийским силам безопасности.

Глубоко укоренившееся мнение о провале АМИСОМ не вполне корректно. Главный упрек состоит в том, что миссия не смогла должным образом обеспечить безопасность на всей территории страны и полностью искоренить радикальные группировки. Однако подобное требование не должно быть адресовано исключительно миротворческим силам, которые сталкивались со многими ограничениями. Правительство Сомали оказалось не готово к самостоятельному решению глубоко

укоренившихся внутренних проблем, которые требовали внимания не столько извне, сколько изнутри. В частности, осложнились взаимоотношения правительства как с представителями других автономий и областей вплоть до раскола, так и другими странами, как, например, в случае с Кенией и даже АС. Так, в 2021 г. специальный представитель комиссии АС, действующей на территории Сомали, был объявлен персоной нон грата и вынужден покинуть страну. Кроме того, затянувшийся сомалийский конфликт невозможно разрешить только лишь военными средствами.

Операция завершилась в декабре 2021 г. С 1 апреля 2022 г. на базе АМИСОМ была запущена Переходная миссия Африканского союза в Сомали (АТМИС) с мандатом до конца 2024 г. и последующей передачей обязанностей сомалийским силам безопасности. Численность новой миссии (18 тыс. военнослужащих, 1 тыс. полицейских, 70 гражданских лиц¹⁷), как и большая часть мандата (поддержка переходного правительства Сомали, реализация национального плана в области безопасности, подготовка сомалийских служб безопасности) такие же, как и у ее предшественницы. Единственное исключение — мандат АТМИС не предусматривает прямого участия в наступательных операциях против террористических группировок.

АТМИС также не удалось избежать проблем с финансированием. 9 апреля 2023 г. Совет мира и безопасности в очередной раз заявил о необходимости дополнительного финансирования для обеспечения поставленных целей и продолжения эффективной борьбы с «Аш-Шабаб».

Гибридные операции Африканского союза в сотрудничестве с ООН и ЭКОВАС: практические аспекты работы «в поле»

Помимо операций под руководством АС было инициировано несколько операций смешанного типа (см. табл. 2).

¹⁷ African Union Transition Mission in Somalia (ATMIS). URL: <https://atmis-au.org/> (accessed: 17.05.2023).

ЮНАМИД: первая гибридная операция

Первой и до сих пор единственной гибридной миротворческой миссией, принятой АС в сотрудничестве с ООН, остается операция в Дарфуре (ЮНАМИД)¹⁸, инициированная 31 июля 2007 г. на основе коммюнике 79 СМБ АС о положении в Дарфуре¹⁹ и резолюции 1769 СБ ООН (S/RES/1769 от 31 июля 2007 г.). Впервые СБ поручил ООН и Африканскому союзу совместно руководить миротворческой операцией, которая не только заменила предыдущую миссию АС в Судане (АМИС), но и сосуществовала с другой миротворческой миссией ООН (МООНВС) и отдельным процессом посредничества ООН и АС для Дарфура.

В качестве принципов формирования миссии были заявлены совместное назначение Специального представителя по Дарфуру; назначение Командующего Силами АС по согласованию с ООН; единство системы командования и управления (при обеспечении структуры командования и управления, а также механизма поддержки со стороны ООН). Сотрудничество в равной степени отвечало интересам обеих организаций. Африканский союз нуждался в ресурсах ООН и опирался на ее богатейший опыт, воспроизводя его в своих оперативных задачах. ООН требовалась политическая поддержка АС для взаимодействия с правительством Судана, которое противилось присутствию миротворческих сил в Дарфуре, квалифицируя конфликт как внутреннее дело, а присутствие иностранных сил — как реколонизацию страны.

Наряду с развертыванием миротворческой миссии именно АС выступил посредником между правительством Судана и повстанческими группировками Дарфура.

¹⁸ ЮНАМИД — фактологический бюллетень. Защита гражданского населения, содействие доступу к гуманитарной помощи и поддержка политического процесса в Дарфуре // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/mission/unamid> (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁹ Peace and Security Council 79th Meeting, Communiqué // The AU Peace and Security Council. June 22, 2007. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/communiquehybridoperationeng.pdf> (accessed: 17.05.2023).

Кроме того, ООН рассчитывала на возможности АС в сближении африканских государств, в том числе по вопросу предоставления контингентов исходя из принципа, что операция должна была носить «африканский характер».

ЮНАМИД была уполномочена поддерживать реализацию Дохинского документа о мире в Дарфуре, следить за соблюдением соглашений о прекращении огня, защищать гражданских лиц, гуманитарных работников, содействовать верховенству закона и соблюдению прав человека, разоружать «Джанджавид», решать пограничные вопросы между Суданом и Чадом. После принятия в 2011 г. Дохинского документа о мире в Дарфуре ЮНАМИД привлекли к процессам внутреннего диалога и консультациям. В резолюции 2148 (S/RES/2148 от 3 апреля 2014 г.) СБ ООН упорядочил мандат ЮНАМИД в соответствии с тремя стратегическими приоритетами:

1) защита гражданского населения, содействие гуманитарному доступу и обеспечение охраны и безопасности гуманитарных организаций;

2) посредничество между правительством Судана и вооруженными группами, не подписавшими соглашение, на основе Дохинского документа о мире в Дарфуре;

3) поддержка посредничества в урегулировании конфликта в общинах, в том числе посредством мер по устранению его коренных причин, совместно со страновой группой ООН.

Мандат ЮНАМИД, позволяющий принимать все необходимые меры для реализации поставленных задач, был подкреплён необходимыми силами и персоналом. На тот момент это была крупнейшая миротворческая операция в мире. По состоянию на 31 июля 2007 г. утвержденная численность миссии составляла 25 987 миротворцев, в том числе 19 555 военнослужащих, 360 военных наблюдателей и офицеров связи, 3 772 полицейских советника и 2 660 сформированных полицейских подразделений. Основная часть контингента была предоставлена Нигерией, Руандой, Египтом и Эфиопией. К середине 2011 г. удалось развернуть 90 % миротворцев.

В резолюции 2063 (S/RES/2063 от 31 июля 2012 г.) численность военного и полицейского контингентов была сокращена до 23 743 человека. В дальнейшем на пике своего развития утвержденная численность ЮНАМИД составляла 19 555 военнослужащих и порядка 4 тыс. полицейских²⁰.

ЮНАМИД полностью финансировалась за счет ООН. Бюджет миссии на первый год составил 1,48 млрд долл. США, из которых 20 % были предоставлены Вашингтоном²¹. В дальнейшем финансирование ЮНАМИД урезалось наравне с сокращением общего финансирования миротворческих миссий. Если в 2016—2017 гг. бюджет ЮНАМИД составлял 1,040 млрд долл. США, то в 2019—2020 гг. он сократился до критического уровня — 257,9 млн долл. США²².

Несмотря на раздвоенное командование и совместное управление, гибридное партнерство АС и ООН было скорее политическим, чем оперативным. Гибридность ЮНАМИД неизбежно порождала проблемы в координации на протяжении всего 13-летнего срока действия миссии, требуя гибкости и компромисса с обеих сторон, тем более что ООН контролировала большую часть бюджета и мандата, что приводило к отрыву общей стратегии от потребностей сил АС на местах. К 2014 г. методы и подходы обеих организаций к ситуации в Дарфуре приобрели более согласованный характер, и в результате отдача от гибридного партнерства повысилась. При этом местное население и правительственные круги стали все сильнее критиковать миротворцев за неспособность кардинально улучшить условия безопасности в регионе. Также в 2014 г. ухудшились отношения с суданским правительством,

²⁰ UNAMID Fact Sheet // The United Nations Peacekeeping. URL: <https://unamid.unmissions.org/about-unamid-0> (accessed: 15.05.2023).

²¹ United States Policy on Sudan // US Department of State Archive. April 15, 2008. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/af/rls/fs/2008/103969.htm> (accessed: 17.05.2023).

²² ЮНАМИД — фактологический бюллетень. Защита гражданского населения, содействие доступу к гуманитарной помощи и поддержка политического процесса в Дарфуре // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/mission/unamid> (дата обращения: 15.05.2023).

президент Судана Омар аль-Башир обвинил ЮНАМИД в поддержке повстанческих движений и потребовал покинуть Дарфур.

Именно в этот период СБ ООН впервые обозначил намерение начать процесс постепенного сокращения ЮНАМИД²³. Данный процесс стартовал три года спустя с принятием резолюции 2363 (S/RES/2363 от 29 июня 2017 г.), в которой наряду с продлением мандата миссии говорилось о сокращении военного и полицейского персонала в два этапа в течение следующего года при продолжении мониторинга ситуации на местах. В феврале 2019 г. из региона была выведена половина контингента ЮНАМИД. 22 декабря 2020 г. СБ ООН единогласно принял резолюцию 2559 (S/RES/2559 от 22 декабря 2020 г.), в которой постановил прекратить действие мандата ЮНАМИД к концу года, разрешив при этом шестимесячный период для окончательного вывода военного и гражданского персонала к 30 июня 2021 г.

Несмотря на сложную операционную обстановку, ЮНАМИД удалось добиться определенных успехов, гораздо более серьезных, чем предшествовавшей ей миссии АС. Благодаря посредническим функциям АС миротворцы с переменным успехом обеспечивали гуманитарный доступ, защищали гражданское население и проводили переговоры по последующим мирным соглашениям. Дохинский документ о мире в Дарфуре (ДДМД), подписанный только правительством Судана и «Движением за освобождение и справедливость», заложил основу для проведения дальнейших институциональных и законодательных реформ, создав определенные политические механизмы для устранения причин самого конфликта. Подготовка условий для подписания ДДМД, его популяризация и доведение до широкой общественности — это заслуги ЮНАМИД.

Следует признать, что миссия располагала крайне ограниченным пространством для оказания прямого политического влияния на динамику мирного процесса. Сложившаяся в

Дарфуре ситуация не позволяла развернуть полномасштабную операцию по поддержанию мира. Достичь всеобъемлющего мирного соглашения, которое бы было одобрено всеми сторонами конфликта, также не удалось. Основные повстанческие движения не поддержали ни Абуджийское соглашение по Дарфuru, ни Дохинский документ о мире в Дарфуре. Кроме того, миротворцам с трудом удавалось контролировать, проверять и продвигать усилия по разоружению арабского ополчения «Джанджавида», признанного ООН ответственным за нарушения прав человека и международного гуманитарного права в Дарфуре. Некоторые из этих групп были поглощены военизированными формированиями, другие — перешли на сторону повстанцев, в частности «Движения за справедливость и равенство». В этих сложных условиях сами миротворцы неоднократно подвергались нападениям, прежде всего со стороны «Джанджавида» и племенных вооруженных группировок. В ходе операции погибло 289 человек из персонала миссии²⁴. Поддержка Судана в дальнейших усилиях по решению проблем миростроительства, а также защите гражданского населения, содействию мирному процессу и обеспечению доставок гуманитарной помощи перешла от ЮНАМИД к Интегрированной миссии ООН по содействию переходному периоду в Судане (ЮНИТАМС) и страновой группе.

От АФИСМА к МИНУСМА

Последующие гибридные операции проводились АС в сотрудничестве с субрегиональными организациями. В конце 2012 г. АС и ЭКОВАС инициировали Международную миссию под африканским руководством по поддержке Мали (АФИСМА), которая была санкционирована резолюцией 2085 СБ ООН (S/RES/2085 от 20 декабря 2012 г.) (Корендясов, Константинова, 2020; Ежегодник СИПРИ 2014..., 2015, с. 119—121). Резолюцию поддержало временное правительство Мали. Ставились задачи по укреплению потенциала

²³ «Голубые каски» уходят из суданского Дарфура // Новости ООН. 31.12.2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/12/1393362> (дата обращения: 15.05.2023).

²⁴ UNAMID Fact Sheet // The United Nations Peacekeeping. URL: <https://unamid.unmissions.org/about-unamid-0> (accessed: 15.05.2023).

национальных сил обороны, поддержке в восстановлении государственной власти на подконтрольном экстремистским вооруженным группам севере, обеспечению стабилизации, оказанию помощи малийским властям в поддержании безопасности и укреплении государственной власти, снижению угрозы, исходящей от экстремистских группировок, в том числе «Аль-Каиды в странах исламского Магриба»²⁵, «Движения за единство и джихад в Западной Африке» и связанных с ними группировок. Главой миссии был назначен экс-президент Бурунди Пьер Буйоя, который также был Верховным представителем АС по Мали и зоне Сахеля. В распоряжение миссии поступило 3300 человек, в том числе 2990 военнослужащих из Нигерии, Чада, Буркина-Фасо, Нигера, Сенегала, Бенина, Ганы, Гвинеи и Того, то есть основную часть сил составляли войска Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС). Общая стоимость миссии составила 455,53 млн долл. США, из которых африканские страны (ЮАР, Эфиопия, Нигерия, Гана) внесли 23 % от общей стоимости (Mali Mission Brief, 2017, p. 4).

Мобилизация сил проходила медленно, развертывание АФИСМА затягивалось из-за материально-технических проблем и сложностей координации. 10 января 2013 г. исламисты начали наступление на юг страны, захватив город Кона. По мере дальнейшего продвижения повстанцев к Бамако Франция начала полномасштабную военную операцию «Серваль» (11 января 2013 г. — 14 июля 2014 г.), чтобы остановить продвижение к столице и помочь малийскому правительству восстановить контроль над страной. Решительные военные действия Франции, Мали и АФИСМА на этом этапе были вполне успешны, к концу января удалось вытеснить боевиков-исламистов из главных городов на севере Мали, включая Тимбукту, а к началу февраля — из Кидаля, последнего города, находившегося под их контролем.

При этом с точки зрения готовности к наступательным действиям АФИСМА играла вспомогательную роль, обеспечивая безопас-

ность территорий после их освобождения. Кроме того, основные страны, предоставившие войска, такие как Чад, впоследствии вышли из состава миссии в военном отношении, ссылаясь на отсутствие финансовой и материальной поддержки для проведения крупных контрпартизанских операций на обширных территориях. Франция и США, не довольные результатами, призывали СБ ООН как можно скорее заменить АФИСМА операцией ООН.

Ссылаясь на письмо председателя Комиссии ЭКОВАС от 26 марта 2013 г. на имя Генерального секретаря ООН с просьбой о преобразовании африканской операции в стабилизационную миссию ООН АФИСМА в итоге была реорганизована в Многопрофильную комплексную миссию ООН по стабилизации Мали (МИНУСМА)²⁶. При этом весь личный состав АФИСМА был переподчинен и передан под командование руководства ООН. Впервые передача полномочий от АС к ООН создала напряженность между двумя организациями и даже спровоцировала неожиданную реакцию со стороны СМБ в виде жалобы. АС считал, что располагает политическими возможностями реагировать на весь спектр возникших в Мали проблем и может справиться как с восстанием повстанцев, так и с неконституционной сменой правительства. В ООН придерживались другой точки зрения, и оценка потенциала АС в урегулировании данного конфликта была более чем скромной. АС также полагал, что переходный период был слишком коротким и непрозрачным, без признания достижений АФИСМА.

От АФИСМЦАР к МИНУСКА

Еще одной операцией, которая также позиционировалась как исключительно африканский проект, стала Международная миссия по поддержке ЦАР (АФИСМЦАР) (Ежегодник СИПРИ 2014..., 2015, С. 124—127). Данная миссия, преобразованная из миссии Экономического сообщества государств Цен-

²⁵ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

²⁶ AFISMA Transfers its Authority to MINUSMA // The African Union. July 1, 2013. URL: <https://www.peaceau.org/en/article/afisma-transfers-its-authority-to-minusma> (accessed: 15.05.2023).

тральной Африки (ЭККАС) по укреплению мира в ЦАР (МИКОПАКС) и сформированная из действовавшего в стране военного контингента ЭККАС, была учреждена 19 июля 2013 г. соответствующим коммюнике СМБ²⁷. Процесс передачи полномочий и преобразования был запущен 1 августа 2013 г., но для его полного завершения потребовалось четыре месяца. Развертывание АФИСМЦАР шло медленно, ЭККАС всячески тормозило процесс. К тому же новую миссию возглавил Специальный представитель Жан-Мари Мококо, генерал из Республики Конго и политический оппонент Д. Сассу-Нгессо.

Мандат миссии был сформулирован крайне широко: 1) защита гражданского населения и восстановление безопасности и общественного порядка; 2) стабилизация обстановки и восстановление власти центрального правительства; 3) реформа и реструктуризация сектора обороны и безопасности; 4) создание условий для доставки гуманитарной помощи. В соответствии с резолюцией СБ ООН 2127 (S/RES/2127 от 5 декабря 2013 г.) в распоряжение миссии передавались находившиеся в стране иностранные миротворческие войска.

Первоначально численность контингента АФИСМЦАР составляла 3,5 тыс. человек, однако количества развернутых сил оказалось недостаточным. После вспышки насилия в декабре 2013 г. численность миссии была увеличена до 6 тыс.²⁸ Несмотря на продолжавшиеся проблемы с безопасностью, развертывание сил АФИСМЦАР и французских миротворцев предотвратило развитие еще большей катастрофы на территории страны. Воинские и полицейские контингенты предоставили Бурунди, Камерун, Конго, Демократическая Республика Конго, Габон, Экваториальная Гвинея, Руанда, Чад, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар, Сенегал. Поддержку миротворцам оказывали французские подразделения

(численностью 1,6 тыс. человек) в рамках операции «Сангарис», проходившей с декабря 2013 г. по май 2015 г. (United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission..., 2017, pp. 2—3). При этом Чад вывел 833 своих военнослужащих после обвинений в неспровоцированном нападении на многолюдный рынок в Банги 29 марта 2014 г., повлекшем гибель 30 человек (Welz, 2014, p. 607).

АФИСМЦАР столкнулась с теми же проблемами, что и другие региональные миссии: слабый институциональный потенциал, многоуровневое переподчинение контингентов без проведения проверки их боеспособности, отсутствие единой командной структуры, зависимость от поддержки международного сообщества, ограниченность действия операции территорией Банги. Спустя полгода на смену АФИСМЦАР пришла Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в ЦАР (МИНУСКА) в соответствии с резолюцией СБ ООН 2149 (S/RES/2149 от 10 апреля 2014 г.). В ее распоряжение поступало 10 тыс. военнослужащих и 1,8 тыс. полицейских²⁹. Передача полномочий состоялась 15 сентября 2014 г. Каждое новое миротворческое вмешательство, начиная с МИКОПАКС (под руководством ЭККАС), АФИСМЦАР (под руководством АС) и заканчивая МИНУСКА (под руководством ООН), было скорее дополнением к предыдущей операции, а не стратегически проработанной новой миссией.

Заключение

Африканский союз и субрегиональные организации самым активным и непосредственным образом участвуют в установлении мира в Африке. К их неоспоримым заслугам относится оперативное реагирование на вспыхивающие локальные кризисы, зачастую задолго до вмешательства ООН. Как показывает практика, региональные миротворческие

²⁷ Peace and Security Council 385th Meeting, Communiqué // The AU Peace and Security Council. July 19, 2013. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/psc-com-385-car-19-07-2013.pdf> (accessed: 15.05.2023).

²⁸ MISCA Establishment // MISCA. URL: <http://misca.peaceau.org/en/page/110-about-misca> (accessed: 15.05.2023).

²⁹ Резолюция 2149 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7153-м заседании 10 апреля 2014 года // ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/295/83/PDF/N1429583.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2023).

силы заступают на службу в условиях продолжающихся боевых действий и отсутствия каких-либо мирных процессов, иногда даже без прямого разрешения на применение военной силы для защиты гражданского населения, хотя впоследствии мандаты миссий корректируются как в части инструментария, так и объема выполняемых задач. Купирование «горячей» стадии конфликта через решение первоочередных задач по сдерживанию кровопролития позволяет подготовить почву для последующего развертывания международных миротворческих контингентов ООН, которые замещают местные контингенты при наличии благоприятных условий для политического диалога.

Подобное «разделение» труда между ООН и региональными/локальными акторами наиболее четко отражает текущий формат их взаимодействия. Однако с запуском первой гибридной миссии ЮНАМИД постепенно выстраивается новая модель сотрудничества, которая если и не дополняет «простое разделение труда», то, по крайней мере, расширяет его границы. Проводить миротворческие операции в Африке исключительно собственными силами, по крайней мере без тесных консультаций с АС и субрегиональными организациями, становится для ООН слишком обременительно.

Региональная модель миротворчества в Африке довольно понятна и проста: исходя из возможностей самих задействованных акторов, Африканский союз как континентальная региональная организация берет на себя большую роль в управлении региональным режимом безопасности, при этом региональные экономические сообщества выполняют оперативные функции, опираясь на региональные механизмы безопасности. В отличие от АС, далеко не все субрегиональные организации могут быть квалифицированы как зрелые и сформировавшиеся провайдеры миротворчества. Однако во многих конфликтах именно благодаря их решительным действиям удавалось останавливать беспорядки и предотвращать дальнейшее их расползание.

Присутствие африканских региональных сил во всех проанализированных миссиях в

целом оказало положительное влияние на стабилизацию ситуации в зонах конфликта, хотя и не всегда приводило к ожидаемым результатам. Наличие политической воли, прямой заинтересованности и ответственности, оперативная реакция, знание сути и специфики конфликтов, а также возможности диалога с большинством, если не со всеми конфликтующими сторонами не перекрывают множество проблем, с которыми сталкиваются практически все региональные миссии.

Во-первых, это низкий уровень подготовки или вовсе отсутствие надлежащей подготовки африканских миротворцев, на обучение которых по стандартам ООН традиционно уходит много времени и средств. Однако данная проблема решается на фоне приобретения полевого опыта и программ профессиональной переподготовки. Кроме того, нередко случаются задержки с предоставлением контингентов из-за отсутствия у стран логистических возможностей для своевременного развертывания.

Во-вторых, миссии часто получают нерелигиозные мандаты с «непосильными» задачами, особенно с учетом количества задействованных контингентов, их материально-технического обеспечения, скромных ресурсов и слабой боевой подготовки миротворцев.

В-третьих, общей проблемой абсолютно всех миссий региональных сил являются перебои с финансированием, нехватка собственных средств и зависимость от поддержки внешних доноров. Без политической, финансовой и материально-технической поддержки международного сообщества развертывание африканских миротворческих операций будет по-прежнему затруднено.

В-четвертых, в некоторых миссиях присутствовала проблема достижения согласия по мандату операции, особенно в тех случаях, когда принимающая миссию страна категорически отказывалась от ее развертывания и квалифицировала как вмешательство.

Наконец, африканцы не всегда с пониманием относятся к статусу подобных операций как временной меры, последующей передаче полномочий и вхождению в состав контингентов ООН после успешного завершения боевых действий.

Очевидно, что по мере накопления опыта, совершенствования оргструктуры, проработки концептуальных основ доктрины урегулирования конфликтов вклад АС и субрегиональных организаций в обеспечение мира

и безопасности в Африке будет неуклонно расти. При этом требуется трезвая оценка масштабов и характера миссий и, соответственно, заблаговременное выделение адекватных ресурсов.

Поступила в редакцию / Received: 23.03.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 07.04.2023
Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список

- Бокерия С. А. Партнерство ООН и АС в области миротворчества: тенденции и проблемы // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17, № 2. С. 189—207. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-08>
- Денисова Т. С. ЭКОВАС и проблемы регионального миротворчества (к 40-летию ЭКОВАС) // Азия и Африка сегодня. 2015. № 9 (698). С. 37—43.
- Ежегодник СИПРИ 2014. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Русское издание. Москва : ИМЭМО РАН, 2015.
- Корендясов Е. Н., Константинова О. В. Мир в Мали: путь к безопасности в Сахаро-Сахельском субрегионе // Азия и Африка сегодня. 2020. № 11 (760). С. 17—25. <https://doi.org/10.31857/S032150750012180-0>
- Разрешение военно-политических конфликтов в Африке: роль региональных организаций / отв. ред. С. В. Костелянец, А. А. Ткаченко. Москва : Институт Африки РАН, 2017.
- Тишков С. А. Демилитаризация постконфликтных государств Африки: уроки миростроительства ООН // Азия и Африка сегодня. 2017. № 5 (718). С. 11—16.
- Ютяева И. Р. Африканский союз в роли миротворца: миссия выполнима? // Восток (Oriens). 2021. № 3. С. 193—203. <https://doi.org/10.31857/S086919080014989-4>
- Apuuli K. P. The African Union and Peacekeeping in Africa: Challenges and Opportunities // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20, no. 4. P. 667—677. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-667-677>
- Badmus I. A. The African Union's Role in Peacekeeping: Building on Lessons Learned from Security Operations. London : Palgrave Macmillan, 2015. <https://doi.org/10.1057/9781137426611>
- Bellamy A. J., Williams P. D. Who's Keeping the Peace? Regionalization and Contemporary Peace Operations // International Security. 2005. Vol. 29, no. 4. P. 157—195. <https://doi.org/10.1162/isec.2005.29.4.157>
- Brosig M. Introduction: The African Security Regime Complex — Exploring Converging Actors and Policies // African Security. 2013. Vol. 6, no. 3—4. P. 171—190. <https://doi.org/10.1080/19392206.2013.854088>
- Bures O. Regional Peacekeeping Operations: Complementing or Undermining the United Nations Security Council? // Global Change, Peace & Security. 2006. Vol. 16, no. 2. P. 83—99. <https://doi.org/10.1080/14781150600687775>
- De Coning C. Africa and UN Peace Operations: Implications for the Future Role of Regional Organisations // United Nations Peace Operations in a Changing Global Order / ed. by C. de Coning, M. Peter. Cham : Palgrave Macmillan, 2019. P. 213—229. https://doi.org/10.1007/978-3-319-99106-1_11
- Ekengard A. The African Union Mission in Sudan (AMIS): Experiences and Lessons Learned. Stockholm : Swedish Defence Research Agency, 2008.
- Feldman M., Robert L. Problems Plaguing the African Union Peacekeeping Forces // Defense & Security Analysis. 2008. Vol. 24, no. 3. P. 267—279. <https://doi.org/10.1080/14751790802321388>
- Gottschalk K. African Peacekeeping and African Integration: Current Challenges // Vestnik RUDN. International Relations. 2020. Vol. 20, no. 4. P. 678—686. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-4-678-686>
- Kostelyanets S. V. IGAD's Mediation and Peacekeeping in Africa: Challenges and Perspectives // Africa and the Formation of the New System of International Relations. Advances in African Economic, Social and Political Development / ed. by A. M. Vasiliev, D. A. Degterev, T. M. Shaw. Cham : Springer, 2021. P. 195—206. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77336-6_14
- Majinge Ch. R. The Future of Peacekeeping in Africa and the Normative Role of the African Union // Goettingen Journal of International Law. 2010. Vol. 2, no. 2. P. 463—500. <https://doi.org/10.3249/1868-1581-2-2-Majinge>
- Mali Mission Brief // World Peace Foundation. 2017. P. 1—15. URL: <https://sites.tufts.edu/wpf/files/2017/07/Mali-brief.pdf> (accessed: 15.05.2023).
- Møller B. The African Union as Security Actor: African Solutions to African Problems? // Crisis States Working Papers Series. 2009. No. 57. P. 1—28. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08b7ae5274a27b2000b7f/WP57.2Moller.AU.pdf> (accessed: 15.05.2023).

- Murithi T.* The African Union’s Evolving Role in Peace Operations: The African Union Mission in Burundi, the African Union Mission in Sudan and the African Union Mission in Somalia // *African Security Review*. 2008. Vol. 17, no. 1. P. 69—82. <https://doi.org/10.1080/10246029.2008.9627460>
- Rodt A. P.* The African Mission in Burundi. The Successful Management of Violent Ethno-Political Conflict? // *Ethnopolitics Papers*. May 2011. No. 10. P. 1—29. URL: https://centres.exeter.ac.uk/exceps/downloads/Ethnopolitics%20papers_No10_veen%20rodt%20-%20african%20union.pdf (accessed: 15.05.2023).
- Segun J., Olanrewaju F.* The AU’s Progress and Achievements in the Realm of Peace and Security // *India Quarterly: A Journal of International Affairs*. 2017. Vol. 73, no. 4. P. 454—471. <https://doi.org/10.1177/0974928417731639>
- Svensson E.* The African Mission in Burundi: Lessons Learned from the African Union’s First Peace Operation. Stockholm : Swedish Defense Research Agency, 2008a.
- Svensson E.* The African Union’s Operations in the Comoros. MAES and Operation Democracy. Stockholm : Swedish Defense Research Agency, 2008b. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/39226-doc-176_the_african_union_operations_in_comoros-maes_and_operations_democracy.pdf (accessed: 15.05.2023).
- The AU and the Search for Peace and Reconciliation in Burundi and Comoros // HD Centre for Humanitarian Dialogue. 2011. P. 1—250. URL: <https://hdcentre.org/wp-content/uploads/2016/07/The-AU-and-the-search-for-peace-and-reconciliation-in-burundi-and-comoros-final-september-2011.pdf> (accessed: 15.05.2023).
- Tijjani M. A.* United Nations Observer Mission and ECOMOG Intervention in Liberia’s Peace Process // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018. Vol. 18, no. 4. P. 872—887. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-872-887>
- UN and AU Missions in Sudan // World Peace Foundation. 2017. P. 1—24. URL: <https://sites.tufts.edu/wpf/files/2017/07/Sudan-brief.pdf> (accessed: 15.05.2023).
- United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in the Central African Republic (MINUSCA). African-led International Support Mission in the Central African Republic (MISCA) // World Peace Foundation. 2017. P. 1—12. URL: <https://sites.tufts.edu/wpf/files/2017/07/Central-African-Republic-brief.pdf> (accessed: 15.05.2023).
- Weiss T. G., Welz M.* The UN and the African Union in Mali and Beyond: A Shotgun Wedding? // *International Affairs*. 2014. Vol. 90, no. 4. P. 889—905. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12146>
- Welz M.* Briefing: Crisis in the Central African Republic and the International Response // *African Affairs*. 2014. Vol. 113, no. 453. P. 601—610. <https://doi.org/10.1093/afraf/adu048>
- Wilén N., Williams P. D.* The African Union and Coercive Diplomacy: The Case of Burundi // *The Journal of Modern African Studies*. 2018. Vol. 56, no. 4. P. 673—696. <https://doi.org/10.1017/S0022278X18000459>
- Williams P. D.* Keeping the Peace in Africa: Why “African” Solutions Are Not Enough // *Ethics & International Affairs*. 2008. Vol. 22, no. 3. P. 309—329. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.2008.00158.x>
- Williams P. D.* Lessons for “Partnership Peacekeeping” from the African Union Mission in Somalia // *International Peace Institute*. 2019. P. 1—16. URL: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2019/10/1910_Lessons-from-AMISOM.pdf (accessed: 15.05.2023).
- Williams P. D.* Military Responses to Mass Killing: The African Union Mission in Sudan // *International Peacekeeping*. 2006. Vol. 13, no. 2. P. 168—183. <https://doi.org/10.1080/13533310500436565>
- Williams P. D.* The African Union’s Peace Operations: A Comparative Analysis // *African Security*. 2009. Vol. 2, no. 2—3. P. 97—118. <https://doi.org/10.1080/19362200903361937>
- Williams P. D., Boutellis A.* Partnership Peacekeeping: Challenges and Opportunities in the United Nations — African Union Relationship // *African Affairs*. 2014. Vol. 113, no. 451. P. 254—278. <https://doi.org/10.1093/afraf/adu021>

Сведения об авторе: Худайкулова Александра Викторовна — кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных процессов, МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0003-0680-9321; e-mail: alexandra_77@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-358-371

EDN: GK BUTI

Научная статья / Research article

Роль военной дипломатии во внешней политике КНР в Южно-Китайском море

Д.В. Мосяков¹ , М.А. Шпаковская² , Т.И. Понька² ¹Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерацияmosyakov.d@gmail.com

Аннотация. Исследуются особенности военной дипломатии как инструмента внешней политики КНР, направленного на достижение цели «великого возрождения китайской нации». Особая роль при этом уделяется процессу концептуализации военной дипломатии во внешнеполитическом дискурсе КНР, что позволило авторам выявить задачи и формы данного средства осуществления внешней политики. Отмечается тесная связь военной дипломатии с обеспечением коренных интересов КНР. Важное место отводится региону Юго-Восточной Азии, где КНР имеет неразрешенные споры по морским правам и национальной юрисдикции островов и месторождений полезных ископаемых с рядом государств. Авторами оценивается эффективность военной дипломатии в двусторонних отношениях со странами региона. Теоретическим фундаментом работы выступает неореалистический подход, который позволяет оценивать военную дипломатию как комплекс несиловых мер, направленный на достижение национальных интересов. В заключении авторы приходят к выводу, что страновые и региональные приоритеты в военно-дипломатическом взаимодействии Китая, по-видимому, соответствуют приоритетам более широкой внешней политики Китая. Интенсивное использование военной дипломатии КНР в Южно-Китайском море демонстрирует наращивание Китаем лидерского потенциала на мировой арене и мироустроительных идей в сопредельных регионах.

Ключевые слова: военная дипломатия, внешняя политика КНР, Си Цзиньпин, великое возрождение китайской нации, Южно-Китайское море, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, АСЕАН, Вьетнам

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-514-92001/21 ВАОН «Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии».

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Мосяков Д. В., Шпаковская М. А., Понька Т. И. Роль военной дипломатии во внешней политике КНР в Южно-Китайском море // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 358—371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-358-371>

Role of Military Diplomacy in the PRC's Foreign Policy in the South China Sea

Dmitry V. Mosyakov¹ , Marina A. Shpakovskaya² , Tatyana I. Ponka²

¹Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

mosyakov.d@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of military diplomacy as an instrument of China's foreign policy aimed at achieving the goal of the "great revival of the Chinese nation." A special role is given to the process of conceptualization of military diplomacy in the foreign policy discourse of the People's Republic of China (PRC), which allowed the authors to identify the tasks and forms of this means of implementing foreign policy. The close connection of military diplomacy with ensuring the fundamental interests of the People's Republic of China is noted. A special place is given to the region of Southeast Asia, where the PRC has unresolved disputes over maritime rights and national jurisdiction of offshore facilities and mineral deposits with several states. The authors assess the effectiveness of military diplomacy in bilateral relations with the countries of the region. The theoretical foundation of the work is the neorealist approach, which allows us to evaluate military diplomacy as a set of non-forceful measures aimed at achieving national interests. The authors conclude that the country and regional priorities in China's military-diplomatic cooperation seem to correspond to the priorities of China's broader foreign policy. The PRC's intensive use of military diplomacy in the South China Sea demonstrates China's growing leadership potential on the world stage and world-building ideas in neighboring regions.

Key words: military diplomacy, China's foreign policy, Xi Jinping, The great revival of the Chinese nation, South China Sea, ASEAN, Vietnam

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Acknowledgements. The research was funded by RFBR and VASS, project number 20-514-92001/21 "Russian-Vietnamese cooperation in the context of the current geopolitical situation in East Asia".

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Mosyakov, D. V., Shpakovskaya, M. A., & Ponka, T. I. (2023). Role of military diplomacy in the PRC's foreign policy in the South China Sea. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 358—371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-358-371>

Введение

Приход к руководству КНР Си Цзиньпина в 2013 г. повлек за собой ряд крупных изменений во внутренней и внешней политике Китая. Отличительной чертой руководства Си Цзиньпина является идея «китайской мечты», которая переплетается с концепцией «великого возрождения китайской нации». В основе данной концепции лежат мироустроительные идеи, прежде всего в сопредельных регионах (Виноградов, 2021, с. 29). Устоявшимся нарративом в этом контексте выступает курс на реализацию концепции «сообщества единой судьбы», подразумевающей достижение общей и взаимовыгодной безопасности. Формулирование собственного подхода КНР к проблемам безопасности представляется

актуальным и своевременным в связи с обострением противоречий между КНР и США. Острота американо-китайского противоборства связана с проблемой транзита власти, то есть изменения конфигурации мирополитической системы под влиянием перераспределения комплексной мощи от США в сторону Китая (Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021, с. 212). Этот процесс носит глобальный и системный характер, поэтому содержит потенциал для изменения самой системы международных отношений, что может негативно отразиться на региональной безопасности в стратегически значимом для Китая регионе.

Основным региональным внешнеполитическим приоритетом КНР на современном этапе развития государства выступает

контроль за 80 % акватории и островами в Южно-Китайском море (ЮКМ). Как подчеркивает российский китаист Е.Н. Грачиков, «оспариваемая Китаем морская зона составляет 3 млн кв. км» и включает более 230 островов, рифов и отмелей, суверенитет над которыми оспаривается пятью прибрежными государствами (Грачиков, 2015, с. 149, 151). Интерес КНР к ЮКМ обуславливается как экономическим, так и военно-стратегическим значением данного морского пространства, которое выступает мировой артерией морской торговли: 25—30 % всей мировой торговли, которая ведется по морю, проходит через него (Грачиков, 2015).

С военно-стратегической точки зрения через Южно-Китайское море проходит самый быстрый маршрут для переброски военноморских сил из Индийского в Тихий океан, что повышает его значимость как транзитного пространства для маневра сил любой страны, прежде всего США. Соответственно, потеря стратегического преимущества КНР в данной акватории чревата утратой регионального лидерства и осложнением перспектив реализации крупномасштабных экономических инициатив. Кроме того, стабильность в ЮКМ необходима для наращивания военноморской мощи Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в целях защиты «коренных интересов» КНР.

В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о взаимодействии Китая со странами региона для выработки выгодного для себя правового режима в ЮКМ. Среди обширного внешнеполитического инструментария примечательным выглядит военная дипломатия, главным предназначением которой выступает минимизация негативного противодействия со стороны региональных стран от поступательного наращивания военноморской компоненты китайской армии (Грачиков, 2019). В связи с относительной новизной такого термина, как «военная дипломатия», следует отметить, что она предназначена для формирования бесконфликтной среды через дипломатическую активность, которая осуществляется армией.

Рассматриваемая проблематика частично нашла отражение в научных работах таких авторов, как К. Ле Мьер (Le Mièr, 2014), Э. Пайтинка (Pajtinka, 2016) и др. Одним из первых, поставивших проблему военной дипломатии КНР, стал коллектив авторов Университета национальной обороны США, состоящий из К. Аллена, Ф.С. Сондерса и Д. Чена (Allen, Saunders & Chen, 2017). Также данная тема изучается Х. Элмахли и Д. Сунь (Elmahly & Sun Degang, 2018), Ф. Сондерсом и Дж. Шайи (Saunders & Shyu, 2019), Т. Хитом (Heath, 2020) и др.

Проблема геополитических и стратегических интересов Китая в Юго-Восточной Азии (ЮВА), а также усиления международного влияния КНР нашла подробное освещение в научных трудах ряда отечественных ученых: В.Б. Кашина (2013), Е.В. Колдуновой (2019), Д. В. Мосякова (2019), Е.А. Канаева и М.А. Терских (2020) и др. Своя ниша изучения стратегии КНР на региональном и глобальном уровне сложилась на кафедре теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы (Грачиков, 2015; 2021; Понька, Бельченко, Трусова, 2017; Шпаковская, Куклин, Ву Тхуи Чанг, 2018; Дегтерев, 2020; Худайкулова, Рамич 2020; Мосяков, Шпаковская, 2020; Юньюшкина и др., 2020; Баланс сил в ключевых регионах мира..., 2021). Особенностью этой школы выступает междисциплинарный подход и широкое применение моделирования и ситуационного анализа.

Теоретическим фундаментом предлагаемой работы выступает неореалистический подход, который позволяет оценивать военную дипломатию как комплекс несилowych мер, направленных на достижение национальных интересов. Гипотезой исследования выступает утверждение, что военная дипломатия представляет собой оптимальный инструмент взаимодействия КНР с региональными странами для сохранения предсказуемой региональной среды в условиях курса на «возрождение китайской нации».

Концептуализация военной дипломатии во внешнеполитическом дискурсе КНР

Военная дипломатия (军事外交, *цзюнььши вайцзяо*) Китая имеет прочные основания для выделения как отдельного инструмента внешнеполитической деятельности КНР. Ученые НОАК считают военную дипломатию необходимой частью стратегии, направленной на защиту национальных интересов, утверждая, что военные отношения могут служить основой планирования национальной стратегии и стимулировать национальное и военное строительство. Военной дипломатии как средству осуществления внешней политики приписывается множество функций. При этом исследователи проводят различия между функциями мирного, военного и кризисного времени. В мирное время военная дипломатия «поддерживает и развивает двусторонние отношения в области военной безопасности... обеспечивает основу для решения вопросов международной безопасности... формирует стратегическую обстановку в стране... обеспечивает поддержку усилению международного влияния страны и вооруженных сил страны... и способствует национальной обороне и военному строительству» (Yongzheng Chu, 2015, pp. 117—125). Применение военной дипломатии в кризисных ситуациях включает попытку управлять ими по мере необходимости.

Участие НОАК в военной дипломатии значительно возросло за последние три десятилетия в соответствии с растущим значением вопросов безопасности и национальной обороны во внешнеполитических приоритетах Китая. Исторически НОАК играла второстепенную роль во внешней политике Китая. Во многом это было обусловлено контекстом, в котором формировались приоритеты внешней политики до и после 1990-х гг. Китай до 1990-х гг. придерживался политики сокрытия сильных сторон и выжидания времени для наращивания потенциала (韬光养晦, *таогуан янхуэй*). Прежде всего Пекин стремился сохранить имидж, подчеркивающий мирный подъем Китая. Как утверждает Э. Хагт, «Министерство иностранных дел Китая было

доминирующим субъектом в этом внешнеполитическом подходе, ориентированном на развитие», а НОАК «приходилось ждать и набираться терпения» (Hagt, 2015, p. 219).

После холодной войны произошло изменение международной обстановки, что повлияло на глобальную стратегию Китая. Начался постепенный рост внимания китайского правительства к вопросам национальной обороны и безопасности, что также отразилось и на внешнеполитической роли НОАК. Как утверждают американские эксперты К. Аллен, Ф. Сондерс и Д. Чен, большая часть военной дипломатии Китая носит двусторонний характер, однако в настоящее время НОАК участвует и в ряде многосторонних форматов, включающих в себя учения и др. (Allen, Saunders & Chen, 2017, p. 21). Как инструмент внешней политики военная дипломатия проводится по принципу «сверху вниз» и подчиняется партийной и национальной внешнеполитической стратегии (Cai Penghong, 2016).

Впервые «военная дипломатия» как специфический инструмент внешней политики встречается в Белой книге КНР по национальной обороне 1998 г. В этом документе говорилось: «Военные контакты Китая с зарубежными странами подчинены задаче модернизации вооруженных сил и системы национальной безопасности в целом. Китай самостоятельно проводит внешние военные отношения и участвует в военных обменах и иных форматах военного сотрудничества, основанных на пяти принципах мирного сосуществования. В своих контактах с иностранными военными Китай всегда отстаивал принципы взаимного уважения, углубления взаимопонимания, развития дружбы, взаимной выгоды и сотрудничества. Вооруженные силы Китая активно участвуют в многосторонней военно-дипломатической деятельности, направленной на то, чтобы в полной мере реализовать позитивную роль вооруженных сил Китая в сфере международных дел»¹.

¹ 1998 Nian zhong guo de guo fang bai pi shu // Zhong hua ren min gong he guo guo shi wang [Белая книга по национальной обороне Китая 1998 г. // Национальная историческая сеть КНР]. 17.09.2009. (На китайском

С тех пор данный посыл сохраняется в концептуальных документах по национальной обороне, которые КНР регулярно публикует.

В 2015 г. в Белой книге «Военная стратегия КНР» говорилось, что, хотя общая внешняя обстановка в целом остается благоприятной, перед Китаем стоит «трудная задача по защите миссии национального объединения, территориальной целостности и интересов развития». В задачи НОАК входит обеспечение безопасности и интересов Китая в новых областях — как внутри страны, так и за рубежом, а также участие в региональном и международном сотрудничестве в области безопасности. В связи с увеличением значимости океанических пространств в китайской стратегии перед ВМС НОАК отдельно ставилась задача «участвовать в международном морском сотрудничестве, с тем чтобы обеспечить стратегическую поддержку для превращения страны в морскую державу»².

В 2015 г. на Конференции по военно-дипломатической работе и 16-й Рабочей конференции военных атташе Си Цзиньпин назвал несколько конкретных целей китайской военной дипломатии: поддержка общего внешнеполитического курса, защита национальной безопасности и продвижение военного строительства, защита суверенитета, безопасности и интересов Китая в области развития³. Он также отметил, что военная дипломатия должна соответствовать «правильному политическому направлению», а те, кто осуществляет военно-дипломатическую деятельность, должны «быть первопроходца-

языке). URL: http://hprc.cssn.cn/wxzl/zfbps/zhefbpp/200909/t20090917_3959028.html (accessed: 04.11.2021).

² 2015 Nian zhong guo guo fang bai pi shu “Zhong guo de jun shi zhan lue” // Zhongguo Ribao [Белая книга по национальной обороне Китая 2015 г. «Военная стратегия Китая» // Чайна дейли]. 26.05.2015. (На китайском языке). URL: http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1138561/2015-5-28/cd_20821000.html (accessed: 04.11.2021).

³ Xi Jinping: Jin yi bu kai chuang jun shi wai jiao xin ju mian // Renmin wang [Си Цзиньпин: Прогресс в создании новой ситуации в области военной дипломатии // Жэньминь жибао онлайн]. 29.01.2015. (На китайском языке). URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0129/c64094-26474947.html> (accessed: 04.11.2021).

ми и внедрять инновации», «выстраивать прочную идеологическую линию обороны» и «совершенствовать методы и средства» военной деятельности⁴.

В Белой книге «Национальная оборона Китая в новую эпоху» от 2019 г. роль НОАК более отчетливо сместилась в сторону защиты зарубежных интересов Китая, под которыми понимается обеспечение стабильности энергопоставок, морской торговли и неприкосновенность китайских граждан и инвестиций⁵. Этот акцент не может быть отделен от приоритета Си Цзиньпина по обеспечению реализации инфраструктурных проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Соответственно, средствами военной дипломатии руководство КНР намерено защищать и продвигать национальные интересы, особенно в сфере национальной безопасности.

Касательно целей военной дипломатии доцент кафедры стратегических исследований Национального университета обороны Китая Чэнь Чжисюн отмечает, что китайское военно-политическое руководство склонно рассматривать военную дипломатию как инструмент для достижения шести следующих целей:

- 1) формирование благоприятной международной стратегической среды посредством международных обменов и сотрудничества;
- 2) укрепление доверия и уменьшение подозрения относительно намерений КНР;
- 3) создание благоприятного международного имиджа путем участия в миротворческих операциях или операциях по оказанию гуманитарной помощи;
- 4) развитие армии и национальной обороны путем изучения передовой военной мысли, военных технологий и тактики посредством двусторонних обменов;

⁴ Ibid.

⁵ “Xin shi dai de zhong guo guo fang” bai pi shu quan wen // Zhong hua ren min gong he guo guo fang bu [Полный текст белой книги «Национальная оборона Китая в новую эпоху» // Министерство национальной обороны КНР]. 24.07.2019. (На китайском языке). URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgwx/bps/4846424.html> (accessed: 04.11.2021).

5) расширение влияния за счет повышения доверия зарубежных партнеров к китайской национальной оборонной структуре, системе военного командования, вооружениям и технике китайского производства;

6) сдерживание потенциального противника путем демонстрации возможностей ВС КНР в ходе двусторонних военных обменов и совместных военных учений (Zhixiong Shen, 2018, pp. 103—104).

Среди основных форм военной дипломатии следует выделить встречи высшего военного руководства, совместные военные учения, заходы кораблей ВМС НОАК в морские порты и функциональные обмены.

Встречи на высшем уровне и участие в военных форумах с иностранными лидерами в области безопасности обеспечивают канал для сотрудничества между странами. Эта форма военной дипломатии служит важным средством урегулирования кризисов и помогает снизить риск просчетов во время военных операций (Pajtinka, 2016, p. 184).

Совместные военные учения являются одной из наиболее заметных форм военно-дипломатической деятельности. В них, как правило, задействованы вооруженные силы стран-участниц, выполняющие традиционные и нетрадиционные операции.

Заходы в морские порты предоставляют кораблям ВМС возможности для проведения целого ряда мероприятий, включая функциональное обслуживание, дипломатические обмены и гуманитарные операции в иностранных портах, и каждый из таких заходов может помочь укрепить дипломатические связи между странами (Nouwens, 2021, p. 6).

Функциональные обмены — это программы, обычно организуемые военными академиями или военными колледжами, которые расширяют диалог между иностранными военнослужащими, учеными и функциональным персоналом и их коллегами в принимающей стране. Эти программы создают возможности для совершенствования военных навыков, улучшения взаимодействия с партнерами по безопасности и развития будущих военных лидеров (Canrong Jin & Bo Wang, 2015, p. 21). Целесообразно отметить,

что все выработанные формы реализации военной дипломатии подчеркивают принципиально мирный и инклюзивный характер увеличения китайской военной мощи.

Таким образом, на данный момент в китайский внешнеполитический дискурс прочно вошло осмысление комплекса мероприятий, проводимого армией для укрепления двусторонних отношений Китая со странами в различных регионах. Функциональное значение военной дипломатии можно разложить в соответствии с нацеленностью решить две группы целей: стратегические и оперативные. Стратегические цели включают поддержку общей дипломатии КНР путем предоставления общественных благ и привлечения ключевых стран, а также формирование обстановки безопасности путем демонстрации или развертывания возможностей НОАК. Оперативные цели включают сбор разведанных об иностранных вооруженных силах и потенциальных районах операций, изучение новых навыков и тактики, методов и процедур, а также сравнение возможностей НОАК с другими армиями мира.

Учитывая, что защита китайской позиции в территориальных спорах является стратегической задачей китайской внешней политики, целесообразно изучить особенности военной дипломатии КНР в отношении со странами Юго-Восточной Азии.

Использование военной дипломатии в отношениях КНР со странами АСЕАН

Юго-Восточная Азия является основным региональным пространством для апробации средств и методов китайской военной дипломатии. Это подтверждают данные доклада «Китайская военная дипломатия, 2003—2016 гг.: тенденции и последствия» Института национальных стратегических исследований США, выпущенного в 2017 г. Согласно документу, военная дипломатия НОАК уделяет большое внимание Азии (41 %), при этом наибольший приоритет имеет Юго-Восточная Азия (22 %), за которой следуют Южная (9 %), Центральная (5 %) и Северо-Восточная Азия (4,8 %) (Allen, Saunders &

Chen, 2017). В этом докладе также объясняется, что растущее взаимодействие НОАК со странами Азии нельзя отделять от стратегии перебалансировки США в данном регионе, которая была запущена в 2011 г.⁶, и прихода Си Цзиньпина к власти в 2012 г. Первый фактор привел к усилению военно-стратегической напряженности в регионе, которая на настоящий момент протекает под знаменем Индо-Тихоокеанской стратегии⁷. Второй фактор, в свою очередь, повлиял на рост приоритетности направления развития отношений с близлежащими (или сопредельными) государствами в китайской внешней политике (Мокрецкий, 2015, с. 46).

Несомненно, значение военной дипломатии Китая растет по мере развития внешней политики Китая. Р. Гейдариан выделил три важнейших этапа внешней политики Китая в ЮВА.

Первый этап пришелся на эпоху Мао Цзэдуна, когда Китай был вовлечен в затяжную идеологическую войну в «окружающей среде», особенно в Юго-Восточной Азии. Местные коммунистические движения полагались на материальную и политическую поддержку Пекина на ранних этапах холодной войны. Соответственно, военные обмены стали основным инструментом военной дипломатии КНР в странах ЮВА (Heydarian, 2020, p. 34).

Второй этап начался после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и перехода к эпохе Дэн Сяопина. Новый лидер совершил дипломатические визиты высокого уровня в ключевые страны Юго-Восточной Азии, такие как Сингапур, Малайзия, Таиланд, а также в США.

⁶ См.: Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. October 11, 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed: 17.11.2021); Opening Remarks by President Obama at APEC Session One // The White House. November 13, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/13/opening-remarks-president-obama-apec-session-one> (accessed: 17.11.2021).

⁷ National Security Strategy of the United States of America // WhiteHouse.gov. December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 01.11.2022).

Затем Китай нормализовал отношения с западными странами, Японией и оставшимися государствами — членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которые ранее опасались китайской «красной» угрозы. Однако на этом этапе Китай стремился быть связанным с внешним миром лишь настолько, насколько это способствовало укреплению экономического развития страны. Поэтому, по словам Я. Масуда, Китай в то время продемонстрировал негативную реакцию на сотрудничество в области безопасности со странами Юго-Восточной Азии: «Китай с его традицией „горизонтальных связей“ предпочитал двустороннюю дипломатию с малыми странами». Примерно в 1992—1993 гг. КНР начала нацеливать все страны АСЕАН на двусторонний формат диалога (Matsuda, 2006, p. 26).

Третий этап был начат Цзян Цзэмином, который возглавил Китай в 1993 г. В начале 1990-х гг. произошли постепенные изменения в авторитарном режиме государства: политическая система Китая стала более диверсифицированной, а представители предпринимательских кругов постепенно входили в высшие эшелоны Коммунистической партии Китая (КПК). На этом этапе внутренняя индустриализация побудила Китай попытаться наладить отношения с другими странами, особенно теми, которые обладали необходимой для КНР ресурсной базой. Кроме того, этот период также ознаменовался миграцией миллионов граждан Китая (Heydarian, 2020, p. 36).

В результате произошедших изменений Китай начал предлагать собственную экономическую систему как потенциальную модель развития для постколониального мира и стал воспринимать себя как развивающуюся экономическую державу с глобальными интересами. Это потребовало внедрения военно-дипломатических инструментов во внешнеполитическую практику для того, чтобы обеспечить соблюдение китайских интересов. Так, начиная с 2001 г. постепенно растет частота участия министров обороны Китая в различных форматах военно-дипломатического сотрудничества, например в формате

Форума министров обороны стран АСЕАН (ASEAN Defence Minister's Meeting, ADMM), который получил название ADMM-Plus (Allen, Saunders & Chen, 2017, p. 54). Расширенный форум министров обороны стран — членов АСЕАН является платформой для АСЕАН и ее восьми партнеров по диалогу (Австралии, Индии, Китая, Японии, Новой Зеландии, Республики Корея, Российской Федерации и США) для укрепления сотрудничества в области безопасности и обороны в интересах мира, стабильности и развития в регионе. Эта платформа создана на основе высшего механизма консультаций и сотрудничества в области обороны в АСЕАН⁸.

Однако П. Цай подчеркивает, что «оборонная дипломатия», разработанная в рамках ADMM-Plus, находится в концептуальном конфликте с «военной дипломатией» Китая. Хотя военная дипломатия Китая продолжает свое развитие, ее можно определить как «достижение целей внешней политики под руководством национальной генеральной стратегии Китая посредством мирного использования военных ресурсов и возможностей для поддержания национальных интересов (как внутри страны, так и за рубежом), безопасности и развития». Между тем «оборонная дипломатия» — это «традиционная концепция безопасности, используемая в целях реальной политики укрепления западных союзников против общих врагов». Расхождение обеих концепций заключается в том, что с точки зрения Китая, представленной китайским дипломатом Цянь Цичэнем, в международных отношениях «любая деятельность вооруженных сил с целью координации дипломатических действий не может называться военной дипломатией» (Cai Penghong, 2016, p. 93).

При Си Цзиньпине, как указывалось ранее, Китай начал проявлять большую решимость защищать свои ключевые интересы, включающие суверенитет, территориальную

целостность и устойчивое социально-экономическое развитие. В докладе 19-го съезда КПК (2017 г.), который являлся руководством на следующие пять лет, подчеркивалась важность защиты этих интересов и суверенных прав Китая, а также необходимость не поддаваться внешнему давлению⁹.

Императивом развития ситуации в ЮКМ выступает несогласие с позицией китайской стороны относительно юрисдикции в данной акватории других региональных стран — Вьетнама, Малайзии, Филиппин и Брунея. Попытки урегулировать этот вопрос и договориться в международно-правовом и геополитическом форматах предпринимались странами АСЕАН не один десяток лет. Наиболее важным и одновременно показательным периодом с точки зрения способности стран «десятки» и КНР договориться между собой по проблеме ЮКМ были 1990-е гг. Настойчивость Филиппин и Вьетнама привела к инициированию разработки Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, идея которого была впервые озвучена в ходе 29-го совещания министров иностранных дел АСЕАН в июле 1996 г.¹⁰

После долгих дискуссий стороны договорились зафиксировать общие позиции, к которым им удалось прийти в результате дипломатических переговоров, в виде Декларации, о чем было официально заявлено в рамках 8-го саммита АСЕАН в Камбодже в ноябре 2002 г.¹¹ Однако принятый документ не

⁹ Xi Jinping. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era // Xinhua. October 18, 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf (accessed: 04.11.2021).

¹⁰ 1996 Joint Communique of the 29th ASEAN Ministerial Meeting // Central of International Law of National University of Singapore. July 21, 1996. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/04/29th-ASEAN-Ministerial-Meeting.pdf> (accessed: 17.11.2021).

¹¹ 2002 Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea // Central of International Law of National University of Singapore. November 4, 2002. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/04/2002-Declaration-on-the-Conduct-of-Parties-in-the-South-China-Sea-1.pdf> (accessed: 17.11.2021).

⁸ About the ASEAN Defence Ministers' Meeting // ASEAN Defence Minister's Meeting. January 10, 2023. URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/04/2002-Declaration-on-the-Conduct-of-Parties-in-the-South-China-Sea-1.pdf> (accessed: 02.10.2023).

стал реально работающим инструментом урегулирования территориальных споров между сторонами и по своей сути больше напоминает декларацию о намерениях (Королев, Стрельникова, 2021, с. 4).

Несмотря на существование данной декларации, Китай планомерно проводил в ЮКМ политику, сообразную со своим видением данного пространства. В частности, он осуществил масштабные проекты по мелиорации земель в Южно-Китайском море и созданию искусственных островов, а также по размещению в исключительной экономической зоне (ИЭЗ) Вьетнама нефтяной платформы *Haiyang Shiyou-981* (Понька, Бельченко, Трусова, 2017, с. 525). Начиная с 2016 г. Китай направлял свои рыболовные суда и корабли береговой охраны в ИЭЗ Индонезии у группы островов Натуна¹². В апреле 2020 г. китайское исследовательское судно *Haiyang Dizhi 8* в сопровождении китайского судна береговой охраны вошло в ИЭЗ Малайзии и работало рядом с буровым судном по контракту с малайзийской государственной нефтяной компанией Petronas¹³.

В 2017 г. Китай опубликовал Белую книгу «Политика Китая в области сотрудничества в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе», в которой большое внимание уделил военно-дипломатической компоненте сотрудничества со странами АСЕАН как средству продвижения региональной политики. При этом преимущественное внимание было сконцентрировано на форматах встреч высшего военного командования Китая и региональных стран¹⁴.

¹² Sulaiman Y. Why Indonesia Keeps Sending Mixed Signals on the Natuna Sea Dispute with China // The Conversation. January 13, 2020. URL: <https://theconversation.com/why-indonesia-keeps-sending-mixed-signals-on-the-natuna-sea-dispute-with-china-129562> (accessed: 17.11.2021).

¹³ Latiff R., Ananthalakshmi A. Malaysia Calls for Peaceful End to Months-long South China Sea Standoff // The Jakarta Post. April 23, 2020. URL: <https://www.thejakartapost.com/seasia/2020/04/23/malaysia-a-calls-for-peaceful-end-to-months-long-south-china-sea-standoff.html> (accessed: 17.11.2021).

¹⁴ “Zhong guo de ya tai an quan he zuo zheng ce” bai pi shu // Zhonghua renmin gongheguo guo wu yuan xin wen

В 2018 г. при согласовании Общего проекта Кодекса КНР и АСЕАН поставили цель закончить переговоры по принятию полноценного документа к 2021 г.¹⁵ Однако в связи с традиционными проблемами переговорного процесса, непрекращающимися кризисами в акватории ЮКМ и пандемии COVID-19 решение данного вопроса было перенесено на неопределенное время.

Если визуализировать частотность использования китайской военной дипломатии в двусторонних отношениях со странами АСЕАН, то следует операционализировать данный абстрактный инструмент через конкретные переменные: совместные учения, заходы в порты и встречи глав военных министерств (таблица). В качестве отправной точки можно взять 2002 г., когда была подписана Декларация о поведении сторон в ЮКМ.

Полученные данные нуждаются в качественном осмыслении и интерпретации.

Во-первых, визиты и встречи по-прежнему составляют подавляющее большинство (72,6 %) военно-дипломатических взаимодействий, при этом наметилось снижение этого показателя в общей структуре военно-дипломатических акций. В ходе последнего визита руководителя Министерства обороны Китая Вэй Фэнхэ в Малайзию, Индонезию и Бруней стороны подтвердили, что АСЕАН поддерживает готовность Китая

ban gong shi [Белая книга «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» // Центральное народное правительство КНР]. 11.01.2017. (На китайском языке). URL: http://www.gov.cn/zhengce/2017-01/11/content_5158864.htm (accessed: 17.11.2021).

¹⁵ Wang Yi: “Nan hai xing wei zhun ze” dan yi cuo shang wen ben cao an xing cheng, zheng ming zhong guo yu dong meng guo jia you neng li da cheng gong tong zun shou de [de di] qu gui ze // Zhonghua renmin gongheguo guo wu yuan xin wen ban gong shi [Ван И. Формирование единого текста проекта «Кодекса поведения в Южно-Китайском море» доказывает, что Китай и страны АСЕАН способны выработать региональные правила, которые они совместно соблюдают // Центральное народное правительство КНР]. 02.08.2018. (На китайском языке). URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2018-08/02/content_5311360.htm (accessed: 17.11.2021).

разрешать споры в Южно-Китайском море посредством диалога¹⁶.

Во-вторых, количество военных учений резко возросло с тех пор, как Си Цзиньпин пришел к власти.

**Количественные показатели интенсивности
военно-дипломатической активности КНР
со странами ЮВА в 2002—2021 гг.**

Страна	Учения	Заходы в пор- ты	Встречи глав военных министерств	Итого
Бруней	4	2	14	20
Вьетнам	7	5	61	73
Индонезия	17	6	34	57
Камбоджа	5	3	35	43
Лаос	2	1*	37	39
Малайзия	11	7	38	56
Мьянма	3	5	36	44
Сингапур	10	9	37	56
Таиланд	26	10	59	95
Филиппины	3	6	22	31
Всего	88	53	373	514

* — Лаос — континентальная страна, не имеющая выхода к морю. Однако в августе 2017 г. жителям этой страны была оказана медицинская помощь госпитальным судном ВМС НОАК «Ковчег мира» (*Peace Ark*), которое пришвартовалось в порту Камбоджи¹⁷.

Источник: составлено авторами на основе: (Allen, Saunders, & Chen, 2017, pp. 62—66); How is China Bolstering its Military Diplomatic Relations? // China Power Project. October 27, 2017. URL: <https://chinapower.csis.org/china-military-diplomacy/#toc-1> (accessed: 17.11.2021); Jun shi xing dong // Zhong hua ren min gong he guo guo fang bu [Военные действия // Министерство национальной обороны КНР]. (На китайском языке). URL: http://www.mod.gov.cn/action/node_46960.htm (accessed: 04.11.2021).

В-третьих, с течением времени количество заходов в морские порты увеличилось, при этом в основном их осуществляют

¹⁶ Zhong guo yu dong meng guo jia fa zhan jun shi lian xi // Souhu [Китай и страны АСЕАН развивают военные связи // Соху]. 14.09.2020. (На китайском языке). URL: https://www.sohu.com/a/418393900_626761 (accessed: 17.11.2021).

¹⁷ How is China Bolstering its Military Diplomatic Relations? // China Power Project. October 27, 2017. URL: <https://chinapower.csis.org/china-military-diplomacy/#toc-1> (accessed: 17.11.2021).

целевые группы сопровождения, выполняющие свою деятельность в Аденском заливе. Они совершают дипломатические визиты в данные страны, пополняя при этом запасы для четырехмесячного оперативного патрулирования. При этом заходы в порты, не связанные с эскортными операциями, в подавляющем большинстве состоят из дружественных визитов.

Следует также отметить, что НОАК имеет надежные программы академического и функционального обмена с различными региональными странами, хотя подробная информация об этом формате отсутствует. Вместе с тем эксперты Сямэньского университета отмечают, что важными элементами военных обменов выступают сотрудничество между Китаем и АСЕАН в области нетрадиционной безопасности и диалог по проблеме Южно-Китайского моря¹⁸.

Комплексные военно-дипломатические усилия Китая по наращиванию сотрудничества со странами АСЕАН позволяют данной стране сохранять позитивную тональность при своей проактивной политике в регионе. Активное использование инструмента военной дипломатии дает Китаю возможность выступать гарантом всеобщей безопасности и на практике демонстрировать свою волю и свой подход к воплощению концепции «сообщества единой судьбы».

Отдельно необходимо подчеркнуть роль военной дипломатии в отношениях КНР и Вьетнама. Вьетнам желает обсуждать проблему Южно-Китайского моря в рамках диалога между АСЕАН и Китаем и в то же время поддерживает диалог с Китаем усилиями партии, правительства и военных. Используя эти каналы, особенно дипломатический, Вьетнам часто проводит двусторонние диалоги по морским вопросам, включая проблему Южно-Китайского моря. В июне 2013 г.

¹⁸ Zhong guo yu dong meng jun shi wai jiao: xian zhuang, qian jing ji lu jing // Nanyang wen ti yan jiu [Военная дипломатия между Китаем и АСЕАН: статус-кво, перспективы и траектория // Вопросы Юго-Восточной Азии]. 08.10.2018. (На китайском языке). URL: <http://www.yidianzixun.com/m/article/0KD4h3vK> (accessed: 17.11.2021).

Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Вьетнама Нгуен Фу Чонг посетил Китай, что привело к подписанию двустороннего соглашения «Об основных принципах урегулирования морских вопросов». В соответствии с документом две страны будут решать морские вопросы в соответствии со следующими принципами:

— страны расширят свое общее понимание в соответствии с правовыми принципами, включая Конвенцию по морскому праву 1982 г., и историей;

— страны будут урегулировать свои морские споры путем консультаций и дружественных средств в соответствии с принципами и духом Декларации 2002 г.;

— страны договорились проводить регулярные пограничные консультации два раза в год и, при необходимости, внеочередные консультации, а также создать горячую линию для оперативного решения морских вопросов¹⁹.

Для реализации вектора, заданного двумя странами, используются и инструменты военной дипломатии, например визиты патрульных катеров ВМС Вьетнама и проведение совместного патрулирования Тонкинско-го залива с ВМС НОАК. Сообщая об этом, газета «Народная армия» опубликовала комментарий китайских политиков о том, что эта деятельность «должна способствовать поддержанию спокойствия и стабилизации региона»²⁰.

¹⁹ Thỏa thuận về những nguyên tắc cơ bản chỉ đạo giải quyết vấn đề trên biển giữa nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam và nước Cộng hòa Nhân dân Trung Hoa // Nhân dân [Соглашение об основных принципах решения проблем на море между социалистической республикой Вьетнам и Китайской Народной Республикой // Нян зан]. 19.06.2013. (На вьетнамском языке). URL: <https://nhandan.vn/theo-dong-thoi-su/thoa-thuan-ve-nhung-nguyen-tac-co-ban-chi-dao-giai-quyet-van-de-tren-bien-giua-nuoc-cong-hoa-xa-hoi-chu-nghia-viet-nam-va-nuoc-cong-hoa-nhan-dan-trung-hoa-178255/> (accessed: 17.11.2021).

²⁰ Yêu cầu các nước liên quan tôn trọng chủ quyền, quyền chủ quyền, quyền tài phán của Việt Nam ở Biển Đông // Quân đội nhân dân [Попросите заинтересованные страны уважать суверенитет, права и юрисдикцию Вьетнама в Восточном море // Народная армия]. 29.01.2021. (На вьетнамском языке). URL: [https://www.qdnd.vn/chinh-tri/tin-tuc/yeu-cau-cac-nuoc-](https://www.qdnd.vn/chinh-tri/tin-tuc/yeu-cau-cac-nuoc)

Сотрудничество между ВС стран также поддерживается в формате стратегического диалога на уровне заместителей министров обороны КНР и Вьетнама. Вьетнам считает, что проблема Южно-Китайского моря будет надлежащим образом урегулирована, если две страны продолжают вести диалог и достигнут консенсуса. Взаимодействие в рамках стратегического диалога по обороне сохраняется даже в условиях роста напряженности в Южно-Китайском море. В его функции входит предоставление Китаю разъяснений относительно деятельности Вьетнамской народной армии, особенно ее сотрудничества в области безопасности с США. Заместители министра обороны посещают Китай сразу после совместных военных учений Вьетнама и США, где встречаются со своими коллегами — заместителями начальника Объединенного штаба Центрального военного совета НОАК.

Официальная позиция Социалистической Республики Вьетнам заключается в том, что военные обмены Вьетнама с США не связаны с проблемой Южно-Китайского моря и китайско-вьетнамскими отношениями. Вьетнам неукоснительно следует «политике трех нет» (*Ba “Khong”*): никаких союзов с какой-либо страной; никаких военных баз какой-либо страны на территории Вьетнама; никаких просьб к третьим странам вмешаться в противостояние Вьетнама с другими странами (Shoji, 2016, p. 54).

Снижению опасений по поводу роста китайского могущества в регионе и построению конструктивных двусторонних отношений также служит тесная кооперация сил пограничной обороны Китая и Вьетнама. На данном этапе отношений, по мнению заместителя начальника штаба Сил пограничной обороны Вьетнама генерал-майора Ли Вэньцана, трансграничные нетрадиционные вызовы безопасности выдвигают требования для углубленного, широкого и эффективного сотрудничества между пограничниками двух стран²¹.

[lien-quan-ton-trong-chu-quyen-quyen-chu-quyen-quyen-tai-phan-cua-viet-nam-o-bien-dong-650530](https://www.renminwang.com/lien-quan-ton-trong-chu-quyen-quyen-chu-quyen-quyen-tai-phan-cua-viet-nam-o-bien-dong-650530) (accessed: 17.11.2021).

²¹ Yue nan jun fang: jiang jia qiang yu zhong guo bian fang he zuo da ji kua jing fan zui // Renmin wang

Военная дипломатия при руководстве Си Цзиньпина и курсе на «возрождение китайской нации» выступает ключевым инструментом для достижения дипломатических целей в условиях количественного увеличения и качественной модернизации китайской армии. Данное изменение во внешней политике КНР привело к двум серьезным последствиям для политики КНР в регионе ЮВА.

Во-первых, это обусловило рост уверенности, особенно в Южно-Китайском море, которое рассматривается как коренной национальный интерес. В то время как растущая самоуверенность вызвала непростые отношения между Китаем и некоторыми странами АСЕАН, военная дипломатия Китая, которая придерживается иного подхода к АСЕАН, способствовала «продолжающимся переговорам без прогресса» по спору в Южно-Китайском море.

Во-вторых, укрепление Китаем военной дипломатии с соседними странами можно рассматривать как показатель наращивания Китаем лидерского потенциала на мировой арене, расширения международной ответственности и изучения возможностей формирования китаецентричных сегментов мира. Поэтому до сих пор Китай намеренно поддерживает различные уровни двусторонней военной дипломатии с несколькими государствами — членами АСЕАН.

Заключение

Проведенный анализ показывает согласованные усилия КНР по использованию НОАК для достижения различных целей, с особым акцентом на поддержку китайского

[Военные Вьетнама будут укреплять пограничное сотрудничество с Китаем для борьбы с трансграничной преступностью // Жэньминь жибао онлайн]. 11.02.2015. (На китайском языке). URL: <http://military.people.com.cn/n/2015/0211/c172467-26545659.html> (accessed: 17.11.2021).

внешнеполитического курса, а также формирование обстановки безопасности и обеспечение китайских зарубежных интересов.

Страновые и региональные приоритеты в военно-дипломатическом взаимодействии Китая, по-видимому, тесно связаны с приоритетами внешней политики Китая в более широком смысле. Это включает в себя акцент на построение стратегических отношений со странами ЮВА и сопредельными странами, такими как Вьетнам. Анализ военных отношений НОАК с 2002 по 2021 г. подтверждает, что Китай интенсивно использует инструмент военной дипломатии для формирования более предсказуемой обстановки в стратегически значимом регионе. Например, большинство заходов в порты, не связанные с операциями в Аденском заливе, являются дружественными посещениями портов, что подчеркивает попытки Китая успокоить соседей, обеспечить его военно-морской мощью и непрелюбимой позицией по территориальной юрисдикции.

В целом концепция «великого возрождения китайской нации», в соответствии с которой военная дипломатия приобрела значение ключевого инструмента для достижения внешнеполитических целей КНР, демонстрирует наращивание Китаем лидерского потенциала на мировой арене, расширение международной ответственности и изучение возможностей формирования китаецентричных сегментов мира, прежде всего в сопредельных регионах. Ввиду повышения рисков для основных интересов, к которым относится проблема ЮКМ, Китай перешел к собственным стратегическим инициативам на региональном уровне, имеющим мироустроительный потенциал. Для устранения алармизма среди региональных игроков и продвижения выгодного для себя режима в данном морском пространстве Китай задействует военную дипломатию.

Поступила в редакцию / Received: 12.02.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 04.07.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список

- Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ / под ред. Д. А. Дегтерева, М. А. Никулина, М. С. Рамича. Москва : РУДН, 2021.
- Виноградов А. В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65, № 3. С. 23—32. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-3-23-32>
- Грачиков Е. Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. Москва : Русайнс, 2015.
- Грачиков Е. Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. Москва : Аспект Пресс, 2021.
- Грачиков Е. Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993—2018) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63, № 3. С. 83—93. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93>
- Дегтерев Д. А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. Москва : Русайнс, 2020.
- Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цвык А. В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной bipolarности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 2. С. 210—231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>
- Канаев Е. А., Терских М. А. Перспективы вьетнамско-китайских отношений и «Цифровой Шелковый путь» в Юго-Восточной Азии // *Вьетнамские исследования*. 2020. Т. 4, № 4. С. 5—15. <https://doi.org/10.24411/2618-9453-2020-10029>
- Кашин В. Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949—2014 гг. // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2013. № 4. С. 106—129.
- Колдунова Е. В. Региональные трансформации Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка // *Сравнительная политика*. 2019. Т. 10, № 4. С. 52—64. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10041>
- Королев А. С., Стрельникова И. А. Территориальный спор в Южно-Китайском море: есть ли свет в конце туннеля или перспективы решения конфликта : аналитический бюллетень // *Центр комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ*. 2021. С. 1—17. URL: <https://cceis.hse.ru/data/2021/07/14/1419227800/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%AE%D0%9A%D0%9C.pdf> (дата обращения: 04.03.2022).
- Мокрецкий А. Ч. Основные направления китайской дипломатии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 1. С. 44—59.
- Мосяков Д. В. Глобальная трансформация Тихоокеанской Азии и Россия. Москва : Институт стран Востока, Институт востоковедения РАН, 2019.
- Мосяков Д. В., Шпаковская М. А. Вьетнам между США и Китаем // *Регионы в современном мире: глобализация и Азия. Зарубежное регионоведение / отв. ред. Е. А. Канаев*. СПб. : Алетей, 2020. С. 60—67.
- Понька Т. И., Бельченко А. С., Трусова А. А. Двухвекторный подход КНР к разрешению территориальных споров в Южно-Китайском море // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17, № 3. С. 518—529. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-518-529>
- Худайкулова А. В., Рамич М. С. «Квад 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 3. С. 23—43. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.03>
- Шпаковская М. А., Ку克林 Н. С., Ву Тхуи Чанг. Вьетнам в реализации концепции большого евразийского партнерства // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2018. Т. 1, № 2. С. 136—145.
- Юношкина А. С., Шаповалова К. А., Кудакеев Р. Ф., Понька Т. И. Позиции Китая и США в Индо-Тихоокеанском регионе // *Международные отношения*. 2020. № 2. С. 34—54. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2020.2.33069>
- Allen K. W., Saunders P. C., Chen J. Chinese Military Diplomacy, 2003—2016: Trends and Implications // *China Strategic Perspectives*. 2017. No. 11. P. 1—96. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/Article/1249864/chinese-military-diplomacy-20032016-trends-and-implications/> (accessed: 04.03.2022).
- Cai Penghong. ASEAN's Defense Diplomacy and China's Military Diplomacy // *Asia Policy*. 2016. No. 22. P. 89—95. <https://doi.org/10.1353/asp.2016.0039>

- Canrong Jin, Bo Wang.* You guan zhong guo te se jun shi wai jiao de li lun si kao // Tai ping yang xue bao [Теория военной дипломатии с китайской спецификой // Тихоокеанские исследования]. 2015. No. 5. P. 14—27. (На китайском языке).
- Elmahly H., Sun Degang.* China's Military Diplomacy towards Arab Countries in Africa's Peace and Security: The Case of Djibouti // *Contemporary Arab Affairs*. 2018. Vol. 11, no. 4. P. 111—134. <https://doi.org/10.1525/caa.2018.114006>
- Hagt E.* The Rise of PLA Diplomacy // *PLA Influence on China's National Security Policymaking* / ed. by P. C. Saunders, A. Scobell. Redwood City: Stanford University Press, 2015. P. 218—246. <https://doi.org/10.1515/9780804796286-010>
- Heath T. R.* Winning Friends and Influencing People: Naval Diplomacy with Chinese Characteristics // *CMSI China Maritime Report*. 2020. No. 8. P. 1—22. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cmsi-maritime-reports/8/> (accessed: 04.03.2022).
- Heydarian R. J.* The Indo-Pacific: Trump, China, and the New Struggle for Global Mastery. Palgrave Macmillan, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-981-13-9799-8>
- Le Mière C.* Maritime Diplomacy in the 21st Century: Drivers and Challenges. London: Routledge, 2014. <https://doi.org/10.4324/9780203555590>
- Matsuda Y.* An Essay on China's Military Diplomacy: Examination of Intentions in Foreign Strategy // *NIDS Security Reports*. 2006. No. 7. P. 1—40. URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/kiyo/pdf/bulletin_e2006_2_Matsuda.pdf (accessed: 04.03.2022).
- Nouwens M.* The Evolving Nature of China's Military Diplomacy: From Visits to Vaccines // *The International Institute for Strategic Studies*. 2021. P. 1—16. URL: <https://www.iiss.org/blogs/research-paper/2021/05/china-military-diplomacy> (accessed: 04.03.2022).
- Pajtinka E.* Military Diplomacy and Its Present Functions // *Security Dimensions. International and National Studies*. 2016. No. 20. P. 179—194.
- Saunders P. C., Shyy J.* China's Military Diplomacy // *China's Global Influence: Perspectives and Recommendations* / ed. by S. D. McDonald, M. C. Burgoyne. Honolulu: Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies, 2019. P. 207—227. URL: <https://dkiapcss.edu/wp-content/uploads/2019/10/13-Chinas-Military-Diplomacy-Saunders-Shyy-rev.pdf> (accessed: 04.03.2022).
- Shoji T.* Vietnam's Omnidirectional Military Diplomacy: Focusing on the South China Sea // *NIDS Journal of Defense and Security*. 2016. No. 17. P. 41—61. URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/publication/kiyo/pdf/2016/bulletin_e2016_4.pdf (accessed: 04.03.2022).
- Yongzheng Chu.* Jun shi wai jiao xue [Военная дипломатия]. Beijing: NDU Press, 2015. (На китайском языке).
- Zhixiong Shen.* On China's Military Diplomacy in Africa // *China and Africa: Building Peace and Security Cooperation on the Continent* / ed. by C. Alden, A. Alao, Z. Chun, L. Barber et al. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. P. 101—122. https://doi.org/10.1007/978-3-319-52893-9_6

Сведения об авторах: *Мосяков Дмитрий Валентинович* — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН; ORCID: 0000-0003-2701-3533; e-mail: mosyakov.d@gmail.com

Шпаковская Марина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0003-4463-880X; e-mail: shpakovskaya-ma@rudn.ru

Понька Татьяна Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0003-4944-115X; e-mail: ponka-rudn@mail.ru

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-372-392

EDN: HOWMNA

Научная статья / Research article

Миротворческая роль Организации африканского единства во время гражданской войны в Нигерии в 1967—1970 гг.

С.В. Мазов

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

 s.mazov@mail.ru

Аннотация. Изучается миротворческая деятельность Организации африканского единства (ОАЕ) по урегулированию нигерийского кризиса. 30 мая 1967 г. от Нигерии попыталась отделиться ее восточная часть, самопровозглашенная Республика Биафра. Это привело к гражданской войне, которая длилась с 6 июля 1967 г. по 15 января 1970 г. Армия Биафры была разгромлена и капитулировала. Обращение к истории миротворческого опыта ОАЕ актуально, поскольку он может быть использован для урегулирования современных кризисов и конфликтов в Африке. Автор руководствовался принципами историзма, научной объективности и опоры на источники. Цель исследования — выяснить характер и методы миротворчества ОАЕ, определить внутренние и внешние факторы, препятствовавшие достижению мира, оценить результативность миротворческих усилий организации. Впервые использованы найденные в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) информационные и аналитические записки советских дипломатов о деятельности ОАЕ по прекращению гражданской войны в Нигерии. Установлено, что нигерийский кризис был неординарным для периода холодной войны международным конфликтом. Мотивы внешних игроков определялись в первую очередь геополитическими устремлениями и национальными интересами, а не блоковой солидарностью. Выявлены факторы, которые негативно влияли на возможности ОАЕ как миротворца: раскол среди африканских стран (четыре из них признали независимость Биафры), а также конкуренция со стороны Великобритании, которая энергично продвигала собственную миротворческую повестку. Решения ОАЕ не были обязательными для стран-участниц, она не располагала ни эффективным механизмом для их имплементации, ни собственными вооруженными силами, которые можно было бы использовать для разъединения враждующих сторон. ОАЕ удалось дипломатическими методами обеспечить поддержку подавляющим большинством африканских государств линии на сохранение территориальной целостности Нигерии, хотя посреднические усилия Организации не привели к достижению мира. Руководство Биафры не собиралось капитулировать, пока были возможности сопротивляться, а федеральное правительство — ставить под сомнение территориальную целостность страны. Итоги миротворчества ОАЕ можно оценить как позитивные: она не допустила легитимации сепаратистской Биафры, иначе мог произойти эффект домино с тяжелыми последствиями для всего Африканского континента.

Ключевые слова: международные отношения, миротворчество, гражданская война в Нигерии 1967—1970 гг., Организация африканского единства

© Мазов С.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Мазов С. В.* Миротворческая роль Организации африканского единства во время гражданской войны в Нигерии в 1967—1970 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2023. Т. 23, № 2. С. 372—392. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-372-392>

The Peacekeeping Role of the Organization of African Unity During the Nigerian Civil War, 1967—1970

Sergei V. Mazov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 s.mazov@mail.ru

Abstract. This study examines the peacekeeping activities of the Organization of African Unity (OAU) in resolving the Nigerian crisis. On May 30, 1967 the eastern part of Nigeria, the self-proclaimed Republic of Biafra, tried to secede from Nigeria. This led to a civil war that lasted from July 6, 1967 to January 15, 1970. Biafra's army was defeated and capitulated. The reference to the history of the OAU peacekeeping experience is relevant, because it can be applied to the settlement of contemporary crises and conflicts in Africa. The author was guided by the principles of historicism, scientific objectivity and reliance on sources. The aim of the article is to clarify the nature and methods of the OAU's peacekeeping activities, to identify internal and external factors that hindered the achievement of peace, and to assess the effectiveness of the organization's peacekeeping efforts. The article uses for the first time information and analytical memos of Soviet diplomats found in the Foreign Policy Archive of the Russian Federation (AVP RF) on the OAU's activities to stop the civil war in Nigeria. The author concludes that the Nigerian crisis was a unique international conflict for the Cold War period. The motives of the external actors were primarily determined by geopolitical aspirations and national interests, rather than bloc solidarity. The author identifies factors that negatively affected the OAU's potential as a peacemaker: a split among African countries (four of which recognized Biafra's independence) and competition from Great Britain, which vigorously promoted its own peacekeeping agenda. The OAU's decisions were not binding on member states; it had no effective mechanism for implementing them, and it had no armed forces of its own that could be used to disengage the warring parties. The OAU succeeded in diplomatically securing overwhelming African support for Nigeria's territorial integrity, though its mediation efforts failed to achieve peace. The Biafra leadership was not going to capitulate while there was still room for resistance and the federal government was not inclined to question the country's territorial integrity. The results of the OAU's peacekeeping can be assessed as positive: it prevented the legitimization of separatist Biafra, which could have had a domino effect with disastrous consequences for the entire African continent.

Key words: international relations, peacekeeping, Nigerian Civil War 1967—1970, Organization of African Unity

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Mazov, S. V. (2023). The peacekeeping role of the Organization of African Unity during the Nigerian Civil War, 1967—1970. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 372—392. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-372-392>

Введение

Миротворческая деятельность Организации африканского единства (ОАЕ) во время нигерийского кризиса 1967—1970 гг. обстоятельно исследована в зарубежной историографии (Červenka, 1971; Akuchu, 1977; Cronje, 1977; Stremlau, 1977; Posibi & Canale, 2020).

В отечественных работах о нигерийской гражданской войне эта тема затрагивалась лишь вскользь (Этингер, 1976). Источниковую базу исследования составили документы ОАЕ и найденные в фондах Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) информационные и аналитические записки

советских дипломатов об усилиях организации по урегулированию нигерийского кризиса.

Гражданская война стала следствием исторически сложившихся противоречий между тремя основными народами Нигерии — хауса, йоруба и игбо. Большинство населения севера Нигерии составляют хауса, чья религия — ислам суннитского толка. Крупнейшая этническая группа запада и юго-запада — йоруба, которые преимущественно исповедуют христианство. На юго-востоке в дельте р. Нигер преобладают игбо — христиане и анимисты.

Британская колониальная политика, основанная на косвенном управлении с упором на регионализм, способствовала обособленности Северной и Южной Нигерии, нарастанию трений между этническими группами и политическими силами. Перед независимостью Нигерия представляла собой рыхлую федерацию, состоящую из трех областей (Северная, Восточная и Западная) и федеральной территории Лагос (столица). Восточная область занимала всего 8 % территории Нигерии (76 тыс. км²), но была наиболее развитым в социально-экономическом отношении регионом, где сосредоточились 4/5 запасов нефти, существовала развитая транспортная инфраструктура, находилось 90 % квалифицированной рабочей силы (Россия и Африка..., 2021, с. 508).

Нигерийские политические партии создавались и функционировали как этнорегиональные организации. На выборах в парламент в декабре 1959 г., накануне получения независимости 1 октября 1960 г., победу одержал Северный народный конгресс (СНК) — партия вождей и эмиров Северной Нигерии, отстаивавшая исламские ценности и интересы северян. Премьер-министром стал хауса Абубакар Балева. Его правительство оказалось неспособным справиться с многочисленными проблемами и укрепить единство страны.

15 января 1966 г. группа молодых офицеров-игбо осуществила попытку военного переворота. Заговорщики убили всех ключевых фигур правившего режима, включая А. Балева, и многих старших офицеров. Уцелевший

командующий вооруженными силами генерал-майор Джонсон Агийи-Иронси (игбо) стал главой военного правительства. Он приостановил действие конституции, распустил парламент и упразднил федеральное устройство Нигерии, стремясь создать унитарное государство, что могло лишить привилегий эмиров и вождей Северной Нигерии. В мае 1966 г. на Севере прошли антиправительственные выступления, в ходе которых были убиты сотни проживавших там игбо. 29 июля 1966 г. произошел новый военный переворот, в ходе которого Д. Агийи-Иронси был убит, а власть перешла к подполковнику Якубу Говону, христианину, ангас (одно из этнических меньшинств Северной Нигерии).

Губернатор Восточной Нигерии подполковник Чуквуэмека Оджукву отказался признавать Я. Говона главой федерального военного правительства. В провинции было создано региональное военное правительство, аналогичное центральному, сформирована армия, введен самостоятельный сбор налогов и пошлин без отчислений в федеральный бюджет. 27 мая 1967 г. Я. Говон подписал указ, упразднивший деление Нигерии на четыре провинции. Вместо них было создано 12 штатов.

На Севере и Западе их границы совпадали с расселением основных этнических групп. Восточные же штаты были нарезаны таким образом, что крупные нефтяные месторождения располагались в штатах, где игбо не составляли бы большинство населения. 30 мая Ч. Оджукву «торжественно провозгласил, что территория и регион, известный как Восточная Нигерия, вместе с его континентальным шельфом и территориальными водами, отныне является суверенным независимым государством, называемым „Республика Биафра“» (Kirk-Greene, 1971a, p. 452). 6 июля 1967 г. федеральная армия вступила на территорию Биафры. Гражданская война длилась два с половиной года. 15 января 1970 г. был подписан акт о безоговорочной капитуляции Биафры.

Руководствуясь геополитическими соображениями и национальными интересами, СССР не признал отделившуюся Биафру и

поддержал действия федерального правительства Нигерии по сохранению ее территориальной целостности, в том числе и поставками оружия (Mazov, 2023). Международная реакция на нигерийский кризис явила не блоковый, уникальный и атипичный для холодной войны расклад позиций. Помимо Советского Союза правительство Я. Говона в конфликте с сепаратистами поддержали Великобритания, социалистические страны Восточной Европы, а также арабские страны. США объявили о нейтралитете. На стороне Биафры, гласно или негласно, выступили Франция, Португалия, Южно-Африканская Республика, КНР и Израиль. Четыре африканские страны (Берег Слоновой Кости (БСК, ныне Кот-д’Ивуар), Габон, Замбия, Танзания) официально признали независимость Биафры. Из неафриканских государств то же сделало Гаити.

Реакция африканских стран на отделение Биафры

Сразу после отделения федеральное правительство предприняло на международной арене ряд мер, чтобы не допустить признания Биафры иностранными государствами. 1 июня Я. Говон направил обращения в международные организации и главам государств и правительств, где предупредил, что «признание антиконституционного режима Ч. Оджукву будет рассматриваться как враждебный акт по отношению к Федерации Нигерии». В телеграмме на имя генерального секретаря ОАЕ Телли Диалло указывалось на «недопустимость признания мятежного режима Оджукву»¹.

У большинства африканских стран не было резонов потакать сепаратистским устремлениям игбо. Африка унаследовала границы, сложившиеся в результате колониального раздела континента, когда 44 %

государственных границ проходили по меридианам или параллелям, 30 % — по прямым и дугообразным линиям и лишь 20 % — по естественным географическим рубежам, обычно совпадающим с границами расселения этнических групп (Организация африканского единства..., 1973, с. 18). Едва ли не в каждой африканской стране проблема сепаратизма была актуальной, существовала своя потенциальная «Биафра», а то и не одна. Отделение Восточной Нигерии создавало опасный прецедент, благоприятную почву для развития сепаратистских движений.

Устав ОАЕ, принятый в мае 1963 г. на конференции в Аддис-Абебе, определил как одну из целей организации защиту «суверенитета, территориальной целостности и независимости» африканских государств².

Хотя ни одна из африканских стран не признала Биафру в 1967 г., их позиция по нигерийскому кризису не была однородной. В течение недели после провозглашения Республики Биафра о ее непризнании заявили Гамбия, Гана, Гвинея, Дагомея (ныне Бенин), Демократическая Республика Конго (ДРК), Нигер, Сомали, Того, Эфиопия. Большинство стран либо не высказались, либо «отделялись общими, ни к чему не обязывающими фразами»³. Особую позицию занимали несколько восточноафриканских государств (Замбия, Кения, Танзания, Уганда). В первой половине июля 1967 г. прошла встреча президентов этих стран под лозунгом «Мир для Нигерии». В принятом обращении содержался призыв немедленно прекратить боевые действия и начать переговоры между федеральным правительством и Биафрой, что фактически означало бы ее признание де-факто⁴.

ОАЕ не спешила предлагать свои посреднические услуги для урегулирования кризиса. Секретариат ОАЕ ограничился

¹ Архив внешней политики российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0579. Оп. 10. П. 12. Д. 7. Л. 15—16. Студент-практикант посольства СССР в Нигерии В. Кушпель «О реакции на провозглашение Республики Биафра. (Информация по материалам печати)». 23 июня 1967 г.

² Устав Организации африканского единства // Российский правовой портал. URL: <https://constitutions.ru/?p=784> (дата обращения: 22.02.2023).

³ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 10. П. 12. Д. 7. Л. 31. Атташе посольства СССР в Нигерии В. Бобунов «Отношение африканских стран к нигерийскому кризису. Информация». 13 сентября 1967 г.

⁴ Там же. Л. 40—41.

распространением текста послания Я. Говона от 1 июня. ОАЕ не могла не учитывать позицию федерального правительства, которое считало неприемлемым любое международное посредничество, рассматривало его как иностранное вмешательство во внутренние дела Нигерии. Выступая в столице Ганы Аккре в июле 1967 г., Окои Арикпо, будущий (с 3 сентября 1967 г.) министр иностранных дел Нигерии, заявил, что «Федеральное правительство, возглавляемое генерал-майором Якубу Говоном, не примет никакого посредничества ни от какой дружественной страны, ни от Организации африканского единства в деле разрешения кризиса в Нигерии. Любая попытка посредничества будет рассматриваться как акт вмешательства»⁵.

6 июля 1967 г. федеральная армия с севера двумя колоннами вступила на территорию Биафры. Я. Говон назвал это «полицейской операцией» (Kirk-Greene, 1971a, p. 459). По плану штаба нигерийской армии она должна была закончиться через месяц взятием столицы Биафры Энугу. Поначалу кампания складывалась для федералов успешно. 12 июля были заняты города Окоджа и Гакем, 14 июля — Нсукка с его университетом, духовным и интеллектуальным центром Биафры, где сформировалось идеологическое обоснование ее отделения. 26 июля нигерийские морские пехотинцы в результате неожиданной атаки с моря захватили остров Бонни, где располагался терминал нефтепровода *Shell-BP* из Порт-Харпорта.

Чтобы переломить ход войны Ч. Оджукву использовал неожиданный ход, который опрокинул все прогнозы и сценарии. На рассвете 9 августа скрытно сосредоточенная 8-я мобильная бригада армии Биафры под командованием бригадного генерала Виктора Банджо (йоруба) переправилась через р. Нигер и начала продвигаться в глубь Среднезападного штата. Через 10 часов она без единого выстрела заняла столицу штата г. Бенин-Сити.

В радиообращении к «нигерийцам и биафранцам» В. Банджо объявил о прекращении действия на территории Среднего Запада

федеральной конституции и законов, а также создании временной военной администрации (Kirk-Greene, 1971b, pp. 157—158). Отделение Среднего Запада вслед за Биафрой создавало смертельную опасность для Федерации. Вырисовывавшаяся конфигурация: Биафра (игбо) и Средний Запад (йоруба) против Северной Нигерии (хауса), то есть Юг против Севера, — коренным образом меняла соотношение сил, победа ни одной из сторон не была очевидной.

Лагос отреагировал на «освобождение» Среднего Запада жестким заявлением Я. Говона 11 августа: «Отныне силы Федерального военного правительства будут отвечать сокрушительными ударами на действия мятежников и неумолимо преследовать их, пока мятеж не будет подавлен» (Kirk-Greene, 1971b, p. 8). «Полицейская операция» трансформировалась в полномасштабную гражданскую войну.

«Освободительная армия» Банджо тем временем продолжала марш на запад. 20 августа она вышла к городу Оре на Нигере в 200 км от Лагоса. Вряд ли наспех собранные из всех наличных сил (от личной охраны Я. Говона до армейских поваров) отряды федералов остановили бы продвижение противника. В. Банджо повел собственную игру. Он остановил наступление и начал подготовку переворота с целью сместить Я. Говона и Ч. Оджукву и привести к власти в Нигерии влиятельного политика-йоруба Обафемиде Аволово. Однако заговор был раскрыт, В. Банджо и трое его сообщников были расстреляны по приговору военного трибунала Биафры (Daly, 2017).

Федеральные войска перешли в наступление к концу сентября, очистили Средний Запад от сил Оджукву и вышли к Нигеру, но форсировать его не смогли. Началась позиционная война на истощение.

Неудачи на фронте не повлияли на позицию Федерального правительства в отношении мирного урегулирования, оно считало это чисто внутренним делом Нигерии. 12 августа заместитель постоянного секретаря МИД Нигерии Виктор Адегоройе заявил, что «ОАЕ, как и другие организации, не является

⁵ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 10. П. 12. Д. 7. Л. 34—35.

надправительственным органом, и Нигерия никогда не допускала интернационализации своей внутренней политики»⁶.

Биафра, напротив, была всецело за интернационализацию урегулирования. Ч. Оджукву высказался на пресс-конференции 28 августа в том ключе, что «он предпочитает посредничество в нигерийском кризисе африканских государств через ОАЕ, а в случае, если ОАЕ ничего не добьется, то он не будет возражать против посредничества стран [Британского] Содружества наций»⁷.

Нигерийский вопрос на саммите ОАЕ в Киншасе. Создание и начало работы Консультативного комитета ОАЕ по Нигерии

Несостоявшийся быстрый разгром армии Ч. Оджуву способствовал тому, что миротворческая линия на достижение компромисса между федералами и Биафрой становилась популярной среди африканских стран. Закулисная игра развернулась вокруг включения нигерийского вопроса в повестку саммита ОАЕ, проходившего в столице ДРК Киншасе 11—14 сентября 1967 г. Гана, Дагомея, Замбия, Кения, БСК, Танзания, Уганда и Эфиопия лоббировали его обсуждение. Президент Танзании Джулиус Ньерере считал делом времени, «когда Биафра начнет получать помощь извне от африканских и европейских стран. Долг глав правительств ОАЕ вынудить Нигерию прекратить бесполезную войну, которая кроме того, что разрушает экономику страны, делает невозможными нормальные отношения с Биафрой»⁸.

Возглавлявшему делегацию Нигерии на саммите министру финансов О. Аволово удалось не допустить внесения нигерийского кризиса в официальную повестку. Однако по настоянию президента Либерии Уильяма Табмена главы семи государств (Ганы, ДРК, Замбии, Камеруна, Либерии, Нигера и

Эфиопии) все же обсудили его 12 сентября на заседании за закрытыми дверями. Представители Нигерии О. Аволово и О. Арикпо присутствовали только тогда, когда их приглашали главы государств (Stremlau, 1977, pp. 88—93). В принятой после бурных дискуссий резолюции «осуждалось отделение части любого государства — члена ОАЕ», нигерийский конфликт признавался «внутренним делом, решением которого должны в первую очередь заниматься сами нигерийцы». ОАЕ учредила миссию ОАЕ по Нигерии (позднее переименованную в Консультативный комитет ОАЕ по Нигерии) в составе глав шести стран: председателя Национального совета освобождения Ганы Джозефа Анкры, президента ДРК Жозеф-Дезире Мобуту, президента Камеруна Ахмаду Ахиджо, президента Либерии Уильяма Табмена, президента Нигера Аmani Диори и императора Эфиопии Хайле Селассие I. Миссии поручалось посетить «главу Федерального правительства Нигерии, чтобы заверить его в стремлении участников саммита сохранить территориальную целостность, единство и мир в Нигерии»⁹.

Нигерия впервые признала, что ее гражданская война — это не только сугубо внутреннее, но и общеафриканское дело. Решения саммита по нигерийскому вопросу Биафра считала своей победой. Ее МИД опубликовал меморандум, где говорилось, что «принятие ОАЕ резолюции, предусматривающей дипломатическое вмешательство в нигерийско-биафранский кризис, является триумфом Биафры, поскольку подтверждает тот факт, что конфликт более не является внутренним» (Stremlau, 1977, p. 95).

Триумфализм Ч. Оджукву оказался явно преждевременным. Первоначально предполагалось, что миссия прибудет в Лагос 27 сентября 1967 г., но случилось это только

⁶ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 7. Л. 78. Г. Гребцов, А. Степанюк «О “консультативной миссии” ОАЕ по Нигерии. (Справка)». 4 января 1968 г.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 33.

⁹ Resolutions and declarations adopted by the Fourth Ordinary Session of the Assembly of Heads of State and Government held in Kinshasa, Congo, from 11 to 14 September 1967. AHG/Res. 51 (IV). Resolution // Organization of African Unity. URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/9516-assembly_en_11_14_september_1967_assembly_heads_state_government_fourth_ordinary_session.pdf (accessed: 15.06.2021).

22 ноября. Сроки визита пять раз переносились из-за того, что вопреки устным обещаниям Я. Говона федеральные войска продолжали боевые действия. Он согласился принять миссию лишь после того, как его армия добилась существенных успехов — захватила столицу Биафры Энугу (Ч. Оджукву перенес столицу в город Умуахия), освободила Средний Запад и заняла стратегически важный порт Калабар.

Из бесед нигерийских должностных лиц с советскими дипломатами становилось ясно, что в Лагосе «не питают особых надежд в отношении принятия миссией таких решений, которые бы оказали существенное влияние на прекращение гражданской войны». Я. Говон заявил советскому послу А.И. Романову: «Я послушаю, что скажут Селассие, Анкра, Ахиджо и Диори. Наша позиция в отношении мятежного режима Оджукву была давно определена»¹⁰. В Лагос приехали лидеры не шести, а четырех государств — Дж. Анкра, А. Ахиджо, А. Диори и Хайле Селассие I. Ж.-Д. Мобуту и У. Табмен не смогли приехать по причине «занятости внутренними делами»¹¹.

23 ноября состоялась официальная церемония открытия заседаний Консультативного комитета ОАЕ, куда были приглашены «все члены федерального военного правительства и главы дипломатических представительств в Нигерии»¹². В дипломатическом корпусе в Лагосе преобладало мнение, что среди членов комитета существовали разногласия «о путях урегулирования нигерийского кризиса». Ожидалось, что на Я. Говона будет оказано давление, чтобы склонить его к компромиссу с Ч. Оджукву¹³.

Комитет заседал за закрытыми дверями до позднего вечера 23 ноября. Я. Говон назвал три условия прекращения огня и начала мирных переговоров с представителями

Восточной Нигерии: отказ от отделения, признание административной структуры Нигерии, состоящей из 12 штатов, передача власти от Ч. Оджукву «новым лидерам игбо» (Stremlau, 1977, pp. 100—104). В опубликованном на следующий день коммюнике подтверждалось, что «урегулирование нигерийского кризиса может происходить только в контексте сохранения единства и территориальной целостности Нигерии». Комитет согласился, что «в качестве основы для возвращения к миру и нормализации обстановки в Нигерии сторонники отделения должны отказаться от выхода из Федерации Нигерия и признать ее нынешнюю административную структуру». Генерал Дж. Анкра получил полномочия довести до сведения Ч. Оджукву решения саммита ОАЕ в Киншасе и результаты работы Консультативного комитета в Лагосе (Stremlau, 1977, pp. 103—104).

Я. Говон одержал дипломатическую победу: в коммюнике были зафиксированы все базовые принципы, которые федеральное правительство выдвигало в качестве условий для урегулирования кризиса. Он пошел на разумный компромисс, сделал «некоторую уступку Восточной Нигерии, согласившись на то, чтобы члены миссии вступили в контакт с Ч. Оджукву, хотя ранее даже постановка подобного вопроса вызвала его резко отрицательную реакцию»¹⁴. О. Аволово отметил в беседе с А.И. Романовым 24 ноября: «Мы в общем-то довольны итогами работы миссии. Все решения в основном соответствуют нашим пожеланиям. Линия федерального правительства в отношении мятежного режима останется прежней — единство и целостность страны должны быть сохранены»¹⁵.

Совсем иной была реакция сепаратистов. 25 ноября радио Биафры охарактеризовало коммюнике как «попытку нескольких

¹⁰ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 11. П. 14. Д. 7. Л. 120. Советник посольства СССР в Нигерии Р. Мельников «О некоторых итогах работы консультативной миссии Организации африканского единства. (Справка)». 13 декабря 1967 г.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 122, 123.

¹³ Там же. Л. 124.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 10. П. 12. Д. 7. Л. 81. Г. Гребцов, А. Степанюк «О “консультативной миссии” ОАЕ по Нигерии. (Справка)». 4 января 1968 г.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 11. П. 14. Д. 7. Л. 125—126. Советник посольства СССР в Нигерии Р. Мельников «О некоторых итогах работы консультативной миссии Организации африканского единства. (Справка)». 13 декабря 1967 г.

африканских государств использовать свою позицию в миссии для шантажа и дискредитации Организации африканского единства. Тем самым эти африканские государства стали жертвами заговора британско-американских империалистов с целью использовать рекомендацию миссии в качестве предложения для массовой поддержки оружием их марионеточного и шатающегося неокOLONIALISTСКОГО режима в Лагосе» (Stremlau, 1977, p. 105). Дж. Анкра попытался связаться с Ч. Оджукву через заранее налаженный канал радиосвязи, но тот не ответил на вызов.

Сложившаяся весной 1968 г. обстановка на фронтах не указывала на то, что федеральная армия сломит сопротивление сил Биафры и вынудит ее капитулировать. В новогоднем обращении к нации 31 декабря 1967 г. Я. Говон заверил нигерийцев, что окончательная победа над мятежниками будет достигнута к 31 марта 1968 г.¹⁶ В конце марта после тяжелых боев федеральная армия заняла Онитшу, крупный торговый город на западе Биафры. Развить успех — взять Нневи, родную деревню Оджукву, и взлетно-посадочную полосу Ули-Ахиале — не удалось. Биафранцы устроили засаду на дороге Энугу — Онитша и полностью уничтожили крупный конвой снабжения федеральных войск, которые лишились огромного количества боеприпасов и горючего, а Онитша оказалась в осаде войск Биафры.

Биафра прорывает дипломатическую блокаду

Провал нигерийского наступления вдохновил сторонников Биафры, в том числе и среди африканцев. 13 апреля 1968 г. Танзания официально признала Биафру как независимое государство. Решение не было спонтанным или неожиданным. После провозглашения Биафры танзанийская печать «выступала с резкими нападками на федеральное военное правительство, обвиняя его в намерении физически истребить народность ибо», утверждала, что «реакционный федеральный север Нигерии пытается задушить прогрессивную

Восточную область». С разрешения президента Дж. Ньерере в Дар-эс-Саламе действовало информационное бюро Биафры. Его глава Остин Окву «поддерживал тесные контакты с правительством Танзании и использовал танзанийскую печать в интересах восточно-нигерийских сепаратистов». Дж. Ньерере публично выступал за прекращение огня и начало мирных переговоров между Нигерией и Биафрой как равных партнеров. Советское посольство в Дар-эс-Саламе считало, что «признание Танзанией Биафры следует рассматривать как способ нажима на военное федеральное правительство Нигерии для того, чтобы склонить его к мирному урегулированию конфликта с Биафрой на основе признания права ибо на известное самоопределение»¹⁷.

Почему именно Танзания первой нарушила «дипломатический карантин», установленный вокруг Биафры? Танзания была одной из немногих африканских стран, где до этого момента не было сепаратистских движений, которые могли бы вдохновиться примером Биафры. Проблема территориальной целостности уже становилась предметом расхождений между Танзанией и Нигерией. Дж. Ньерере поддерживал восстание сторонников Патриса Лумумбы в Восточном Конго в 1964—1965 гг., через территорию Танзании шло снабжение повстанцев симба, в том числе и оружием, в приграничных районах с Конго находились их лагеря и базы (Мазов, 2019а; 2019б). Повстанцы провозгласили создание Народной Республики Конго со столицей в Стэнливиле (ныне Кисангани). Территория самопровозглашенного государства охватывала семь из 21 конголезской провинции (Мазов, 2015, с. 260). Нигерия же выступала за сохранение территориальной целостности ДРК.

На решение Танзании признать Биафру повлияла позиция Китайской Народной Республики, с которой у африканского государства складывались тесные связи. КНР оказалась единственным азиатским государ-

¹⁶ АВП РФ. Ф. 579. Оп. 11. П. 13. Д. 6. Л. 2.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 126—127. Г. Гребцов «Позиция африканских стран в отношении нигерийского кризиса. (Справка)». 25 июля 1968 г.

ством, поддержавшим биафранских сепаратистов. Пекин стремился укрепить свои позиции в Западной Африке, пошатнувшиеся после свержения режима Кваме Нкрумы в Гане в 1966 г., и использовать нигерийский кризис для очередной эскалации пропагандистской кампании против «советского ревизионизма». Война в Нигерии, как отмечает ее британский исследователь, «стала идеологическим подарком для китайцев: впервые в истории на глазах у всего мира “гонимые псы империализма” (Америка и Британия) оказались в одной упряжке с советскими “ревизионистами”» (De St. Jorre, 1972, p. 185).

Нигерийская печать сообщала, что «китайские инструкторы организовали обучение ибовской молодежи методам ведения партизанской войны в лагерях, расположенных в Замбии и Танзании, откуда военные подразделения перебрасываются затем в “Биафру”»¹⁸. О. Арикпо в беседе с А.И. Романовым отметил, что в Нигерии «очень недовольны провокационной деятельностью китайцев, которые через Танзанию и Замбию оказывают военную помощь мятежникам Оджукву»¹⁹. Лидер сепаратистов в сентябре 1968 г. в послании Мао Цзэдуна выразил «глубокую благодарность за понимание и симпатию к нашей борьбе против англо-американского империализма и поддерживающего его советского ревизионизма» (De St. Jorre, 1972, p. 185).

8 мая Биафру признал Габон. Франция сохранила контроль над габонскими минеральными ресурсами (уран, железная и марганцевая руда, нефть, газ), президент Альбер-Бернар Бонго следовал в фарватере бывшей метрополии во внешней политике, в том числе и в нигерийском вопросе.

Отделение Биафры отвечало французским геополитическим интересам. Президент Шарль де Голль считал нигерийскую

гражданскую войну хорошим шансом подорвать позиции Великобритании в Африке. Мощная и единая Нигерия была способна стать гегемоном в Западной Африке, отодвинув на обочину франкоязычные государства региона, с которыми Франция сохранила тесные связи (Филиппов, 2016, с. 291—292). У Франции в Нигерии были существенные экономические интересы. В 1964 г. французская государственная нефтяная компания SAFRAP получила права на разведку нефти в Восточной Нигерии. Летом 1967 г. Ч. Оджукву пообещал компании передать ей в концессию богатые нефтью участки в районе Порт-Харкорта (Griffin, 2017, p. 162).

В июне 1967 г. Жак Фоккар, генеральный секретарь президента Франции по делам Африки и Мадагаскара, архитектор и исполнитель проекта «Франсафрик», описал в своих рабочих записях со слов Ш. де Голля французскую стратегию в отношении нигерийской гражданской войны: «Мы не должны вмешиваться или создавать впечатление, что находимся на чьей-либо стороне, но... лучше иметь дело с расколотовой на мелкие части Нигерией, чем с объединенной Нигерией... Если Биафре удастся отделиться, это будет для нас не так уж плохо» (Griffin, 2017, p. 160).

Официально Франция объявила о нейтралитете, предпочитая действовать через своих союзников в Западной Африке. 14 мая о признании Биафры заявил Берег Слоновой Кости. Во время беседы советского посла в Гане В.С. Сафрончука с послом БСК в Аккре Леоном Амоном в июне 1968 г. В.С. Сафрончук попросил коллегу «разъяснить, какими мотивами руководствовались правительство БСК, пойдя на признание Восточной провинции Нигерии как самостоятельного государства Биафра». Л. Амон ответил, что Федерация Нигерии — «искусственное и нежизнеспособное образование», поскольку «является наследием колониальной политики Англии, которая попыталась объединить в одно государство совершенно различные в этническом, социальном и экономическом отношении группы населения». В.С. Сафрончук заметил, что сепаратизм, дробление африканских стран «мешает созданию сильных независимых африканских государств, способных

¹⁸ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 14. Д. 7. Л. 174. Атташе посольства СССР в Нигерии В. Кушпель «О позиции азиатских стран в нигерийском кризисе. (Справка)». 17 июля 1969 г.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 13. П. 17. Д. 3. Л. 9. Из дневника Романова А. И. «Запись беседы с комиссаром по иностранным делам О. Арикпо». 9 апреля 1969 г.

успешно противостоять натиску колонизаторов». Л. Амон возразил, что «образование на месте Нигерии двух или трех независимых государств не обязательно будет означать их ослабление». Биафра «по населению и экономическому потенциалу будет гораздо сильнее БСК и вообще будет одним из крупнейших государств Африки». Сейчас же «в результате войны и планомерного истребления ибо федеральными войсками племенная вражда и взаимная ненависть достигли такого накала, что примирение сторон невозможно и остается лишь один выход — создание на месте Нигерии нескольких независимых государств»²⁰.

Эта позиция полностью соответствовала французской. Президент БСК Феликс Уфуэ-Буаньи был принципиальным противником крупных «искусственных» федераций в Африке и убежденным антикоммунистом, ориентировался во внешней политике на бывшую метрополию, считал ОАЕ недееспособной организацией и официально поддерживал решение Танзании признать Биафру. На следующий день после признания Биафры Габоном Ф. Уфуэ-Буаньи созвал в Париже большую пресс-конференцию, где открыто выразил несогласие с позицией ОАЕ: «Внутренняя проблема, уважение территориальной целостности каждого члена ОАЕ, единство, на которое надо молиться как на икону... Ничто подобное этому не оправдывает нашу апатию перед лицом преступлений, которые наши черные братья совершают против других черных братьев» (Stremlau, 1977, p. 138).

Франция использовала территорию БСК и Габона для поставок оружия и боеприпасов в Биафру воздушным и морским путем. Решение о французской военной помощи Биафре на государственном уровне было принято 27 сентября 1967 г. после встречи президентов Ш. де Голля и Ф. Уфуэ-Буаньи. Поставки морем начались в октябре 1967 г. — хранившееся на французских складах трофейное немецкое и итальянское оружие времен Второй мировой войны со стертыми

²⁰ АВП РФ. Ф. 0573. Оп. 12. П. 18. Д. 1. Л. 98—99. Из дневника Сафрончука В. С. «Запись беседы с послом Берега Слоновой Кости в Гане Леоном Амоном». 24 июня 1968 г.

серийными номерами отправляли в Абиджан и Либревиль, откуда переправляли в Биафру (Griffin, 2017, pp. 163—164).

20 мая 1968 г. Замбия признала Биафру. Резоны были те же, что и у Танзании: отсутствие сепаратистских движений, представляющих опасность для территориальной целостности, и растущее китайское влияние. Правительственная пресса Замбии считала, что «теперь ОАЕ должна разъяснить федеральному правительству Нигерии, что решить вопрос о существовании Биафры военными средствами невозможно и что необходимо начать политические переговоры»²¹.

Какие последствия имел прорыв дипломатической изоляции Биафры?

Лагос разорвал дипломатические отношения со всеми странами, признавшими сепаратистский режим Ч. Оджукву, — БСК, Габоном, Замбией и Танзанией. Лидеры этих государств, в частности президент Танзании, стали объектом резкой нелицеприятной критики в нигерийских СМИ. Его называли «предателем», «пособником всех врагов Африки». Звучали требования исключить Танзанию из ОАЕ, «пересмотреть роль правящих кругов Танзании в борьбе Африки за всеобщее освобождение и прогресс»²².

Серьезный вызов был брошен ОАЕ, поставлена под сомнение эффективность ее миротворческих усилий, появилась угроза раскола внутри организации. Советник посольства СССР в Лагосе Р. Мельников сообщал в МИД: «Нигерийский кризис, особенно в его последней стадии, явился для ОАЕ подлинным испытанием. Если в начальной стадии сторонами этого кризиса были военное правительство Нигерии, с одной стороны, и раскольники Оджукву — с другой, то на его последней стадии на стороне повстанцев выступают четыре африканские страны —

²¹ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 128. Г. Гребцов «Позиция африканских стран в отношении нигерийского кризиса. (Справка)». 25 июля 1968 г.

²² АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 139, 140. Первый секретарь посольства СССР в Нигерии Ю. Дедов «О позиции западных держав и ряда африканских стран на современном этапе нигерийского кризиса. Справка». 21 мая 1968 г.

члены ОАЕ, нарушившие соответствующие статьи Устава. Этим они поставили ОАЕ в затруднительное положение. Организация таким образом очутилась перед фактом, который может послужить началом раскола ОАЕ, если не будет предпринято соответствующих мер»²³.

Первые прямые переговоры между представителями федерального правительства и Биафры

Провал посреднических усилий ОАЕ и наметившийся в ней раскол по нигерийскому вопросу подтолкнул враждующие стороны обратиться к услугам Великобритании, другого претендента на роль миротворца.

Бывшая метрополия пользовалась в Нигерии огромным экономическим, военным и политическим влиянием. Британские капиталовложения (568 млн долл. США в 1965 г.) в нигерийскую экономику составляли 53 % от всех иностранных инвестиций (Červenka, 1971, p. 104). Нигерийская армия была вооружена британским оружием, все офицеры были выпускниками британских военных училищ. По состоянию на февраль 1967 г. в государственном аппарате Нигерии работало более 1000 британских подданных. Они занимали различные руководящие должности, работать на которых нигерийцы не могли в силу отсутствия необходимого образования и компетенций. Еще 500 британцев трудились в нигерийских университетах и школах. От британских специалистов во многом зависело функционирование главных систем жизнеобеспечения — электроснабжения, железных дорог, телефонной связи (Uche, 2008, p. 119).

Британские власти считали, что отделение Восточной Нигерии не отвечает национальным интересам их страны и создаст новые экономические и геополитические вызовы. Нигерия, как говорилось в секретном документе британского правительства, была

дружественной, прозападной, «потенциально одной из наиболее мощных в экономическом и политическом отношениях» африканской страной. Возникшие на ее месте мелкие слабые государства могли стать объектом «нежелательного внешнего влияния» (Uche, 2008, p. 121). Британия была крупнейшим поставщиком оружия для федеральной армии и оставалась им в годы войны.

В мирном урегулировании британцы также пытались играть первую скрипку. Они действовали не только через правительственные каналы, но преимущественно через секретариат Британского Содружества. 27 апреля 1968 г. министр иностранных дел О. Арикпо, вернувшись из Лондона, «собрал послов африканских стран и, информируя их о своих переговорах с [британским премьер-министром Гарольдом] Вильсоном, заявил о готовности вступить в переговоры [с Биафрой] без каких бы то ни было предварительных условий. Однако он подчеркнул, что без отказа мятежников от сепаратизма и без признания ими деления на 12 штатов не может быть и речи о прекращении огня»²⁴.

Член Высшего военного совета Нигерии, начальник штаба армии генерал Хасан Усман Кацина заявил в беседе с советским послом А.И. Романовым, что «федеральное правительство вынуждено было идти на уступки представителям Оджукву под нажимом американцев и англичан, а также некоторых глав африканских государств, которые в какой-то мере стремились спасти режим Оджукву»²⁵. Очевидно, имелись в виду лидеры БСК, Габона, Замбии и Танзании, признавшие Биафру.

О. Арикпо был наиболее видной фигурой «партии мира». Он запомнился, помимо заявлений о готовности к переговорам без предварительных условий, публичными извинениями за бомбардировки мирного

²³ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 7. Л. 73. Советник посольства СССР в Нигерии Р. Мельников «Деятельность Организации африканского единства (ОАЕ) в решении африканских проблем. (Справка)». 26 июня 1968 г.

²⁴ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 141. Первый секретарь посольства СССР в Нигерии Ю. Дедов «О позиции западных держав и ряда африканских стран на современном этапе нигерийского кризиса. Справка». 21 мая 1968 г.

²⁵ Там же.

населения поставленными СССР самолетами²⁶. Х.У. Кацина был одним из лидеров «партии войны». После военного переворота в январе 1966 г. он стал губернатором Северной Нигерии, в мае 1968 г. был назначен начальником штаба армии и занимал эту должность до капитуляции Биафры. Представители «партии войны», «национально-патриотических сил», как они себя называли, считали предательством любой компромисс с сепаратистами, а грядущие переговоры с Ч. Оджукву рассматривали как результат закулисной договоренности, которая могла лишить федеральную армию победы.

На переговорах в Лондоне 6—15 мая 1968 г. представители федерального правительства и Биафры при посредничестве генерального секретаря Содружества канадца А. Смита достигли соглашения о проведении мирных переговоров в столице Уганды Кампале 23 мая 1968 г.²⁷ Британцам удалось то, в чем не преуспела ОАЕ, — усадить враждующие стороны нигерийского конфликта за стол переговоров.

Сторонники войны до победного конца играли на опережение, выставив ультиматум Я. Говону. Детали Х.У. Кацина сообщил послу А.И. Романову: «Офицеры и солдаты на фронте очень озлоблены против мятежников и „могут повернуть свое оружие против федерального правительства в Лагосе“. Мы... вчера на заседании Верховного совета откровенно сказали об этом генералу Говону и потребовали от него решительных действий на фронте»²⁸.

Последовало наступление на Порт-Харкорт, 19 мая он был взят федеральными

войсками. Операция «оказалась значительно более быстрой и легкой, чем это первоначально предполагалось, поскольку, как выяснилось, хотя он и был хорошо укреплен, его оборонял лишь один голодный и плохо вооруженный батальон»²⁹. Видимо, дела у Ч. Оджукву были совсем плохи, если он не смог бросить более значительные силы на защиту стратегического города с его портом, нефтеперерабатывающим заводом и аэропортом. «Партия войны» отправила миру ясный посыл, который хорошо выразил нигерийский посол в СССР Джордж Курубо в беседе с А.И. Романовым 15 мая 1968 г. Предсказав падение Порт-Харкорта «в пределах одной недели», посол «в доверительном порядке» сообщил, что, «по его мнению, решение нигерийского конфликта, видимо, „возможно только военным путем“, а разговоры о мирной формуле якобы „являются только эпизодом“»³⁰.

Теперь переговоры с Биафрой можно было вести с позиции силы. 20 мая, на следующий день после взятия Порт-Харкорта, Дж. Курубо передал через МИД послание нигерийского лидера председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину. Накануне переговоров в Кампале Я. Говон заверил А.Н. Косыгина в «твердой решимости федерального правительства сохранить любой ценой территориальную целостность Нигерии» и выразил «надежду на поддержку Советского правительства»³¹.

23 мая 1968 г. в столице Уганды начались переговоры между делегациями Нигерии, во главе которой стоял министр информации и труда Энтони Энахоро, и Биафры, которую возглавлял председатель Верховного Суда Луис Мбанефо. Согласованная повестка

²⁶ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 11. П. 13. Д. 4. Л. 70—71. Из дневника Романова А. И. «Запись беседы с постоянным секретарем МИД Нигерии Э. Огбу». 29 ноября 1967 г.

²⁷ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 143. Первый секретарь посольства СССР в Нигерии Ю. Дедов «О позиции западных держав и ряда африканских стран на современном этапе нигерийского кризиса. Справка». 21 мая 1968 г.

²⁸ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 15. Д. 4. Л. 14—15. Из дневника Романова А. И. «Запись беседы с членом верховного совета Нигерии бригадным генералом Усманом Кациной». 8 мая 1968 г.

²⁹ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 144. Первый секретарь посольства СССР в Нигерии Ю. Дедов «О позиции западных держав и ряда африканских стран на современном этапе нигерийского кризиса. Справка». 21 мая 1968 г.

³⁰ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 15. Д. 4. Л. 17. Из дневника Романова А. И. «Запись беседы с нигерийским послом в Москве Дж. Курубо». 15 мая 1968 г.

³¹ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 7. Л. 1. [Министр иностранных дел СССР] А.А. Громыко — ЦК КПСС. 10 июня 1968 г.

включала два пункта: «Условия прекращения военных действий» и «Условия окончательного урегулирования». Исходные позиции сторон были противоположными. Федеральные войска были готовы прекратить огонь при условии, что «мятежники откажутся от отделения, отдадут приказ своим войскам сложить оружие с момента прекращения огня, публично и одновременно заявят об отказе от отделения и об этом приказе». Представители Биафры предложили «немедленно прекратить военные действия» и экономическую блокаду Биафры, отвести войска «в пределы границ, существовавших до начала военных действий». Федеральное правительство считало, что «для наблюдения и разоружения войск мятежников» должны быть созданы «смешанные силы», состоящие из «частей федеральных вооруженных сил и полиции» и «укомплектованные из народности и полицейских подразделений». По мнению руководства Биафры, поддерживать порядок на линии прекращения огня должны были «международные силы и наблюдательный орган»³².

Переговоры шли конструктивно, пока в радиообращении по случаю первой годовщины провозглашения Биафры Ч. Оджукву не заявил: «Наши делегаты прибыли туда [в Кампалу] с ясным и недвусмысленным мандатом добиваться прекращения огня в текущем конфликте, после чего обсуждать с нигерийцами принципы будущего двустороннего сотрудничества. Без прекращения огня не может быть переговоров о достижении долговременного урегулирования» (Ojukwu, 1969, p. 269).

После этого делегация Биафры предложила остановить боевые действия без всяких условий, пригрозив в противном случае покинуть переговоры. 31 мая Л. Мбанефо заявил, что его делегация не видит смысла продолжать переговоры — пока армия Биафры не побеждена, они не сдадутся. В тот же день

биафранская делегация выехала из Кампалы. Нигерийским участникам переговоров не оставалось ничего другого, как вернуться в Лагос (Stremlau, 1977, pp. 173—174).

ОАЕ возвращает инициативу. Переговоры в Аддис-Абебе

Провал миротворческих усилий секретариата Содружества, действовавшего по британскому сценарию, позволил африканским странам вернуть инициативу в посредничестве по урегулированию нигерийского кризиса, доказать, что у них есть возможности и желание добиться мира.

Проходившая в столице Нигера Ниамее под председательством императора Эфиопии Хайле Селассие I сессия Консультативного комитета ОАЕ по Нигерии 17 июля 1968 г. приняла резолюцию, требующую от обеих сторон в срочном порядке возобновить мирные переговоры с целью урегулирования нигерийского кризиса, чтобы «сохранить территориальную целостность Нигерии и гарантировать безопасность всех ее жителей» (Stremlau, 1977, p. 188).

18 июля в Ниамей прибыла делегация Биафры во главе с Ч. Оджукву, который пробыл там два дня. В результате двусторонних контактов (20—26 июля) была достигнута договоренность о начале мирных переговоров в Аддис-Абебе 5 августа 1968 г. и согласована их повестка: «1. механизмы для достижения долгосрочного урегулирования; 2. условия прекращения боевых действий; 3. конкретные предложения по доставке гуманитарной помощи гражданским жертвам войны» (Stremlau, 1977, pp. 193—194).

Консультативный комитет поручил быть посредником на переговорах в Аддис-Абебе Хайле Селассие I. Советник советского посольства в Эфиопии С.М. Кирсанов так прокомментировал это решение: «Император рассчитывал, что, перенеся переговоры в свою столицу, он при положительном исходе этих переговоров сможет сыграть роль „миротворца“ в самом крупном и длительном конфликте в Африке. Стремление императора разрешить нигерийский кризис „в личном

³² АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 7. Л. 3, 4. Послание главы федерального военного правительства Нигерии Я. Говона Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному 5 июня 1968 г.

порядке“ и добиться тем самым укрепления своего престижа в Африке и во всем мире объясняется не только его амбициями, но и необходимостью выступить на предстоящей Ассамблее глав африканских государств в Алжире с отчетом о деятельности Консультативного комитета ОАЕ по Нигерии, председателем которого он является»³³.

Перед встречей в эфиопской столице Ч. Оджукву озаботился усилением своих позиций. Его представителю в Париже Рафу Увечуе удалось склонить французское руководство к фактическому признанию права Биафры на отделение. 31 июля министр информации Жоэль Ле Тель заявил, что нигерийский конфликт «должен быть разрешен на основе права народов на самоопределение, что подразумевает запуск соответствующих международных процедур» (Stremlau, 1977, p. 197). Словами французская поддержка не ограничилась. Последовало наращивание поставок вооружений Биафре через БСК и Габон (Griffin, 2017, p. 168).

Делегация Биафры на переговорах в Аддис-Абебе состояла из 35 человек, возглавлял ее сам Ч. Оджукву. Среди членов делегации не было фигур с международной известностью, и президент Габона А.-Б. Бонго укрепил ее двумя габонцами — министром информации и капитаном ВВС в парадной форме. Каждый делегат получил подготовленную администрацией Ч. Оджукву памятку, где, в частности, говорилось: «Недопустимо братание ни с кем из нигерийской делегации. Вы должны демонстрировать нетерпимость к попыткам проявления дружелюбия со стороны любого нигерийца и пресекать их» (Stremlau, 1977, pp. 198—199). Делегацию федерального правительства возглавлял, как и в Кампале, Э. Энахоро, Я. Говон в Аддис-Абебу не прибыл.

Переговоры начались, как и было заявлено, 5 августа в Доме Африки, где находилась штаб-квартира ОАЕ. С короткими речами выступили Хайле Селассие I и Э. Энахоро.

³³ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 96. Советник посольства СССР в Эфиопии С. Кирсанов «О ходе мирных переговоров в Аддис-Абебе по Нигерии». 27 августа 1968 г.

Император «подчеркнул ответственность обеих сторон за обеспечение мира не только в Нигерии, но и на всем Африканском континенте», призвал их «воздерживаться от полемики и пропаганды, проявлять дух сотрудничества и братства»³⁴. Глава нигерийской делегации назвал главной целью переговоров интеграцию части Нигерии, «находящейся под контролем другой стороны», в «остальную страну» (Stremlau, 1977, p. 200).

Ч. Оджукву произнес пространную двухчасовую речь, где не было и намека на готовность к компромиссу. Ч. Оджукву потребовал признания отделения Восточной Нигерии, доказывал, что игбо могут сохраниться как нация и двигаться по пути прогресса не иначе как в собственном государстве. Лидер сепаратистов обвинил Я. Говона в «геноциде с целью истребления 14 млн биафранцев самыми жуткими способами» и стремлении «стать Гитлером Африки» (Ojukwu, 1969, pp. 336, 338). Ч. Оджукву позволил себе еще и ультиматум: если в течение 24 часов Я. Говон не даст положительный ответ на приглашение императора прибыть в Аддис-Абебу, он, Ч. Оджукву, улетит в Биафру. 6 августа Ч. Оджукву покинул Аддис-Абебу, назначив главой делегации Биафры профессора Эни Нжоку.

Не способствовала формированию конструктивной атмосферы вокруг переговоров и активность пресс-центра биафранской делегации, открывшегося в самой крупной гостинице Аддис-Абебы с разрешения эфиопских властей. Судя по впечатлениям С.М. Кирсанова, работал он весьма эффективно: «Делегация Биафры распространяет брошюры, плакаты и другие материалы, в которых защищается дело Биафры и делаются нападки на страны, поддерживающие федеральное правительство. В частности, в карикатурной форме распространяемые там плакаты показывают, как Англия, США и СССР совместно помогают Нигерии в борьбе против Биафры. В этом пресс-центре выставлены также фотографии, показывающие „расправу“ федеральных войск с племенем ибо. Сотрудники

³⁴ Там же. Л. 97.

пресс-центра проводят беседы с эфиопскими и иностранными корреспондентами и другими посетителями, раздают свою литературу и материалы. Ежедневно там демонстрируются документальные фильмы об ужасах войны и „зверствах“ федеральных войск»³⁵.

Стороны выдвинули диаметрально противоположные планы урегулирования конфликта. Федеральное правительство считало, что прекращению огня должно было предшествовать «заявление об отказе от отделения», «разоружение мятежных войск». Ответные предложения Э. Нжоку предусматривали сохранение Биафры «в качестве суверенного и независимого государства», «немедленное прекращение военных действий», «немедленное снятие экономической блокады, установленной федеральным правительством» в отношении Биафры, «вывод войск за предвоенные границы и обеспечение беженцам свободы возвращения на родину»³⁶.

Посреднические усилия Хайле Селассие I и генерального секретаря ОАЕ Т. Диалло и попытки найти хоть какие-то точки соприкосновения оказались напрасными, стороны не были готовы менять свои позиции, переговоры зашли в тупик. Единственным вопросом, по которому оставался шанс договориться, была доставка гуманитарной помощи гражданскому населению Восточной Нигерии.

13 августа Э. Энахоро заявил, что он приехал в Аддис-Абебу «не заниматься ликвидацией Нигерии» и отбыл на родину для консультаций со своим правительством (Stremlau, 1977, p. 204). Нигерийскую делегацию возглавил министр общественных работ и жилищного строительства Феми Окунну. По информации, полученной советским посольством «в кругах ОАЕ», «Энахоро выехал в Лагос в связи с завершением своей миссии, которая заключалась в том, чтобы довести до сведения всей Африки позицию федерального правительства и доказать несостоятельность предложений Биафры и непримиримый

характер позиции ее лидеров»³⁷. Эту задачу он выполнил.

Хайле Селассие I не оставлял надежд добиться соглашения хотя бы по единственному вопросу — доставке гуманитарной помощи. Переговоры были перенесены из Дома Африки в юбилейный дворец императора, они проходили за закрытыми дверями в условиях строгой секретности.

В июне 1968 г. у Биафры осталась только одна точка, связывающая ее с внешним миром, — взлетно-посадочная полоса в Ули-Ахиале. На ней приземлялись транспортные самолеты, зафрахтованные Международным Красным Крестом (МКК) для доставки гуманитарной помощи населению Биафры. Бюджет МКК складывался из денежных взносов и дотаций продовольствием и медикаментами правительств, международных благотворительных и церковных организаций. Значительный вклад в помощь Биафре внесли Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), международная конфедерация национальных католических благотворительных организаций (КАРИТАС), Всемирный Совет Церквей (ВСЦ), национальные комитеты Красного Креста в Ирландии, США, ФРГ, Швеции. Нигерийское правительство не имело средств для удовлетворительного финансирования Нигерийского Красного Креста (НКК), не справлялось с обеспечением продовольствием и медикаментами пострадавшего от войны населения. Я. Говон вынужден был согласиться на работу МКК в Нигерии.

Полеты в Биафру начались в конце 1967 г. Они осуществлялись в ночное время с аэродромов Абиджана (БСК), Котону (Дагомея), Либревиля (Габон), Сан-Томе (на одноименном острове, принадлежавшем Португалии) и Санта-Исабель (остров Фернандо-По, Экваториальная Гвинея). Всего состоялось 7350 рейсов, было перевезено около миллиона тонн грузов (Venter & Dinsdale, 2018, p. 106). Это был самый крупный воздушный мост со времен Второй мировой войны.

³⁵ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 105—106.

³⁶ Там же. Л. 98.

³⁷ Там же. Л. 102.

Немалую часть грузов составляла контрабанда — оружие и снаряжение для армии Ч. Оджукву. По данным Международного комитета МКК, зафрахтованные им самолеты осуществляли 9—10 рейсов в Биафру в сутки, однако фактически в Ули-Ахиале каждую ночь садилось 17—20 самолетов. Комитет, считал сотрудник советского посольства в Лагосе, «прикрываясь фразами о гуманизме... по существу производит снабжение армии Оджукву продовольствием, боеприпасами и медикаментами, а также маскирует военные поставки других стран в Биафру»³⁸.

Иными словами, логистика доставки грузов для пострадавшего от войны населения Восточной Нигерии была вопросом военным и политическим. Стороны на переговорах в Аддис-Абебе занимали по нему диаметрально противоположные позиции. Делегация Биафры требовала снятия блокады и свободного доступа на контролируемые Ч. Оджукву территории всех видов транспорта с грузами для мирного населения. Делегация федерального правительства считала, что самолеты МКК могут доставлять грузы в аэропорты Нигерии, откуда они после проверки федеральными властями будут направляться в места назначения на грузовиках по специально созданным «коридорам милосердия».

На пяти заседаниях обеих делегаций под председательством императора Эфиопии и более десяти его встречах с каждой из них прогресса достигнуто не было. Хайле Селасие I решил созвать сессию Консультативного комитета по Нигерии и 16 августа пригласил в Аддис-Абебу глав государств-членов — Ганы, ДРК, Камеруна, Либерии и Нигера. Запланированная на 19 августа сессия не состоялась, поскольку никто из приглашенных в столицу Эфиопии не приехал. Они, как верно отмечал С.М. Кирсанов, «понимая очевидную неудачу переговоров в Аддис-Абебе, посчитали для себя наиболее целесообразным

³⁸ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 14. Д. 7. Л. 42. Референт посольства СССР в Нигерии А. Бувич «Деятельность Международного Комитета Красного Креста и других “благотворительных” организаций в Нигерии (Справка)». 12 февраля 1969 г.

уклониться от непосредственного участия в этих переговорах. Как здесь полагают, лидеры остальных участников Консультативного комитета не хотят брать на себя ответственность за фактический провал мирных переговоров в Аддис-Абебе»³⁹.

9 сентября отведенный срок для переговоров истек, и император заявил об их завершении, прервав «свою безрезультативную миссию посредника»⁴⁰ по урегулированию нигерийского кризиса.

Еще до формального завершения переговоров, когда стало очевидно, что они провалились, Я. Говон в очередной раз решил, что пора все решать на поле боя. 24 августа 1968 г. в интервью Би-би-си он анонсировал «начавшийся сегодня» «решающий натиск» на всех фронтах, который покончит с сепаратистами «предположительно» в течение «четырех недель» (Kirk-Greene, 1971b, pp. 316—317). Военные успехи были необходимы федералам в преддверии Ассамблеи глав государств и правительств ОАЕ в Алжире, где должен был обсуждаться нигерийский вопрос.

Дивизия морской пехоты нанесла удар из Порт-Харкорта в северном направлении и к 15 сентября заняла Абу и Оверри, два из трех городов, еще контролируемых Биафрой. 10—11 сентября одна из бригад дивизии, наступавшая в северо-западном направлении, заняла деревню Огута всего в 10 милях от единственной в Биафре взлетно-посадочной полосы Ули-Ахиале. Федералам оставалось продвинуться на три мили, и она становилась досягаемой для их артиллерии. Тогда капитуляция Ч. Оджукву становилась вопросом короткого времени.

³⁹ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 105. Советник посольства СССР в Эфиопии С. Кирсанов «О ходе мирных переговоров в Аддис-Абебе по Нигерии». 27 августа 1968 г.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 16. Д. 10. Л. 110. Советник посольства СССР в Эфиопии Ю. Комаров, атташе посольства СССР в Эфиопии В. Токин «О ходе мирных переговоров в Аддис-Абебе по Нигерии. (Информация в дополнение к нашему № 394/с от 27 августа 1968 г.)». 8 октября 1968 г.

Дипломатическая победа федералов на саммите ОАЕ в Алжире

В такой благоприятной для федерального правительства обстановке на фронтах гражданской войны в Алжире 13 сентября открылась Ассамблея глав государств и правительств ОАЕ. Накануне в одном из помещений *Club des Pins*, где проходила конференция, помощник по военным вопросам министра иностранных дел Нигерии полковник Олуфемиде Олутойе оборудовал ситуационную комнату, где на картах и схемах демонстрировал продвижение морпехов, возглавляемых полковником Бенджамином Адекунле. Нигерийские делегаты в кулуарах убеждали коллег из других африканских стран, что «война почти закончена» (Stremlau, 1977, p. 269).

Нигерийскую делегацию возглавил О. Аволово. Он прибыл в Алжир 12 сентября и до начала обсуждения нигерийского вопроса встретился со всеми главами государств, участвовавших в форуме. Представителей Биафры в Алжире не было, но делегаты БСК, Габона, Замбии Танзании — стран, признавших режим Ч. Оджукву, — распространили его личное послание главам всех делегаций. Он повторил свою прежнюю позицию: существование Биафры и Нигерии возможно только «в форме экономического союза двух независимых и суверенных государств» (Stremlau, 1977, p. 270).

Обсуждение нигерийского вопроса началось в 16 часов 15 сентября и продолжалось 14 часов. Вначале Хайле Селассие I представил доклад Консультативного комитета ОАЕ и подготовленный комитетом проект резолюции по Нигерии. Император предложил провести голосование по проекту без обсуждения положения в Нигерии. Его поддержал президент ДРК Ж.-Д. Мобуту, который заявил, что «в случае успеха своего отделения Биафра представляла бы опасный пример раскола государства, потенциальная угроза которого стоит перед многими африканскими государствами»⁴¹. Представители признавших

Биафру стран настояли на обсуждении. Оно длилось пять с половиной часов, после чего была принята резолюция, призывавшая «все государства — члены ОАЕ и ООН воздержаться от любых действий, угрожающих миру, единству и территориальной целостности Нигерии», а «лидеров отделившейся территории сотрудничать с федеральными властями для восстановления мира и единства в Нигерии». По предложению делегации БСК был включен пункт о всеобщей амнистии после окончания боевых действий (Kirk-Greene, 1971b, pp. 328—329). За резолюцию проголосовали 36 стран, против — 4 страны, признавшие Биафру, две делегации (Ботсвана и Руанда) воздержались⁴².

Оценивая итоги алжирского форума, нигерийские СМИ отмечали, что «резолюция ОАЕ по Нигерии является важнейшей дипломатической победой федерального военного правительства, а для мятежников эта резолюция должна послужить сигналом к отказу от отделения»⁴³. Это действительно был успех нигерийской дипломатии, но заставить денонсировать отделение Биафры Ч. Оджукву мог только военный разгром, а его не случилось.

В начале сентября 1968 г. Биафра представляла собой окруженный со всех сторон неприятелем небольшой анклав длиной 60 и шириной 30 миль, лишенный выхода к морю. Казалось, ничто не могло спасти ее от капитуляции. 12 сентября федеральные войска, форсировавшие реку Ораша, за которой открывался путь к взлетно-посадочной полосе Ули-Ахиале, попали под плотный огонь артиллерии, скрытно занявшей позиции накануне. Понесся большие потери, федералы отступили на 20 миль. На других фронтах войска Биафры также смогли удержать позиции.

Помогли новые поставки французского оружия. Ш. де Голль 24 августа в ответ на заявление Я. Говона о «решающем натиске» одобрил отправку морским путем в БСК очередной крупной партии оружия (Griffin, 2017,

странных дел и конференция глав государств — членов ОАЕ в Алжире в сентябре с.г. (Справка)». 16 октября 1968 г.

⁴² Там же. Л. 40.

⁴³ Там же.

⁴¹ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 11. П. 13. Д. 4. Л. 39. Третий секретарь посольства СССР в Нигерии И. Ширяев «Нигерийский кризис и совещание министров ино-

р. 168). На пресс-конференции в Париже 9 сентября, в день завершения конференции в Аддис-Абебе, президент Франции заявил: «Действительно, почему игбо, которые преимущественно христиане и живут своей жизнью на юге, должны зависеть от другой этнической группы Федерации [Нигерии]?» (Kirk-Greene, 1971b, p. 329).

Фронт снова стабилизировался, очередное обещание Я. Говона покончить с сепаратистами оказалось невыполненным.

Последние миротворческие инициативы ОАЕ

На фоне отсутствия военных успехов федеральной армии шансы на возобновление миротворчества под эгидой ОАЕ выглядели маловероятными. Ч. Оджукву, выступая перед сотрудниками СМИ Биафры 31 декабря 1968 г., подверг ОАЕ уничижительной критике: «Организация африканского единства является таковой только по названию. На самом деле это шоу марионеток — много помпезности, но мало реальных дел... Ей бы называться Организацией африканских евнухов. У ОАЕ африканская оболочка, но это всего лишь маска... для матерого империализма — арабского, британского, русского» (Stremlau, 1977, p. 308).

Несмотря на наступательно-агрессивную риторику Ч. Оджукву, было ясно, что военное поражение его режима — дело времени. Прозападные африканские страны озаботились поиском формулы мира, которая могла бы «спасти лицо» Ч. Оджукву. 24 января 1969 г. президент Либерии У. Табмен призвал Консультативный комитет ОАЕ пригласить представителей федерального правительства и сепаратистов встретиться и провести переговоры «без предварительной повестки» (Stremlau, 1977, p. 310). Ч. Оджукву отрицательно отнесся к этой инициативе, в то время как федеральное правительство заявило о готовности к переговорам. Изменить позицию Ч. Оджукву не помогли ни увещевания делегации Замбии, посетившей Биафру в марте 1969 г., ни призывы сесть за стол переговоров со стороны БСК, Габона и Танзании.

Более действенным оказалось давление на чувствительную точку Ч. Оджукву — поставки оружия. В конце марта Париж посетили президент БСК Ф. Уфуэ-Буаьи, президент Нигера А. Диори и президент ДРК Ж.-Д. Мобуту. По сообщениям прессы, им удалось склонить Ш. де Голля сократить снабжение оружием армии Биафры, чтобы сделать Ч. Оджукву более уступчивым в отношении переговоров. К середине апреля французские поставки оружия сократились с 25 до 1 тонны в сутки (Stremlau, 1977, p. 312). Результат не замедлил сказаться на ходе боевых действий: 22 апреля федеральные войска овладели столицей Биафры Умуахией. 13 апреля Биафра заявила, что принимает приглашение Хайле Селассие I провести переговоры с представителями Нигерии в Монровии при посредничестве Консультативного комитета ОАЕ.

Сессия Консультативного комитета проходила в либерийской столице 18—20 апреля 1969 г. Председательствовал Хайле Селассие I, присутствовали главы Либерии (У. Табмен), Нигера (А. Диори), ДРК (Ж.-Д. Мобуту), Камеруна (А. Ахиджо), Гану представлял вице-председатель Совета национального освобождения Джон Харлей. В сессии участвовал генеральный секретарь ОАЕ Т. Диалло. Делегацию Нигерии возглавлял министр общественных работ и жилищного строительства Ф. Окунну, Биафры — председатель Верховного суда Л. Мбанефо. Они приглашались на заседания комитета для изложения своих позиций, после чего работа проходила в закрытом режиме. У. Табмен и А. Диори в результате переговоров с Л. Мбанефо отыскали приемлемую для Ч. Оджукву формулу — «возвращение к нормальному положению в стране» как основу для переговоров. Как и следовало ожидать, это не устроило федералов, Ф. Окунну предложил другую основу — «федеральная единая Нигерия». С этим уже не согласилась биафранская сторона, и сессия закончилась безрезультатно (Stremlau, 1977, pp. 313—319).

Летняя кампания 1969 г. оказалась для армии Биафры довольно успешной. Она нанесла несколько контрударов и 25 апреля

вернула г. Оверри, куда Ч. Оджукву тут же перенес свою столицу.

Серьезный вызов был брошен господству нигерийской авиации в воздухе. 60-летний шведский граф Карл Густав фон Розен, знаменитый воздушный ас и искатель приключений, предложил Ч. Оджукву создать «регулярные ВВС». Получив согласие Ч. Оджукву и заручившись поддержкой французской разведки, К.Г. фон Розен приобрел 5 шведских легких одномоторных учебных самолетов «Мальмё», прозванных в Африке «миниконами», и переоборудовал их в боевые ударные машины. Личный состав эскадрильи под командованием К.Г. фон Розена состоял из четырех шведских наемников и трех игбо. За миниатюрные размеры своих машин она получила название «Малютки Биафры» (*Biafran Babies*). В ночь на 20 мая 1969 г. эскадрилья скрытно перелетела из Габона на секретный полевой аэродром Орлу, расположенный в Биафре недалеко от линии фронта. 22 мая «миниконы» атаковали аэродром Порт-Харкорта, 24 мая — Бенина, 26 мая — Энугу, 28 мая — вывели из строя электростанцию в Угели, снабжавшую электроэнергией всю Юго-Восточную Нигерию. Эскадрилья К.Г. фон Розена нанесла федеральным ВВС урон, не понеся потерь. «Миниконы» подходили к целям на сверхмалой высоте (2—5 метров), что сильно затрудняло действия зенитчиков, во время полетов соблюдался режим радиомолчания. Вскоре по настоянию шведского правительства К.Г. фон Розен и иностранные летчики из его команды покинули Нигерию.

Успешные действия ВВС Ч. Оджукву спровоцировали эскалацию воздушной войны. Ночью 5 июня 1969 г. МиГ-17 ВВС Нигерии сбил самолет DC-6 шведского Красного Креста с опознавательными знаками (*De St. Jorre*, 1972, p. 332). Последовали ноты протеста правительств США и Швеции. Нигерия в ответ объявила «персоной нон грата» А. Линдта, руководителя операциями МКК в Западной Африке за несанкционированные полеты над своей территорией. Федеральное правительство приняло постановление, согласно которому все самолеты должны были осуществлять посадку в Лагосе для досмотра на

пути в Биафру и по возвращении оттуда⁴⁴. Однако оно было проигнорировано, и нелегальные ночные полеты продолжались.

ОАЕ последний раз попыталась урегулировать нигерийский кризис на своем шестом саммите в Аддис-Абебе 6—10 сентября 1969 г. В нем участвовали представители 41 африканской страны, в том числе Я. Говон, который встретился на полях саммита с главами 14 государств. Представители Биафры отсутствовали. Ее интересы защищали четыре страны, признавшие режим Ч. Оджукву. БСК, Габон, Замбия и Танзания призвали ОАЕ инициировать немедленное прекращение огня без предварительных условий. Я. Говон настаивал, что любые переговоры возможны только в контексте признания обеими сторонами «единой Нигерии» (Stremlau, 1977, p. 350).

В течение всего саммита шли переговоры между представителями четырех стран и Консультативного комитета о выработке компромиссной резолюции. Выбить какие-либо уступки для Биафры не удалось. Принятая резолюция призвала «две стороны, участвующие в гражданской войне, договориться о сохранении в высших интересах Африки единства Нигерии и согласиться на немедленное прекращение военных действий и безотлагательное начало переговоров, направленных на сохранение единства Нигерии и восстановление примирения и мира, которые обеспечат населению все формы безопасности и все гарантии равных прав, прерогатив и обязанностей»⁴⁵.

Я. Говон одержал победу и в другом вопросе — о международной помощи пострадавшему от войны мирному населению. Эта

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 0579. Оп. 12. П. 14. Д. 7. Л. 45. Третий секретарь посольства СССР в Нигерии Н. Петров «Решение федерального правительства об ограничении деятельности МКК в Нигерии и реакция империалистических держав. (Справка)». 15 августа 1969 г.

⁴⁵ Resolutions adopted by the Sixth Ordinary Session of the Assembly of Heads of State and Government Held in Addis Ababa from 6 to 10 September 1969. AHG/Res.58/Rev.1 (VI). Resolution on Nigeria // Organization of African Unity. URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/9518-assembly_en_6_10_september_1969_assembly_heads_state_government_sixth_ordinary_session.pdf (accessed: 04.03.2023).

проблема получила большой международный резонанс после инцидента с самолетом шведского Красного Креста. Участники саммита обратились к правительствам, международным, религиозным и благотворительным организациям мира с просьбой «содействовать выполнению настоящей резолюции и воздерживаться от любых действий, поступков и подходов, способных поставить под угрозу усилия ОАЕ по поиску африканского решения нигерийского кризиса»⁴⁶. Помощь мирному населению признавалась внутренним делом Нигерии. За резолюцию проголосовали 36 стран, из которых 5 (БСК, Габон, Замбия, Сьерра-Леоне и Танзания) воздержались (Stremlau, 1977, p. 354).

Решения, принятые в Аддис-Абебе, вынудили Ч. Оджукву отказаться от миротворческих услуг ОАЕ. Его попытки привлечь в качестве посредников для урегулирования конфликта Швейцарию, Австрию, Швецию и Югославию оказались безуспешными. В декабре 1969 г. Хайле Селассие I пригласил представителей федерального правительства и Биафры в Аддис-Абебу для мирных переговоров. Принципиальным был вопрос о том, сделал ли император это в частном порядке или как председатель Консультативного комитета ОАЕ по Нигерии. Биафра считала,

что это частная инициатива, поскольку она отказалась иметь дело с ОАЕ. Посол Нигерии в Аддис-Абебе Олу Сану 17 декабря сделал заявление, что он получил заверения от министра иностранных дел Эфиопии Кетемы Ифру, что переговоры организованы в рамках ОАЕ. В результате переговоры не состоялись, ранее прибывшая в Аддис-Абебу биафранская делегация 18 декабря возвратилась назад (Červenka, 1977, pp. 106—107).

К тому времени гражданская война почти закончилась. Федеральная армия перешла в наступление, которое на этот раз оказалось действительно решающим и победоносным. Голодные биафранские военнослужащие бросали оружие, скрывались в лесах или смешивались с толпами беженцев. 9 января 1970 г. пал Оверри. Утром 11 января Ч. Оджукву вылетел в БСК. Через несколько часов взлетно-посадочная полоса Ули-Ахиале перешла под контроль войск Говона. 15 января Биафра капитулировала.

Заключение

ОАЕ не преуспела в урегулировании нигерийского кризиса. Это оказалось не под силу и другим миротворцам, в частности Великобритании. Стороны конфликта не искали примирения, а добивались военной победы, все решалось на полях сражений. ОАЕ удалось не допустить легитимизации сепаратистской Биафры, чего добивались Франция и Китай через своих африканских союзников, признавших режим Оджукву. Иначе мог произойти эффект домино с тяжелыми последствиями для всего континента.

Поступила в редакцию / Received: 08.03.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 15.04.2023

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список

- Мазов С. В.* Советская помощь повстанцам восточного Конго, 1964—1966. Часть 1 // *Азия и Африка сегодня*. 2019а. № 11. С. 70—76. <https://doi.org/10.31857/S032150750007027-1>
- Мазов С. В.* Советская помощь повстанцам восточного Конго, 1964—1966. Часть 2 // *Азия и Африка сегодня*. 2019б. № 12. С. 84—90. <https://doi.org/10.31857/S032150750007664-2>
- Мазов С. В.* Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960—1964. Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2015.
- Организация африканского единства : сборник документов. Вып. 2 (1966—1969) / отв. ред. и сост. Р. А. Тузмухамедов. Москва : Наука, 1973.

- Россия и Африка. Документы и материалы. 1961 — начало 1970-х / отв. ред. С. В. Мазов, А. Б. Давидсон. Москва : Политическая энциклопедия, 2021.
- Филиппов В. П. Тайная война Франции в Биафре // Политика и общество. 2016. № 3 (135). С. 285—300. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2016.3.18323>
- Этингер Я. Я. Нигерийский кризис 1967—1970 годов // Вопросы истории. 1976. № 4. С. 133—147.
- Akuchu E. Peaceful Settlement of Disputes: Unsolved Problem of the OAU (A Case Study of the Nigeria — Biafra Conflict) // Africa Today. 1977. Vol. 24, no. 4. P. 39—58.
- Červenka Z. The Unfinished Quest for Unity: Africa and the OAU. London : Julian Friedmann Publishers, 1977.
- Červenka Z. The Nigerian War 1967—1970. History of the War. Selected Bibliography and Documents. Frankfurt am Main : Bernard & Graefe Verlag für Wehrwesen, 1971.
- Cronje S. The World and Nigeria: A Diplomatic History of the Biafran Civil War. London : Sidgwick and Jackson, 1977.
- Daly S. F. C. The Case against Victor Banjo: Legal Process and the Governance of Biafra // Postcolonial Conflict and the Question of Genocide: The Nigeria — Biafra War, 1967—1970 / ed. by A. D. Moses, L. Heerten. New York, London : Taylor & Francis Group, 2017. P. 95—112.
- De St. Jorre D. The Brothers' War. Biafra and Nigeria. Boston : Houghton Mifflin, 1972.
- Griffin Ch. France and the Nigerian Civil War, 1967—1970 // Postcolonial Conflict and the Question of Genocide: The Nigeria — Biafra War, 1967—1970 / ed. by A. D. Moses, L. Heerten. New York, London : Taylor & Francis Group, 2017. P. 156—176.
- Kirk-Greene A. H. M. Crisis and Conflict in Nigeria: A Documentary Sourcebook 1966—1969. Vol. I: January 1966 — July 1967. New York : Oxford University Press, 1971a.
- Kirk-Greene A. H. M. Crisis and Conflict in Nigeria: A Documentary Sourcebook 1966—1969. Vol. II: July 1967 — January 1970. New York : Oxford University Press, 1971b.
- Mazov S. V. The Soviet Union and the Nigerian Civil War (1967—1970): Military and Technical Cooperation with the Federal Military Government of Nigeria // Eastern Europe, the Soviet Union, and Africa. New Perspectives on the Era of Decolonization, 1950s to 1990s / ed. by C. Saunders, H. A. Fonseca, L. Dallywater. Oldenbourg : De Gruyter, 2023. P. 289—314. <https://doi.org/10.1515/9783110787757-015>
- Ojukwu O. Biafra. Selected Speeches and Random Thoughts of C. Ojukwu, with Diaries of Events. Vol. I. New York : Harper & Row, 1969.
- Posibi A. P., Canale A. Historical Analysis of the Position of African Countries in the Nigerian Civil War, 1967—1970 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12, № 2. С. 302—311. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2020.210>
- Stremmlau J. The International Politics of the Nigerian Civil War, 1967—1970. Princeton : Princeton University Press, 1977.
- Uche S. Oil, British Interests and the Nigerian Civil War // Journal of African History. 2008. Vol. 49, iss. 1. P. 111—135. <https://doi.org/10.1017/S0021853708003393>
- Venter A. J., Dinsdale S. Biafra Genocide: Nigeria: Bloodletting and Mass Starvation, 1967—1970. Barnsley : Pen & Sword Books Limited, 2018.

Сведения об авторе: Мазов Сергей Васильевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра африканских исследований, Институт всеобщей истории РАН; ORCID: 0000-0001-6502-751X; e-mail: s.mazov@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-393-396

EDN: HTTHQV

Book Review: Charbonneau, B., & Ricard, M. (Eds.). (2022). Routledge Handbook of African Peacebuilding. Routledge, 308 p.

Claire A. Amuhaya

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 amukhaya-k@rudn.ru

For citation: Amuhaya, C. A. (2023). Book review: Charbonneau, B., & Ricard, M. (Eds.). (2022). Routledge Handbook of African Peacebuilding. Routledge, 308 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 393—396. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-393-396>

Рецензия на книгу: Routledge Handbook of African Peacebuilding / ed. by B. Charbonneau, M. Ricard. Routledge, 2022. 308 p.

К.А. Амухайа

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 amukhaya-k@rudn.ru

Для цитирования: *Amuhaya C. A.* Book Review: Routledge Handbook of African Peacebuilding / ed. by B. Charbonneau, M. Ricard. Routledge, 2022. 308 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 393—396. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-393-396>

Africa is arguably the laboratory for UN activities as it is the perfect description of the UN Secretary-General Guterres ‘Peace continuum’ that replaced ‘crisis continuum’ “which he defines in institutional terms as the product of a comprehensive, modern and effective operational peace architecture, encompassing prevention, conflict resolution, peacekeeping, peacebuilding and long-term development” (Charbonneau & Ricard, 2022, p. 22).

The reality, however, is that the current rule-based international system treats Africa like global second-class citizens, constantly marginalised even on its own internal issues such as its peace and security. The result is that despite Africa being at the centre of peace intervention practices over the past three decades, it is arguably the western imagination of Africa that has had a governing influence on the politics, policy and practices of Africa’s peacebuilding efforts.

© Amuhaya C.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Consequently, having fully realised this discrepancy, since the beginning of the 21st century, Africa has been attempting to reconfigure this international system by establishing its own institutions (*the African Union* (AU), regional economic communities, RECs), developing its own structures (*African Peace and Security Architecture*, APSA) and even coining its own theoretical frameworks/ideologies (George Ayittey's African Solutions to African Problems) underpinning the central role that Africans and Africa should play on peace and security in international relations.

However, the increasing institutional cooperation of the AU as well as the African RECs with other external international actors such as the UN and/or the EU, German development cooperation agency (GIZ), and the UK Department for International Development (DFID) has led to the adoption of Western structures and the implementation of external approaches to peacebuilding coupled with heavy dependence on external funding, resulting in these external actors routinely seeking to intervene on their own terms in African conflicts.

As a result, Africa has constructed a particular version of peacebuilding, within a “colonial/neocolonial” framework instead of Ali Mazrui's vision and ambition “for a Pax Africana that was ‘to be assured by the exertions of Africans themselves’ ” (Charbonneau & Ricard, 2022, p. 2) to enhance their voices in international relations and thereby the international system. Because if African institutions are highly dependent on external funding, they are also duplicating Western/Eurocentric structures as well as developing joint institutional frameworks, the outcome is that they are implementing external approaches to peacebuilding, *then whose/what peace/building are the African structures and institutions executing?*

It is within this context that this contributed *Routledge Handbook on African Peacebuilding* edited by Bruno Charbonneau and Maxime Ricard, divided into three parts, tries to answer this question page by page; by unveiling to readers the critical differences in how African peacebuilders have conceptualized and operationalized peacebuilding in the ways

international politics position Africa as an object and subject of international intervention.

The first part with four chapters deals with the institutions that directly handle African peacebuilding; the UN and some of its agencies (*the United Nations High Commissioner for Refugees*, UNHCR) and the AU and its RECs, i.e., *Economic Community of West African States* (ECOWAS), by mainly examining their structural engagements and impediments in their quest for African peacebuilding. The authors begin to unravel to readers the peacebuilding puzzle with the startling revelation that African institutions have adopted Eurocentric structures. For example, Chapter 3 specifically addresses the issue of peacebuilding via security sector reform and governance (SSR/G) — *a Western-based security structure specifically established by the Organization for Security and Co-operation in Europe*. The question emerging then is how can African RECs such as ECOWAS adopt such a structure as a basis for African peacebuilding? It is no wonder that the authors point out the several challenges that the SSR/G is encountering in West Africa, especially that it has remained too state focused, ignoring the African community-based security cultures and thereby weakening traditional conflict management structures.

Second, the state is regarded as the critical institutional actor in peacebuilding. In fact, the author in Chapter 1 states that one of the main UN principles and guidelines for peacekeeping operations is “restoring the state's ability to provide security and maintain public order” (Charbonneau & Ricard, 2022, p. 23), while “AU's approach to peacebuilding requires the existence of a legitimate government, a functional society and domestic parties for dialogue to begin” (Charbonneau & Ricard, 2022, p. 3) leading to the argument that “in Africa peacebuilding initiatives are limited by the conditions of the post-colonial African state” (Charbonneau & Ricard, 2022, p. 3).

Therefore, if peacebuilding involves “addressing the deep-rooted, structural causes of violent conflict in a comprehensive manner... and puts institution building at the center of its action by supporting the restoration and extension of state authority” (Charbonneau & Ricard, 2022,

p. 18), which state are they restoring during peacebuilding and does it truly address the deep-rooted causes of violent conflicts? Hence, the debate that African peacebuilding initiatives are limited by the conditions of the postcolonial African state but it still does not answer the question; whose peace?

The question continues in part two of the book that consists of 7 chapters on themes and debates questioning whether the AU framework and its underfunded peace operations that have led to high dependency on external financing are indeed an African version of peacebuilding or are engulfed by the external actors' characteristics.

This question is addressed by all authors but most substantively in Chapter 5 as the author rightly asks how African are the mediations. For instance, "In 2014 international partners covered as much as 96% of the budget for the operationalization of the African Peace and Security Architecture (APSA), which covers the AU and the RECs... In 2016, the AU expressed concern that external partners funded over 95% of its preventive diplomacy and mediation activities" (Charbonneau & Ricard, 2022, p. 74).

With the *African Union Mission to Somalia* (AMISOM) established in 2007 and its funding primarily provided by the EU, it is not surprising then that "Donors often play a problematic role in pressing mediators to move hastily to produce a peace agreement before the conflict parties have achieved the consensus and reconciliation needed to make the agreement sustainable" (Charbonneau & Ricard, 2022, p. 74). Hence the same question arises again — whose peace are we talking about?

Apart from mediation there are also debates on justice, knowledge production, local agency, gender, development, democracy and climate security but most importantly, criticism of the rule-based international system and thus the liberal model of peacebuilding that does not solve African underlying causes of conflicts. In Chapter 8, the authors provide a case study of how a local peacebuilding programme in Côte d'Ivoire was initially established to strengthen traditional decision-making systems but due to external funding specifically the German development cooperation agency (GIZ) (2007—2009), it resulted in the introduction of new methods and

thereby weakening of the traditional conflict management structures. For example, the county and sub-prefectural committees, by their hierarchical positioning due to the salary payment system, "overturned decisions of the village chief, who was considered biased. This then contributed to the weakening of the village chiefdom, further undermining the traditional conflict management authority" (Charbonneau & Ricard, 2022, p. 117).

The authors however present two case studies that demonstrate how local engagement of structural issues has led to successful examples of local peacebuilding. The first village ensured that all land transactions were under the control of the village chief, while the second established a management committee that led to the creation of a sub-prefect office for the registration and redistribution of land to returnees. As a result, there have been no reported cases of violence between civilian populations since the local engagements.

Part three introduces seven case studies that present an in-depth empirical analysis on power relations and the impact of peacebuilding in the Sahel, Mali and Somalia, the Gambia, South Sudan, Guinea-Bissau, and Côte d'Ivoire exposing the current shortcomings in African peacebuilding. For example, the peacebuilding approaches used in Guinea-Bissau and Côte d'Ivoire do not address the root causes of the conflicts because the forms of peace established do not touch underlying issues such as inequality, injustice and poverty. Thus, the authors present an alternative to international peacebuilding approaches by proposing "a hybrid model based on African perspectives and indigenous approaches to peacebuilding to consolidate peace" (Charbonneau & Ricard, 2022, p. 11).

Cyril Obi's conclusion not only gives an overview of the chapters but also serves as a critique because it challenges African peacebuilders to confront the hard truths they have dealt with so far by burying their heads in the sand with hopes that eventually it will go away. He argues that despite the progress made by Africans in ownership of the peacebuilding agenda, he acknowledges the gaps that have resulted in limited success and outright failure in addressing conflicts in the continent. He also

acknowledges that the nature of the contestations between the various actors, both local and international will continue to drive the structure and processes of peace interventions in Africa for some time to come.

In conclusion, it might seem that the authors are critical of the liberal peacebuilding approaches in Africa; however, one can objectively note that the rule based international system is facing challenges and the book is a result of the continuous search by Africans to reclaim the peacebuilding agenda in their continent on their own terms. Nevertheless, despite all their efforts the authors were not able to answer the whose peace question but rather, they were unanimous in acknowledging that Africans are not in control of the structures nor the institutions for peacebuilding on the continent. The editors quite rightly conclude that “Even the AU, as the supposed champion of Pax Africana, cannot function without external funding” (Charbonneau & Ricard, 2022, p. 286). As a result, the local peacebuilding programmes were weakening rather than being strengthened so “it is not clear what claims to African ownership really amount to” (Charbonneau & Ricard, 2022, p. 276).

Therefore, there is an urgent need for Africans to reclaim the peacebuilding agenda in their own terms because “to seek an answer to the

rhetorical question of whose peacebuilding in the coming decades will require going back to the ‘original sins’ of colonialism to the non-transformative neo-colonialism that followed, which in turn undergirds the question, ‘Peacebuilding for what?’” (Charbonneau & Ricard, 2022, p. 279). However, “African Solutions to African Problems” cannot be the only ideology being advanced by African agency, additional effort still needs to be made to develop more African theories for African peacebuilding.

Nevertheless, this book holds the attention of readers while posing the right questions to African peacebuilders, serving as a good critique of African peacebuilding efforts. The book concludes by noting the emergence of an alternative, signalling a turning point in Africa when Cyril Obi points out that “Already there are signs that the continent is experiencing episodic outbursts of demands for an alternate, next-generation peacebuilding in which young people in various countries are demanding change: social emancipation, protection of the rights of minorities, an end to authoritarianism by corrupt and self-serving leadership, and the depredations of international extractivism and neo-colonialism(s)” (Charbonneau & Ricard, 2022, p. 280).

Received / Поступила в редакцию: 29.03.2023

Accepted / Принята к публикации: 17.04.2023

References / Библиографический список

Charbonneau, B., & Ricard, M. (Eds.). (2022). *Routledge handbook of African peacebuilding*. Routledge.

About the author: *Amuhaya Claire Ayuma* — PhD (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0003-4063-6049; e-mail: amukhaya-k@rudn.ru

Сведения об авторе: *Амухья Клэр Аюма* — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0003-4063-6049; e-mail: amukhaya-k@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-397-400

EDN: ICGTYD

Рецензия на книгу:
Fujishige H. N., Uesugi Y., Honda T. Japan's Peacekeeping at a Crossroads: Taking a Robust Stance or Remaining Hesitant? Palgrave Macmillan, 2022. 264 p.

Л.А. Мелконян

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 melkonyan-la@rudn.ru

Для цитирования: Мелконян Л. А. Рецензия на книгу: Fujishige H. N., Uesugi Y., Honda T. Japan's Peacekeeping at a Crossroads: Taking a Robust Stance or Remaining Hesitant? Palgrave Macmillan, 2022. 264 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 397—400. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-397-400>

Book Review:
Fujishige, H. N., Uesugi, Y., & Honda, T. (2022). Japan's Peacekeeping at a Crossroads: Taking a Robust Stance or Remaining Hesitant? Palgrave Macmillan, 264 p.

Lusine A. Melkonyan

RUDN University, Moscow, Russian Federation
 melkonyan-la@rudn.ru

For citation: Melkonyan, L. A. (2023). Book review: Fujishige, H. N., Uesugi, Y., & Honda, T. (2022). Japan's Peacekeeping at a Crossroads: Taking a Robust Stance or Remaining Hesitant? Palgrave Macmillan, 264 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 397—400. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-397-400>

Япония принимала участие в операциях ООН по поддержанию мира с 1992 по 2017 г. в соответствии с конституционным ограничением на использование военных сил и оружия. Японские миротворцы в основном были сосредоточены на инженерных работах, параллельно стремясь ослабить ограничения на использование оружия. Однако в 2017 г. Япония внезапно вывела свой инженерный корпус из

Южного Судана и с тех пор не предоставляла свой контингент.

В этой связи научный исследовательский интерес вызывает работа исследователей Университета Аояма Гакуин (*Aoyama Gakuin University*)¹, Университета Васэда (*Waseda University*)² и Университета Тюкё (*Chukyo University*)³ Хироми Нагаты Фудзисигэ, Юдзи Уэсуги и Томоаки Хонды «Миротворческая

¹ About AGU // Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan. URL: <https://www.aoyama.ac.jp/en/outline/> (accessed: 25.02.2023).

² About Us // Waseda University, Tokyo, Japan. URL: <https://www.waseda.jp/top/en/about> (accessed: 25.02.2023).

³ About Us // Chukyo University, Nagoya, Japan. URL: <https://www.chukyo-u.ac.jp/english/about/> (accessed: 25.02.2023).

© Мелконян Л.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

деятельность Японии на историческом перепутье: занять жесткую позицию или оставаться в нерешительности?» (Fujishige, Uesugi & Honda, 2022).

Прежде чем перейти к подробному обзору данной монографии, увидевшей свет в 2022 г., следует сказать несколько слов о ее авторах. Хироми Нагата Фудзисигэ (Hiromi Nagata Fujishige) является доцентом Школы международной политики, экономики и коммуникаций Университета Аояма Гакуин в Токио, а также младшим научным сотрудником программы SIPRI «Изменение климата и риски» и инициативы «Окружающая среда мира». Ее исследовательские интересы включают вопросы, связанные с изменением климата, вооруженными конфликтами, поддержанием мира, миростроительством с акцентом на вклад Японии в эту область. Среди последних опубликованных работ Х.Н. Фудзисигэ следует выделить следующие: *Constructing a More Active Role: The Norm-Shift and the Rise of Activism in Japan's Security Policy* (Fujishige, 2017b), *A New Horizon for Japan's 'Armed Peacebuilders'?* (Fujishige, 2017a).

Юдзи Уэсуги (Yuji Uesugi) — профессор Университета Васэда (Школа международных гуманитарных исследований факультета международных исследований и образования). Научно-исследовательские интересы связаны с международными отношениями, конфликтологией, международной безопасностью, реформами сектора безопасности, вопросами гражданско-военной координации, а также операциями ООН по поддержанию мира (Uesugi & Richmond, 2021; Uesugi, Kobayashi & Honda, 2021).

Томоаки Хонда (Tomoaki Honda) — адъюнкт-профессор факультета свободных искусств и наук Университета Тьюкё. Является специалистом в таких областях, как политика международного сотрудничества, международная безопасность, миростроительство, международное мирное сотрудничество. В качестве ключевых работ исследователя следует упомянуть следующие: *Japan's Peacebuilding under the Abe Administration: Change and Continuity, 2012—2020* (Uesugi, Kobayashi & Honda, 2021), *Historical Development of JICA's*

Peacebuilding (1999—2015): A Formation of Japanese Way of Peacebuilding (Honda, 2017).

Центральным предметом исследования рецензируемой монографии является участие Японии в миротворческих операциях ООН, предложен исторический, юридический и политический обзор событий после окончания Второй мировой войны, а также представлены размышления авторов о различиях между концепциями «международное сотрудничество в достижении мира» (*international peace cooperation*) и «международные миротворческие операции» (*international peace operations*).

Книга состоит из введения, семи разделов и заключения. Во введении авторы ставят два исследовательских вопроса: во-первых, по какой причине Япония внезапно прекратила 25-летнюю историю предоставления войск для операций ООН по поддержанию мира (UNPKO) в 2017 г.; во-вторых, существует ли вероятность возобновления крупномасштабного военного развертывания японского контингента.

В первом разделе (*The Historical Background to Japan's Peacekeeping Policy from the Early Postwar Era to the Establishment of the PKO Act 1945—1992*) исследована эволюция японской миротворческой политики Японии с 1945 г. до принятия в 1992 г. Закона об операциях по поддержанию мира (термин «послевоенный» в книге обозначает период от поражения Японии во Второй мировой войне в 1945 г. до окончания холодной войны в 1990 г.). Выявлено влияние войны в Персидском заливе (1990—1991 гг.) на отказ Японией отправлять военных за границу. Затем рассмотрен сложный процесс законотворчества и принятия в Японии Закона об операциях по поддержанию мира (ОПМ), вступившего в силу в июне 1992 г.

Второй раздел (*The Evolution of Japan's Peacekeeping Policy 1992—2012*) иллюстрирует эволюцию миротворческой политики Японии с момента принятия Закона об операциях по поддержанию мира в 1992 г. до 2012 г., прихода японского премьер-министра С. Абэ к власти во второй раз после 2006—2007 гг. Особое внимание уделено

рассмотрению японских подходов к международному сотрудничеству в области мира.

В третьем разделе (*Recent Developments in Japan's International Peace Cooperation Under the Second Abe Government 2012—2020*) рассматриваются изменения в миротворческой политике Японии при второй администрации С. Абэ (2012—2020 гг.), в частности масштабные реформы, изменившие качество японской миротворческой деятельности. Особое внимание уделяется тенденциям «интеграции» (*integration*) и «надежности» (*robustness*) роли Японии в ОПМ ООН.

Четвертый раздел (*Cambodia: Japan's First UNPKO Contribution*) посвящен участию Японии во Временной администрации ООН в Камбодже с 1992 по 1993 г., ставшему знаковым событием в истории миротворческой политики Японии и ее первым военным вкладом на основе Закона об ОПМ 1992 г.

В пятом разделе (*East Timor: Adapting to "Integration" and Responding to "Robustness"*) освещается участие Сил самообороны в миссиях ООН в Восточном Тиморе (Тимор-Лесте), особенно деятельность японских миротворцев в составе Временной администрации ООН в Восточном Тиморе и Миссии ООН по поддержке в Восточном Тиморе за период с начала до середины 2000-х гг.

Шестой раздел (*Haiti: The Development of "Seamless" Assistance from Disaster Relief to UNPKOs*) содержит исследование реакции Японии на сложный кризис на Гаити, в котором смешались стихийное бедствие и гражданские беспорядки. Сложившаяся нестабильность в Гаити, хотя и в условиях продолжающейся ОПМ ООН, еще больше обострилась после сильного землетрясения 2010 г. Этот вызов подтолкнул Японию к практической реализации принципа «интеграции» в рамках ОПМ ООН, поскольку с целью преодоления сложных последствий землетрясения и чрезвычайной ситуации на Гаити Япония уже

быстрыми темпами развивала военно-гражданскую инфраструктуру и сотрудничество.

В седьмом разделе (*South Sudan: The SDF and "Protection of Civilians"*) основное внимание уделяется анализу развертывания японских инженерных групп в составе Миссии ООН в Южном Судане с 2012 по 2017 г., включающей восстановление объектов и инфраструктуры (строительство дорог), а также помощь местным жителям (профессиональное обучение). В рассматриваемый период проблема безопасности в Южном Судане продолжала обостряться. Тогда поправка к Закону об ОПМ в рамках Закона о мире и безопасности 2015 г. позволила правительству Японии поручить японским инженерным группам частичные миссии по обеспечению безопасности на месте.

В заключении авторы обосновывают вывод японских инженерных групп из Южного Судана в 2017 г., демонстрируя, что развертывание войск в рамках ОПМ ООН стало весьма сложным процессом для «стран Глобального Севера», что, согласно позиции авторов, привело к сдвигу от сосредоточения усилий на росте направляемого в миссии персонала на «более существенные обязательства в рамках ОПМ ООН» (Fujishige, Uesugi & Honda, 2022).

Подводя итог, следует отметить, что рецензируемая монография является комплексным, междисциплинарным исследованием, в котором всесторонне задокументирована история японского миротворчества с 1945 по 2017 г., подробно рассмотрены различные этапы миротворческой политики Японии и ее характеристики на основе обширного фактологического и аналитического материала.

Такой всеобъемлющий и междисциплинарный анализ имеет ключевое значение для специалистов по миротворчеству ООН и японской миротворческой политике, а также исследователей в области сотрудничества в сфере обеспечения международного мира.

Поступила в редакцию / Received: 26.02.2023
Принята к публикации / Accepted: 17.04.2023

Библиографический список / References

- Fujishige, H. N., Uesugi, Y., & Honda, T. (2022). *Japan's peacekeeping at a crossroads: Taking a robust stance or remaining hesitant?* Palgrave Macmillan.
- Fujishige, H. N. (2017a). *A new horizon for Japan's 'armed peacebuilders'?* Washington, D.C.: Stimson Center.
- Fujishige, H. N. (2017b). *Constructing a more active role: The norm-shift and the rise of activism in Japan's security policy*. Tokyo: Naigai Publisher.
- Honda, T. (2017). JICA no heiwa-kochiku-shien no shiteki-tenkai (1999—2015): Nihon-ryu-heiwa-kochiku-apurochi no keisei [Historical development of JICA's peacebuilding (1999—2015): A formation of Japanese way of peacebuilding]. *International Relations*, (186), 97—112. (In Japanese). https://doi.org/10.11375/kokusaiseiji.186_97
- Uesugi, Y., & Richmond, O. P. (2021). Reconstructing the international peace architecture in the Asian century. *Global Society*, 35(4), 419—434. <https://doi.org/10.1080/13600826.2021.1948393>
- Uesugi, Y., Kobayashi, K., & Honda, T. (2021). Japan's peacebuilding under the Abe administration: Change and continuity, 2012—2020. *East Asian Policy*, 13(1), 94—107. <https://doi.org/10.1142/S1793930521000076>

Сведения об авторе: Мелконян Лусине Арменовна — ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0003-0294-8076; e-mail: melkonyan-la@rudn.ru

About the author: Melkonyan Lusine Armenovna — Assistant Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0003-0294-8076; e-mail: melkonyan-la@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-401-403

EDN: HLLTZE

Book Review:
Salleh, A., & Idris, A. (2021). *Malaysia's United Nations Peacekeeping Operations (1960—2010)*. Springer, 231 p.

Gabriel Joel P. Honrada

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 khonrada-g@rudn.ru

For citation: Honrada, G. J. P. (2023). Book review: Salleh, A., & Idris, A. (2021). *Malaysia's United Nations Peacekeeping Operations (1960—2010)*. Springer, 231 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 401—403. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-401-403>

Рецензия на книгу:
Salleh A., Idris A. *Malaysia's United Nations Peacekeeping Operations (1960—2010)*. Springer, 2021. 231 p.

Г. Дж. П. Хонрада

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 khonrada-g@rudn.ru

Для цитирования: *Honrada G. J. P.* Book Review: Salleh A., Idris A. *Malaysia's United Nations Peacekeeping Operations (1960—2010)*. Springer, 2021. 231 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 401—403. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-401-403>

The book *Malaysia's United Nations Peacekeeping Operations (1960—2010)* (Salleh & Idris, 2021) by Professor Asri Salleh and Professor Asmady Idris explores the often-overlooked topic of Malaysia's participation in UN Peacekeeping Operations (UNPKO), providing deep insights into how a small power like Malaysia situates itself within the international system and attempts to influence it to its benefit with soft power via participation in UNPKOs.

The book consists of eight chapters. The authors excellently juxtapose the discussion of Malaysia's UNPKO participation with systemic changes in the international system from 1960 to 2010 alongside the domestic imperatives of its

Prime Ministers during the same period, showing the complex interplay between those variables.

Its main idea is that Malaysia, as a small power, cannot affect systemic changes in the international system but is an attempt to influence the system through its participation in UNPKOs. It posits that when systemic-external pressures in the international system and the Malaysian state's extractive power in terms of nationalism, ideology, and public support are high, Malaysia tends to join UNPKOs.

Chapter 1 gives a historical overview of Malaysia's participation in UNPKOs. It mentions that Malaysia needs a coherent strategy for its UNPKO participation, given its more extensive participation in UNPKOs involving its

© Honrada G.J.P., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

non-strategic interests zone (NSIZ) compared to its strategic interests zone (SIZ). Finally, it analyzes Malaysia's UNPKO participation from 1960 to 2010 using the lens of neoclassical realism to explain the dynamics of Malaysia's decision-making processes in its UNPKO participation.

Chapter 2 justifies the reason for choosing neoclassical realism as the analytical framework for viewing Malaysia's UNPKO participation. Malaysia's international overtures are reactions to the international security environment, with the indirect relationship between the international security environment and Malaysia's actions filtered by its political elite. It presents six hypotheses determining Malaysia's participation in UNPKOs. Finally, it uses neoclassical realism to identify the systemic-domestic imperatives driving Malaysia's UNPKO participation, emphasizing that its foreign policy is critical to understanding its decisions.

Chapter 3 discusses UNPKO structure and processes and how Malaysia navigates these in its participation. First, it frames UNPKOs as a conflict resolution mechanism and discusses their doctrine, relevant authorities, financing, authorization process, and state participation. It contrasts those points with Malaysia's National Defense Policy and Malaysia's decision-making process on whether to participate in UNPKO. It then discusses the key features of Malaysia's foreign policy in UNPKO, which include neutrality, pro-Western posture, neutrality, and globalization.

Chapter 4 discusses the strategic dynamics affecting UNPKO operations, specifically the interplay between the interests of the permanent members of the UN Security Council. It also discusses how geostrategic factors affect UNPKOs, mentioning that they serve as critical regulators of the international system that serve the interests of major powers. Finally, it discusses the impact of UNPKO in terms of systemic self-preservation of the international system and power politics balancing between great powers.

Chapter 5 discusses the domestic and internal pressures influencing Malaysia's approach to UNPKOs. Central to Malaysia's participation in UNPKOs are the personal values and perceptions

of its Prime Ministers and the concept of "middlepowermanship," in which the country exhibits a certain level of soft power. It also discusses the internal benefits of UNPKOs to Malaysia, such as consolidating the power of the Prime Minister, driving military modernization and professionalization, and cultivating a favorable view of Malaysia to domestic and international audiences.

Chapter 6 provides an overview of Malaysia's participation in UNPKOs from the Cold War to 2010, providing a timeline framed according to the country's SIZs and NSIZs. During the Cold War, Malaysia attempted to use UNPKOs to maintain an equidistant foreign policy between the US and the Soviet Union. Afterward, it used UNPKOs to portray itself as a dependable US partner and to forward its interests. It also discusses some factors identifying the scope of Malaysia's participation in UNPKOs, such as trade incentives, distance, logistics, and health risks.

Chapter 7 discusses the evolution of Malaysia's UNPKO participation through the lenses of Prime Ministers Tunku Abdul Rahman (1957—1970), Tun Abdul Razak Hussein (1970—1976), Tun Hussein Onn (1976—1981), Tun Dr. Mahathir Mohammed (1981—2003), and Tun Abdullah Badawi (2003—2009). It contrasts the domestic political situation of these Malaysian Prime Ministers with the international situation during their tenure, then mentions how these factors affect Malaysia's participation in UNPKOs.

Chapter 8 summarizes the key findings in the book. It reiterates that systemic pressures in the international system with the domestic situation and personal values and ideologies of Malaysia's Prime Ministers determine the country's UNPKO participation. It mentions UNPKOs as a means to an end, with major powers approving only when there is a collusion of interests and small powers if there are tangible gains. It also notes that international pressures, such as strong US influence in the multipolar world, can override the influence of the Malaysian Prime Minister in determining UNPKO participation. It also emphasizes that peace is a byproduct of states' efforts to achieve security and not an end in itself.

In sum, the book extensively discusses Malaysia's UNPKO participation within its specified time. While the book is focused on Malaysia, many of its insights can be used to guide short, medium, and long-term plans and decision-making processes to develop the ASEAN Peacekeeping Centers Network (APCN), whose relevance is timely more than ever. This urgency is due to ASEAN's need to share best

practices to come up with conflict resolution mechanisms in light of the various non-traditional security threats in Southeast Asia which threatens ASEAN's credibility and integrity, and the organization's drive to increase its strategic relevance and strengthen its much-cherished centrality by establishing working mechanisms with other organizations, particularly the UN.

Received / Поступила в редакцию: 25.03.2023
Accepted / Принята к публикации: 17.04.2023

References / Библиографический список

Salleh, A., & Idris, A. (2021). *Malaysia's United Nations peacekeeping operations (1960—2010)*. Springer.

About the author: *Honrada Gabriel Joel Pastor* — Assistant Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0001-6810-2650; e-mail: khonrada-g@rudn.ru

Сведения об авторе: *Хонрада Габриэль Джоэл Пастор* — ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0001-6810-2650; e-mail: khonrada-g@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-404-407

EDN: JIROLF

Book Review:
Markakis, J., Schlee, G., & Young, J. (2021).
The Nation State: A Wrong Model for the Horn of Africa.
Berlin: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 184 p.

Endalcatchew Bayeh

Bahir Dar University, Bahir Dar, Ethiopia

 endbayeh@gmail.com

For citation: Bayeh, E. (2023). Book review: Markakis, J., Schlee, G., & Young, J. (2021). *The Nation State: A Wrong Model for the Horn of Africa*. Berlin: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 184 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(2), 404—407. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-404-407>

Рецензия на книгу:
Markakis J., Schlee G., Young J. The Nation State:
A Wrong Model for the Horn of Africa. Berlin : Max-Planck-Gesellschaft
zur Förderung der Wissenschaften, 2021. 184 p.

Э. Байе

Университет Бахр Дар, Бахр Дар, Эфиопия

 endbayeh@gmail.com

Для цитирования: Bayeh E. Book Review: Markakis J., Schlee G., Young J. *The Nation State: A Wrong Model for the Horn of Africa*. Berlin : Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, 2021. 184 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 404—407. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-404-407>

The book *The Nation State: A Wrong Model for the Horn of Africa* (Markakis, Schlee & Young, 2021) has seven chapters. Chapter one is “Introduction” written by John Markakis, Günther Schlee, and John Young. It introduces the crisis of the state in the Horn of Africa (HoA) in terms of legitimacy, sovereignty, and democracy. The states are exposed to unending intra-state and inter-state conflict. The authors stated that the West attributes this crisis to the failure to properly follow the prescription of the West. And, the West insists on forcing them to adhere to their neoliberal and nation-state model. The writers of

this chapter argue that the crisis is attributable to the nation-state model itself. They added that the post-independence leaders attempted to build a nation-state but found it incompatible with the prevailing ethnoculturalism. States have engaged in many-sided conflicts because of conflicting nation-state projects. The state failure further opened an opportunity for Western intervention. The West used different approaches to undermine the sovereignty of African states and exploit their resources. Thus, at the core of the political history of the HoA is a forceful pursuit of the nation-state project which embroiled it in an ending conflict.

© Bayeh E., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Chapter two also deals specifically with “*The Crisis of the State in the Horn of Africa*,” which is written by John Markakis. He blamed state disfunction in the HoA on the Western model. The postcolonial African leaders were preoccupied with pursuing the project of nation-building, which requires homogenizing the diverse ethnic groups incorporated into the arbitrarily demarcated colonial state boundaries. This was waged against the local African traditions, which are relegated as nonsense. Thus, African elites are executive agents of the West’s hegemony in the region. Nation building was carried out mainly via assimilation in the image of the culture of the ruling elite. This was not, however, easy as encountered with fierce resistance. Because the elites have a narrow power base, they rely on force to stay in power and execute their mission. To this end, they hunt for an ideology that gives them excessive power, eventually being military rule. The author illustrates this by taking country cases. Accordingly, he stated that the Ethiopian imperial nation-building was underpinned by the Abyssinian identity that enjoys a superior status in all aspects.

The Derg regime decimated the Abyssinian privilege and pronounced equality of all nationalities though, practically, it became offensive for all. Rebels, inter alia, *the Eritrean People’s Liberation Front* (EPLF) and *the Tigray People’s Liberation Front* (TPLF) fought it fiercely and the latter came to power and the former secured its long-fought for independence. TPLF / *the Ethiopian People’s Revolutionary Democratic Front* (EPRDF) rejected the Western model by adopting ethnic federalism, but still conflict remains unresolved.

Like Ethiopia, Sudan’s *Arabization-cum-nationalism* also marginalized the rest ethnic groups. By using socialism and Islamic fundamentalism, the ruling elite tried to maintain its position and stifle all other challenges. This eventually resulted in the secession of South Sudan in 2011 and unending conflict in other areas like Darfur. Because of the dismemberment of its parts by imperialists, the primary concern of post-independence Somalis nationalists was Somali unification, which compelled them to support dissident groups in neighboring countries. After nearly a decade-long democratic rule, Siad

Barre came to power and formed a unitary, centralized state, thereby offending northerners who need a decentralized arrangement. Then, like Ethiopia and Sudan, he adopted socialism to consolidate his hegemony in any respect to suppress resistance and clannishness. The clan-based conflict resulted in the demise of the regime and the collapse of the state itself and the secession of Somaliland. From that time on, Somali nationalism shifted to Islam to transcend clan division as manifested by the rise of Al-Ittihad al-Islami (Islamic Union), the Joint Islamic Courts (JIC), and Al Shabaab.

Chapter 3 is devoted to “*Bolshevism and National Federalism in Ethiopia*,” written by John Young. He discussed EPRDF’s ideological turn to the East (Soviet Union) and a radical refusal of the West’s nation-state model. Rooting on the Bolshevik writings and Soviet Union experience, EPRDF adopted ethnic federalism as an alternative mode to the West. He discussed the similarity between the two in considering the previous imperial regimes as prison houses of nationalities, ethnic chauvinism imposing their culture, language, and religion on others, and the recognition of self-determination of nationalities including succession through adopting ethnic federalism. He states that the disintegration of the Soviet Union was not attributable “solely to the rising nationalism of its component parts and instead to growing anger at the unaccountable elites ruling the federation and a misconstrued reform process” (Markakis, Schlee & Young, 2021, p. 56), and warns Ethiopia of the same fate unless it addresses the turmoil it is in. Indicating various scholars’ opinions on the causes of the crisis in Ethiopia including the ethnic arrangement itself, the author argues that the main reason is the fact that Meles suppressed all contenders and developed almost a single-man rule. Though it appreciates the cultural diversity, it has no tolerance for political pluralism and dissent voices. Accordingly, “the chapter concludes that Ethiopia’s ongoing crisis is not due to the EPRDF’s national federalism, and a reformed version of it still provides the best hope that the country can survive” (Markakis, Schlee & Young, 2021, p. 57). Not retreat to the previous nation-state, which is a failure.

Chapter 4 deals with “*The Afar*,” written by John Markakis. This chapter takes the Afar region of Ethiopia as the best example of the peripheral territories which have been subject to subordination, marginalization, and alienation due to the nation-state project by the consecutive Ethiopian regimes. Under imperial Ethiopian law, “pastoralist land was considered unoccupied and classified as state domain” (Markakis, Schlee & Young, 2021, p. 85). Because of this, lands in Afar were given to external investors for free, which had a detrimental impact on the local people in terms of reducing pasture land, blocking access to water, reducing water flooding, causing health problems, and denying compensation. Derg adopted nationalization of land and all investments in the area causing resistance and security problems in the region with repercussions to the center. The EPRDF’s federal arrangement allowed self-rule by new local elites who still are dependent on the center and deplored traditional authorities.

The government’s program to change pastoralism to agro-pastoralism, which is by itself an aspect of nation-state building, could not bring much success. This is because pastoralism is beyond an economic activity rather it is their way of life and identity. Demographic change is another major impact on the people as across the consecutive regimes other people came to the region as the local people have no the necessary skill and capital to participate in central government initiatives. The history of Afar shows the continuous resistance to outsider incursions and commitment to preserving their identity, but with, inter alia, the influence of Western education the resistance is now being weakened.

Chapter 5 deals with “*Borderlands and Trans-border Processes in the Blue Nile Region*,” written by Günther Schlee. This chapter analyzes the cross-border interaction in the region which covers Sudan, South Sudan, and Ethiopia. The chapter discusses the separation of Sudan and South Sudan and the resultant brutal expulsion because they refused to see minorities in their territory. Despite the secession of South Sudan, Sudan has still violent areas namely Darfur, South Kordofan, and the Blue Nile constituting what some call an evolving “Third Sudan” or another

layer of the periphery (Markakis, Schlee & Young, 2021, p. 113). This also holds for South Sudan which reverted from the north-south to Nuer-Dinka conflict. There are various ethnic groups, but the Dinka-dominated government fights with the Nuer because they are the second dominant group with almost similar features, including fighting spirit, with them. The author also indicates the support from South Sudan to the fighters in the new peripheries of Sudan against the Khartoum government. Moreover, in this chapter, the author also shows that the state in the region including Ethiopia identifies itself (based on cost-benefit analysis) with a given group and considers others as different, entailing different treatment.

Chapter 6 deals with “*South Sudan: The Fractured State*” written by John Young. It begins by showing how the diverse, undeveloped, and poor nature of the state unfits it to the Western nation-state model. British administration isolated southern Sudanese who are Christian Africans from the north Sudanese who are Muslim Arabs and intensified the difference by inculcating in them bad sentiment against each other. With this difference, Britain merged them towards the end of its rule on the condition that South Sudan will be treated in a federation, which was later abrogated assuming it as a precursor to secession. A West-dominated negotiation (*Comprehensive Peace Agreement*, CPA) ended the continuing resistance to the independence of South Sudan.

The West imposed the nation-state model on a culturally diverse newly born South Sudan. As opposed to the West’s peace-making assumption that South Sudanese make up a nation, *the Sudan People’s Liberation Army* (SPLA) represents the collective will of the entire South Sudan, and SPLA is capable of administering it, the new state has no unified national army because of division along ethnic lines, basically Dinka and Nuer, and “the security organs were the principal cause of violence, social dislocation, and ethnic tensions” (Markakis, Schlee & Young, 2021, p. 58). The political figures are preoccupied with monopolizing government offices and exploiting state resources. Salva Kiir is good at tribal politics and is establishing “Dinka ethnocracy” (Markakis, Schlee & Young, 2021, p. 159). The

nation-state model is a complete failure in South Sudan. And this is the failure of the West-controlled peace processes which, inter alia, were elite and Western-interest oriented, excluded the local people and other oppositions, overlooked the level of cultural diversity, and misunderstood the capacity of the *Sudan People's Liberation Movement (SPLM)*.

Chapter 7 is the “*Conclusion*” by John Markakis, Günther Schlee and John Young. It shows how the West especially following the end of the Cold War with its triumphant success intensified its dominance on African and particularly HoA countries. The West preached to the African countries that the vehicle to modernization and development is to follow them. They compelled them via international financial institutions. African institutions such as the African Union and the *Intergovernmental Authority on Development (IGAD)* as well are instruments of the West. Africans have no independent foreign policy. Looking at what is on the ground, a nation-state is a wrong model for the HoA. Countries in the region do not have the necessary capacity to perform their functions. They concluded that there is a fundamental incompatibility between the nation-state model and the realities in the HoA and a huge disparity between what the states pretend to be and what they really are. By so doing, the authors advise Africans that such a euro-centric model is no more a path to follow.

Concerning the strength of the book, the book is meticulously written. It is worth admiring the high scientific rigor they employed in the work. They have a deep understanding of the realities in the study area. They succinctly summarized the

political history of and the patterns of conflict in the HoA countries. The book quite clearly revealed the alien and incompatible nature of the nation-state model to the HoA. The authors advised in black and white that countries in the region should not follow this model anymore. There is a high degree of consistency across all chapters that the model is a complete failure. The book is a meticulous work with an immense contribution to challenging the West's domination and revitalizing the debate on the subject. In a nutshell, the book is the groundwork for boldly challenging the application of the Western nation-state model in an entirely different reality.

However, the book has the following minor blemishes:

- 1) the authors didn't adequately justify ethnic federalism, nor did they say anything bad about it;
- 2) the nation-state model could have been better conceptualized by adding other features of it;
- 3) it seems that they took all dominations as an aspect of homogenization;
- 4) they made no clear differentiation between ethnicity and nation;
- 5) chapter 3 written by John Young has some sort of bias favoring TPLF and blaming the crisis on the incumbent government;
- 6) the authors considered Abiy's administration as the revitalization of the nation-state project without adequate justification;
- 7) the authors didn't say anything about the possible alternative model to adopt, instead they left it completely it to Africans.

However, these minor drawbacks by no means compromise the insightful nature of the work. One misses a lot by not reading it. It is a must-read for political scientists.

Received / Поступила в редакцию: 29.09.2022

Accepted / Принята к публикации: 17.04.2023

References / Библиографический список

Markakis, J., Schlee, G., & Young, J. (2021). *The nation state: A wrong model for the Horn of Africa*. Berlin: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften.

About the author: Bayeh Endalcachew — Lecturer, Department of Political Science and International Studies, Bahir Dar University; ORCID: 0000-0003-4404-4737; e-mail: endbayeh@gmail.com

Сведения об авторе: Байе Эндалькачев — преподаватель кафедры политических наук и международных отношений, Университет Бахр Дар; ORCID: 0000-0003-4404-4737; e-mail: endbayeh@gmail.com